

АНАТОМИЯ ИЗМЕНЫ

истоки антимонархического заговора

АНАТОМИЯ ИЗМЕНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦАРСКОЕ ДѢЛО

По благословению Высокопреосвященного
ВЕНИАМИНА,
Архиепископа Владивостокского и Приморского

Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви
ИС 11-107-0723

УДК 271.2
ББК 86.372
К 55

К 55 Кобылин В.
Анатомия измены. Император Николай II и Генерал-адъютант Алексеев. СПб.: «Царское Дело», 2011. — 448 с.

В противоположность многочисленной, зачастую недобросовестной, политизированной и даже откровенно клеветнической литературе, посвященной Государю Императору Николаю II, книга Виктора Сергеевича Кобылина представляет собой один из наиболее фундаментальных и честных трудов на эту тему – труд, построенный на основании документов и фактов.

Впервые эта книга под названием «Император Николай II и Генерал-адъютант М.В. Алексеев» увидела свет в Нью-Йорке в 1970 году. Мы сочли небесполезным опубликовать предисловие к прижизненному изданию, составленное Всеславянским издательством, выпустившим книгу. Мы также сохранили некоторые ныне устаревшие правила правописания, которых придерживался автор.

Издание снабжено примечаниями, комментариями и поисковым ключом, которые послужат подспорьем всем, кто всерьез интересуется действительным, а не мифическим образом Святого Императора-Страстотерпца.

УДК 271.2
ББК 86.372

ISBN 978-5-91102-030-9

ВИКТОР КОБЫЛИН

АНАТОМИЯ ИЗМЕНЫ

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II и Генерал-адъютант М.В.Алексеев

Под редакцией Л.Е.Болотина

Издание третье

истоки антимонархического заговора

Санкт-Петербург • 2011

Кругомъ измѣна
и трусость
и обманъ!

запись в дневнике Государя Императора
от 2/15 марта 1917 года

Староста Церкви имени иконы Казанской Божией Матери в Сантиаго, в Чили, в своем докладе по случаю 35-летия со дня смерти Государя Императора Николая Александровича и Его Августейшей Семьи, заканчивая его, сказал:*[1]

"...9-го марта вся Царская Семья была арестована.

Россия рухнула в бездну...

Прошло 35 лет от начала русской смуты. Много за это время пережито, и многое из того, что было тайным, становится явным. Сквозь туман взаимных обвинений, раздражения и злобы, вольной и невольной неправды истина пробивается на свет Божий. Раскрываются двери архивов, становятся доступными тайны сношений, растут воспоминания, и у людей начинает говорить совесть. И по мере того, как с прошлого одна за другой ниспадают завесы, рушатся с ними и те злые вымыслы и сказки, на которых выросла, в злобе зачатая, русская революция. Как будто встав от тяжелого сна, русские люди протирают глаза и начинают понимать, что они потеряли.

И все выше и выше поднимается над притихшей толпой чистый образ Царственных Страдальцев за грехи всея России. Их кровь, Их страдания и смерть тяжким укором ложится на совесть всех нас, не сумевших Их уберечь и защитить, и с Ними защитить и Россию... Покорные воле Предвечного, с Евангельской кротостью несли Они поругание, храня в душе непоколебимую верность России, любовь к народу и веру в его возрождение. **Они простили всех, кто клеветал на Них и кто Их предал.** Но мы не имеем права этого делать. Мы обязаны всех виновных пригвоздить к столбу позора. Ибо нельзя извлечь из прошлого благотворных уроков для грядущих поколений, пока это прошлое не исчерпано до дна.**

Старое, доброе, хорошее погибло и примолкло, придавленное обвалившейся на него громадой злобы и звериных страстей,

---

* Все примечания см. со стр. 379 (*ред.*).

** Не простил Государь только генерала Рузского *(Всеславянское изд.)*.[2]

но Она жива — это безконечно трогательная душа православной сердобольной России. Под грубой корой предрассудков, под грязью и гноем, хлынувшими из трещин истории, — продолжает жить нежное и сострадательное сердце народа. Оно — лучшая порука в том, что не все потеряно и погибло, что настанет день, когда из праха, из развалин и грязи встанет Россия, очистит себя покаянием, стряхнет с души своей инородное иго — и вновь явит изумленному миру беззаветную преданность исконным своим идеалам.

И умученный Царь-Праведник станет тогда первой святыней России".

На такой же точке зрения стоит и наше издательство, что и заставило нас принять к изданию предлагаемый читателю труд Виктора Сергеевича Кобылина.

ПОСВЯЩАЮ ПАМЯТИ МОЕЙ МАТЕРИ

Автор.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.

(2 Фес. 2, 7)

С тяжелым чувством пишу я эти строки. Опять в памяти встают мучительные картины страшного времени. Опять встают недоуменные вопросы, на которые не находишь ответа. И все же продолжаю опять (в какой уж раз?) перечитывать все, что вышло из печати за последние пятьдесят лет. И не, только перечитывать, но разбирать подробно написанное, сравнивать с другими изданиями, проверять тексты, систематизировать накопленный материал и искать повсюду недостающие еще материалы.

Часто задаешь себе вопрос: почему всю свою сознательную жизнь я интересовался этими событиями, почему неотвязно эти образы сопровождали меня в течение всей моей жизни? И сперва подсознательно, а потом все с большей уверенностью приходил я к выводу, что в этих событиях, в событиях одного дня, находится ключ к пониманию всех последующих событий, включая наши дни.

Я принадлежу к “молодому” поколению нашей эмиграции. В событиях, о которых речь впереди, принимать участия никак не мог по причине “нежного” возраста. За границу попал ребенком в первые годы революции. Но сравнительно скоро, будучи любознательным от природы, стал задавать себе вопросы о причине оставления родины и возникновения того, что мы называем революцией. И уже в годы, когда мои сверстники увлекались литературой, свойственной юному возрасту, я читал с неослабным вниманием и напряжением “Русскую Летопись”, “Архив Русской Революции”, “Красный Архив”, воспоминания участников событий 1917-го года, статьи по этому вопросу в газетах и журналах различных направлений на нескольких языках. Сперва читал, как попало, без всякой системы. Затем стал весь материал систематизировать, делить на три части; на фактический материал (законы, указы, постановления, ленты

прямого провода, телеграммы, приказы и так далее), на мемуарный материал (воспоминания участников и очевидцев) и монографии и работы, написанные на основании первых двух категорий. И тут, будучи еще мало искушенным во всех тонкостях этих передач, я еще совсем молодым часто поражался той, выражаясь очень осторожно, субъективной оценкой, которую давали авторы работ, будь это воспоминания или монографии.

Затем, входя в зрелый возраст, я уже во всем этом отлично разбирался и все понял. Как правило, все писавшие воспоминания всегда во всем были правы, все предвидели, все понимали и если бы их "послушались", то все было бы в порядке и ничего плохого не случилось бы.

Далее во многих воспоминаниях я увидел много всяких неточностей, невольных ошибок и явных искажений. Часто в этих воспоминаниях люди касаются предметов, о которых не могли иметь никакого понятия. В местах, не поддающихся проверке (в разговорах с глазу на глаз) передаются, как факты, совершенно невероятные сообщения. Часто, не будучи свидетелями тех событий, о которых пишут другие, мемуаристы заявляют, что это было написано по злобе или что-нибудь в этом роде. Объективность почти, как правило, в этих воспоминаниях отсутствует. Часто мемуаристы оправдываются в том, что или было сказано или сделано; это всегда производит очень неприятное впечатление.

С годами я приобрел навык разбираться уже и в том, какие труды и статьи могут или не могут появляться в том или ином издательстве или периодических изданиях. Имея уже достаточный опыт, я из накопленного и систематизированного материала стал делать свои собственные выводы.

Военные события сороковых годов заставили меня расстаться со всем этим материалом. Больше всего жалею о потере вырезок газет и журналов, которых уже давно нет. Затем в течение целого ряда лет пришлось заниматься устройством личных дел, и только через продолжительное время я стал опять разыскивать интересующие меня материалы. Книги, выпущенные в двадцатых и тридцатых годах, стали редкостью, и прищлось платить за них большие деньги. Но зато вышло много новых, интересных трудов. и опять появились новые вырезки из газет и журналов.

Работая над этими трудами, я все более уделял внимание двум лицам. Они все больше меня интересовали, и я все больше приходил к выводу, что эти два лица были теми людьми,

которые предопределили весь ход событий. Когда я это понял, я постарался "направить рефлектор" на них и осветить все малейшие подробности их поступков, малейшие переживания, "извилины души", все их высказывания и, как самое значительное, их моральный облик и мировоззрение.

Эти два лица — Государь Император Николай II и Его генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев.

Но тут сразу возникал вопрос. Достаточно ли перечисления (хотя бы и самого подробного) всех событий, имевших место в те роковые дни, или нужно выяснить, осознать, прочувствовать все, что было "душой" этих событий, то есть причинами их возникновения.

Будучи юристом и филологом по образованию, я всю жизнь интересовался социологией и историей и часто, в ущерб своим профессиональным интересам, штудировал и исторические, и социологические труды. Но кроме социологического анализа, который я кладу в основу моего исследования, я считаю совершенно необходимым применить критерий нравственного начала, без которого все становится условным и, что гораздо хуже, возможно толкование происходившего так, как это нужно для того или другого автора.

Оговариваюсь еще, что, когда я говорю о нравственном начале, я имею ввиду религиозную основу этого начала, так как мне совершенно чужды "гуманистические" принципы материалистического мировоззрения. Как пример различного подхода к методу работы, приведу работы С. Мельгунова.

В своем капитальном труде, трилогии "Царь и революция", Мельгунов дает так много материала, часто совершенно не относящегося к развитию темы, что порой он загромождает свою работу ненужными повторениями, сбивает читателя с толку и чрезвычайно затрудняет изучение своих работ. Поневоле приходится согласиться с И. Солоневичем, когда он говорит:

"Такие усидчивые компиляторы, как С. Мельгунов, собирают горы цитат и показаний, и, как полагается усидчивым компиляторам, из-за деревьев не видят леса".

О выводах же в некоторых работах С. Мельгунова мы поговорим в другом месте, скажу только уже сейчас, что они порой поражают своей наивностью, а иногда и предвзятостью.

Есть работы и другого стиля. Это, например, "Великая фальшивка февраля" И. Солоневича, или "Памяти последнего Царя" архимандрита Константина, или же "Император Николай II и революция" И. Якобия.

Работы И. Солоневича интересны тем, что несмотря на то, что местами они весьма спорны, они являются смелой попыткой дать ответ на то, что происходило, избегая тех штампов, которые так характерны для работ "компиляторов".

Интереснейший психологический этюд архимандрита Константина дает совсем новое и очень вдумчивое толкование внутренней сущности тех сдвигов, которые произошли в сознании русского общества.

Работа И. Якобия, вышедшая в 1938 году, наделала в свое время много шума. Я проверил очень тщательно текст его работы и не нашел никаких искажений. Написана она на основании трудов Дитерихса, Соколова, Воейкова, Лукомского и др. Эмоционально повышенный тон этой книги и вызвал, как я думаю, нападки на эту работу Якобия.

Тут придется сказать несколько слов о вопросе деликатного свойства. В некоторых кругах нашей эмиграции существует мнение, что о вождях Белого движения можно писать только то, что пишется в официальных случаях в военной прессе (Приказ Р.О.В.С. № 7, например). Все, что пишется в разрез этому обыкновению, считается "клеветой".

Есть и другая тенденция, которой придерживаются пишущие в периодической печати. Это стремление найти "измену" только у одних и тех же лиц. Я не буду говорить о той нетерпимости и недоброжелательстве, которые проявляются сторонниками этих крайностей. Вряд ли это нужно, убедительно и объективно. Впрочем, все высказывания почти всегда субъективны по той простой причине, что люди являются сторонниками разных мировоззрений. Безспорно, конечно, что, скажем, атеист или религиозный человек по-разному оценивают те или другие явления. Говоря о религиозном сознании, я имею ввиду только Русское Православие, которое помимо своего вероисповедного признака является в то же самое время и национальной доктриной. К сожалению, не все это понимают. Происходит это часто просто по незнанию предмета или же от стремления заменить это национальное самосознание какими-то суррогатами.

Все это я говорю к тому, чтобы объяснить свой подход к моей работе. Если бы я ограничился только перечислением того, что произошло, то вряд ли моя работа была бы нужна. На эту тему написаны уже сотни работ, и все же появляются все новые работы на разных языках. Не странно ли? Казалось бы, что события наших дней должны были бы заслонить то, что

имело место полвека тому назад. Ан, нет! И это понятно. Люди как-то инстинктивно чувствуют (вряд ли понимают), что февраль 1917-го года является каким-то рубежом, после которого началась совсем новая жизнь, вернее существование.

Кончил я свою рукопись уже давно, но закончив, я не решался ее опубликовать по целому ряду причин. Зная всю "болезненность" этой темы, я не хотел вызывать какие бы то ни было нелады в нашей эмигрантской общественности, я не хотел, чтобы меня неправильно поняли. Я всегда очень высоко ценил Русскую Армию, я знаю, какую роль играла наша Армия в истории Русского Государства. Я всегда благоговейно относился к памяти тех, кто пал смертью храбрых в рядах Добровольческой Армии. Эти русские юноши в офицерских и солдатских шинелях, в гимназических и юнкерских мундирах отдали свои жизни в борьбе со злом, вырвавшимся на свободу в ужасные дни ужасного года. Несмотря на все ошибки, все промахи и оплошности, которые совершило Белое движение, как было бы ужасно, если бы его не было. Оно спасло честь Русской Нации.

Вот почему я много лет держал свою рукопись под спудом. Из этого положения меня вывел издатель моего труда С.В. Завалишин. Зная много лет о моей рукописи, Сергей Владимирович мне писал в одном из своих писем:

"...Не следует забывать, что нам с Вами уже много лет и после нашей смерти этого уже никто не напечатает. История и защита чести Государя требует опубликования Вашей рукописи уже теперь! А там, как знаете! Вы хозяин!"

Прочитав эти строки, я долго над ними думал и... решил опубликовать свой труд.

В приводимой мной библиографии, я, конечно, не смог указать всего, что было мной прочитано. Я не привожу ни трудов Соловьева, Ключевского, Платонова, Киреевского, Леонтьева, ни Тьера, Ленотра, Тойнби, ни всего того, что было прочитано на французском, немецком и английском языках, за исключением нескольких работ, которые я цитирую в своем труде. Изучение французской революции дало мне очень много для уразумения смысла февраля 1917-го года. Боже, какие параллели! Иногда просто кажется, что русские события являются просто копией того, что происходило за сто с лишним лет тому назад. Тут и "безвольный муж", и "жена-немка", и "коленопреклоненный" дядя, и "чудесное" законодательное собрание, и так далее и тому подобное.

Верю, что выпускаемый мной труд не приведет ни к каким недоразумениям в нашей зарубежной общественности. Единственная цель этой книги — объяснить, почему Зло торжествует в нашей жизни, почему мы лишены той светлой радости, которая была на просторах земли, которую когда-то звали Домом Пресвятыя Богородицы.

Глава I

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОТ АНДРЕЯ БОГОЛЮБСКОГО ДО АЛЕКСАНДРА II

Прежде чем приступить к описанию непосредственных событий, составляющих содержание моего исследования, я хочу предварить его небольшим историческим экскурсом в область общественно-политических отношений между властью и народом и их развитием на Московской Руси и в Российской Империи. Делаю я это для того, чтобы было понятно, какими принципами руководствовалась Верховная Власть в 1917-ом году, почему Она упорно стояла на охране этих принципов. Для того, чтобы понять и то глубокое нравственное падение русской, по преимуществу столичной общественности, придется кое-что сказать и о том, что происходило в это время и в Западной Европе. Только после этого мы вполне поймем и осмыслим события, которые произошли в феврале 1917-го года.

Идея единоличного Самодержавия на Руси все время крепла и, еще до татарского нашествия, Андрей Боголюбский был ее ярким представителем. Видя, какой вред приносят княжеские усобицы, Андрей Боголюбский начал ломать все старые порядки и сосредоточивать власть в своих руках, изгоняя при этом даже своих родных братьев, недовольных бояр и всех сторонников удельного порядка. Бояре ненавидели Андрея за умаление их власти и возвышение "мизинных" людей, т.е. разночинцев того времени. Бояре составили против Него заговор, но "Князь Андрей слышал раньше, что враги угрожают Ему убийством, но разгорался Духом Божественным и ни мало не обратил внимания". Он был убит заговорщиками.[3]

Иоанн III уже писал:

"Иоанн, Божией милостью Государь всея Руси и Великий Князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверский, и Югорский, и Пермский и иных".[4]

Временами он называет себя "Царь всея Руси".

Это время было как бы заключительным звеном в развитии идеи Царской Власти с удельных времен. Брак с Софией Палеолог давал Русским Царям право на наследство Византий-

ской Империи.[5] Освобождение от татарского ига укрепляло это сознание. При Иоанне III владетельные права удельных князей почти уничтожаются. У них остается только право собственности, вотчинного суда и "помирия".

Но только Иоанн Грозный первый дал ясное определение Царской Власти. В своей переписке с князем Курбским, представителем аристократического начала, Грозный дает такую формулировку Верховной Власти:

"Если ты праведен и благочестив, то почему не захотел от меня, строптивого владыки, пострадать и наследовать венец жизни?"[6]

Если Царь и поступает несправедливо, это его грех, но подданные обязаны ему повиновением. О шведском короле он говорит, что тот "точно староста в волости", а о выборном польском короле Стефане Батории Грозный говорит его послам:

"Государю вашему Стефану в равном братстве с нами быть не пригоже".[7]

О Себе он говорит:

"Мы, смиренный Иоанн, царь и великий князь всея Руси, по Божьему изволению, а не по многомятежному человеческому хотению".[8]

Таким образом, не от народа, а от Божией милости идет к народу Царское Самодержавие.

Грозный еще говорил:

"Российские Самодержцы изначала сами владеют всеми царствами, а не бояре и вельможи".

"Верую, — говорит он, — яко о всех своих согрешениях, вольных и невольных, суд прияти ми яко рабу и не токмо о своих, но и о подвластных мне дать ответ, аще моим несмотрением согрешат".[9]

Так понимали тогда отношения Верховной Власти и народа и Царь, и народ. Тихомиров пишет:

"Вдумываясь в эту психологию, мы поймем, почему народ о своем Царе говорит в таких трогательных, любящих выражениях:

"Государь, батюшка, надежа, православный царь..."

В этой формуле все: и власть, и родственность, и упование, и сознание источника своего политического принципа.

...С таким миросозерцанием становится понятно, что

"Нельзя царству без царя стоять".

"Без Бога свет не стоит, без царя земля не правится", "Без царя земля вдова".

Это таинственный союз, непонятный без веры, но при вере дающий и надежду, и любовь".[10]

Система власти в Московском Царстве представлялась в то время в следующем виде: во главе государства стоял Великий Государь, Самодержец. Его власть была безгранична. Все принадлежало ведению Его власти — политичеекие, нравственные, семейные, правовые и другие интересы Его подданных. Царь говорил, что за каждого подданного Он даст ответ Богу. Царь направляет всю историческую жизнь нации, печется об отдаленнейших судьбах народа.

"Царская власть — это как бы воплощенная душа нации, отдавшая свои судьбы Божией воле. Царь заведует настоящим, исходя из прошлого и имея в виду будущее нации".[11]

"Грозные Государи Московские Иоанн III и Иоанн IV были самыми усердными утвердителями исконных крестьянских прав, и особенно Царь Иван Васильевич постоянно стремился к тому, чтобы крестьяне в общественных отношениях были независимы и имели одинаковые права с прочими классами русского общества".[12]

При Государе высшим учреждением была Боярская Дума, которая в частых случаях усиливалась новыми членами и превращалась в Земский Собор. Соборы имели место при Иоанне Грозном, в которых участвовали духовенство, бояре, дьяки, дворяне, дети боярские, гости и купцы. Здесь были представлены все "чины" Московского Государства. На Соборе 1550 года Грозный каялся в промахах прошлого и обещал править, как подобает Самодержцу. В 1566 году Собор был созван по поводу войны с Польшей. В Соборе 1611 года участвовали уже и местные выборные власти, и "уездные люди", то есть вольные крестьяне, и также казаки. Не участвовали только "холопи" и владельческие крестьяне. На Соборе 1613 года, когда избирали на Царство Михаила Романова, участвовало не менее 700 человек. Он продолжался более месяца. Свои решения выборные рассылали на опрос городов. В царствование Михаила Федоровича Соборы созывались пять раз. При Алексее Михайловиче Соборы созывались три раза. В 1649 году по поводу составления Судебного Уложения, в 1650 году из-за мятежа в Пскове и в 1653 году о принятии в подданство Малороссии. Последний Земский Собор был созван уже при Петре в 1689 году для суда над Софьей. Их решения имели совещательное значение.[13]

Связь Царской Власти с народом усиливали ее отношения с Церковью. Церковная жизнь в Московском Государстве зиждилась на правильных основах. Низшее духовенство избиралось мирянами. Среди монахов встречались как люди из боярских и княжеских слоев, так и люди из массы народа. Митрополиты, а затем Патриархи имели исключительно важное значение. Но центральная власть Церкви в важных случаях действовала соборне. При Василии был созван Собор для изгнания митрополита Исидора, принявшего Флорентийскую унию. В 1551 году был Стоглавый Собор, в 1660 и 1661 годах — по делу Патриарха Никона.

Митрополиты и Патриархи находились в самом тесном союзе с Царской Властью. Случай с Митрополитом Филиппом не был нормальным явлением. Это, конечно, был акт деспотизма Грозного, но твердость Митрополита в обличении Царя показывает право Церковной Власти на обличение Государственной Власти. Часто Церковная Власть принимала формы чрезвычайные, как, например, в случае Патриарха Гермогена, когда он стал единственным представителем нации. Так было и при Филарете и одно время и при Никоне. Но в общем отношения были самые тесные, проникнутые сознанием обоюдной необходимости и внутренней дополняемости. Представители Церкви участвовали также в совещаниях с боярами и в Земских Соборах, а также "печаловались" о всех обиженных и угнетенных.

"За Самодержавную Власть народ стоял твердо, как скала. Без Царя он не представлял себе своей страны. Народ вынес все казни Грозного, не только без протеста, но даже умел почувствовать в этом Царе то, чего и доселе не понимают многие ученые историки и юристы: действительно Великого Устроителя Земли Русской. Царской идее Верховной Власти народ не изменял с тех пор до сего времени никогда. Попытки явного ограничения Самодержавия у нас доселе никогда не удавались".[14]

Первой трещиной в гармоническом сотрудничестве Государства и Церкви в Московском Государстве был раскол. Как мы видели, Самодержавная Власть имеет свой источник в вере, ее нравственной основой является вера, оформленная в Церкви. И как раз в этом основном мериле правды появилась рознь. Выходило так, что Церковь как бы раскололась — на одной стороне Царская Власть, Патриарх и верхние служилые слои, а на другой — народ. В. Соловьев по этому поводу говорит:

«Дело шло не о тех частных пунктах, которые выставлялись спорящими сторонами, а об одном общем вопросе весьма существенного значения. Чем определяется религиозная истина: ре-

шениями ли власти церковной или верностью народа древнему благочестию? Вот вопрос величайшей важности, из-за которого на самом деле произошла жестокая и доселе непримиренная распря между "никонианами" и староверами"».[15]

С этого времени началось время "шатания". И это как раз накануне того поворотного в истории русского государства периода времени, когда на исторической сцене появился Петр. При Петре то, что раньше являлось незыблемой основой Самодержавия, то есть основа религиозная, стала меняться в сторону абсолютизма. Политическое самосознание вступило в опасный кризис — смешивания Самодержавия с абсолютизмом. По поводу реформ государственных и церковных я приведу мнение Л. Тихомирова:

«...В основной задаче своей Петр Великий был, безусловно, прав... Он понял, что как Монарх, как носитель царского долга имел обязанность безтрепетно взять на свои плечи тяжкую задачу: привести Россию возможно быстрее к возможно полному обладанию всеми средствами европейской культуры. Это составляло для России вопрос "быть или не быть". Страшно даже подумать, что было бы, если бы мы не сравнялись с Европой до конца XVIII века. Мы и при Петровской реформе попали в доселе длящуюся кабалу к иностранцам, но без этой реформы, конечно, утратили бы национальное существование, если бы дожили в варварском безсилии своем до времен Фридрихов Великих, Французской революции и эпохи экономического завоевания Европой всего мира.

...Но Петр был прав только для себя, своего момента и для своего дела. Когда же эта система закабаления народа государством возводится в принцип, она становится убийственной для нации, уничтожает все родники самостоятельной жизни народа. Петр же не обозначил никаких пределов установленному им всеобщему закрепощению государства, не принял никаких мер даже к тому, чтобы временная система не стала постоянной, не принял мер даже к тому, чтобы закрепощенная Россия не попала в руки иностранцам, как это и вышло тотчас после его смерти.

Петр стремился организовать самоуправление на шведский лад и с полнейшим презрением к своему родному, не воспользовался нашим общинным бытом, представлявшим все данные к самоуправлению.

Церковная политика Петра столь же или даже более характеристична, чем национальная.

...Значительная доля иерархии, без сомнения, была враждебна реформе Петра... Петр имел право как Самодержец принять меры к обузданию всякого сопротивления. Но он перешел в этом всякие границы. Он как Царь мог **не слушать** епископов или казнить их. **Но перестраивать Церковь** для подчинения ее государству — не имел ни малейшего права.

...Петр — в случае понимания своего царского принципа — мог бы вспомнить, что организация Церкви, вполне обезпечивающая порядок, установлена самой Церковью более 1000 лет до рождения его самого и что если следовало устроить Русскую Церковь, действительно весьма расшатанную самим же Петром и его нежеланием целых 20 лет допустить избрание нового Патриарха, — то для этого устроения не было надобности выдумывать "Духовный Регламент", а следовало только избрать Патриарха и собрать обычный Собор, который, конечно, и сам установил бы все, что есть дельного в "Регламенте". Впрочем, излишне лицемерить 200 лет после Петра. Само собою, что не о порядке в Церкви он думал, а о ее подчинении царской власти.

...Это не суть действия Монарха, хотя бы лично не верующего, а действия увлекающегося протестантствующего новатора. Между тем, дух мероприятий Петра, естественно, остался и после него, особенно при им подготовленном господстве немцев».[16]

Таким образом, начиная с Петра, когда взамен Патриарха, который был "совестью" народа, мы получаем Синод, как возглавление церковного управления, фактически высшей властью Церкви является обер-прокурор, который ведет все сношения с Верховной Властью. Он сделался посредником между Царем и Церковью. Обер-прокурор есть как бы министр церковных дел. Епископы занимают второстепенное положение, и Верховная Власть не имеет прямого общения с Церковью, как это было до учреждения Синода.

И все же надо сказать, что несмотря на то, что вся система управительных учреждений во всех ведомствах, особенно в XIX веке, была направлена к тому, чтобы отрезать Верховную Власть от народа, живые силы нации постоянно вносили в действия бюрократии социальные поправки. Несмотря на все европейские навыки в государственном управлении, различие между русской Верховной Властью и европейским абсолютизмом было значительно. Значение Православия для самодержавной идеи было особенно важно в этот период подражания

Европе. Православная вера, поскольку она была в сердцах людей, подсказывала не абсолютистскую, а самодержавную идею. Митрополит Московский Филарет так это определяет:

"Крепкая благочестием и Самодержавием Россия стоит твердо...

Царь, по истинному о нем понятию, есть глава и душа царства. Закон, мертвый в книгах, оживает в деяниях, а верховный государственный деятель и возбудитель и одушевитель подчиненных деятелей есть Царь".[17]

Для Монарха существуют известные принципы, которыми Он должен руководствоваться. Главные из них — это справедливость, законность и милосердие. Грозный о справедливости так говорит:

"Всегда царям подобает быть обозрительными: овогда кротчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, ко злым же ярость и мучение. Аще ли сего не имеет — несть Царь".[18]

Принцип законности особенно важен для Самодержца. Верховная Власть, издав закон, должна ему подчиняться и его охранять, пока он не будет изменен или отменен в том же узаконенном порядке. Милосердие — неотъемлемое право Монарха. Таким образом, Царь ограничен содержанием своего идеала, осуществление которого составляет его долг. Монарх выражает дух народа. Он должен сознавать свою безусловную необходимость для нации. В этом Царь должен быть всегда уверен. Ни в каком случае, ни при каких опасностях, ни при каких соблазнах он не может упразднить своей Верховной Власти.

Карамзин писал Александру I-му:

"...Россия пред святым Алтарем вручила Самодержавие Твоему предку и требовала, да управляет ею верховно, нераздельно.

Сей завет есть основание Твоей власти: иной не имеешь. Можешь все, но не можешь законно ограничить ее".[19]

Катков пишет, что сам монарх не мог бы умалить полноту прав своих. Он властен не пользоваться ими, подвергая тем самым Себя и государство опасностям, но он не мог бы отменить их, если бы и хотел.[20]

Тихомиров пишет еще более ясно и точно:

"Монарх, по смыслу своей идеи, даже и при воле на то народа, не может ограничить своей власти, не совершая тем, вместе с народом, беззаконного (с монархической точки зрения)

coup d'Etat*. Ограничить Самодержавие — это значит упразднить Верховную Власть нравственно-религиозного идеала, или, выражаясь языком веры, упразднить Верховную Власть Божию в устроении общества. Кто бы это ни захотел, монарх или народ, положение дела от этого не изменяется. Совершается переворот, coup d'Etat. Но если народ, потерявши веру в Бога, получает, так сказать, право бунта против Него, то уж монарх ни в каком случае этого права не имеет, ибо он, в отношении идеала, есть только хранитель, depositaire** власти, доверенное лицо.

В отношении идеала монарх имеет не права, а обязанности. Если он, по каким-либо причинам, не желает более исполнять обязанностей, то все, что можно допустить, по смыслу принципа, есть отречение от Престола".[21]

Для понимания того, что происходило накануне февраля 1917-го года, совершенно необходимо, хотя бы очень кратко, коснуться вопроса о русском дворянстве. Дворяне в допетровское время на Руси составляли, главным образом, военную и административную силу страны, были землевладельцами, стояли близко к народу, жили с ним, управляли им и никак не отличались по своему мировоззрению от него.

При Петре все это меняется.

"Служба дворянина делается постоянной: от нее избавляются только за дряхлость и увечья... До Петра служилый человек отбывал службу как бы за поместья, с Петра Великого он начинает нести ее, как член особого сословия — благородного дворянства".[22]

Таким образом, дворянство было в распоряжении государства, точно так же, как крестьянство у дворянства. При Петре путь к дворянству открывали чины, так что дворянство составлялось из разнообразных слоев, но у них быстро развивался сословный дух и сознание своего "благородства". Дворянские земельные владения непрерывно возрастали от Петра до Александра I. Возрастало также и количество крепостных. До Петра крепостное состояние не было сословным. С Петра же дворянство получает исключительное право владеть крепостными. Дворянство, таким образом, являлось как бы представителем России перед Верховной Властью. Но все привилегии дворянства могли держаться только Царем. Крестьяне служили дворянам, а дворяне Царю. Лучшие дворяне проводили политику

---

* Coup d'Etat (*фр.*) – государственный переворот (*ред*).

** Depositaire (*фр.*) – хранитель (*ред*).

патриархальных отношений к своим крепостным. Но были, конечно, и другие отношения. По мере успехов просвещения в России права дворянства и обязанности крепостных начинали всем казаться уже все более отжившими и рассматривались уже не как необходимость, а злоупотребление. Верховная Власть стояла на этой точке зрения.

Уже Александр I старался уничтожить крепостное право, а Николай I всю свою жизнь подготовлял освобождение крестьян. Произошло бы это освобождение значительно раньше, если бы дворянство не тормозило подготовку этого акта всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Дворянство просто не хотело отказаться от выгодного положения, созданного для него историей. А в распоряжении дворянства были средства весьма внушительные – вплоть до цареубийства. И величайшим подвигом Царского Самодержавия был 1861 год, когда Император Александр II после долгих лет оттяжек со стороны организованного дворянства обнародовал акт об освобождении крестьян от крепостной зависимости. С этого времени Россия вступила в новый период времени, период нового строя.

Кроме освобождения крестьян, Александр II дал стране целый ряд реформ, который совершенно изменил социальную структуру общества. И несмотря на все это, в стране начинается то движение, которое можно условно назвать конституционным. Стало распространяться мнение, что освобождение крестьян и другие реформы – только первый шаг к "окончательному" освобождению, каким считалось народное верховенство или суверенитет народа в государстве. Очень ходким выражением стало "увенчание здания", то есть ограничение Самодержавия конституцией...[23] Власть монарха казалась уже "отжившей". И это движение проявилось с периода реформ со страшной силой и быстротой. Началась пропаганда отрицания религии. Это движение подрывало и Православие, и идею Царского Самодержавия, подрывало и психологическую настроенность к склонности к самодержавному царскому принципу. К этому движению присоединился социализм. Будучи вначале достоянием образованных слоев, он постепенно стал проникать и в народ, особенно в городах. Он совершенно отрицал религию и проповедовал идею социальной демократии. Появился новый общественный слой – интеллигенция. В этот слой входили как дворяне, так и разночинцы.

Тихомиров пишет:

«Новая "интеллигенция" унаследовала у старо-дворянской всю ее требовательность в отношении прав личности, но не име-

ла ни силы, ни самостоятельности, ни тонкости личности стародворянского времени. Элементов устойчивости в ней поэтому было меньше, элементов самоуверенности и требовательности стало еще больше».[24]

Эта новая интеллигенция была слишком слаба как культурная сила, но сплачивалась на отрицании. Эта интеллигенция связала себя с новым космополитическим и революционным духом. В этой разношерстной интеллигенции появилось много нерусских элементов, которые стали захватывать влиятельную роль в областях, главным образом, либеральных профессий. Эта интеллигенция не только в своих крайних проявлениях, как социалисты, но и в умеренных, так называемых либеральных, отрицала державную силу, требовала не тех или иных мер, а просто устранения Верховной Власти и отдачи России им. Конечно, при таких условиях никакого сотрудничества быть не могло, оставалась борьба до полного уничтожения побежденного.

Верховная Власть не всегда это понимала, не могла представить, чтобы в стране с вековым укладом государственного устройства на религиозной основе могли существовать такие принципиальные ее враги. Зато эта самая интеллигенция, как "крайняя", так и "либеральная", прекрасно отдавала себе отчет в этом и систематически направляла все свои усилия к тому, чтобы всякий шаг развития страны обратить в безпощадную борьбу против существующего строя. Эта интеллигенция была и в рядах бюрократии и нередко стремилась к мероприятиям правительства, которые противоречили идее Самодержавия. Крайнее же крыло революционной интеллигенции перешло к системе политических убийств.

Что же происходило с народными массами после освобождения? Начиная с 1861 года, крестьяне стали терять свой прежний, крепко сложенный однообразный состав. С появлением заводской промышленности значительные массы крестьян устремились в города. Фабрика не давала в социальном отношении ничего, кроме деморализации. В скором времени фабричное население стало нести свое влияние и в деревню. На фабрике нашла себе почву отрицательная и социалистическая пропаганда.

Кто же остался около Верховной Власти в это время? Остались ее бюрократические служебные органы. Бюрократия, насаждаемая с Петра и, в особенности, усиленная с Александра II-го, разъединила Царя и народ в момент, когда их едине-

ние было совершенно необходимо. Что касается Земства, то участие крестьян в нем было минимально, а дворяне, в нем работавшие, на самом деле были политиканствующими интеллигентами. Земство больше думало о своем политическом укреплении, чем о своей работе. Правительство, в свою очередь, стало с недоверием смотреть на земство, вернее на его тенденцию расширить свою компетенцию.

На Московской Руси единению Царя с народом помогала Церковь. В Петербургский период Церковь сама была отрезана от Верховной Власти, с подчинением той же бюрократии, как и вся нация.

Широкие круги интеллигенции, требовавшие "увенчания здания", требовали, конечно, парламентарного строя. Отвергая эти требования, власть давала только бюрократическую опеку и централизацию правительственных учреждений. Таким образом, бюрократическое всевластие соединяется с социальной расшатанностью. И это начало проявляться во всех сферах: и гражданских, и духовных. Наконец, началось движение, до сих пор незнакомое в России, — объединение нерусских народностей с русскими революционерами. Появляется коалиция сил, которая всеми силами старалась свергнуть Самодержавную Монархию.

Еще до убийства Императора Александра II-го Достоевский писал в своем дневнике:

"Безбожный анархизм близок — наши дети увидят его. Интернационал распорядился, чтобы европейская революция началась в России, и начнется, ибо нет у нас для нее надежного отпора ни в управлении, ни в обществе. Бунт начнется с атеизма и грабежа всех богатств, начнут низлагать религию, разрушать храмы и превращать их в казармы и стойла, зальют мир кровью и потом сами испугаются".[25]

И затем:

"Да, новый дух придет, новое общество восторжествует. В этом не может быть никакого сомнения. И этот злой дух близок — наши дети узрят его. Мир спасется уже после посещения его злым духом".[26]

В этой цитате интересно одно выражение:

"...Интернационал распорядился".

Что же это такое этот интернационал? Одна ли это организация, или под этим словом надо понимать что-либо другое? Под этим словом надо понимать ту вековую ненависть, которую питал Запад в отношении России. В этой ненависти сплe-

таются религиозные, социальные, политические, экономические и расовые элементы этой вражды к государству с совершенно чуждым и непонятным Западу нравственным идеалом. Самодержавный Царь, Помазанник Божий, носитель Верховной Власти одной шестой части всей вселенной был ненавистен Западу, который свою политическую жизнь к тому времени устроил на совсем других началах. Ниспровергая "алтари и троны" или устраивая их так, что эти "алтари и троны" были послушными марионетками в руках тех сил, которые держали в своих руках уже все нужное для контроля над послушными исполнителями их воли, "они" не могли, конечно, допустить такого явления, как Русское Православное Царство. Действовали они и через социалистические партии, разжигая классовую ненависть, и через масонство, проникшее во все слои общества, не исключая членов Династии, и через продажную прессу; и использовали многолетнюю неприязнь Англии, и спровоцировали Германию для выступления против России, имея конечной целью уничтожение монархии в трех Империях, и торжество так называемой демократии, на самом деле ничего общего не имеющей с подлинными интересами закабаленных народов. Излишне, конечно, говорить, что интернациональный капитал принимал в этом самое живое участие. Остается только удивляться, как легко пошел русский народ во всех своих слоях на эту губительную приманку. Променять свои подлинные национальные интересы, свою идеологию такого самобытного государственного бытия, как Самодержавие, отказаться от нашего Русского Православия как национального мировоззрения в угоду совершенно несуществующему нигде в природе народовластию, когда от имени народов говорят и правят совершенно безпринципные и безнравственные лица, когда уничтожается вековой уклад и быт людей, когда от них отнимается вся радость жизни, все нравственные устои жизни нации и взамен дается только заведомо ложное утверждение о "свободе" человека. Какой свободе? Свободе от тех заветов, которые нам дал Сам Господь – "Люби Господа всем сердцем и всем помышлением"[27] и *люби ближнего своего, как самого себя* (Лев. 19, 18), и заменой их ненавистью, ложью и торжествующим злом.

Глава II

АЛЕКСАНДР II. АЛЕКСАНДР III. ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ НИКОЛАЯ II.

Часто в жизни человека переживания детских и юных лет налагают отпечаток на всю последующую жизнь. В особенности это заметно обнаруживается, когда это касается носителей Верховной Власти. Так обиды, которые терпел Грозный от бояр, будучи ребенком, никогда не были Им забыты и привели в конце концов к Опричнине.

Малолетний Петр, присутствуя во время стрелецкого возмущения при смерти своего дяди Нарышкина, затаил недобрые чувства не только к стрельцам, но и к Москве. Эти недобрые чувства привели впоследствии к фатальному истреблению старого уклада жизни.

Нелюбовь Екатерины II-ой к своему сыну Павлу и постоянные обиды от ее фаворитов и от нее самой сделали Павла угрюмым и подозрительным.

Совершенно неправильное воспитание Александра I под руководством республиканца и масона Лагарпа создает тот двойственный характер этого Государя, который губительно отзывался на судьбах России.

Бунт декабристов, который всегда был так близок сердцу "прогрессивной" части нашей общественности, в первый день царствования Государя Николая I-го наложил неизгладимый отпечаток на характер его правления. И было от чего. Ведь в программе этих сторонников "гуманности и прогресса" первым пунктом числилось истребление всей Царской Семьи. Они были теоретическими, так сказать, предтечами убийц из Ипатьевского подвала. И несмотря на это, Император Николай I посылает в Сибирь Жуковского для того, чтобы дать сосланным всевозможные облегчения, но от имени самого Жуковского, строжайше запретив говорить, что эти льготы исходят от него. Но и Толстой, и Мережковский, и все "прогрессивные" люди называли Государя Николаем Палкиным. Кстати, как неприятно даже писать это слово.

"Прогрессивный блок" (о котором речь еще впереди), "прогрессивное человечество" (любимое выражение советской прессы)

и “прогрессивный паралич” (садиста Ильича, 100-летний юбилей которого собираются отпраздновать Объединенные Нации), несомненно, имеют какую-то между собой внутреннюю связь. И это не только каламбур, а самая настоящая реальность.

Убийство Императора Александра II-го, Царя-Освободителя, давшего свободу миллионам русских людей, — одно из самых отвратительных преступлений, которое могли совершить только настоящие изуверы. Они такими и были. Как было искалечено сознание этих людей, как искажено представление о добре и зле! Конечно, это злодеяние не могло не оставить глубокого следа в сознании молодого Императора Александра III. И прав был, конечно, Победоносцев, когда он говорил Александру III, чтобы Государь повел вверенное Ему Богом Государство Российское по пути Самодержавия, а не западного парламентаризма.

Император Александр III своей властной рукой остановил революционное движение, спрятавшееся в подполье, и дал тринадцать лет спокойствия стране. Сейчас мы вспомним все нападки на Царскую Власть в ее кровожадности, насилии, жестокости и прочие измышления. А ведь после бунта декабристов, т.е. вооруженного восстания против существующего строя, было повешено только пять человек, а после убийства Императора Александра II-го столько же. И после суда, который длился так долго, сколько нужно было для подлинного правосудия.[28]

Во время убийства Александра II его внуку Николаю было тринадцать лет. Это возраст, когда уже человек отдает себе отчет в том, что происходит, что его окружает. И смерть деда, конечно, тоже осталась в памяти царственного юноши.

Император Николай II родился в мае 1868 года в день Иова Многострадального, и это обстоятельство значительно позже Государем рассматривалось, как Божие предопределение. Вопреки чрезвычайно некомпетентному, но весьма распространенному мнению русского “передового” общества, Государь получил очень тщательное образование. После общеобразовательного курса Наследник Престола получил высшее юридическое и военное образование. Среди его профессоров были такие известные авторитеты, как К. Победоносцев, Н. Бунге, Е. Замысловский, генералы М. Драгомиров и Г. Леер. Военный стаж проходил в гвардейских частях всех трех видов оружия. Принимал участие в заседаниях Государственного Совета и Комитета Министров.

Мировоззрение Государя, определившееся еще до восшествия на Престол, было таким же, как и у его отца. Основой его взглядов была незыблемая вера в Бога и в свой долг. Он, как и его самодержавные предки, полагал, что вся ответственность за судьбы государства лежит на нем, он отвечает перед Богом за них.

Государь обладал большим личным обаянием. Будучи тщательно воспитанным, он производил чарующее впечатление на своих собеседников, часто недоброжелательно к нему относившихся. Но была у Государя еще одна черта, которая сыграла решающую роль в конце его царствования — Государь не обладал властным авторитетом личности, в нем не было той внутренней мощи, которая заставляет людей безпрекословно повиноваться, иначе говоря, Государь не обладал даром повелевать. Это совсем не значит, что Государь был слабоволен, как это часто утверждают, отнюдь нет, он умел настоять на исполнении своих решений, которые оспаривались его министрами. Чтобы выразиться яснее, скажу, что Государя не боялись. А власть, в особенности Верховная, должна внушать это чувство. Надо правильно понять этот термин. Мы говорим часто, что "он Бога не боится". Вот этот страх Божий можно сравнить с тем чувством, которое подданные должны испытывать к своему Государю. Император Николай II этого чувства своим подданным не внушал. Очень мягкий, добрый, чрезвычайно деликатный и чуткий, он казался многим или слабовольным, или безчувственным. Государя часто упрекали в том, что он, увольняя своих министров, не говорил им об этом, а извещал в письменной форме. Это происходило от особого свойства Государя избегать говорить неприятные вещи, и часто вело к ложному пониманию его характера. Мнение о слабоволии Государя не соответствовало действительности. Несмотря на сопротивление своих родителей, он настоял на своем браке с Принцессой Алисой Гессенской, хотя борьба эта продолжалась несколько лет.

По натуре очень скромный, Государь не любил пышных торжеств и этикета и любил семейную обстановку и спокойный уклад жизни. Уже с молодых лет он владел собой настолько, что казался, как уже было сказано раньше, безчувственным.

В первые годы царствования Государя большим влиянием на него пользовался обер-прокурор Святейшего Синода Победоносцев. Известный юрист, профессор гражданского права,

Победоносцев был ярым противником парламентского строя. В своем "Московском Сборнике 1896 г." он пишет следующее:

"Парламентское правление — великая ложь нашего времени. История свидетельствует, что самые существенные плодотворные для народа и прочные меры и преобразования исходили от центральной воли государственных людей или от меньшинства, просветленного высокой идеей и глубоким знанием; напротив того, с расширением выборного начала происходило принижение государственной мысли и вульгаризация мнения избирателей".[29]

"Вместо неограниченной власти монарха мы получали неограниченную власть парламента с тою разницей, что в лице монарха можно представить себе единство разумной воли; а в парламенте нет его, ибо здесь все зависит от случайности, так как воля парламента определяется большинством... Такое состояние неотразимо ведет к анархии, от которой общество спасается одной лишь диктатурой, то есть восстановлением единой воли и единой власти в правлении".[30]

Как уже было сказано раньше, Император Александр III за короткое свое царствование внес успокоение в стране. Как только на Престоле появился Император Николай II, сразу начались какие-то разговоры на тему "увенчания здания", печатались статьи, как будто приветственные по адресу молодого Монарха, а вместе с тем зондировали почву по тому же самому поводу. Ведь наша интеллигенция (включая объединенное дворянство и земство) считало преимущества западных государственных форм совершенно безспорными и очевидными. Выступая и на земских собраниях, и повсюду, говорили на эту же тему. Государя как бы вызывали дать ответ на все эти по существу конституционные пожелания. Молодой монарх честно ответил, не желая вводить кого бы то ни было в заблуждение:

"Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся безсмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления; пусть все знают, Я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала Самодержавия также твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель".[31]

Сразу после этой речи интеллигенция начала свою революционную агитацию в тех или иных формах.

На кого же молодой Царь мог опереться? Бюрократия и на этот раз не дала сомкнуться силам, верным Престолу.

"Передовая" общественность сразу увидела, что Государь, не обладая той непреклонной волей, какая была у его отца, является тем лицом, который должен был, по их убеждению, уступить так или иначе их пожеланиям.

То время не могло создать подлинно патриотического движения, движения широких масс, на которое мог бы опереться Монарх. Идея Народной Монархии была тогда незнакома, за исключением единичных случаев, русской общественности. А как плодотворно могла бы развиться общественная жизнь, если бы эта идея проникла в сознание людей того времени! Проводя нужные реформы, превращая постепенно сословный характер Российской Империи в безсословное государство, уничтожая привилегии высших слоев общества и заменяя бюрократию молодыми талантливыми силами, Русская Православная Монархия была бы сильнейшим государством и никакие враги ей не были бы страшны.

И все же наши Государи шли по этой дороге. Уже реформы Александра II-го изменили значительно социальный облик России. Дворянство, как сословие, беднело с каждым годом. Крестьянству же, наоборот, уже к 1900 году принадлежало 160 миллионов десятин земли – более чем на три четверти удобной; дворяне имели 52 миллиона (около половины – леса и неудобные земли); а всем другим владельцам (купцам, иностранцам, городам, акционерным компаниям и т.д. и т.п.) – около 30 миллионов (преимущественно удобных земель).[32]

Но крестьянская "община", как раковая опухоль на теле государства, тормозила все преобразования, которые исходили от Верховной Власти. Ее (общину) берегли как левые, так и правые круги по разным, конечно, причинам. Правые считали общину одним из устоев государства, левые рассматривали общину как практическое приложение социалистических принципов в русской деревне. Весь вред общины заключался в том, что земля считалась принадлежащей "миру", который мог перераспределять ее между своими членами и устанавливать правила и порядок обработки земель. Общинное землепользование тормозило деятельность хозяйственных крестьян, оно способствовало уравнению, но препятствовало повышению общего благосостояния деревни. Кроме того, крестьянин, желавший выхода из общины, должен был получить согласие двух третей ее членов. И правильно подошел к этой проблеме только Столыпин, который появился на политической арене уже после 1905 года.

Государь много сделал для улучшения быта рабочих. При нем рабочий день с тринадцати часов в день был сведен к 11,5 часам и 10 часам в субботы и предпраздничные дни. (В Европе в то время рабочий день равнялся 12 часам). Много сделал он в области просвещения. Я не буду приводить сейчас статистические данные, имеющиеся в моем распоряжении, так как это отвлекло бы от основной темы. Приведу только цитаты И. Солоневича по этому поводу. Они интересны для объяснения того факта, что все меры, исходившие от власти, принимались "в штыки" русской общественностью, не только крайне левой и либеральной, но и сравнительно умеренной.

«Россия до 1905 года задыхалась в тисках сословно-бюрократического строя — строя, который "самодержавие" медленно, осторожно и с необычайной в истории настойчивостью вело к ликвидации и без всякой революции. Не надо забывать: Россия того времени была единственной из культурных стран мира, в которой не существовало никакого народного представительства, в которой существовала предварительная цензура печати, паспортная система, чисто сословная администрация и неполноправная масса крестьянства. Социально-административный строй России был отсталым строем. Это положение никак не касается монархического принципа вообще, ибо монархи, как и генералы, "бывают разные". В России до 1905 года существовала монархия, "ограниченная цареубийством" и сдавленная пережитками крепостничества.

Государь Император Николай Второй был, несомненно, лично выдающимся человеком, но "самодержавным" Он, конечно, не был. Он был в плену. Его возможности были весьма ограниченными — несмотря на Его "неограниченную" власть, и если при Императоре Николае Первом Россией правили "сто тысяч столоначальников", то при Императоре Николае Втором их было триста тысяч. Правили нацией, по существу, они. По существу, страна боролось против них. Но против них же, правда, в других формах, боролось и "самодержавие". Таким образом, обе линии совпадали — линия монархии и линия нации. И все шло более или менее гладко до военных катастроф Японской войны.

Страна была охвачена патриотическим подъемом. Потом он стал гаснуть. Ни одной победы. Нация, исключительно талантливая, энергичная и боеспособная, начала искать виновников. Генерал Куропаткин был результатом данного социального строя. Устарелый правящий слой страны не годился никуда. Из установления этого — совершенно безспорного факта — был

сделан, по меньшей мере, спорный вывод: "долой самодержавие". Спорный потому, что "самодержавие" не связано ни со слоем, ни со строем: монархия может быть и крепостническая, и социалистическая, а "самодержавие" в старой Москве означало — в переводе на нынешний язык — национально-суверенную Монархию, ограниченную и Церковью, и Соборами, и традицией. В Санкт-Петербурге 18-го века оно обозначало монархическую вывеску над диктатурой дворянства, и в 19-ом столетии оно означало центральную единоличную власть, "ограниченную цареубийством" и пытавшуюся вернуться к Московским истокам этой власти».[33]

Государь находился в чрезвычайно тяжелом положении. Он, конечно, понимал, что России нужны реформы почти во всех областях государства, и как умный и образованный человек, а главное, как человек кристаллической честности, он самоотверженно был предан исполнению того, что почитал своим царским делом. Среди министров Государя за все Его царствование были люди и умные, и исполнявшие свой долг в отношении Монарха и страны. Имена Сипягина, П. Дурново и, в особенности, П.А. Столыпина, говорят сами за себя. Меня могут спросить: а где же Витте, Коковцев, Кривошеин и другие? О всех этих сановниках я скажу в другом месте, упомяну только вскользь, что моральный облик одних и некоторые "высказывания" других не позволяют отнести их к той же категории, как вышеупомянутых лиц. Еще до Японской войны и событий 1905 года почти вся наша интеллигенция была охвачена болезненным состоянием опорочивания всего, что исходило от власти, критического отношения ко всем мероприятиям правительства из принципа. И каждый, кто осмеливался не разделять этих взглядов, заносился на "черную доску". Писатели, художники, журналисты, профессора, земцы — все проходили через эту "общественную цензуру".

Крайние течения в лице таких организаций, как "Союз Борьбы за Освобождение рабочего класса", "Бунд" и другие, вели усиленную пропаганду среди рабочих. Будучи непримиримыми противниками существующего строя, они всякое недовольство стремились использовать в своих целях — устройства революции. Вызывая демонстрации, устраивая забастовки, они толкали рабочих на предъявление все более высоких требований. Они заражали атмосферу ненавистью и озлоблением невиданных до этих пор размеров. Наряду с рабочими кругами социалисты уделяли большое внимание студентам. Ведя пропаганду в студенческих "землячествах", они пользовались лю-

бым случаем, чтобы дискредитировать, очернить Верховную Власть. Ходынская катастрофа, торжественный прием Государя во Франции — все было использовано для вызова волнений, запрещенных сходок, демонстраций, бойкота неугодных им профессоров и прочее.

"В пассивном сочувствии, — пишет С. Ольденбург, — значительного большинства русского образованного общества была главная сила студенческих волнений".[34]

Да, "либеральная" и даже "умеренная" интеллигенция своим сочувствием толкали социалистов всех толков на все более радикальные эксцессы. Кстати, о "толках" социализма. Марксизм приобретал все больше сторонников, и не только в специфических кругах политиканов, но и в интеллектуальных кругах общественности. Целый ряд профессоров, как юристов, так и экономистов, признавали марксизм научной категорией, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

За границей было основано общество "Освобождение", которое под эгидой вот этих господ начало ту отвратительную работу "изобличения" власти, которая, к превеликой радости извечных врагов России, свелась к обливанию грязью всех начинаний нашей Верховной Власти. Правда, значительно позже, уже в эмиграции, эти люди "раскаялись". Из бывших марксистов мы знаем людей, которые стали впоследствии профессорами Богословия и даже священниками. Но, странное дело, уже "раскаявшись", они продолжали писать странные вещи, в философии под именем русской идеи приписывать свои собственные шатания и отсутствие стойких взглядов всему русскому народу, в Богословии явно еретические измышления возводить чуть ли не в догматы, в периодической печати под видом "правых" вводить неискушенных читателей в заблуждение. И это уже здесь, в эмиграции, после всего того, что произошло!

Когда я стал интересоваться событиями русской катастрофы, я между другими занятиями стал усердно штудировать марксизм. Я дал себе труд проштудировать все труды К. Маркса, Энгельса, кроме них, Лассаля, Фейербаха и других. После них принялся за Плеханова, Ленина и даже Сталина. Я старался понять, почему люди с подлинным интеллектом и большой эрудицией становились марксистами, я старался найти этот магнит, который притягивал к себе всех этих людей, я старался понять и осознать "научность" этого учения. Читал все в подлинниках, чтобы избежать возможных неточностей в переводах, перечитал всех комментаторов марксизма и за, и против.

Чем больше я углублялся в изучение марксизма, тем больше я приходил к убеждению, что человек с неповрежденным сознанием, человек с твердым убеждением и верой, в силу нравственных категорий, не может быть последователем этого учения, не может признать "научности" и диалектического, и исторического материализма. Во всех выводах Маркса видна предвзятость, преднамеренность и стремление загнать настоящую действительность в свои искусственные формулировки.

О русских марксистах я и не говорю. Еще Плеханов пишет так, как полагается образованному человеку, если не считать, конечно, всей предвзятости его произведений. Но уже Ленин, этот "гуманист" (как легко теперь черное называть белым!) пишет так, что человек, который разбирается в философии и социологии, видит сразу, что все "научные" высказывания "Ильича" рассчитаны на людей несведущих или приемлющих его положения по причине, ничего общего с наукой не имеющие. Человек без законченного образования, прочитавший только то, что нужно было для демагогии, рассчитанной на полуинтеллигенцию (самый опасный слой общества!), считается одним из "гениальных" творцов "гуманитарной и прогрессивной" социологии! А язык! Все эти "помещичьи сынки", "поповщина" — это же перлы непревзойденной пошлости, убогости мышления и отсутствия подлинного интеллекта! Зато сколько злобы, ненависти и безпредельной лжи! В этом он, конечно, гениален.

О "Вопросах Ленинизма" и прочих писаниях Сталина я говорить не буду — все это рассчитано на несчастных людей, которые должны это "принимать всерьез". Без принуждения "изучать" эту макулатуру можно только в моем случае, когда я заставил себя все это прочесть, чтобы изучить совсем другой вопрос. И все же я до сих пор не могу понять, как все это можно принимать всерьез?! Точно так же, как не могу понять людей, которые всерьез изучают "розовые" и "голубые" периоды в "творчестве" Пикассо. А ведь изучают! И выпускают многотомные труды этих исследований.

Я отклонился от темы, желая показать, как увлекалась русская интеллигенция этими нерусскими учениями, забывая свои русские, подлинно духовные ценности, забывая свои подлинные обязанности русских людей, изменяя инстинкту того исторического сознания, которое тысячу лет строило русскую государственность. Но этому сознанию не изменял никогда и не изменил до конца Император Николай II.

2 Зак. 4013

Глава III

ОСНОВЫ САМОДЕРЖАВИЯ. ЧИН КОРОНОВАНИЯ.

В предыдущей главе мы говорили о том, что Государь до самой своей мученической смерти остался верен принципам Православного Самодержавия. Сейчас я приведу выдержки из "Царской Власти" М. Зызыкина, который описывает Священное Коронование и Миропомазание Императора (статьи 57 и 58 Основных Законов) и которые являются основой того мировоззрения, которому Государь был всегда верен.

Уже в статье 1-ой говорится, что власти Самодержавного Монарха повиноваться не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает, потому что подвиг его самодовлеющей власти освящен Церковью. Священное коронование производится, согласно статье 57 Основных Законов, по чину, установленному Православной Церковью. Этот чин заимствован из Византийской Церкви. Статья 58 упоминает, что перед Священным Коронованием Царь читает Исповедание Православной Веры. Без Священного Коронования и Миропомазания Царская Власть теряет свою основу и свой смысл, так как без них нет Царской Власти как священного чина, а только простая человеческая власть, ничем не отличающаяся от всякой другой человеческой власти.

Вот что описывает М. Зызыкин:

«Священное Коронование начинается молебном святителю Петру Митрополиту Московскому как виновнику объединения Руси во главе с Москвой и святому Сергию Радонежскому как освободителю от ига неверных. Перед приступлением к Коронованию, когда Государь всходит на трон, венчающий иерарх становится перед Государем и вопрошает:

"Благочестивейший Великий Государь Наш, Император и Самодержец Всероссийский! Понеже благословением Божиим и действием Святаго и Всеосвящающаго Духа и Вашим изволением имеет ныне в сем первопрестольном храме совершиться Вашего Величества Коронование и от святаго мира помазание; того ради по обычаю древних христианских Монархов и Боговенчан-

ных Ваших предков, да соблаговолит Величество Ваше в слух верных подданных Ваших исповедать Православную Кафолическую Веру. Како веруеши?"

По прочтении Государем исповедания Веры венчающий иерарх возглашает:

"Благодать Пресвятаго Духа да будет с Тобой".

И начинает молебен с особыми прошениями в возглашаемой диаконом ектении:

"О еже благословитися Царскому Его венчанию благословением Царя Царствующих и Господа Господствующих"».[35]

И так далее.

«После чтения Евангелия на Императора Патриарх возлагает порфиру со словами: "Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа", крестит преклоненную голову Государя, возлагает на нее крестообразно руки и читает молитву:

"Господи Боже наш, Царю царствующих и Господи господствующих..."»[36]

И так далее.

«Затем по возгласу диакона все преклоняют голову, и венчающий иерарх читает другую молитву:

"Тебе Единому Царю человеков подклони выю с нами, Благочестивейший Государь, Ему же земное царство от Тебе вверено: и молимся Тебе, Владыко всех, сохрани Его под кровом Твоим, укрепи Его царство, благоугодная Тебе деяти всегда Его удостой, воссияй во днех Его правду и множества мира, да в тихости Его кроткое и безмолвное житие поживем во всяком благочестии и честности. Ты бо еси Царь мира и Спас душ и телес наших, и Тебе славу воссылаем Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков".

Патриарх принимает корону и передает ее Императору, Который сам ее надевает при возгласе Патриарха:

"Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь."

После он читает молитву:

"Видимое сие и вещественное Главы Твоея украшение, явный образ есть яко Тебя, Главу Всероссийского народа венчает невидимо Царь славы Христос, благословением Своим благостным утверждая Тебе владычественную и Верховную Власть над людьми Своими".

Затем Патриарх вручает в правую руку скипетр, а в левую жезл...

После коленопреклоненной молитвы Государя, ...Государь становится перед троном, а Патриарх и все присутствующие опускаются на колени и Патриарх от лица народа читает молитву:

"Боже великий и дивный, неисповедимою благостию и богатым промыслом управляй всяческая, Его же премудрыми, но неиспытанными судьбами..."[37]

Затем после приветственной речи венчающего иерарха начинается литургия, в течение которой Император сидит на троне в полном облачении, в известные моменты литургии вставая и снимая корону.

Перед причащением два архиерея подходят к Государю, и один из них возглашает:

"Благочестивейший Великий Государь Наш Император и Самодержец Всероссийский, Вашего Императорского Величества Миропомазание и Святых Божественных Таин приобщения приближися время: того ради да благоволит Ваше Императорское Величество сея Великия Соборныя Церкви к Царским Вратам".

Там у алтаря совершается миропомазание на челе, на очах, ноздрях, устах, ушах, персях и руках с известным сакральным возгласом. Один из митрополитов затем вводит Императора внутрь алтаря для причащения Святых Христовых Тайн по Чину Царскому, то есть как и священнослужители. После Литургии Царь поклоняется праху предков в Архангельском соборе».[38]

"В молитве своей во время Священного Коронования за народ Царь внутренно соединяется с народом. В этом священнодействии заложена не идея личного блага, а идея веры в то, что только благодатной силой свыше может строиться Царство. Царь для народа — Помазанник Божий".[39]

Сколько красоты и глубокого смысла в этом обряде! Какая благодатная идея заложена в нашем Русском Самодержавии! Невежды называют Самодержавие абсолютной монархией. Это не соответствует действительности. Монархия может быть: абсолютной, самодержавной, деспотией и конституционной.

В первом случае неограниченная власть монарха не признает для себя никаких высших обязательных начал и, сливая себя с государством, приписывает ему и себе всемогущество (L'etat — c'est moi*).[40]

Во втором — монархическое начало есть выражение того нравственного начала православия — смирения перед промыс-

* L'etat – c'est moi (*фр.*) – "Государство – это я" (*ред.*).

лом Божиим, указующим носителя власти и подвига, которому народное миросозерцание усвояет значение верховного принципа жизни.

В третьем — рабская покорность без ясного представления о нравственном идеале.

И, наконец, в четвертом — власть монарха является номинальной: он является только представителем нации, подлинная же власть принадлежит парламенту, который в лице правительства, составленного из случайного большинства, правит страной. Излишне говорить, что это большинство может быть и национал-социалистическим (что имело место в Германии) и коммунистическим. Какие из этого получаются последствия, мы все хорошо знаем.

Пишу я подробно об этом потому, что надо выяснить, почему эти высокие принципы Государственной власти в России в конце XIX-го и начала XX-го века были в таком пренебрежении среди русской общественности. Мы знаем, что основой Верховной Власти в России было религиозное сознание народа. Что же произошло с этим религиозным сознанием народа в это время? В этом вопросе нам поможет разобраться Архимандрит Константин в своей "Памяти последнего Царя".

«Профессор Киевской Духовной Академии В. Певницкий в своей статье "Об отношении к Церкви нашего образованного общества" пишет:

"Издревле Русь называлась Святой Русью, и охранение чистоты и целости Православия она считала своим призванием. А что ныне? Может ли Русь по-прежнему называться Святою Русью? Не потускнело ли это светлое титло, которым прежде украшалось наше отечество? Если бы восстали из гробов наши благочестивые предки и посмотрели бы на нынешнее шатание умов, на современное непочтительное отношение к Церкви и ее уставам нашего образованного передового общества, они удивились бы изменению наших нравов, и чувства их терзались бы от глубокой скорби при виде оскудения в нас духа благочестия...

Представьте себе святую православную веру, хранимую в Церкви, посланницею небес. Она — вера откровенная; она свыше, от Разума Божественного ниспослана нам, и ей, этой небесной посланнице, поручено освещать наше темное сознание и указывать нам путь спасения. Где же среди нас обиталище ее, и где ее принимают? Принимают ее люди простые, держащиеся руководства Церкви. Но нет ей благоприятного приема там, где,

по-видимому, должен быть особенно слышен и понятен голос ее. Она хотела бы занять и утвердить себе место среди руководителей общественного мнения, заправляющих печатным словом. Но многие ли здесь принимают ее и признают своей руководительницей? Едва ли не большинство сторонится от нее и ищет себе других руководителей, чуждых и даже прямо враждебных ей. Если и слышен инде голос ревнителей и чтителей веры, то он совершенно заглушается шумными голосами людей, знать не хотящих указаний веры и нередко подвергающих глумлению суждения, на ней основанные. Читайте и перелистывайте наши светские газеты и журналы: чувствуется ли в них такой тон, чтобы вы могли сказать, что это говорят люди воспитанные в православии? Редко, весьма редко"».

После целого ряда цитат Архимандрит Константин пишет:

«Достаточно на этом, бегло нами обрисованном фоне представить себе облик нашего последнего Царя, чтобы реально ощутить ту непроходимую пропасть, которая лежала между Государем Императором Николаем Александровичем и русской общественной средой.

Отчужденное одиночество — вот на что был обречен этот истинный и истовый православный христианин на Престоле Православного Царя. Теми именно свойствами своими, которые делали из него идеального Русского Царя, Он становился загадочным и непонятным "лучшим" людям своей Земли! Вот корень национально-общественной трагедии всего Его царствования, вот корень катастрофы, которая вырастала из этой трагедии».[41]

Глава IV

ЯПОНСКАЯ ВОЙНА. ВИТТЕ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ МИРА. РЕВОЛЮЦИЯ 1905 ГОДА. МАНИФЕСТ 17 ОКТЯБРЯ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА.

Говоря об Императоре Николае II-ом, нельзя обойти молчанием его почин в деле создания международной политической системы, которая если и не исключала бы войн, то ограничила бы рост вооружений. Но обращение Государя к великим державам успеха не имело. Вильгельм II, например, заявил, что "в своей практике я и впредь буду полагаться и рассчитывать только на Бога и на свой острый меч". В менее резкой форме так же высказались и государственные деятели других стран. И все же Гаагская конференция 1899 года сыграла свою роль в мировой истории. С. Ольденбург пишет:

«Когда собралась 9 ноября 1921 года Вашингтонская конференция по вопросу о морских вооружениях, северо-американский президент Гардинг в своей вступительной речи вспомнил, кому принадлежал первый почин в этом деле.

"Предложение ограничить вооружения путем соглашения между державами — не ново, — сказал американский президент. — При этом случае, быть может, уместно вспомнить благородные стремления, выраженные 23 года назад в Императорском рескрипте Его Величества Императора Всероссийского".

И процитировав почти целиком "ясные и выразительные" слова русской ноты 12 августа, президент Гардинг добавил:

"С таким сознанием своего долга Его Величество Император Всероссийский предложил созыв конференции, которая должна была заняться этой важной проблемой"».[42]

Значительным событием в царствование Императора Николая II-го была война с Японией и последовавшие после нее революционные события. Война эта была неизбежной. С самого почти начала своего царствования Государь уделял особое внимание вопросам Дальнего Востока или так называемой "большой азиатской программе". Государь понимал, что такая Великая Держава, как Российская Империя, не может быть запертой на континенте и не иметь выхода к Тихому океану. И Государь сделал все возможное (это "безвольный" и "безхарактерный"-то человек!), чтобы добиться своей цели — выхода

к океану. Но, как всегда, русское общество и здесь оказалось не на высоте.

Ольденбург пишет:

«Примечательно — и трагично, — что "большая азиатская программа", оцененная по достоинству иностранной дипломатией, встречала полное непонимание в русском обществе, которое что-то лепетало о "манчжурской авантюре" и готово было искать причины русской политики на Дальнем Востоке, единой в течение всего первого периода царствования Государя, в материальной заинтересованности каких-то "царских адъютантов", ...в лесных концессиях на территории Кореи. Это поняли задним числом и представители русского "марксизма"...

"Нет более убогого взгляда на вопрос, чем взгляд буржуазных (? — *В.К.*) радикалов, сводивших все дело к концессионной авантюре на Ялу", — пишет коммунистический "Красный Архив" и повторяет в другом месте:

"Концепция об авантюризме различных придворных клик является не только недостаточной, но и убогой"».[43]

И, конечно, Япония была главным препятствием на этом пути русского продвижения. Но Государь не хотел столкновения до того времени, когда будет закончен Великий Сибирский путь. Понимала это и Япония, которую всячески поддерживала Англия, и без объявления войны (обычная тактика Японии) она начала военные действия против России.

Военные неудачи вызвали кампанию против власти под флагом критики ведения войны.

Враги власти, пользуясь общим настроением недовольства, преувеличивали недочеты, извращали факты. А в Париже произошла в это время первая встреча "конституционалистов" с революционными партиями. С одной стороны — князь П. Долгоруков, П. Милюков, П. Струве, и с другой стороны — Чернов, Натансон и... Азеф. Какое трогательное единение! Впрочем удивляться нечему, как мы увидим позже, масонство объединяло и не только этих лиц. На совещании вынесли резолюции об "уничтожении самодержавия" и об его замене "свободным демократическим строем", а также о "праве национального самоопределения" народностей, населяющих Россию. Здесь налицо все элементы государственной измены: и ниспровержение существующего строя, и раздел России, то есть все то, чего так страстно добивались интернациональные силы. Пусть не удивляет на этом совещании присутствие Рюриковича —

позже мы увидим, как участвовали в гибели нашей Родины члены Династии.

С. Ольденбург пишет:

«Внутренние волнения в России были необходимы Японии, как воздух. Несомненно, она дорого дала бы, чтобы их вызвать. Имела ли она возможность это сделать и в какой мере она это делала?

...Следует различать два понятия: неверно было бы утверждать, что революцию делали за иностранные деньги. Люди, отдававшие все свои силы делу революции, готовые отдать за нее и жизнь, делали это не ради получения денег от кого бы то ни было. Но в известной мере революция делалась на иностранные деньги: внутренние враги русской власти (вернее — часть их) не отказывались от помощи ее внешних врагов. Об одном факте такого рода, относящемся к зиме 1904-1905 годов, открыто пишет в своих воспоминаниях руководитель Боевой организации ("Генерал БО" Р. Гуль — *В.К.*) социалист-революционер Б. Савинков.[44]

"Член финской партии активного сопротивления Конни Циллиакус сообщил Центральному Комитету, что через него поступило на русскую революцию пожертвование от американских миллионеров в размере миллиона франков, причем, американцы ставят условием, чтобы эти деньги пошли на вооружение народа и распределены были между всеми революционными партиями. Центральный Комитет принял эту сумму, вычтя 100.000 франков на Боевую организацию".

«В "Новом Времени", — писал далее Савинков, — весною 1906 года утверждали, что это пожертвование сделано не американцами, а Японским правительством, но нет оснований сомневаться в словах Конни Циллиакуса"...

Английский журналист Дилон — определенный враг Царской Власти — написал в своей книге "Закат России":

"Японцы раздавали деньги русским революционерам известных оттенков, и на это были затрачены значительные суммы. Я должен сказать, что это безспорный факт".

О том же свидетельствует в своих мемуарах бывший русский посланник в Токио барон Р. Розен».[45]

Так много описываемое "кровавое" 9-ое января было спровоцировано Гапоном, который под влиянием Рутенберга (который позже его и "казнил") и других вожаков социалистов повел тысячные толпы забастовавших рабочих ко Дворцу с заведомо невыполнимыми требованиями. Власть не могла допустить этой провокации, и в результате были убитые и раненые.[46]

Это было как бы началом революции. Волнения возрастали, и дворянские собрания и земцы вели себя вызывающе, забыв, что страна ведет тяжелую войну с внешним врагом. В общем, это была генеральная репетиция февральской революции 1917 года, благополучно все же закончившаяся, не в пример 1917 году, когда не оказалось такого человека в армии, как Мин и Дубасов, и в управлении таких людей, как П.Н. Дурново. Вместо этих преданных Государю и Родине людей, в "армии на верхах была дыра" (по красочному выражению И. Солоневича), а в управлении и при Дворе то, что написал А. Суворин в своем дневнике:

"У нас нет правящих классов. Придворные — даже не аристократия, а что-то мелкое, какой-то сброд".[47]

Все военные неудачи на море и суше, как взятие Порт-Артура, Цусимская катастрофа, поражение при Мукдене, русское общество принимало с почти нескрываемым злорадством. Для Государя на первом плане было доведение до успешного конца исторической борьбы, для общества — борьба против власти во имя коренных преобразований всего строя. Политическое возбуждение охватило самые разнообразные круги. Это было всеобщим помрачением. Был образован Союз Союзов, в который входил целый ряд свободных профессий. Одним из руководителей его был профессор П. Милюков.[48] В земстве одержало победу левое крыло, которое тоже требовало конституции.

В это время по почину Вильгельма II, который вызвал американского посла и просил передать президенту Рузвельту предложить России свое посредничество, Государь согласился на переговоры, но только при условии, что и Япония предварительно согласится на эти переговоры. Государь ни в коем случае не желал, чтобы создалось представление, что Россия просит мира. В это время только Государь (как, впрочем, всегда) думал о чести России. Япония сейчас же согласилась, так как она достигла предела своих сил, в то время как Россия заметно оправлялась от нанесенных ей поражений.

Но безпорядки продолжались как в центральной России, так и в Царстве Польском и перекинулись во флот (броненосец "Потемкин"). За это время произошел целый ряд политических убийств: Великого Князя Сергия Александровича (Московского Генерал-Губернатора), В.К. Плеве, Министра Внутренних Дел (оба еще до событий) и графа Шувалова, Московского Градоначальника. Государь и здесь заявил:

"Революционные проявления дольше не могут быть терпимы, вместе с тем не должны дозволяться самоуправные действия толпы".[49]

Подготовка к мирным переговорам, между тем, шла полным ходом, и русским уполномоченным был назначен бывший всесильный Министр Финансов С.Ю. Витте. После описания мирных переговоров и назначения его первым Председателем Совета Министров уже после манифеста 17-го октября мы коснемся более подробно этой "зловещей фигуры".

"Между прочим, уже проезжая через Берлин, Витте виделся со своим другом, банкиром Мендельсоном, и говорил ему, что России, конечно, придется отдать Японии Сахалин и заплатить большую контрибуцию. Опасаясь сопротивления со стороны Государя, он просил устроить так, чтобы германский император повлиял на Него в сторону уступок".[50]

Еще раньше, в беседе с германским канцлером Бюловым, Витте говорил:

"Как политик, я боюсь быстрых и блестящих русских успехов; они бы сделали руководящие санкт-петербургские круги слишком заносчивыми... России следует еще испытать несколько военных неудач".[51]

Это было сказано в начале июля 1904 года.

В то же время Государь на телеграммы, присылаемые группами русских людей с просьбой не заключать мира, недостойного чести России, отвечал:

"Русские люди могут положиться на Меня. Я никогда не заключу позорного или недостойного Великой России мира".[52]

Зато заграничное "Освобождение", сыгравшее позорнейшую роль с самого начала своей деятельности, все время твердило об уступках Японии. Земский съезд, собравшийся в Москве, устами Петрункевича заявил:

"...Революция — факт. Идти с петициями надо не к Царю, а к народу".[53]

Государь увидел, что земские круги также заражены этим помрачением, каким была больна почти вся русская общественность.

Между тем начались совещания по поводу проекта Государственной Думы, о которой Государь говорил еще раньше 6 июня, заявив:

"Моя Воля — воля Царская — созывать выборных от народа — непреклонна. Пусть установится, как было встарь, еди-

нение между Царем и всею Русью, общение между Мной и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам".[54]

Этот проект совещательного народного представительства получил прозвание "Булыгинской Думы".

На Портсмутской конференции, которая открылась 27 июля, японцы предъявили свои условия. Они были в некоторых пунктах неприемлемы для Государя. Он заявил, что ни о контрибуции, ни об уступках территории не может быть речи. Витте настаивал на уступках. В конце концов Государь согласился отдать Южную часть Сахалина с обязательством не возводить на острове укреплений и, конечно, отказался окончательно от выплаты какой-либо контрибуции. И Рузвельт, и Вильгельм, и Витте были уверены в отказе Японии на эти условия. Япония согласилась на все предложения Государя.

"Присутствующие, и в том числе сам Витте, были ошеломлены. Никто не ожидал, что японцы откажутся от контрибуции и согласятся безвозмездно возвратить половину захваченного ими острова! Витте весьма быстро освоился с положением и уже в беседе с журналистами умело приписывал себе всю заслугу этого успеха".[55]

Но несмотря на окончание войны, после короткого перерыва начались опять волнения. На этот раз впервые была использована всеобщая забастовка. Забастовали железнодорожники почти всех дорог. Они прекращали работу, повинуясь своему руководящему центру, не предъявляя никаких требований. Уже через несколько дней была объявлена всеобщая забастовка, так что Москва была отрезана от внешнего мира. Затем железнодорожники явились к Витте и предъявили ему требования бастующих, которые сводились к Учредительному Собранию, отмене военного положения и свободе стачек, союзов и собраний, а также 8-часовому дню на железных дорогах. После этого Витте при помощи Гурлянда подал программную записку Государю. В этой записке он предлагал отмену всех исключительных положений, введение "свобод", конституцию, расширение избирательного права, автономию Польши и Грузии и... экспроприацию частной земельной собственности. Он также добавил, что есть и другой исход — "идти против течения", но сам он участвовать в этом не будет.

В это время бастующие начали устраивать уличные демонстрации. Происходили вооруженные столкновения толпы с войсками. Государь послал Витте телеграмму:

"Поручаю вам объединить деятельность министров, которым ставлю целью восстановить порядок повсеместно".[56]

Трепову (Петербургскому генерал-губернатору) поручил поддержание внешнего порядка. Витте до принятия назначения настаивал на принятии его программы. Государь колебался, и тут появилась роковая для судеб России фигура Великого Князя Николая Николаевича, который всецело и решительно встал на сторону Витте. В Петербурге появился совет рабочих депутатов. 17 октября они выпустили "Известия Совета Рабочих Депутатов".[57] Государь в это время совещался с И. Горемыкиным, который составил Манифест, в котором, хотя и не было противоположностей к проекту Витте, были выражения:

"Даруемые Нами ныне населению Государства Нашего права народного представительства".

После подписания Манифеста Государь записал:

"Это страшное решение, которое я принял тем не менее совершенно сознательно. После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, усмири Россию".[58]

Манифест 17-го октября начинался так:

"Великий обет Царского служения повелевает Нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для Государства Смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений безпорядка, безчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешного выполнения общих преднамечаемых Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем Мы выполнение непреклонной Нашей воли:

1) Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2) Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив засим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку, и

3) Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Государственной Думы, и чтобы выборным от народа обезпечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от Нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с Нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле".[59]

Но Государь не слагал, как это многие думали, с себя ответственности: Он сохранял за собой право последнего решения. Он оставил в своем ведении Военное, Морское и Иностранных Дел министерства. Но Витте он предоставил министров и широкие полномочия.

Манифест вызвал двоякие чувства — у революционных партий продолжать борьбу с еще большим ожесточением, у широких масс чувство радости, что пришел конец забастовкам и смуте. Появились демонстрации и с национальными, и красными флагами, и дело доходило часто до драки. По всей России прокатились безпорядки, спровоцированные левыми кругами, а навстречу им анти-революционные демонстрации как стихийное народное движение. Но кто оказался полным банкротом, — это Витте. На него возлагалось столько надежд, Государь оказал ему полное доверие, поручив сформировать первое правительство реформированного строя. Но он оказался совсем не сильным человеком, каким представлялся очень многим, он принимал земские делегации, которые уже настаивали на Учредительном Собрании, амнистии, удалении войск, организации народной милиции и прочих атрибутах подлинной революции.

Государь писал в своем дневнике:

"Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение".[60]

Государь сам назначил управляющим Министерством Внутренних Дел П.Н. Дурново.

В это время Совет рабочих депутатов почувствовал себя "начальством" и безнаказанно печатал свои "Известия". Появились новые газеты и журналы, где писали "корифеи", как Горький, Белый, и даже столь любимый нашими интеллектуалами Бальмонт писал:

"Рабочий, только на тебя — Надежда всей России".[61]

После введения военного положения в Польше, где происходили крупные безпорядки, левые партии ответили опять всеобщей забастовкой. Как же реагировал на это Витте? Он выпустил воззвание:

"Братцы рабочие, станьте на работу, бросьте смуту, пожалейте ваших жен и детей. Не слушайте дурных советов. Дайте время, все возможное для вас будет сделано. Послушайте человека, к вам расположенного и желающего вам добра. Граф Витте".

«Пролетарии ни в каком родстве с графом Витте не состоят... Совет Рабочих Депутатов не нуждается в расположении царских временщиков", — отвечал на это Петербургский Совет».[62]

Государь писал своей матери:

"...Ты мне пишешь, милая мама, чтобы я оказывал доверие Витте. Могу тебя уверить, что с моей стороны делается все, чтобы облегчить его трудное положение... Но не могу скрыть от тебя некоторого разочарования в Витте. Все думали, что он страшно энергичный и деспотичный человек и что он примется сразу за водворение порядка прежде всего... " Между тем, действия кабинета Витте создают "странное впечатление какой-то боязни и нерешительности".[63]

А Крыжановский, ставший впоследствии статс-секретарем, а в то время получивший поручения от Витте, пишет:

"В голове его был хаос, множество порывов, желание всем угодить, и никакого определенного плана действий. Вообще вся его личность производила впечатление, не вязавшееся с его репутацией. Может быть, в финансовой сфере, где он чувствовал почву под ногами, он и был на высоте, но в делах политики и управления производил скорее впечатление авантюриста, чем государственного деятеля".[64]

Безпорядки продолжались; кроме военных бунтов в Севастополе (Шмидт), Кронштадте, начались "аграрные" безпорядки. Террористы убивали всех энергичных представителей власти для "торжества революции". В Москве опять начались железнодорожные забастовки, и вожаки революции добивались перехода войск на сторону революции. По всему городу строили баррикады, и началась по существу "партизанская" война — подстреливали городовых, проходящих офицеров.

Тогда новый Московский генерал-губернатор адмирал Дубасов обратился к Государю. Государь отправил в Москву Семеновский полк. Благодаря энергии Дубасова и генерала Мина попытка вооруженного восстания в Москве была сломлена. Ге-

нерал Меллер-Закомельский с отрядом только из двухсот человек навел порядок на протяжении всего Великого Сибирского Пути, где растерявшиеся и потерявшие голову Куропаткин и Линевич совершенно выпустили из рук командование. Эвакуация запасных проходила в атмосфере полного отсутствия дисциплины. Отряд Меллер-Закомельского расстрелял на двух станциях стачечные комитеты, повыгонял распоясавшихся солдат, рассевшихся в офицерских купе, и обстрелял революционную толпу, запершуюся в железнодорожном депо. Генерал Ренненкампф, в свою очередь, без боя взял Читу, где красные безчинствовали около трех месяцев. Революция была подавлена. Что же делал прославленный Витте? Государь писал своей матери:

"Теперь он (Витте — *В.К.*) хочет всех вешать и расстреливать. Я никогда не видел такого хамелеона... Благодаря этому свойству своего характера, почти **никто** ему больше не верит, он окончательно потопил себя в глазах всех... Дурново действует прекрасно... Остальные министры — люди sans importance!"* [65]

Между прочим, принимая депутацию Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии, Государь сказал:

"Передайте всем, что реформы, Мною возвещенные 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые Мной даны одинаково всему населению, неотъемлемы; **Самодержавие же Мое останется таким, как оно было встарь**".[66]

В это время образовалась партия к.д. (конституционные демократы). Она была образована из Союза Освобождения, земцев-конституционалистов и Союза Союзов. Когда происходили выборы в I-ую Государственную Думу, большинство голосов получили кадеты. Это было большим разочарованием и для власти, и для правых и умеренных партий. В Царском Селе происходило обсуждение проекта Основных Законов. Спорным вопросом была 4-ая статья:

"Императору Всероссийскому принадлежит Верховная Самодержавная Власть".

Раньше в тексте было "самодержавная и неограниченная". Но каждое слово имеет свой смысл, и тот факт, что в новом тексте слово "Самодержавная" осталось, говорит за то, что Государь остался Самодержцем.

Вскоре был уволен Витте. С ним ушел и весь кабинет (вернее, тоже был уволен), так как Государь хотел, чтобы с

* Sans importance (*фр.*) – дословно: без значения (*ред.*).

Думой работал бы новый состав Правительства. О Витте Государь опять писал своей матери:

"Нет, никогда, **пока Я жив**, не поручу Я этому человеку самого маленького дела! Довольно с Меня прошлогоднего опыта".[67]

Теперь несколько слов о Витте: безусловно умный и талантливый человек, он еще будучи министром финансов и проведя несколько, казалось, полезных реформ (золотое обращение, развитие промышленности), в то же самое время поставил впервые в истории России развитие наших финансов в зависимость от иностранного капитала, биржи; защищая развитие промышленности, он отказывал в финансовой помощи, нужной для сельского хозяйства, в своем трактате о "Самодержавии и земстве", доказывая несовместимость выборного местного самоуправления с Самодержавным строем, он давал сильный довод в руки оппозиционным кругам, совершив в 1902 году поездку на Дальний Восток, он заявлял, что русское дело там проиграно и советовал крайние уступки, будучи уполномоченным Государя на Портсмутской конференции, он держал себя так, что можно было думать, что он представитель Японии, и, наконец, став главой Правительства в тяжелый момент русской смуты, он или не сделал ничего для ее подавления, или своим двусмысленным поведением поощрял революционные выступления. Мнение Государя о нем мы знаем. В своих воспоминаниях Витте говорит о Государе с нескрываемой злобой, называя его "маленьким полковником". Спрашивается, почему Витте почти за всю свою долголетнюю государственную деятельность проводил такую двойственную политику? И сейчас же напрашивается другой вопрос. Был ли он свободен в своей деятельности? Не был ли он связан чем-то, что шло вразрез с интересами России?

Позже мы увидим, что и другие сановники поступали не в интересах России, а кого-то или чего-то другого. И думается, что это не случайность, а принадлежность к тому сообществу, которое веками ниспровергало через своих членов и государственные, и моральные устои человечества. Когда придет последовательная очередь, будет указано в моем исследовании, как много было этих или безпринципных, или одураченных людей во всех слоях русского общества, когда уже разразилась настоящая катастрофа 1917 года и гибель исторической России.

Когда новые Основные Законы были опубликованы, Милюков на съезде конституционных демократов провел резолюцию:

"Накануне открытия Государственной Думы Правительство решило бросить русскому народу новый вызов. Государственную Думу, средоточие надежд исстрадавшейся страны, пытаются низвести на роль прислужницы бюрократического Правительства. Никакие преграды, создаваемые Правительством, не удержат народных избранников от исполнения задач, которые возложил на них народ".[68]

Глава V

I-я, II-я И III-я ДУМА. СТОЛЫПИН.

Резолюция Милюкова, которую он провел на съезде конституционных демократов до открытия Государственной Думы, опровергает установившееся мнение, что Государственная Дума только тогда "подняла свой голос в защиту законности", когда во время войны началась "распутиниада", и что "народные" представители вели борьбу с "темными силами". Борьбу против существующего строя в России еще задолго до созыва Государственной Думы вели как "либералы", так и "крайние", и одним из вожаков этой борьбы был Милюков. И Государственная Дума не была для этих людей тем учреждением, которое должно было бы гармонично работать с Государем, а ареной борьбы с большими удобствами, чем раньше. Государь это отлично понимал. С. Крыжановский пишет в своих воспоминаниях:

"Государь с явным раздражением отмахнулся от сладких слов Витте, когда тот стал доказывать, что в лице народного представительства Государь и Правительство найдут опору и помощь.

— Не говорите Мне этого, Сергей Юльевич, Я отлично понимаю, что создаю Себе не помощника, а врага, но утешаю Себя мыслью, что Мне удастся воспитать государственную силу, которая окажется полезной для того, чтобы в будущем обезпечить России путь спокойного развития без резкого нарушения тех устоев, на которых она жила столько времени".[69]

Хотя Государь и вступил на путь этой реформы, Он оставил за Собой возможность последнего решения, считая, что безответственность конституционного монарха является преступной и противоречит идее ответственности Монарха перед Богом. В Первой Государственной Думе были представлены как интеллигенция, так и крестьянство (часто полуграмотное). Социалисты-революционеры и социал-демократы, бойкотировавшие выборы, не были в числе депутатов. Левее конституционных демократов были "трудовики". Очень многие депутаты, как конституционные демократы, так и трудовики, считали, что власть принадлежит только им, не считаясь с существующими законами, а только со своими собственными программами.

На открытии Государственной Думы Государь произнес приветствие, которое начиналось так:

"Всевышним Промыслом врученное Мне попечение о благе Отечества побудило Меня призвать к содействию в законодательной работе выборных от народа. С пламенной верой в светлое будущее России Я приветствую в лице вашем тех лучших людей, которых Я повелел возлюбленным Моим подданным выбрать от себя. Трудная и сложная работа предстоит вам. Верю, что любовь к Родине и горячее желание послужить ей воодушевят и сплотят вас..."[70]

Выбранный председателем Думы профессор Римского права С.А. Муромцев дал слово вне всякой очереди И.И. Петрункевичу, который в своем слове потребовал амнистии "всем, кто пострадал за свободу". После него говорил Муромцев о "прерогативах конституционного монарха". С самого же начала Дума в лице своего председателя конституционного демократа показала, что о плодотворной работе она и не думает. И в лице кого же? Профессора Римского права, основы правового сознания, юриспруденции. Дальнейшие выступления членов Думы, почти сплошь конституционных демократов, были и бестактны, и преступны по своему содержанию.

Родичев осмелился сказать:

"Мы знаем, сколько преступлений прикрыто священным именем Монарха, сколько крови скрыто под горностаевой мантией, покрывающей плечи Государя Императора".[71]

Дума требовала амнистии, а политические убийства, которые продолжались и после открытия Думы, ею поощрялись. Додумались до адреса Государю, в котором выражались требования, противоречащие Основным Законам: ответственное перед Думой министерство, принудительное отчуждение земель, упразднение Государственного Совета и амнистия для убийц (политических). Правительство (Председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин) ответило, что вопросы, поднятые в адресе, не подлежат компетенции Думы. На это В.Д. Набоков, тоже юрист, ответил, что "...власть исполнительная да покорится власти законодательной",[72] что тоже, конечно, противоречило Основным Законам, чего не мог не знать, конечно, Набоков.

Началось опять "шатание умов", террор не прекращался, которому открыто покровительствовала Дума. Эта же Дума приняла проект об отмене смертной казни, поощряя всяческие политические убийства. Новый Министр Внутренних Дел П.А. Столыпин написал в "Новом Времени":

"Главная позиция, захваченная революцией, это Государственная Дума. С ее неприкосновенных стен, как с высокой крепости, раздаются воистину бесстыжие призывы к разгрому собственности, к разгрому государства и день ото дня наглее, день ото дня разнузданнее, чаще и чаще поднимаются голоса, угрожающие самой Верховной Власти..."[73]

А известный историк С.Ф. Платонов писал в том же "Новом Времени":

"Нужен роспуск Думы на законном основании; эта мера была бы спасительной".[74]

Затем Дума постановила обратиться к населению, заявив, что "от принудительного отчуждения частновладельческих земель Дума не отступит".

Наконец, Государь увидел, что работать с этой Думой нельзя, и выпустил Манифест о роспуске Думы. Члены Думы выехали в Выборг и там выпустили обращение к народу с призывом не платить налогов, не идти на военную службу.

Правительство не привлекало их к ответственности, а просто игнорировало, и лишь значительно позже составлявшие воззвание были привлечены к суду. Население никак не реагировало на это воззвание "мудрых народных избранников". Таким образом, Дума не хотела работать, а продолжать революцию в другой форме.

После роспуска Думы многие правые деятели предлагали Государю упразднить Думу. Но Государь, верный своему Царскому слову, решил, борясь безпощадно с насильственными проявлениями революции, проводить необходимые реформы. Для этой задачи Он призвал к возглавлению Правительства Петра Аркадьевича Столыпина, который был Министром Внутренних Дел в Правительстве И.Л. Горемыкина.

П.А. Столыпин был как раз тем человеком, который мог справиться с той тяжелой задачей, которую поручил ему Государь Император. Энергичный, прекрасный оратор, с большим личным мужеством, безконечно преданный Государю, убежденный монархист, знакомый с земством и аграрным вопросом, он резко отличался от других представителей власти, чаще всего только плохих или хороших бюрократов. Он был полной противоположностью такому человеку, как Витте. Он хотел привлечь в свое правительство представителей общественности (Гучкова, Н. Львова, Самарина), но условия их не были приемлемы.

По всей стране опять прокатилась волна политических убийств, военных бунтов (Свеаборг, Кронштадт), грабежей

банков и почтовых контор. Наконец, было совершено покушение на П.А. Столыпина. На его даче были брошены бомбы. При этом погибло значительное число людей и тяжело ранены дети Столыпина. На следующий день террористы убили генерала Мина, который подавил восстание в Москве и предотвратил кровопролитие в Петербурге. Государь был подавлен и покушением на Столыпина, и смертью Мина, героически боровшихся с губителями России. Государь предложил Столыпину переехать в Зимний Дворец, чтобы предохранить его от новых покушений. П.А. Столыпин продолжал свою деятельность, руководствуясь двумя принципами — уничтожение революции и реформы стране. Столыпин заявил в своем сообщении:

"Революция борется не из-за реформ, проведение которых почитает своей обязанностью и Правительство, а из-за разрушения самой государственности, крушения монархии и введения социалистического строя".[75]

Столыпин наметил целый ряд реформ, а для подавления революции учреждение военно-полевых судов. Это было совершенно необходимо, так как за год было убито 768 представителей власти, в том числе Варшавский Генерал-Губернатор Вонлярлярский, Петербургский Градоначальник фон-дер-Лауниц и другие.

В своих реформах Столыпин главное внимание обращал на сельское хозяйство и положение в деревне. Указами Правительства в это время были отменены все ограничения для крестьян в отношении государственной и военной службы, в отношении поступления в учебные заведения, в отношении власти сельского схода над отдельными крестьянами. Крестьянский банк выдавал крестьянам ссуды под надельные земли. Этим актом менялся уже характер владения землей, земля признавалась уже личной собственностью крестьян. Но все это было только подготовкой к ликвидации векового зла — общины. Началась эпоха развития и укрепления частной земельной собственности. Указ 9 ноября 1906 года о раскрепощении общины — историческое событие. В этом решении Столыпин получил полную поддержку Государя.

Между тем началась подготовка к выборам во Вторую Думу. В избирательной кампании на этот раз участвовали и крайние левые, то есть социалисты всех толков. Вторая Дума была Думой крайних социалистов и крайних правых. Население мало интересовалось новой Думой.

В Думе П.А. Столыпин выступил со своей речью, ставшей известной своей заключительной частью:

«Правительство будет приветствовать всякое открытое разоблачение какого-либо неустройства — но иначе оно должно отнестись к нападкам, ведущим к созданию настроения, в атмосфере которого должно готовиться открытое выступление. Эти нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у власти паралич и мысли и воли, все они сводятся к двум словам — "руки вверх". На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: "**не запугаете**».[76]

Затем, говоря о своем любимом детище реформы сельского хозяйства, Столыпин сказал:

"Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. **Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия**".[77]

Но и Вторая Дума была неработоспособна. Социал-демократы вошли в связь с группой распропагандированных солдат, которые называли себя военной организацией социал-демократов. Подготовлялся военный заговор. Столыпин потребовал снятия депутатской неприкосновенности думской фракции социал-демократов за устройство военного заговора. 3-го июня Дума была распущена и арестованы депутаты социал-демократы.

Затем был выработан новый избирательный закон, который мог бы дать работоспособное народное представительство в рамках существующих законов. Так как во второй Думе инородцы часто решали вопросы в ту или иную сторону своим голосованием (в особенности "польское коло"), то было решено, что новый избирательный закон должен дать Государственную Думу "русскую по духу".

В Манифесте 3 июня, объявлявшем о новом избирательном законе, было ясно сказано и о прерогативах Верховной Власти.

"Все изменения в порядке выборов не могут быть проведены обычным законодательным путем через ту Государственную Думу, состав коей признан Нами неудовлетворительным, вследствие несовершенства способа избрания ее членов. Только Власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической Власти Русского Царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым. От Господа Бога вручена Нам Власть Царская над народом Нашим, перед Престолом Его Мы дадим ответ за судьбы Державы Российской. В сознании этого черпаем Мы твердую решимость довести до конца начатое Нами великое

дело преобразования России и даруем ей новый избирательный закон".[78]

Таким образом власть Русского Царя остается основой государства. Все законы исходят от нее. Манифест 17 октября 1905 года и Основные Законы 23 апреля 1906 года установили новый обычный законодательный путь, ограничивающий Царскую Власть в издании новых законов. Но если спасение государства не достигается обычным законодательным путем — Царская Власть оставляет за собой обязанность и право изыскать иной путь. Это и было "Самодержавие, такое как и встарь". Государь остался Верховным Вождем страны.

Глава VI

СТОЛЫПИНСКИЕ РЕФОРМЫ. ПАРТИИ.

Новый избирательный закон дал Третью Государственную Думу, которая была более работоспособна, чем первые две. Государственный Совет наполовину состоял из выборных членов, наполовину из лиц по назначению от Государя. И члены Думы и Государственного Совета имели право вносить запросы министрам. Для проведения в жизнь всякого нового закона и для отмены старого требовалось согласие обеих законодательных палат и утверждение Государя.

Появились газеты резко оппозиционного направления. В Государственной Думе существовали фракции социалистов. Столыпин выступил в Думе с декларацией, которая начиналась так:

"Историческая Самодержавная власть и свободная воля Монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана в минуты потрясений и опасности для государства к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды... Нельзя к нашим русским корням, к нашему русскому стволу прикреплять какой-то чужестранный цветок. Пусть расцветет наш родной русский цвет, пусть он расцветет и развернется под влиянием взаимодействия Верховной Власти и дарованного ею **нового представительного строя**".[79]

Родичев, конституционный демократ, отвечая Столыпину, сделал личный выпад против него, и тут большинство Думы протестовало криками:

"Вон! Долой!"

Настроение Думы изменилось. Изменил отношение к Думе и Государь. На приветственную телеграмму правых депутатов Государь ответил:

"Верю, что созданная Мною Дума обратится на путь труда и в строгом подчинении установленным Мною Основным Законам оправдает Мои надежды".[80]

Самой крупной партией Третьей Думы были октябристы. В этой партии было правое и левое крыло. Вождем этой пар-

тии был Гучков, богатый москвич из купцов ("неторгующий купец"). Быв всегда сторонником конституции, он в то время еще не был сторонником революционных действий, так как находился под влиянием П.А. Столыпина, который заставил Третью Думу не только говорить, но и работать. Обсуждение бюджета давало Думе большое влияние на весь государственный аппарат. Ораторам оппозиции предоставлялась возможность публичной критики Правительства для своей пропаганды. Но вообще между Столыпиным и думским большинством установилось дружное взаимодействие. Все же левые и кадеты все время стремились Думу превратить в парламент. Так, например, Милюков требовал создания "парламентской следственной комиссии" для ревизии железных дорог. Министр финансов Коковцев на это заявил, что "у нас, Слава Богу, нет парламента".

Столыпин прилагал все усилия, чтобы была как можно скорее уничтожена община. Против него выступали и социалисты, и кадеты, и часто правые. Вот выдержка из одной его речи в Думе по этому поводу:

"Неужели не ясно, что кабала общины и гнет семейной собственности являются для девяноста миллионов населения горькой неволей? Неужели забыто, что путь этот уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу?.. Была минута, и минута эта не далека, когда вера в будущее России была поколеблена... Ненарушена была в эту минуту лишь вера Русского Царя в силу русского пахаря и русского крестьянина..."[81]

Закон о земельном переустройстве прошел большим большинством против социалистов, кадетов и части правых. Что касается военного ведомства, то Гучков все время стремился влиять на обсуждение военных вопросов в Думе. Компетенции законодательных палат подлежали только кредиты, отпускаемые на военные нужды. Государственная Дума в лице Гучкова старалась вмешиваться в область, ей не подлежащую, как обсуждение штатов и другие вопросы. Это вызвало отповедь П.Н. Дурново, в то время члена Государственного Совета, который заявил:

"Под рассматриваемым на первый взгляд малым делом скрывается особливо важный вопрос о прерогативах Императорской Власти... Не рано ли, господа, менять Российскую Императорскую Армию на армию случайностей и дилетантизма?"[82]

Приблизительно в это же время Столыпин заявил:

"Итак, на очереди главная задача — укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского Правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и перед всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа — вот девиз для нас всех, русских! **Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!**"[83]

Так говорил большой государственный человек и патриот П.А. Столыпин, который понимал, что России нужен мир и дружная работа для укрепления мощи Русского государства под скипетром Монарха. Но это же понимали и враги России как внешние, так и внутренние, которые всячески стремились из Государственной Думы сделать парламент и ввести конституционный строй, в котором роль Монарха сводилась бы к чтению "тронных речей", то есть "шпаргалок", заготовленных лидерами партий, послушных издревле враждебным нашему историческому государственному Самодержавию силам.

Наш Государь был непоколебим именно в этом вопросе. Он понимал (и это было в течение всего его царствования), что только Он является хранителем наших исторических судеб и, несмотря на все старания наших "передовых", "прогрессивных" и "либеральных" кругов (а на самом деле людей, которые были или сами масонами, или находились под их влиянием, или просто стремящихся по тем или другим причинам к разрушению русской государственности) доказать, что Государь был слабоволен, они не могли убедить в этом честных (как их было мало!) государственных людей за границей.

Вот что говорил о Государе бывший президент Франции Эмиль Лубэ:

"О Русском Императоре говорят, что Он доступен разным влияниям. Это глубоко неверно. Русский Император Сам проводит свои идеи. Он защищает их с постоянством и большой силой. У Него есть зрело продуманные и тщательно выработанные планы. Над осуществлением их Он трудится безпрестанно. Иной раз кажется, что что-либо забыто. Но Он все помнит. Например, в наше собеседование в Компьене у нас был интимный разговор о необходимости земельной реформы в России. Русский Император заверял меня, что Он давно думает об этом. Когда реформа землеустройства была проведена, мне было сообщено об этом через посла, причем любезно вспомянут был

наш разговор. Под личиной робости, немного женственной, Царь имеет сильную душу и мужественное сердце, непоколебимо верное. Он знает, куда идет и чего хочет".[84]

В марте 1910 года Гучков был избран председателем Государственной Думы. Ходили очень упорные слухи, что Гучков хотел при помощи своих докладов Государю влиять на Государя в желательном для него направлении. Очевидно, эти слухи дошли до Государя, но имели обратный результат — Государь относился к новому председателю Думы корректно, но достаточно холодно, чтобы Гучков понял о тщетности своих намерений. Гучков это понял, и с этих пор у него к Государю появилось недоброе чувство, которое позже перешло в открытую вражду. В своей вступительной речи как председатель Государственной Думы Гучков сказал:

"Я убежденный сторонник конституционно-монархического строя и при том не со вчерашнего дня... Вне форм конституционной монархии я не мыслю мирного развития современной России. Мы часто жалуемся на внешние препятствия, тормозящие нашу работу. Мы не должны закрывать на них глаза: с ними придется нам считаться, а, **может быть, придется и сосчитаться**".[85]

И как сосчитался этот злобный гробокопатель России! В угоду "братства вольных каменщиков", деятельным членом которого он был, он был одной из центральных фигур того страшного заговора, который превратил нашу Родину в оплот безбожного Интернационала.

Глава VII

СЕМЬЯ ГОСУДАРЯ. ИМПЕРАТРИЦА. РОЖДЕНИЕ НАСЛЕДНИКА И ЕГО БОЛЕЗНЬ.

В своем изложении всего того, что предшествовало непосредственным событиям настоящей работы, я подошел к тому месту, в котором необходимо подробно остановиться на личной жизни Государя, его Семье и в особенности на личности Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

Потеряв свою мать Алиса Гессенская, дочь Великого Герцога Гессенского, воспитывалась у своей бабки – Королевы Англии – Виктории. Ей было в то время восемь лет. Ее старшая сестра Элла (Елизавета Феодоровна) была замужем за Великим Князем Сергеем Александровичем. 14-ти лет Принцесса Алиса приехала впервые в Россию навестить свою сестру. Она познакомилась с Наследником Русского Престола Великим Князем Николаем Александровичем. Оба проявляют друг к другу симпатию. В следующий приезд Принцессы Алисы взаимная симпатия переходит уже в серьезное чувство. Это не ускользнуло от внимания Державных родителей Наследника, у которых были планы женить старшего сына на французской принцессе. Когда через год Принцесса Алиса приезжает в третий раз в Россию, Наследнику запрещено с ней увидеться. Проходит несколько лет, но и Наследник Николай Александрович, и Принцесса Алиса продолжают любить друг друга. Когда Император Александр III заболевает болезнью, сведшей его в могилу, встает вопрос о браке Наследника Престола. Когда старший из Великих Князей, Михаил Николаевич спрашивает об этом Николая Александровича, тот отвечает, что готов жениться, но только на Принцессе Алисе, которую его родители не хотят видеть своей невесткой. Ни на ком другом он никогда не женится. Узнав об этом, больной Император согласился на этот брак. По-видимому, Императрица Мария Феодоровна не смогла до конца изменить своего внутреннего отношения к будущей жене своего сына. Их отношения так и не стали более сердечными, чем требовал этикет и известные правила, существовавшие в Императорской Фамилии.

Вот что пишет Великий Князь Александр Михайлович о приезде будущей Императрицы:

"Невеста нового Императора, Принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, прибыла из Германии накануне кончины Александра III. Министр Двора был настолько потрясен болезнью Государя, что забыл отдать распоряжение о высылке на границу Императорского поезда, и будущая Императрица Всероссийская путешествовала по России, как простая смертная. В церкви Ливадийского дворца состоялось ее крещение по православному обряду. Бракосочетание молодого Царя состоялось менее чем через неделю после похорон Александра III. Их медовый месяц протекал в атмосфере панихид и траурных визитов. Самая нарочитая драматизация не могла бы изобрести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего Русского Царя".[86]

Плохо зная русский язык и все сложные взаимоотношения придворной жизни, молодая Императрица невольно делала ошибки, которые обсуждались и осуждались высшим светом. Застенчивая от природы и терявшаяся в незнакомой обстановке, молодая Императрица была запугана отношением к ней Двора, и это создало натянутость в Ее обращении с окружающими. Ее сравнивали (и не в Ее пользу) со вдовствующей Императрицей Марией Феодоровной, постигшей в совершенстве все трудности придворного этикета. Мария Феодоровна отличалась любезностью и той простотой, которая доступна очень немногим, и своей приветливостью очаровывала своих собеседников. Сказывалось Ее долголетнее пребывание в качестве супруги Наследника Престола в атмосфере Императорского Двора и высшего петербургского света. Она прошла нелегкую школу и ознакомилась с бюрократическим и светским Петербургом.

Молодая Царица незаслуженно была обвинена в снобизме, чего на самом деле, конечно, не было. Ей приписывалась надменность, а на самом деле это было чувство собственного царского достоинства. Она была подлинной Императрицей, в лучшем смысле этого слова, как в свое время была подлинной Королевой Мария-Антуанетта. И одну, и другую роковым образом постигла одна и та же судьба. К прискорбию нужно отметить, что Императрица Мария Феодоровна не старалась помочь своей невестке разобраться во всей сложности отношений в новой для нее обстановке и всячески старалась оставаться на ролях царствующей Императрицы. Император Николай II все это близко принимал к сердцу, и это не улучшало отношений между Двором и обществом. Молодая Государыня не заслужи-

вала такого отношения к себе, так как Она была на голову выше как всего придворного окружения, так и многих членов Императорской Фамилии. Очень немногие знали, что у молодой Государыни была хроническая болезнь (воспаление седалищного нерва), которая причиняла Ей часто сильные боли и заставляла Ее на приемах ограничиваться формальной частью и скорее удаляться во внутренние покои. Впоследствии у Государыни начала развиваться и серьезная сердечная болезнь, которая приковывала Ее большую часть дня к кушетке. В домашней обстановке Государыня совершено менялась. К людям, находившимся в Ее личном услужении, Она относилась внимательно и ласково, заботливо входила в нужды Ее окружающих. Няня наследника Цесаревича Вешнякова называла Государыню святой женщиной.

В своем очень интересном очерке "Памяти последнего Царя" Архимандрит Константин пишет о двух сановниках Российской Империи, Владимире Гурко и С. Сазонове в очень лестных для них выражениях. О первом Архимандрит Константин пишет:

«Показательна в этом отношении честная и умная книжка В.И. Гурко "Царь и Царица". Автор ее — один из лучших сынов ушедшей России, один из столпов ее государственного строительства. Человек редкого ума и исключительного образования, он был украшением сановной русской бюрократии».[87]

Позволю себе не согласиться с мнением глубокоуважаемого автора цитируемого очерка. Уже сам Архимандрит Константин на стр. 14 пишет о Гурко:

«Но высоко расценивая моральный облик Царя, Гурко не находит ключа к пониманию его личности... В плане государственном и для Гурко Царь — "маленький" человек, не стоящий на уровне задач, ставившихся Ему действительностью! По мнению Гурко, Царю вообще была чужда широкая картина — Он был "миниатюристом", "способным осознавать только детали"».

Архимандрит Константин пишет о Гурко:

"Пав жертвой интриги, он оказался при проведении реформы (земельной реформы Столыпина — *В.К.*) в жизнь обреченным на относительное бездействие, но не озлобился и не превратился в будирующего оппозиционера".

Так ли это? Действительно ли все эти гурко, сазоновы, наумовы были на высоте и во время своей деятельности до революции в России, и в своих высказываниях в воспоминаниях, вышедших уже за рубежом? Позже я коснусь вопроса о Сазонове в связи с высказываниями о нем и Архимандрита Констан-

тина, и других его современников. Я заговорил о Владимире Гурко, позже я буду говорить о его брате — генерале Василии Гурко и его "вкладе" в февральскую революцию. Гурко не озлобился, пишет Архимандрит Константин. Я сейчас процитирую выдержки из его "честной" книжки, где он говорит о Государыне:

«Императрица Александра Феодоровна представлявшимся Ей дамам, в том числе и пожилым, протягивала руку для целования прямо к губам, что у многих порождало возмущение. Недовольные говорили: "Императрица Мария Феодоровна, пользующаяся всеобщими симпатиями, неизменно старается, не взирая на свой возраст, не допускать дам до целования своей руки, а вчерашняя Принцесса захудалого немецкого княжества, где даже умерших хоронят стоя, иначе они окажутся за пределами своей родины, демонстративно на этом настаивает».[88]

Дальше, описывая внешность Государыни, которая была на редкость красивой женщиной, Гурко пишет:

"Не привлекала к тому же симпатий и наружность Государыни. В красивых, правильных чертах ее лица, определенно германского типа, не сказывалась порывистая страстность ее натуры, в них отражалась величавая флегматичность. Впрочем, с годами и на этом лице можно было заметить перемену: опущенные углы рта, — вероятно, следствие пережитых разочарований в людях и накопившейся в душе горечи, — сообщили чертам Императрицы еще большую холодность и даже оттенок презрительности".[89]

Дальше пишет "незлобивый" Гурко:

"Императрица всех обдавала холодом и вызывала у своих собеседников отнюдь не симпатичные к себе чувства. Она не умела покорять сердца, даже наиболее склонные переполняться любовью и благоговением к Царствующим Особам. Так, например, в женских институтах, состоявших в ведении вдовствующей Императрицы, где всегда господствовала традиция экзальтированного преклонения перед членами Царской Семьи, Александра Феодоровна при своих посещениях оставалась холодна как лед... От Государыни Александры Феодоровны воспитанницы института не слышали ни одного приветливого слова, не видели ни одного ласкового жеста".[90]

В этих высказываниях Гурко мы видим и неприязнь, и мелочность, и то, что так характерно было для высшего света — пересуды о Государе и Государыне, ну, совсем как в свое время было в лакейской, где слуги сплетничали о своих барах.

По счастью есть и другие отзывы о Царской Чете. Генерал М. Дитерихс, под руководством которого происходило следствие об убийстве Царской Семьи, пишет в своей книге следующее:

«Рассматривая Императора Николая II, как носителя и охранителя Божественности происхождения власти русского Государя, нельзя отделять его от его жены Императрицы Александры Феодоровны. В браке Государя и Государыни вполне оправдались слова Христа: *так что они уже не двое, но одна плоть* (Мф. 19, 5). Слияние их было действительно полным; верой в святость Самодержавной Власти, в Помазанничество Божье. Они горели оба с равной силой и с равным самоотвержением, но своей громадной волей и твердым характером Императрица Александра Феодоровна дополняла в природе Русского Царя то, чего недоставало в натуре Императора Николая Александровича. Как люди, они тяготились своей властью, своим державным положением, но как Царь и Царица России, унаследовав Престол Русского Государства и приняв самодержавную, Богом прославленную историческую власть русских Государей, они уверовали в истинность и соответствие ее идеологии русского народа всею силой своих православных христианских сердец и недюжинных разумов. Слившись друг с другом *в одну плоть*, они слились с русской идеей о Верховной Власти в одну душу. Они глубоко исповедовали, что высшее право над русским народом, представляемое им самодержавной властью, заключается для них в высших обязанностях перед народом: "если только нужно для России, мы готовы жертвовать и жизнью и всем", — говорила Императрица Александра Феодоровна. И это были не слова...»[91]

Несмотря на то, что брак Государя с Государыней был счастливым, первые десять лет, кода родились четыре дочери, были омрачены тем обстоятельством, что у Царской Четы не было сына, т.е. Наследника Престола. Наконец, в 1904 году родился сын. Какая это была радость и для Государя, и Государыни, и для всей России! Ребенок был на редкость красив, обаятелен и с малых лет стал проявлять свою волю. Сильную волю он унаследовал от деда, обаяние от отца, красоту от своей матери. От матери же он унаследовал и неизлечимую болезнь — гемофилию. Началась ужасная трагедия Государыни. Она понимала, что она является виновницей болезни своего обожаемого сына, неизлечимой и ужасной болезни Наследника Престола.

Американец Robert K. Massie в своей книге "Nicholas and Alexandra"* пишет, что причиной появления этого труда явилось обнаружение гемофилии у его сына. Интересуясь наследственностью этой болезни, он стал изучать все известные случаи этой болезни, что и привело его к мысли ознакомиться ближе с семьей последнего русского Царя, сын которого был болен гемофилией. В своей книге (местами интересной, но не без "гафф", столь свойственных нерусским исследователям) он приводит диаграмму распространения этой болезни в нескольких европейских династиях. Эта болезнь передается через женщин (сами они не больны, а только являются передатчицами этой болезни) своим сыновьям.

В этой генеалогической таблице мы видим, что начало этой болезни исходит от Королевы Англии Виктории. Она передала эту болезнь своему сыну Леопольду (который умер 31 года), а две ее дочери Алиса и Беатрисса были передатчицами этой болезни своим сыновьям. Принцесса Алиса вышла замуж за Великого Герцога Гессенского Людвига IV. От этого брака было пять дочерей и два сына. Один из сыновей (Фридрих) умер от гемофилии 3 лет, и две дочери Ирена и Алиса были передатчицами гемофилии своим сыновьям. Принцесса Ирена вышла замуж за принца Генриха Прусского. Оба сына ее были больны гемофилией. Принц Вальдемар умер 56 лет и принц Генрих 4 лет. Принцесса Алиса вышла замуж за Императора Николая II. Их сын был болен гемофилией. Это был Наследник Цесаревич и Великий Князь Алексей Николаевич. Ему было 14 лет, когда он вместе со своими Державными родителями и четырьмя сестрами был зверски убит изуверами и врагами нашей Родины. От дочери Королевы Виктории Беатриссы гемофилия через ее дочь Викторию-Евгению, Королеву Испании, перешла к двум сыновьям последней – принцу Альфонсу (умер 31 года) и принцу Гонзало (умер 20 лет). Пишу я об этом так подробно, чтобы показать, что лица, больные гемофилией, могут жить и очень мало, и дожить до 56 лет (принц Вальдемар Прусский).[92]

Для Государыни болезнь сына была Голгофой. В особенности когда у Наследника вследствие ушибов бывали внутренние кровоизлияния, которые причиняли ребенку невероятные страдания. Не меньше его страдала и его мать и морально, и физически, так как сердечная болезнь Государыни стала быстро развиваться. Я приведу несколько выдержек из воспомина-

* Роберт Мэсси «Николай и Александра» (*ред.*).

ний П. Жильяра, швейцарца, воспитателя Наследника, который не в пример очень многим русским отправился с Царской Семьей в изгнание и позже всегда с благоговением вспоминал и писал о Семье Царственных Мучеников. Как мне всегда стыдно читать воспоминания русских "сановников", генералов, адмиралов, протопресвитеров, полковников и прочих, которые порой с иронией, порой с развязностью дурно воспитанных людей и снисходительностью, а порой и с наглостью и злобой отзываются о Священной Особе Государя Императора и Государыни Императрицы. Понимали ли они, эти "монархисты" (как они себя называют), что значит Священная Особа Государя? Верили ли они действительно, что Государь – Помазанник Божий и что "власти Монарха повиноваться не только за страх, но и за совесть Сам Бог повелевает"? Не думаю. В своих воспоминаниях они пишут только о том, как они все предвидели, понимали, знали, и что если бы их "послушался" бы Государь, все было бы в порядке. Затем, спохватившись и вспомнив, что Государь и Его Святая Семья прияли Венец мученический, очень коротко заявляют, что после отречения Государь и Государыня действительно заслуживают преклонения перед их мученическим подвигом.

Вернемся к выдержкам из воспоминаний Жильяра.

"Мы кончали урок с Великой Княжной Ольгой Николаевной, когда Императрица вошла в комнату с Наследником на руках. Она шла к нам с явным намерением показать мне его. Она вся сияла беспредельной радостью матери, заветная мечта которой, наконец, осуществилась. Она была счастлива и гордилась красотой своего ребенка. Цесаревич был действительно прелестный мальчик с чудными белокурыми локонами и большими серо-синими глазами, оттененными длинными ресницами. У него был свежий цвет лица здорового ребенка, и когда он улыбался, две ямочки показывались на его щечках. Он смотрел на меня серьезно и застенчиво и, когда я подошел, с трудом решился протянуть мне пухленькую ручку. Во время этого первого свидания я заметил, как неоднократно Императрица прижимала сына к груди, точно охраняя его или боясь за его жизнь. Этот жест и сопровождавший его взгляд обнаруживали острое внутреннее страдание и глубоко поразили меня в это время. Только гораздо позже я понял все значение этого взгляда. Вскоре я узнал, что он страдает болезнью, о которой говорят неохотно и точный характер которой никто мне не мог опреде-

лить. Только осенью 1913 года, когда я был назначен воспитателем Алексея Николаевича, я узнал от доктора Деревенко, который при нем состоял, в чем заключается эта болезнь. Он мне сказал, что Наследник Цесаревич страдал гемофилией. Он мне пояснил, что малейшее ранение могло повлечь за собой смерть ребенка, так как кровь гемофилика не имеет свойства сгущаться как у нормального организма. Кроме того, стенки артерий и вен такого больного до того хрупки, что всякий ушиб или даже чрезмерное усилие может вызвать разрыв сосудов и повлечь за собой кровоизлияние со смертельным исходом. Вот в чем состояла страшная болезнь Алексея Николаевича — постоянная угроза его жизни".[93]

Далее он пишет о Государыне:

"Мать целовала его волосы, лоб, глаза, стараясь лаской своей облегчить его страдания и вернуть частицу тех жизненных сил, которые постепенно его оставляли. Какой пыткой было для матери безпомощно присутствовать при мучениях своего ребенка, зная, что Он страдает из-за Нее, что Она Сама передала Ему эту страшную болезнь, перед которой наука безсильна. Только тогда я понял всю скрытую трагедию этой жизни, и мне стали ясны этапы Ее крестного пути".[94]

Вкратце я коснусь вопроса, который часто подымался во многих воспоминаниях людей самых различных взглядов — влияние Государыни на государственные дела. В течение долгого времени Государыня ограничивалась тем, что в домашнем быту старалась всячески, чтобы Государь отдыхал от государственных забот. В первый период своего царствования Государь часто советовался со своей матерью, Императрицей Марией Феодоровной. Впервые Государь стал говорить со своей Супругой о государственных делах во время революции 1905 года.

Государыню интересовал вопрос уже тогда о незыблемости Самодержавия. Но Она не находилась тогда непрерывно в курсе государственных дел. Государыня была всегда склонна к мистицизму. Приняв Православие, Она не стала, как большинство принцесс, вышедших замуж за членов русской Императорской Фамилии, исполнять только необходимые обряды, но всей своей ищущей натурой обратилась к основам нового для Нее вероисповедания. Болезнь сына заставила Государыню обратиться к духовенству, прося их молитв, а затем к поискам "праведных молитвенников", которые своими молитвами выпросили бы у Бога чуда, которого так ждала несчастная мать, —

исцеления неизлечимо-больного сына. В это время появляется Григорий Распутин. В то время Государыня была еще в дружеских отношениях с Великими Княгинями Милицей и Анастасией (женами Великих Князей Николая Николаевича и его брата Петра). Наследнику Цесаревичу в те годы приходилось переживать кризис за кризисом, грозившие Ему смертью. Чуда, которого так ждала Государыня, еще не было. Тогда обе Великих Княгини Милица и Анастасия, которые уже принимали у себя Распутина, как "старца", посоветовали Государыне принять его у себя. Распутину удалось убедить Государыню, что его молитвы помогут Алексею Николаевичу. И, действительно, после его визита бедному Страдальцу стало лучше. С тех пор каждый раз, когда Распутин появлялся во Дворце во время болезни Наследника, Алексею Николаевичу становилось сразу лучше.

Камер-юнгфера Государыни Тутельберг оставила следующий исторически ценный рассказ:

"Распутин попал к Царской Семье впервые, как мне помнится, в Спале. С Алексеем Николаевичем произошло несчастье. Он резвился в бассейне и ушибся. У него отнялась тогда одна нога, и Ему было очень худо. Его тогда лечили профессор Федоров, доктор Острогорский, доктор Боткин и доктор Деревенко. Ему было настолько худо, что у Него очень плохо работало сердце и был плохой пульс. Все опасались за его жизнь, и Алексей Николаевич страдал ужасно; сильно кричал. Тогда супруга Великого Князя Николая Николаевича Анастасия Николаевна указала Ее Величеству на Распутина, как на человека, имеющего особую силу, — его молитва исцеляет. Он был у нас, молился о выздоровлении Алексея Николаевича, и Алексею Николаевичу тогда же стало легче. После этого Распутин бывал у нас во Дворце неоднократно, но вовсе не так часто, как это говорили. Он бывал у нас тогда, когда бывал болен Алексей Николаевич. Сама я видела его за все время только один раз".[95]

Камердинер Волков показал следующее:

"Распутина я за все время видел во Дворце сам два раза. Его принимали Государь и Государыня вместе. Он был у Них минут 20 и в первый, и во второй раз. Я ни разу не видел, чтобы он даже чай у Них пил".[96]

Жильяр рассказал следующее:

"Относительно роли Распутина в жизни Царской Семьи я могу показать следующее. Распутин появился у Них, должно быть, в 1906 году. Мои многолетние наблюдения и попытки

объяснить причину его значения у Них довели меня до полного убеждения, которое мне кажется истиной или очень близким к истине, что его присутствие во Дворце тесно связано с болезнью Алексея Николаевича. Узнав его болезнь, я понял тогда силу этого человека".[97]

Об одном случае пишет в своих воспоминаниях А. Вырубова:

«...Последующие три недели Он находился между жизнью и смертью, день и ночь кричал от боли; окружающим было тяжело слышать его постоянные стоны, так что иногда, проходя его комнату, мы затыкали уши. Государыня все это время не раздевалась, не ложилась и почти не отдыхала, часами просиживала у кровати своего маленького больного сына, который лежал на бочку с поднятой ножкой — без сознания. Ногу эту Алексей Николаевич потом долго не мог выпрямить. Крошечное, восковое лицо с заостренным носиком было похоже на покойника, взгляд огромных глаз был безсмысленный и грустный. Как-то раз, войдя в комнату сына и услышав его отчаянные стоны, Государь выбежал из комнаты и, запершись у себя в кабинете, расплакался. Как-то раз Алексей Николаевич сказал своим родителям: "Когда я умру, поставьте Мне в парке маленький каменный памятник". Из Петербурга выписали доктора Раухфуса, профессора Федорова с ассистентом, доктором Деревенко. На консультации они объявили состояние здоровья Наследника безнадежным. Министр Двора уговорил Их Величества выпускать в газетах бюллетени о состоянии здоровья Наследника. Доктора очень опасались, что вследствие кровоизлияния начнет образовываться внутренний нарыв. Раз, сидя за завтраком, Государь получил записку от Государыни. Побледнев, он знаком показал врачам встать из-за стола: Императрица писала, что страдания маленького Алексея Николаевича настолько сильны, что можно ожидать самого худшего. Как-то вечером, после обеда, когда мы поднялись наверх в гостиную Государыни, неожиданно в дверях появилась Принцесса Ирина Прусская, приехавшая помочь и утешить сестру. Бледная и взволнованная, она просила нас разойтись, так как состояние Алексея Николаевича было безнадежно. Я вернулась обратно во Дворец в 11 часов вечера; вошли Их Величества в полном отчаянии. Государыня повторяла, что Ей не верится, чтобы Господь Их оставил. Они приказали мне послать телеграмму Распутину. Он ответил:

"Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его не мучают".

Вскоре Наследник стал поправляться».[98]

Из приведенных мной выдержек становится совершенно понятным, что Государыня считала Распутина святым, который облегчал, а иногда и прекращал страдания Ее сына. Когда же Ей говорили о недостойном поведении Распутина, Государыня, не доверяя никому, считала все клеветой, тем более, что данных у Нее было немало — Она испытала это с самого начала своего пребывания в России.

Позже, когда мы ближе будем к роковым событиям, я покажу из многочисленных данных, имеющихся в моем распоряжении, как одни сознательно, а другие безсознательно использовали легенду о "всемогуществе" Распутина и Вырубовой для достижения своей цели — уничтожения Монархии, а вместе с ней и Российской Империи. "Calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose!"* — говорил за полтораста лет до февраля 1917-го старый циник. И русская общественность от Императорской Фамилии до социалистов всех мастей схватилась за эту мерзкую клевету и с каким-то диким садизмом разрушала все устои нашей тысячелетней государственности и устремлялась в пропасть. А где-то в тиши своих кабинетов главари международных заговорщиков смеялись над одураченными русскими, успешно и стремительно проводящими их планы.

Приблизительно в 1910 году впервые в печати стало появляться имя Распутина. Целый ряд газет ("Московские Ведомости", "Речь", "Новое Время") стали помещать заметки о "старце" Григории, который пользуется большой популярностью в некоторых придворных кругах, где производит впечатление человека праведного, с большим религиозным вдохновением, а затем, попадая в другую среду, предается диким страстям и ведет себя зазорно. Сам Распутин на политическое влияние не претендовал и только значительно позже, незадолго до катастрофы, им старались воспользоваться всевозможные карьеристы для достижения своих целей.

---

* Calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose (*фр.*) – Клевещите, клевещите, из этого всегда что-нибудь да выйдет (*ред.*).

Глава VIII

ГУЧКОВ И ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ВОЕННАЯ ЛОЖА. ПОЯВЛЕНИЕ РАСПУТИНА. СМЕРТЬ СТОЛЫПИНА.

Несмотря на свое несколько пошатнувшееся положение (роспуск обеих палат на несколько дней и проведение закона о западном земстве по 87-й ст. и временное устранение П.Н. Дурново и В.Ф. Трепова из Государственного Совета), П.А. Столыпин был чрезвычайно опасен для тех же международных сил, которые неустанно трудились над разрушением нашей Родины. Первого сентября 1911 года в Киеве по случаю приезда Государя и правительства на торжества открытия памятника Александру II в Городском Театре ставили "Жизнь за Царя" (какое совпадение!). К концу спектакля в антракте к Столыпину подошел неизвестный молодой человек и смертельно ранил его выстрелом из револьвера. У Столыпина хватило еще сил повернуться к Царской Ложе и осенить крестным знамением находившегося в ложе Государя. Когда Столыпина выносили из театра, он сказал: "Передайте Государю, что я рад умереть за Него и за Родину". 5-го сентября П.А. Столыпина не стало. Убийцей Столыпина был Богров, член с.-р. партии.

Для того, чтобы получить возможность убить Столыпина, он стал агентом Охранного Отделения. Смерть П.А. Столыпина потрясла всю Россию. Только после его смерти широкие круги русского народа почувствовали, какого большого государственного человека утратила Россия. Лучше других об утрате Столыпина написал Л. Тихомиров:

"На разбитых щепках некогда великого корабля, с изломанными машинами, пробоинами по всем бортам, с течами по всему дну, при деморализованном экипаже, при непрекращающейся бомбардировке врагов государства и нации — П.А. Столыпин, страшным напряжением своих неистощимых сил, беспредельной отдачей себя долгу, редкими правительственными талантами, умел плыть и везти пассажиров, во всяком случае, в относительном благополучии... Были лица более глубокие в смысле философии государства, более, конечно, твердого характера, более обширных знаний и, конечно, более определенного миросозерцания. Но правителя, соединившего такую совокупность блестящих

качеств, необходимых в то время, когда одному приходится заменять десятерых, правителя такого самоотвержения, такой напряженной сердечной любви к России — я не видел".

Государь долго молился у тела Столыпина. Жена покойного сказала Государю:

"Ваше Величество, Сусанины еще не перевелись на Руси".

На воздвигнутом памятнике Столыпину в Киеве стояли его слова:

"Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия".[99]

Но трагическая кончина П.А. Столыпина не изменила направление государственной политики — ее кормчим оставался сам Государь. Преемником Столыпина на посту главы правительства стал В. Коковцев. При новом правительстве усилились нападки оппозиции как слева, так и справа. Сразу сказалось отсутствие ораторского таланта у нового премьера, да и само правительство разделилось на "правое" и "левое" крыло.

Опять на политической сцене появился Гучков, уже смелее проводивший свои нападки против Верховной Власти в завуалированной форме. Гучков в своей речи обвинял Охрану в попустительстве убийства. Эти обвинения не имели, конечно, никакой реальной под собой почвы, но звучали эффектно. В это время Гучков уже не был председателем Думы — он ушел с этого поста добровольно, а его заместителем стал тоже октябрист М. Родзянко. Гучков в Думе повел резко оппозиционную линию и в своих выступлениях высказывался и против Распутина в связи со скандалом, в котором участвовал еп. Гермоген и небезызвестный Илиодор, и против обер-прокурора Синода Саблера, обвиняя его в попустительстве. Обвинял Гучков Распутина и в хлыстовстве. Расследование этого вопроса церковными властями и знатоком сектантства Бонч-Бруевичем (известным впоследствии большевиком) дало отрицательный результат,[100] и Государь стал еще холоднее относиться и к Гучкову, и к новому председателю Думы Родзянко, который хотел подать письменный доклад Государю о влиянии Распутина на государственные дела, не принятый Государем. Все это, конечно, было и лживо, и оскорбительно для Государя.

«"Поведение Думы глубоко возмутительно; особенно отвратительна речь Гучкова по смете Св. Синода. Я буду очень рад, если мое неудовольствие дойдет до этих господ, не все же с ними раскланиваться и только улыбаться". "Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы", — сказал Государь В.Н. Коковцеву».[101]

Но больше всего интересовался Гучков вопросами государственной обороны. Еще раньше при военном министре Редигере произошло выступление Гучкова по поводу штатов, т.е. личного состава командования, что не входило в компетенцию Думы. Это не было случайностью. В своих мемуарах Витте пишет, что Гучков сказал кому-то из русских во Франции:

"В 1905 г. революция не удалась потому, что войско было за Государя... В случае наступления новой революции необходимо, чтобы войско было на нашей стороне; поэтому я исключительно занимаюсь военными вопросами и военными делами, желая, чтобы, в случае нужды, войско поддерживало более нас, нежели Царский Дом".[102]

На квартире генерала В.И. Гурко с разрешения военного министра Редигера собирались видные представители военного министерства. Участник этих совещаний генерал А. Лукомский по этому поводу пишет следующее:

"...Генерал В.И. Гурко, на своей частной квартире, собирал представителей различных отделов военного министерства — с целью знакомить лидеров различных партий Государственной Думы с различными вопросами, их интересовавшими, и более детально и подробно разъяснять причины необходимости проведения тех или иных законопроектов. Члены Государственной Думы на эти собеседования приглашались персонально председателем комиссии обороны Государственной Думы (Гучковым — *В.К.*). На этих собеседованиях сообщались такие секретные данные, которые считалось невозможным оглашать не только в общем собрании Государственной Думы, но и даже и на заседаниях комиссии обороны".[103]

А вот, что пишет генерал Н.А. Степанов по этому же поводу в своем исследовании "Работа Военной ложи":

«Началось с приглашения, разрешенного военным министром генералом Редигером, офицеров в Государственную Думу, в качестве специалистов по техническим вопросам военных кредитов. Но вскоре брат А.И. Гучков негласно образовал постоянный кружок для обмена мнениями по военным текущим вопросам, в состав которого вошли члены Государственной Думы Савич Н.В., Крупенский П.Р., граф Бобринский В.А. и некоторые офицеры, преимущественно генерального штаба (Н.Н. Янушкевич, А.С. Лукомский, Д.Ф. Филатьев и др.), из служащих в Главных Управлениях Военного Министерства, во главе с генералом Василием Иосифовичем Гурко. К этому кружку примыкали свыше генералы Поливанов А.А. и Мышлаевский А.З.

Конституционные собрания происходили сперва на квартире генерала В.И. Гурко. Особенным вниманием хозяина дома пользовался генерального штаба полковник Василий Федорович Новицкий, который в составе небольшой группы революционно настроенных офицеров издавал в 1906 году газету "Военный Голос", закрытую после обыска и ареста членов редакции».[104]

«Работу военной ложи необходимо сопоставить с возобновлением в начале XX столетия масонских лож в России. Основываясь на статье М. Маргулиеса "Масонство в России за последние 25 лет", опубликованной в № 16 официального органа французского масонства "Акация", можно сказать, что в 1909 году в Петербурге были организованы три ложи: "Полярная Звезда", "Феникс" и "Военная Ложа". Этот Мануил Сергеевич Маргулиес, старый вольный каменщик французского посвящения, в котором достиг 18-го градуса, был деятельным участником возрождения масонских лож в России. В Петербургской ложе "Полярная Звезда" он быстро достиг 30-го градуса, а затем уже в эмиграции в Парижской ложе "Свободная Россия" мы встречаем его в высших орденских степенях. По профессии он присяжный поверенный, во время войны был ближайшим сотрудником Гучкова в Военно-промышленном комитете, а в 1919 году у генерала Юденича состоял министром торговли. Н.Д. Тальберг в статье о Гучкове,[105] основываясь на статье Маргулиеса в "Последних Новостях", описывает встречу Гучкова с тремя русскими в Константинополе, ездившими туда, чтобы познакомиться с техникой младо-турецкого переворота. Цели поездки не совсем понятны, если не принять во внимание, что и Гучков, и трое "русских", о которых говорит Маргулиес, ездили в Стамбул в качестве делегатов от русского масонства к турецкому. Об этом Маргулиес на страницах указанного нами журнала "Акация" говорит откровенно, что после учреждения в России Высшего Совета была организована миссия, которая была послана за границу и посетила Цюрих, Берлин, Будапешт, Рим, Венецию, Константинополь, где она "побраталась с младотурками". "Возвратясь в Россию, — говорит Маргулиес, — мы учредили две новых ложи: одну в Одессе и другую в Киеве"».[106]

"Вот эта-то любознательная поездка и привела к организации в Петербурге чисто военной ложи, учредителями которой генерал Степанов называет Гучкова и генерала В.И. Ромейко-Гурко. Члены раньше существовавшего кружка либеральных военных, преимущественно генштабистов, образовали готовое ядро

организаторов этой ложи, согласованной с поучениями, воспринятыми от младо-турок. Так в 1909 году братом Гучковым создан был независимый штаб, собиравшийся на квартире генерала В.И. Гурко на Сергиевской улице. В его состав вошли главным образом молодые карьеристы генерального штаба, располагавшие всеми секретными сведениями Главного Управления Генерального Штаба Императорской Русской Армии. Штаб этот установил живую непосредственную связь с оппозиционной Государственной Думой и корпусом офицеров Императорской Армии. Постоянно осведомленные из первых рук о всех недочетах, промахах и предположениях военного и морского ведомств, руководимых Гучковым, заговорщики искусно и широко сеяли в войсках семена недовольства и подрывали авторитет не только начальства, членов Императорского Дома, но и Самого Государя Императора".

«В своих "Воспоминаниях" генерал В.А. Сухомлинов рассказывает так:

"Когда я принял министерство (1909 год), мне и в голову не приходило, что вне этого ведомства народилось еще какое-то учреждение вне ведения военного министра, состоящее из военных чинов под председательством А.И. Гучкова. Совершенно случайно я узнал об этом; список участников постоянных, 9 или 10 человек, был вскоре у меня в руках. В нем, между прочим, значился генерал В.И. Гурко, редактор истории японской войны, полковник барон Корф и другие чины военного ведомства.

Я доложил об этом Государю, как о факте ненормальном, и о том, что все эти чины давно уже состояли в списке кандидатов на различные должности, а потому просил разрешения... всех их выпроводить из столицы... Государь улыбнулся и сказал:

— Вполне одобряю — так и сделайте...

Открывшаяся вакансия начальника 1-ой кавалерийской дивизии в Москве была предоставлена генералу Гурко, первый открывшийся стрелковый полк — полковнику барону Корфу и т.д. "...

«Одновременно, — отмечает генерал Н.А. Степанов, — собрания "Военной Ложи" были взяты под надзор полиции, в военных кругах Петрограда пошли разговоры "о наших младотурках". В правительственных кругах генерала Гурко называли "красным". Вследствие этого работа народившихся масонских лож, в том числе и военной, замерли — ложи "заснули". Но это не помешало существованию младо-турок среди офицеров, главным образом Генерального штаба».[107]

Видя свою неудачу, Гучков направил свой очередной выпад против военного министра Сухомлинова. Он заявил, что Сухомлинов поручил надзор за офицерами своему приятелю жандармскому полковнику Мясоедову. Мясоедов отрицал эту клевету, вызвал Гучкова на дуэль, которая и состоялась, не причинив, впрочем, никому вреда.[108] Под самый конец работ третьей Государственной Думы Гучков опять выступил против постройки крупного надводного флота, предлагая ограничиться "оборонительным флотом" из миноносцев и подводных лодок. Но в этом случае он не получил ожидаемой поддержки (за его предложение голосовали только социалисты, кадеты и он сам) даже со стороны своих же октябристов, и программа морского ведомства была принята.

После закрытия Думы Государь сказал:

"Не скрою от вас, что некоторые дела получили не то направление, которое Мне представлялось бы желательным. Считаю, что прения не всегда носили спокойный характер. А для дела главное — спокойствие. С другой стороны, Я рад удостоверить, что вы положили много труда и стараний на разрешение главных в Моих глазах вопросов: по землеустройству крестьян, по страхованию и обеспечению рабочих, по народному образованию и по всем вопросам, касающимся государственной обороны".[109]

Читающие настоящее исследование заметят, конечно, что я часто прибегаю к выдержкам и цитатам многочисленных статей и книг. Делаю это я умышленно — я пользуюсь возможностью привести подлинные высказывания как Государя, так и других исторических лиц, а кроме того, в моем изложении я касаюсь вопросов "деликатного свойства", и я не хочу, чтобы я подвергся нападкам со всевозможных сторон за то, что я, мол, задел память какого-либо "вождя", или оскорбил память всеми чтимого "общественного деятеля", или непочтительно выразился о "сановнике" и т.д. Это обстоятельство не отнимает от меня права комментировать ту или иную выдержку и в заключении сделать свои выводы. Этим я, конечно, воспользуюсь, так как это мое исследование и, как я уже сказал в своем предисловии, настоящая работа писалась с использованием социологического анализа; основой же этого анализа является нравственное начало. Мое религиозное мировоззрение исключает возможность какого-либо другого подхода, как, например, "гуманистического" или, столь модного теперь, "прогрессивного".

Глава IX

IV ДУМА. КОКОВЦЕВ. РОСТ РОССИИ. ЗАПИСКА ДУРНОВО. ЗАМЫСЛЫ ПРОТИВ РОССИИ ЗА ГРАНИЦЕЙ. ВОЙНА. НАСТРОЕНИЕ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ.

Выборы в IV Думу дали полевение. Председателем был переизбран Родзянко. Дума заявила уже в самом начале: "Государственная Дума приглашает Правительство твердо и открыто вступить на путь осуществления начал манифеста 17 октября и водворения строгой законности".[110]

Между прочим, начиная приблизительно с этого времени (конец 1912 года), "прогрессивная" русская общественность всячески старалась и в печати, и в разных высказываниях подчеркнуть свои англофильские и франкофильские чувства и высказать свое сдержанное отношение к Германии. Одна из газет писала ("Русская Мысль"):

"Мы не должны с легким сердцем проповедовать ту активную германофобию во внешней политике, которая у нас иногда считается признаком прогрессивного образа мыслей".

Таким образом уже тогда круги, влиятельные по своим международным связям, стали психологически готовить общество к возможности войны с Германией. Известный член Государственного Совета Н.А. Павлов по этому поводу в своей книге пишет, ставя точки на і:

"Надо было создать что-нибудь огромное, чтобы сломать дух, а с ним повалить в бучу интернациональной мерзости — народ. План заговора был верен: зажечь сомнение в Царе — Думой. Через нее хлынуть в народ молвой, клеветой и вовлечь страну в войну. Вооружив народ, бросить в него идею бунта, мира и земли".[111]

Уже в феврале 1913 г. Родзянко призывал Государя вмешаться в войну, когда происходила война между Турцией и балканскими странами. Павлов пишет:

"Заговор бередит международные отношения. Поднят славянский вопрос; заработала печать. Дума вступается за славянство. Общественники и депутаты посланы в Славянские земли. Английская и французская печать сочувствуют этому движению...".[112]

В 1913 г. исполнилось 300 лет со дня вступления на Престол первого Романова, Михаила Федоровича. В манифесте, выпущенном по этому поводу, говорилось:

"Совокупными трудами венценосных предшественников Наших на Престоле Российском и всех верных сынов России создалось и крепло Русское Государство. Неоднократно подвергалось наше Отечество испытаниям, но народ русский, твердый в Вере Православной и сильный горячей любовью к Родине и самоотверженной преданностью своим Государям, преодолевал невзгоды и выходил из них обновленным и окрепшим. Тесные пределы Московской Руси раздвинулись, и Империя Российская стала ныне в ряду первых держав мира".[113]

Гучков, провалившийся на выборах в IV Думу, уехал за границу, но, вернувшись, снова взялся за свою разрушительную работу. Под его влиянием фракция октябристов распалась на левое и правое крыло. Левое — стало называться земцами-октябристами во главе с Родзянко и Савичем. А вне России происходили весьма симптоматические явления. Германский Рейхстаг утвердил огромные военные кредиты, а Франция увеличила срок военной службы до трех лет. Император Вильгельм, который был ловко использован силами, стремящимися к войне, часто повторял еще в 1913 г., что "война может сделаться неизбежной, и тогда совершенно безразлично, кто начнет ее".

В. Коковцев пишет в своих мемуарах, вернувшись в Россию из поездки по Европе, во время которой он виделся с Императором Вильгельмом и долго с ним беседовал, следующее:

«Государь долго молчал. Он смотрел в окно, в безбрежную морскую даль (Ливадия) и, наконец, точно очнувшись от забытья, сказал: "На все — воля Божия!"»[114]

Государь знал, что войны Он не начнет, но понимал, что не от Него одного это зависит.

«Запад издавна готовился к войне: Франция — в целях самозащиты; Англия — во имя мировой торговой гегемонии; Германия — с целью захвата власти на континенте и колонизации земель России. Австрия бряцает оружием немцев. Малые страны, как и великие, жаждут расширения территорий. Капиталисты потирают руки, предвкушая наживу, и имеют свой заговор и план. Социализм, имея тоже заговор, учитывает войну, как неминуемое свержение ряда монархий и победу демократий... Ближний восток — всегда готовый для взрыва пороховой погреб.

Не желает войны один Государь Николай II. Но уже после Японской войны Россия как Империя перестала принадлежать себе и, занимая "почетное" место среди "великих" держав, во всякую минуту может быть вовлечена в войну...»[115]

Даже в русском правительстве появились сторонники войны. Ольденбург утверждает, что Кривошеин, и в особенности Сазонов, "исходили в своих суждениях из того, что войны все равно едва ли избежать".[116]

В самом начале 1914 года Государь расстался с Коковцевым (из-за винной монополии) и заменил его на посту главы правительства старым, но безукоризненно верным Государю и самодержавному принципу И.Л. Горемыкиным. Оппозиция пустила в ход тогда памфлет (ну, совсем как во Франции перед "великой" революцией!) — "горе мыкали мы раньше, горе мыкаем теперь". Обиженный В.Н. Коковцев перешел тогда в лагерь "обиженных" сановников, какими были уже, а впоследствии стали Витте, Кривошеин, Крыжановский, Сазонов, Наумов и другие.

Сам И.Л. Горемыкин называл себя "старой шубой, вынутой из нафталина", что не соответствовало действительности: он еще был и живым, и умным, я бы сказал, мудрым стариком.

К началу 1914 года в России произошли в экономической области и в области народного образования такие перемены, что они бросались в глаза даже иностранцам, почти всегда предубежденно относившимся к России. Эдмон Тэри, редактор "Economiste Europeen",* писал в конце 1913 года:

"Если дела европейских наций будут с 1912 по 1950 г. идти так же, как они шли с 1900 по 1912 г., Россия к середине текущего века будет господствовать над Европой как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении".[117]

Но наряду с этим хозяйственным подъемом появились и отрицательные явления, как хулиганство в деревне и городах, упадок религиозности в крестьянской среде, разочарования в кругах молодого поколения. Кн. Е. Трубецкой писал в статье "Новая земская Россия", наделавшей в свое время много шума:

"Несомненный, бросающийся в глаза рост материального благосостояния пока не сопровождается сколько-нибудь заметным духовным подъемом. Духовный облик нашей мелкой буржуазной демократии едва ли может быть назван симпатичным... Растет какой-то могучий организм, но вырастет ли из этого со

---

* "Economiste Europeen" (*фр.*) – "Европейский экономист" (*ред.*).

временем человеческое величие или же могущество большого, но не интересного животного?"[118]

Среди этой общественности только Царская Власть, опираясь на традиции и долгий опыт правления, направляла жизнь страны. Царская Власть стояла выше интересов отдельных групп населения. П.Н. Дурново, один из немногих прозорливых людей того времени, писал в феврале 1914 г.:

"Хотя это звучит парадоксально, но соглашение с оппозицией в России, безусловно, ослабляет правительство. Более чем страшно требовать, чтобы оно серьезно считалось с оппозицией и ради нее отказалось от роли беспристрастного регулятора социальных отношений".[119]

Государь всецело разделял эту точку зрения. Он знал, что ни в Думе, ни в русском обществе нет никого, кому бы Царская Власть могла бы доверить судьбы Российской Империи.

Незадолго до войны (в феврале 1914 г.) П.Н. Дурново, член Государственного Совета, а в свое время министр Внутренних дел, который так удачно подавил революцию 1905 г., когда растерявшийся Витте выпустил из своих рук бразды правления, представил Государю записку, в которой пророчески предсказал, что будет, если вспыхнет война между Россией и Германией.

"Главная тяжесть войны выпадет на нашу долю. Роль тарана, пробивающего толщу немецкой обороны, достанется нам... Война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи — будем надеяться, частичные — неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении... При исключительной нервности нашего общества этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение... Начнется с того, что все неудачи будут приписываться правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него... В стране начнутся революционные выступления... Армия, лишившаяся наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишенные авторитета в глазах населения оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению".[120]

П.Н. Дурново дальше говорит, что Тройственное согласие России, Франции и Англии искусственно, не соответствует интересам России, и потому значительно предпочтительным является союз России, Германии и Франции. Он дальше писал, что грядущая война нужна Англии, которая стремится удержать ускользающее от нее господство над морями и роль арбитра в Европе, а для России и Германии глубоко нежелательна, как сводящая к ослаблению монархического начала. Он также писал, что впоследствии и произошло, что Россия будет ввергнута в ужасную анархию, а Германия в случае поражения переживет не меньшие социальные потрясения. Но записка эта при всей своей гениальной прозорливости уже запоздала — Германия уже бряцала оружием, а тон русской печати явно становился демагогическим. Вообще все разыгрывалось как по нотам. Гучков вел антигерманскую кампанию, да и правительственные круги не отставали от общего тона.

27 февраля в "Биржевых Ведомостях" появилась статья — **"Россия хочет мира, но готова к войне"**. Статья эта была написана с одобрения военного министра Сухомлинова. Вот ее краткое изложение:

"С гордостью мы можем сказать, что для России прошло время угроз извне. России не страшны никакие окрики. Русское общественное мнение, с благоразумным спокойствием относившееся к поднятому за последние дни за границей воинственному шуму, было право: у нас нет причин волноваться. Россия готова! Русская армия, бывшая всегда победоносной, воевавшая обыкновенно на неприятельской территории, совершенно забудет понятие "оборона"... Русскому общественному мнению важно сознание, что наша родина готова ко всем случайностям, но готова исключительно во имя желания мира".

Статья это только "подливала масла в огонь" и не говорила о благоразумии военного министра.

Внутреннее положение тоже обострялось. Забастовки становились все более частыми. Гучков как гласный петербургской городской думы предложил отпустить 100.000 рублей на помощь семьям бастующих, но его предложение не прошло. В это время в Государственной Думе был выбран громадным большинством голосов (303 против 11) на пост товарища председателя А.Д. Протопопов.

28 июня в Сараево был убит со своей женой наследник престола Австро-Венгрии, эрцгерцог Франц-Фердинанд. Государь выразил соболезнование Императору Францу-Иосифу. Но

уже через несколько дней в Австрии началась кампания против Сербии. И хотя убийцей был австрийский подданный (Гавриил Принцип), австро-венгерская печать стала обвинять в организации убийства эрцгерцога Сербию. В России думали, что Германия повлияет сдерживающе на Австрию. Но в печати писали, что Австрия хочет использовать это убийство в политических целях.

В России в это самое время, как по мановению волшебной палочки, начались забастовки, которые постепенно принимали угрожающие размеры. Из Баку, где начались забастовки, они перекинулись затем в Петербург, Москву и Ревель. В Петербурге рабочие разбирали мостовую, переворачивали трамваи и забрасывали камнями полицию. Так как в это время прибыл в Россию французский президент Пуанкарэ, то высказывались предположения, что эти забастовки и выступления рабочих организованы на немецкие деньги.

Сразу после отъезда Пуанкарэ, 11 июля, Австрия предъявила ультиматум Сербии. Условия ультиматума были совершенно неприемлемы для независимого государства. Сазонов, узнав о содержании ноты с ультиматумом, сказал:

"C'est la guerre europeene".*

В "Русском инвалиде" (военный официоз) появилось 12 июля сообщение:

"Правительство весьма озабочено наступившими событиями и посылкой Австро-Венгрией ультиматума Сербии. Правительство зорко следит за развитием австро-сербского столкновения, к которому Россия не может оставаться равнодушной".

Фактически ультиматум Австрии и это сообщение в русском военном официозе уже предрешали войну. Эта война была нужна всем, кроме России. Н. Павлов, как всегда, страстно и порывисто, но правдиво пишет, кому нужна была эта война:

"Видя наши успехи, руководящие круги некоторых стран задались планом свести Россию на положение второстепенной державы... Самой неудачной частью нашей бюрократии была дипломатия. На протяжении веков и — вразрез с твердостью Монархов — проявляется уступчивость, угодничество и раболепство чинов ведомства перед Западом. На глазах дипломатии, без всякого противодействия общественное мнение Запада встает против строя и Монархии. На глазах наших послов русский заговор растет и сливается с иностранным. Гг. Извольские, По-

---

* C'est la guerre europeene (*фр.*) – это европейская война (*ред*).

клевские и им присные светские снобы и англоманы раболепствуют перед Британией. Наши послы и министры, Тимирязевы и Витте — восхищаются Вильгельмом.

С 1911 года в Германии готов план разгрома и колонизации России, и с 1908 года англичане изучают план свержения Царизма и расчленения нас республикой. Малые державы — пассивные участники этих планов...

Обе наши войны, благодаря дипломатии, — внезапны, оттого так тяжелы. История раскроет систему готовящихся планов и образование западного международного заговора-блока. Как известно про 70 миллионов немецких марок на кампанию Ленина, так известно и многое другое. Государь слабо осведомлен о сочувствии иностранцев русскому заговору. Не теряя достоинства, Он старался поддерживать добрые отношения с коронованными собратьями и родственниками, издавна готовящимися к выступлению против Него и России. Высокие собратья весьма нежны и доброжелательны в переписке. Их советы сердечны; объятия почти искренни... Побуждения монархов Запада и Государя были различны. Войну хотят парламенты. В узлы нитей социальных заговоров и интересов входят и выгоды капиталистов, чаянья социалистов, коммерческие расчеты, биржа и интересы экспорта. На Западе свои старые счеты, и **Запад хочет войны**. Монархи — не смеют хотеть или не хотеть войны. Они народопослушны и, сохраняя важность сана, санкционируют желание парламентов.

России не нужны ни война, ни интересы торговые, ни биржевые. Нам не нужна война, и мы можем быть только вовлечены в нее. У нас вся ответственность на Государе, и Дума на Него ее и возложит... У Государя все основания не принять войну, но затронута честь страны — войны требует общество и Европа, и Он подчиняется неизбежному, уверенный в силе армии. Государем проявлено огромное напряжение воли и мужества в принятии войны. Пережив уже тягости войны и революции, Он спокойно, молитвенно и веря в народ и судьбу берет на Себя этот новый крест... В наступивших сумерках Европы, в качании идеологий и былых устоев поколеблено до основания и начало монархическое. Иными нациями и демократиями оно будет из милости оставлено, как antiquite,* как парадный символ прошлого. Эдуард VII использовал свое закулисное положение с

* Antiquite (*фр.*) – древний, антикварный (*ред*).

целью ослабления всех стран. Вильгельм — в сторону безпощадного плана нашествия, захватов, всяких насилий. Монархи сами шатают свои троны и авторитеты, основанные в былое время на рыцарском благородстве.

Государь наш не сходил постепенно по ступеням Трона. Нет, — Он высоко несет Царский стяг. У Него одно слово. Он верит в прочность гордых начал Монархии, верит Монархам, и в родство сана и крови. Его действия прямы, и Он примет войну за свой страх. Международные события складываются вне воли Государя. Силы против Него слишком велики. На Него ополчаются скрытые в то время и полуобнаженные сегодня международные организации. Один, без согласия с другими монархами, Он — безсилен..."[121]

В ответ на отчаянный призыв королевича-регента Александра Государь заявляет:

"Ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии".[122]

Таким образом, положение стало безвыходным — Австрия зашла слишком далеко (науськиваемая Германией), а Россия не могла оставаться безучастной. 15 июля Австрия объявила войну Сербии. Государь пытался оказать давление на Германию с целью остановить кровопролитие. Но уже и в Германии, как во Франции и Англии, установилось мнение о "неизбежности" войны. Тогда и Россия решила объявить частичную мобилизацию (4 военных округа). Но Янушкевич, тогда начальник Генерального Штаба, и Сазонов настаивали перед Государем на проведении всеобщей мобилизации, указывая, что, начав частичную мобилизацию, Россия встретилась бы с непреодолимыми затруднениями, если бы пришлось по ходу событий (а это было весьма вероятно) все же прибегнуть к всеобщей мобилизации.. Государь все же телеграфировал Вильгельму с заверением, что хотя остановить мобилизацию нельзя по техническим причинам, русские войска не начнут военных действий.

Несмотря на это, ночью с 18-го на 19 июля германский посол граф Пурталес явился к Сазонову и предъявил ультиматум — приостановить мобилизацию. Ни достоинство России как Великой Державы, ни военно-технические основания не позволили, конечно, принять это неслыханно дерзкое заявление Вильгельма, этого "коронованного фельдфебеля", как его многие называли. Россия повторила свое заверение, что русские войска не начнут военных действий, пока длятся переговоры.

19 июля (1 августа) в 7 часов 10 минут вечера Пурталес вручил Сазонову объявление войны.

Так началась Великая война. Но войны этой могло бы и не быть, если бы Англия дала твердое обещание выступить на стороне России и Франции. И отсутствие этого заявления Англии дало возможность Германии поддерживать остро враждебную позицию Австро-Венгрии. Англия хотела этой войны, и ее выступление несколькими днями позже дало возможность разразиться Великой войне, так страстно желаемой силами заговора международных тайных организаций.

Мириэль Бьюкенен, дочь английского посла в России, пишет в своих воспоминаниях следующее:

"О том, что центральные державы были уверены в нейтралитете Англии в возникшем конфликте, ясно свидетельствовали слова одного австрийского дипломата, который посетил меня в эти критические дни. Он был очень удивлен, когда я ему заявила, что все мои симпатии находятся на стороне России.

— Но Англия не предпримет никаких решительно шагов, — ответил он мне. — Ее соглашение с Россией и Францией носит условный характер. Англия никогда не примет деятельного участия в ссоре из-за Сербии".[123]

И затем, после объявления уже войны Германией, когда Англия еще не выступила, боясь, что еще можно уладить военный конфликт мирным путем, а затем, когда была пущена в ход военная машина всех участников, нашла предлог для выступления (нарушение нейтралитета Бельгии), дочь посла пишет:

«В течение всего следующего дня мы жили в атмосфере крайнего нервного напряжения, являвшегося следствием неопределенности и неуверенности в вопросе: "Что предпримет Англия?" — вопрос, на который трудно было ответить. Драгоценные дни проходили, а кругом раздавался шепот, что Англия всегда склонна к колебаниям, ждет последней минуты, взвешивает все шансы за и против, вместо того, чтобы принять определенное решение. И наконец, 8 августа, в пять часов утра, моя мать разбудила меня со словами: "Пришла..." "Пришла телеграмма из Англии! В ней сказано: "Война с Германией! Действуйте"».[124]

И английский посол стал "действовать".

Но то были англичане; им, конечно, были дороже всего интересы Англии. Но вот отзыв русского о Вильгельме и нашем Государе:

"Вильгельм начал обходить присутствующих. Я не спускал с него глаз. Как сейчас помню его пристальный, испытывающий, как бы пронизывающий взгляд. Он как будто впивался в каждого, стараясь выпытать, выжать от него все, что можно. Решительностью, смелостью, задором, даже, пожалуй, надменностью и дерзостью веяло от него. Видно было, что этот человек все хочет знать, всем в свое время воспользоваться и все крепко держать в своей руке. Невольно вспомнился наш Государь — робкий, стесняющийся, точно боящийся, как бы разговаривающий с ним не вышел из рамок придворного этикета, не сказал лишнего, не заставил его лишний раз задуматься, не вызвал его на тяжелые переживания".[125]

Отзыв этот вряд ли можно назвать добрым. Но об авторе этих "Воспоминаний" еще придется говорить не раз. Приведу пока что выдержку из рецензии на "Воспоминания":

"Автор — священник, и это уже одно требовало бы у него известной снисходительности к людям. Он, наоборот, жесток к ним".[126]

Мне придется еще много раз цитировать подробные суждения многих участников русского лихолетия.

О личных переживаниях Государя перед войной подробно пишет А. Вырубова, имевшая возможность наблюдать вблизи все события этих дней:

«Дни до объявления войны были ужасны; видела и чувствовала, как Государя толкают: война казалась неизбежной. Императрица всеми силами старалась удержать Его, но все Ее убеждения и просьбы ни к чему не привели. Играла я ежедневно с детьми в теннис; возвращаясь, заставала Государя бледного и расстроенного. Из разговора с Ним я увидела, что Он считает войну неизбежной. Он утешал себя, говоря, что война укрепит национальные чувства, что Россия после войны станет еще более могучей и т.д. В это время пришла телеграмма от Распутина из Сибири, где он лежал раненный, умоляя Государя "не затевать войну, что с войной будет конец России и им самим и что положат до последнего человека".

Государя телеграмма раздражила, и Он не обратил на нее внимания. Когда была объявлена общая мобилизация, Императрица ничего не знала. Кабинет Государя отделялся от комнаты Императрицы только маленькой столовой. Я слышала, как они около получаса громко разговаривали; потом Она пришла обратно, бросилась на кушетку и, обливаясь слезами, произнесла:

— Все кончено, у нас война, и я ничего об этом не знала.

Государь пришел к чаю мрачный и расстроенный, и этот чай прошел в тревожном молчании. Последующие дни я часто заставала Императрицу в слезах. Государь же был лихорадочно занят. Императрица же до последней минуты надеялась, что можно предотвратить войну. 19 июля вечером, когда я пришла к Государыне, Она мне сказала, что Германия объявила войну России; Она плакала, предвидя неминуемые бедствия».[127]

А вот, что пишет о причинах возникновения войны Великий Князь Александр Михайлович:

«1. Причиной мирового конфликта являлись соперничество Великобритании и Германии в борьбе за преобладание на морях и совокупные усилия "военных партий" Берлина, Вены, Парижа, Лондона и С.-Петербурга.

Если бы Принцип не покушался на жизнь австрийского эрц-герцога Франц-Фердинанда, международные сторонники войны изобрели бы другой повод.

Вильгельму II было необходимо, чтобы война началась до выполнения русской военной программы, намеченной на 1917 год.

2. Император Николай II сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить военные действия, но не встретил никакой поддержки в своих миротворческих стремлениях в лице своих ближайших военных сподвижников — военного министра и начальника генерального штаба.

3. До полуночи 31 июля (нового стиля — *В.К.*) 1914 года британское правительство могло бы предотвратить мировую катастрофу, если бы ясно и определенно заявило о своем твердом намерении вступить в войну на стороне России и Франции. Простое заявление, сделанное по этому поводу Асквитом и сэром Эдуардом Греем, умиротворило бы самых воинственных берлинских юнкеров. Протест против нарушения нейтралитета Бельгии, заявленный британским правительством тремя днями позднее, говорил скорее о человеколюбии, чем звучал угрозой. Англия вступила позже в войну не потому, что свято чтила незыблемость международных договоров, но скорее всего из чувства зависти в отношении растущего морского могущества Германии...

4. ...И я думаю, что, если бы президент Вильсон понял бы до начала мировой войны, что "ради справедливости и мира" Америка должна будет выступить на стороне Франции и России, если бы он твердо объявил Германии об этом решении, — война была бы предотвращена».[128]

Вот те скрытые причины, которые вовлекли Россию в войну. И прав был Н. Павлов, когда он писал, что война была предрешена уже значительно раньше международным заговором, использовав военные круги Германии и чванного, совсем неумного и настоящего "фельдфебеля" по внешности и манерам, который так импонировал русскому протопресвитеру Армии и Флота. Впрочем, говорят, что о вкусах не спорят.

Во всех мемуарах, во всех описаниях начала войны говорится о необыкновенном энтузиазме, о тех внезапных демонстрациях патриотизма и радостного возбуждения, которое охватило все общество. Кричали "ура", пели народный гимн и опускались на колени, когда Государь выходил на балкон. Забастовки прекратились сразу, и все ликовали. Совершенно необходимо остановиться подробнее на этом явлении. Почему вдруг далеко не патриотически настроенное общество, Государственная Дума, даже совсем левые круги пришли в восторг? Было ли это подлинным патриотическим подъемом или чем-то совсем другим? Постараемся во всем этом разобраться.

Эта война была логическим следствием политики, встречавшей полное одобрение либеральных интеллигентских кругов, то есть союз с Францией и Англией. Всюду царило убеждение, что эта война соответствует стремлениям "передовой" части общества. Деревня энтузиазма не проявляла, но была вполне лояльна. Государственная Дума единогласно (!) приняла все кредиты, связанные с ведением войны.

Но лидер трудовиков А. Керенский сделал примечательную оговорку:

"Мы верим, что на полях бранных, в великих страданиях укрепится братство всех народов России и родится единая воля, которая освободит страну от страшных внутренних пут".[129]

Милюков заявил:

"Фракция Народной Свободы неоднократно говорила в Государственной Думе о тех вопросах (польский и еврейский), которые были затронуты двумя ораторами, говорившими с этой кафедры. Ее мнение по этим вопросам всем хорошо известно, и, конечно, никакие внешние обстоятельства не могут изменить этого мнения. Когда настанет время, фракция вновь заговорит о них и вновь будет указывать на единственно возможный путь внутреннего обновления России. Она надеется, что, пройдя через тяжкие испытания, нам предстоящие, страна станет ближе к своей заветной цели".[130]

А некоторые газеты писали следующее:

"Хочется верить, что раз правительство в одном вопросе правильно оценило всю роль и значение общественных сил, оно не остановится, и за первым шагом навстречу обществу будут и последующие. При таких условиях налетевший шквал, быть может, неожиданно окажется для России тем потоком свежего воздуха, который очищает затхлую атмосферу, и, вызвав национальный подъем, приведет и оживлению нашей внутренней жизни, к развитию и торжеству прогрессивных начал".[130]

"И если, паче чаяния, нам придется воевать, то мы знаем, что воюем не с немецким народом, а с его правительством, попавшим во власть придворных интриганов, юнкерства и бреттеров в военных мундирах".[131]

А члены Государственной Думы обменивались рукопожатиями с представителями правительства и со своими политическими противниками, и все радовались чему-то, как будто для России наступал светлый, радостный праздник.

И никто не захотел тогда проанализировать этого "подъема". Никто не захотел понять, что борьба будет затяжной и ужасной. Никто не захотел предвидеть (кроме П.Н. Дурново), что страны будут подвергнуты большим искушениям и испытаниям, что мировой пожар, который вызовет европейская война, используют темные силы для своих целей и что эти силы сконцентрируют мощный удар против самодержавной христианской Империи – России. Решаясь на эту борьбу, человечество шло "навстречу невообразимым страданиям".

Глава X

ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ. НЕУДАЧА В ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ. В СТАВКЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ. ЗАМЫСЛЫ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ. ИНТРИГИ СТАВКИ ПРОТИВ ГОСУДАРЯ. НЕУДАЧИ НА ФРОНТЕ.

Вопрос о Верховном Главнокомандующем не был решен сразу. В начале Государь Сам предполагал стать во главе Армии. Полевое управление войсками было составлено в предвидении, что Верховным Главнокомандующим будет Император. Но Совет Министров высказался за назначение другого лица, и Государь согласился с мнением Совета, хотя и против своего желания. Были две кандидатуры на пост Верховного Главнокомандующего — Великий Князь Николай Николаевич и Военный Министр В.А. Сухомлинов. Государь назначил на этот пост Великого Князя. Начальником Штаба Государь, еще предполагая стать Самому Верховным Главнокомандующим, назначил начальника генерального штаба Н. Янушкевича, а генерал-квартирмейстером — Ю. Данилова ("Черного").

Мне придется очень подробно остановиться на описании характеров некоторых высших чинов Армии, министров, членов Государственной Думы и некоторых общественных и политических деятелей, а также членов Императорской Фамилии и, конечно, их деятельности и поведения во время войны, потому что только таким образом мы поймем те два мира, органически разных, я сказал бы, духовно чуждых друг другу, которые как бы символически воплощали в себе два лица: Государь Император Николай II и его начальник Штаба как Верховного Главнокомандующего, генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев.

Я, конечно, не буду останавливаться подробно на ходе военных действий, что не является темой настоящего исследования. Буду касаться только вкратце тех военных операций, которые влекли за собой те или другие изменения как в командовании Армии, так и в известных назначениях в управлении Государства.

Уже самое начало войны ознаменовалось нашим ускоренным наступлением в Восточной Пруссии,[132] ввиду того, что германские армии быстро продвигались в Северную Францию

и французское правительство настаивало на русском наступлении. Из-за целого ряда неудачных обстоятельств наступление это, вначале успешно развивавшееся, кончилось крупным поражением под Танненбергом, где армия генерала Самсонова была разгромлена, сам Самсонов покончил с собой и несколько десятков тысяч русских было взято в плен. Вскоре после этого Россия, Франция и Англия подписали договор о незаключении сепаратного мира.

На австрийском фронте события протекали благоприятно для русских войск, которые быстро продвигались вперед, заняв большую часть Галиции. Немецкое командование бросило свои войска на помощь Австрии, и после целого ряда переменных успехов фронт к зиме установился от Румынии до Балтийского моря, а на Западе от Швейцарии до Северного моря. Было ясно, что война затягивается и о близком ее конце говорить не приходится.

В начале войны наша армия делилась на два фронта: Юго-Западный с Главнокомандующим генералом Н.И. Ивановым, у которого начальником штаба был М.В. Алексеев, и Северо-Западный с Я.Г. Жилинским, которого вскоре заменил генерал Н.В. Рузский.

Кроме того, был еще Кавказский Фронт, которым командовал наместник Кавказа генерал граф И.И. Воронцов-Дашков, с начальником штаба Н.И. Юденичем.

Когда выяснилось, что война затягивается, в стране стали опять оживать старые оппозиционные настроения. Из кругов, враждебных Верховной Власти, стали потихоньку говорить о лицах, близких Государю, которые, якобы, хотят сепаратного мира. Ничего подобного, конечно, не было, за исключением Витте, который, конечно, не был близок к правительственным кругам, но открыто высказывался за прекращение войны. Вскоре он умер, и слухи эти были связаны только с совершенно вымышленными именами. Затем выяснилось весьма серьезное и тревожное обстоятельство в связи с недостатком военного снабжения. Все предполагали, что война будет короткой, и для такой войны армия казалась снабженной удовлетворительно. Но уже в октябре выяснилось, что на некоторых участках фронтов оказался такой недостаток снарядов, что пришлось затормозить некоторые весьма важные операции. Начался “снарядный голод”. Но были основания опасаться, что этот недостаток окажется еще более грозным в дальнейшей стадии военных действий. Союзники не могли (а может, и не

так уж и стремились) помочь России в этом деле, так как для этого нужно было предпринять сравнительно рискованные морские операции союзного флота для подвоза снарядов России. После неудачной попытки союзники отказались от риска, и Россия осталась предоставленной сама себе.

На этом я временно остановлюсь, чтобы перейти к характеристике некоторых высших чинов Армии первой Ставки, начиная с Верховного Главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича. Должен оговориться, что высказывания всех мемуаристов настолько противоречивы не только в отношении характеристики отдельных лиц, но и почти всех событий, что я должен привести их почти все, а у меня под рукой воспоминания дюжины генералов, полудюжины полковников и нескольких членов Императорской Фамилии и "сановников". Для себя я уже давно разобрался во всем этом материале, но для читателей этой книги я хочу предложить весь обширный материал по двум причинам: во-первых, очень интересно, как люди по-разному воспринимают то, что видят и слышат, и во-вторых, я не хочу, чтобы меня обвинили в каком-либо пристрастии или предпочтении тех или других материалов.

В своем предисловии и уже в самом тексте этой работы я говорил, что мой анализ основан, прежде всего, на нравственном начале. Говорил также, что нравственное начало не мыслится мной как не религиозного характера, т.е. православного, вернее русско-православного. Это значит, что в этой работе нет места релятивизму, нет места тому очень распространенному взгляду, что "подлинной правды" нигде нет, что во всех движениях, во всех событиях можно усмотреть и хорошее, и плохое. Этот своего рода "экуменизм" во взглядах и высказываниях очень многих, вернее, большинства, я отметаю начисто. Это то, о чем говорится в Евангелии, — будь горяч или холоден, но не будь теплым, потому что это от лукавого.[133] Мы достаточно и видели, и видим, как этот компромисс между Добром и Злом ведет к гибели всю вселенную, а нашу чудесную Родину превратил в страну покорных рабов. Но, повторяю, в дальнейшем изложении я постараюсь привести дословно высказывания и тех, к памяти которых я навсегда сохраню глубокое уважение, и тех, которые вызывают во мне брезгливость, а иногда и отвращение.

Вот что пишет Великий Князь Александр Михайлович:

«Из всех членов Императорской Семьи Великий Князь Николай Николаевич, старший сын моего дяди Великого Князя

Николая Николаевича-старшего, имел самое большое влияние на наши государственные дела. Два важнейших акта в истории России — манифест 17 октября 1905 года и отречение Императора Николая II 2 марта 1917 года — следует приписать полнейшей аберрации политического предвидения Великого Князя Николая Николаевича. Когда я пишу эти строки, мной руководят отнюдь не горькие чувства. Я далек от мысли умалять его редкую честность и добрые намерения. Людьми типа Великого Князя Николая Николаевича можно было бы пользоваться с большим успехом в любом хорошо организованном государстве при условии, чтобы Монарх сознавал бы ограниченность ума этого рода людей.

Мой двоюродный брат Великий Князь Николай Николаевич был превосходным строевым офицером. Не было равного ему в искусстве поддерживать строевую дисциплину, обучать солдат и готовить военные смотры. Если бы Великий Князь Николай Николаевич оставался бы на посту Командующего войсками гвардии и Петроградского Военного Округа до февраля 1917 года, он всецело оправдал бы все ожидания и сумел бы предупредить февральский солдатский бунт...

Если бы Великий Князь посоветовал бы Государю 2 марта 1917 года остаться на фронте и принять вызов революции, товарищ Сталин не принимал бы в 1931 году в Кремле мистера Бернарда Шоу! Всю истинную трагедию создавшегося положения Николай Николаевич понял только спустя неделю, когда, приехав в Ставку в Могилев, чтобы занять свой высокий пост, он узнал, что Петроградский Совдеп запретил г. Керенскому пользоваться его услугами. Можно только удивляться простодушию этого человека, который проезжает по России, охваченной восстанием, от Кавказа до Могилева, и не замечает ни толп народа, ни демонстраций, ни мятежей и остается непоколебимым в своей вере, что "новые командиры" оценят его безупречный патриотизм и военный опыт!»[134]

Далее приведу воспоминания адмирала Бубнова (в то время капитана 1-го ранга):

"По своим личным качествам Великий Князь Николай Николаевич был выдающимся человеком, а среди членов Императорской Фамилии представлял собой отрадное исключение. По природе своей честный, прямой и благородный, он соединял в себе все свойства волевой личности, т.е. решительность, требовательность и настойчивость. Причем, эти свойства проявлялись в

нем иногда в чрезмерной форме, создавшей ему репутацию подчас суровой строгости... При господствовавшем в царствование Императора Николая II во всем государственном аппарате безволии и непотизме, наличие на посту Верховного Главнокомандующего такой волевой личности, как Великий Князь Николай Николаевич, было одним из главных залогов благополучного исхода войны, и потому-то вся Россия встретила с таким единодушным восторгом назначение его на этот пост".[135]

И дальше:

"Император Николай II при своих высоких нравственных качествах не обладал, к сожалению, свойствами, необходимыми, чтобы править государством. Ему, прежде всего, недоставало твердости воли и решительности, этих основных свойств настоящего правителя и вождя. Обладая средними умственными способностями, затемненными большим религиозным мистицизмом и устарелыми политическими взглядами, Он просто не в состоянии был разумом "объять" грандиозную задачу управления Российской Империей, которая легла на Него тяжелым бременем и к которой Он не готовился".[136]

Скажу наскоро, что писать так через несколько десятков лет после революции — значит обладать такими умственными способностями, которые приписываются автором Государю. При Государе Императоре Николае II Российская Империя перед войной достигла такого расцвета во всех областях управления, что даже весьма неблагосклонно относящиеся к России иностранцы это признавали. В своих воспоминаниях автор десятки раз говорит о "пагубной политике трона". Какой клад такие писания для всяких издательств и людей, стремящихся по сей день показать прошлое России в совершенно извращенном виде! К этим мемуарам мы еще вернемся. Скажу только, что адмирал Русин, начальник Бубнова, был как раз противоположных взглядов и, умирая глубоким стариком, этот умный и благородный человек, занимавший самые ответственные посты в морском ведомстве, с благоговением говорил о покойном Государе.

Теперь о воспоминаниях протопресвитера Георгия Шавельского. Во многом они сходны с воспоминаниями Бубнова, все же они производят более благоприятное впечатление, так как несмотря на то, что он, как и Бубнов, позволяет относиться к Государю с совершенно неприличной развязностью, все же попадаются страницы, где можно узнать многое для уясне-

ния событий военного времени. Начнем с того, что Шавельский заявляет, что ранг протопресвитера приравнивается в военном мире к генерал-лейтенанту. Вот и будем считать эти воспоминания "генеральскими", благо, что тон этих воспоминаний никак не похож на тон священнослужителя.

Вот описания Великого Князя Николая Николаевича:

"За последнее царствование в России не было человека, имя которого было бы окружено таким ореолом и который во всей стране, особенно в низших народных слоях, пользовался бы большей известностью и популярностью, чем этот Великий Князь. Его популярность была легендарна... Рассказы близких к Великому Князю лиц, его бывших сослуживцев и подчиненных, согласно свидетельствуют, что в годы молодости и до женитьбы Великий Князь Николай Николаевич отличался большой невыдержанностью, безудержностью, по временам — грубостью и даже жестокостью. По этому поводу в армии, и особенно в гвардии, с которой была связана вся его служба, ходило множество рассказов, наводивших страх на не знавших близко Великого Князя. После же женитьбы Великий Князь резко изменился в другую сторону. Было ли это результатом доброго и сильного влияния на него его жены, как думали некоторые, или годы взяли свое, но факт тот, что от прежнего стремительного или, как многие говорили, бешеного характера Великого Князя остались лишь быстрота и смелость в принятии самых решительных мер, раз они признавались им нужными для дела...

Однако я не могу не заметить некоторых дефектов его духовного склада. При множестве высоких порывов ему все же как будто недоставало сердечной широты и героической жертвенности.

Великий Князь должен был хорошо знать деревню с ее нуждами и горем. Он ежегодно отдыхал в своем Першине. И, однако, я ни разу не слышал от него речи о простом народе, о необходимых правительственных мероприятиях для улучшения народного благосостояния, для облегчения возможности лучшим силам простого народа выходить на широкую дорогу. В Першине образцовая псарня поглощала до 60 тысяч рублей в год, а в это самое время из великокняжеской казны не тратилось ни копейки на Першинские просветительные и иные неотложные народные нужды... У Великого Князя как-то уживались: с одной стороны, восторженная любовь к Родине, чувство национальной гордости и жажда еще большего возвеличивания вели-

кого Российского государства, а с другой — теплопрохладное отношение к требовавшему самых серьезных попечений и коренных реформ положению низших классов и простого народа... Великого Князя Николая Николаевича все считали решительным. Действительно, он смелее всех других говорил Царю правду; смелее других он карал и миловал; смелее других принимал ответственность на себя. Всего этого отрицать нельзя, хотя нельзя и не признать, что ему, как старейшему и выше всех поставленному Великому Князю, легче всего было быть решительным.

При внимательном же наблюдении за ним нельзя было не заметить, что его решительность пропадала там, где ему начинала угрожать серьезная опасность. Это сказывалось и в мелочах, и в крупном: Великий Князь до крайности оберегал свои покой и здоровье; на автомобиле он не делал более 25 верст в час, опасаясь несчастья; он ни разу не выехал на фронт дальше ставок Главнокомандующих, боясь шальной пули; он ни за что не принял бы участия ни в каком перевороте или противодействии, если бы предприятие угрожало его жизни и не имело абсолютных шансов на успех; при больших несчастьях он или впадал в панику, или бросался плыть по течению, как это не раз случалось во время войны и в начале революции.

У Великого Князя было много патриотического восторга, но ему недоставало патриотической жертвенности. Поэтому он не оправдал и своих собственных надежд, что ему удастся привести к славе Родину, и надежд народа, желавшего видеть в нем действительного вождя".[137]

О. Г. Шавельский описывает в своих воспоминаниях чрезвычайно интересную сцену:

"...Ко мне в купе быстро вошел Великий Князь Петр Николаевич.

— Брат вас зовет, — тревожно сказал он... Я тотчас пошел за ним. Мы вошли в спальню Великого Князя Николая Николаевича. Великий Князь полулежал на кровати, спустивши ноги на пол, а голову уткнувши в подушки, и весь вздрагивал. Услышавши мои слова:

— Ваше Высочество, что с вами? — он поднял голову. По лицу его текли слезы.

— Батюшка, ужас! — воскликнул он. — Ковно отдано без бою... Комендант бросил крепость и куда-то уехал... крепостные войска бежали... армия отступает... При таком положении что можно дальше сделать?! Ужас, ужас!..

И слезы еще сильнее полились у него. У меня самого закружилось в голове и задрожали ноги, но, собрав все силы и стараясь казаться спокойным, я почти крикнул на Великого Князя:

— Ваше Высочество, вы не смеете так держать себя! Если вы, Верховный, упадете духом, что же будет с прочими? Потеря Ковны еще не проигрыш всего. Надо крепиться, мужаться и верить... в Бога верить, а не падать духом.

Великий Князь вскочил с постели, быстро отер слезы".[138]

И еще одна сцена:

"...Увидев меня, когда я возвращался от князя Орлова, Великий Князь постучал в окно. Я вошел в его вагон. Там сидел и Великий Князь Петр Николаевич.

— Ну что? — обратился ко мне Николай Николаевич.

— Самарин назначен, — ответил я.

— Верно?

— Да. Я только что беседовал с ним и с князем Орловым. Последний, кроме того, сообщил мне, что граф Фредерикс сегодня решительно говорил о Распутине, и Государь согласился, будто бы, удалить Распутина от Двора.

— Нет, это верно? — воскликнул Великий Князь.

— Так точно. Я передаю слышанное мной от самого князя Орлова, — подтвердил я.

Великий Князь быстро вскочил с места, подбежал к висевшей в углу вагона иконе Божией Матери и, перекрестившись, поцеловал ее. А потом так же быстро лег неожиданно на пол и высоко поднял ноги.

— Хочется перекувырнуться от радости! — сказал он, смеясь".[139]

Не правда ли, какой крупный "государственный человек"? Если бы только эти сцены, которые вряд ли говорят об уравновешенности и мудрости Великого Князя. Позже мы увидим, что Великий Князь Николай Николаевич был способен на более серьезные... промахи, если только не на поступки, которые квалифицируются совершенно точно в соответствующих статьях законов. Все это мы увидим в дальнейшем изложении, причем, самое интересное, что я буду основываться главным образом на показаниях сторонников Великого Князя.

Сейчас я коснусь воспоминаний генерала Ю.Н. Данилова, то есть одного из тех четырех генералов, которые непосредственно участвовали в той поворотной странице Русской Истории, которая имела место 2 марта 1917 года. Он занимал, ко-

нечно, последнее место в этой четверке после М.В. Алексеева, В. Рузского и А. Лукомского. Но сейчас я приведу выдержки из его книги "Великий Князь Николай Николаевич", касающиеся Великого Князя и Государя. В его описании Великого Князя много, я бы сказал, лирического элемента и какой-то восторженной экзальтированности. Если бы он знал, что Великий Князь хотел от него избавиться, то думаю, что не было бы и этой лирики, да, наверно, и книги. Данилов пишет:

"Великий Князь Николай Николаевич! Кто не слышал об этом имени? Кто не судил о его деятельности, иногда вкривь и вкось! Первый русский Верховный Главнокомандующий в период участия России в мировой войне. Лицо, стоявшее во главе огромной пятимиллионной армии; человек, имевший на своей ответственности задачу защиты огромного государства, составлявшего 1/6 часть всей суши земного шара. Через ряды этой армии за время командования ее Великим Князем прошли, по крайней мере, еще столько же миллионов людей, собранных со всех концов России. Подчиненную ему армию он умел вести к великим победам; ее достоинство он сумел сохранить и в период тяжких неудач. Великий Князь Николай Николаевич поражал всех, впервые его видевших, прежде всего своей выдающейся царственной внешностью, которая производила незабываемое впечатление. Чрезвычайно высокого роста, стройный и гибкий, как стебель, с длинными конечностями и горделиво поставленной головой, он резко выделялся над окружавшей его толпой, как бы значительна она ни была. Тонкие, точно выгравированные, черты его открытого и благородного лица, обрамленного небольшой седеющей бородкой-клином, с остро-пронизывающим взглядом его глаз, дополняли его характерную фигуру. Порывистые же движения и нервная, но всегда глубоко-искренняя речь зачаровывали собеседника, который легко подпадал под влияние его слов".[140]

Чем не лирическое произведение? И затем дальше:

«К тому же, в период войны, войдя в более близкое соприкосновение с действительностью и испытывая все возраставшую тревогу за самую возможность при создавшихся условиях довести войну до благополучного конца, Великий Князь Николай Николаевич имел основание еще более утвердиться в мысли о необходимости принятия мер к возбуждению во всем русском народе необходимого "пафоса" путем закрепления за ним дарованных ему политических прав и сближения власти с общественными силами... Желая сделать попытку спасения положения,

Великий Князь Николай Николаевич открыто высказался в пользу течения, уже давно возникшего в пределах Совета Министров и находившего необходимым коренным образом изменить взятую политику путем привлечения к власти общественных сил и духовного сближения с народом. Движение это, как известно, возглавлялось Главноуправляющим Земледелием А.В. Кривошеиным и поддерживалось Министром Иностранных дел С.Д. Сазоновым».[141]

Несколько позже мы увидим, что значило "возбуждение во всем русском народе необходимого "пафоса" и "закрепление дарованных политических прав", а сейчас только скажу, что в переводе на ясный язык это означало – государственный переворот.

А вот что пишет В.А. Сухомлинов, которого Николай Николаевич не переносил и всеми силами старался его очернить и в конце концов повлиял на Государя, чтобы Государь не только его уволил с поста военного министра, но и отдал бы его под суд.

"Отношения мои с Великим Князем Николаем Николаевичем были всегда весьма холодные, инстинктивно я не выносил его черствого, злобного, безчеловечного отношения ко всему его окружавшему. А когда его матушка, Великая Княгиня Александра Петровна, по болезни поселилась в Киеве, где стала во главе лазарета в Покровском монастыре, я как командующий тогда войсками Киевского военного округа навещал ее, конечно. Великий Князь Петр Николаевич относился к ней трогательно сердечно и ласково, что она очень ценила и, высказывая это мне, присоединяла:

– А Николаша совсем другой, черствый и не добрый...

Когда доктор Соломко после сделанной Великой Княгине операции заявил, что дни ее сочтены, дано было знать об этом ее сыновьям. Петр Николаевич немедленно приехал и своей любовью и ласковым обращением по отношению к больной, умирающей матери всеми силами старался облегчить, хотя нравственно, последние минуты ее жизни. Приехал и Николай Николаевич младший, а Великой Княгине стало временно легче, и Его Императорскому Высочеству надоело ждать похоронного обряда! Доктор Соломко с возмущением передавал мне, что Великий Князь Николай Николаевич со злобой спросил его:

– Когда же у вас, наконец, все это кончится?"[142]

Дальше Сухомлинов пишет о деятельности Николая Николаевича как председателя Совета Государственной Обороны:

"Как председатель изобретенного им же самим Совета Государственной Обороны, деятельность последнего он направлял так преступно безтолково, что сидевший однажды рядом со мной в одном из заседаний этого совета председатель совета министров Столыпин сказал мне:

— Да ведь это же настоящий бэдлам!

Что там происходило, это действительно похоже было на сумасшедший дом. Достаточно было одного подобного заседания, чтобы убедиться в том, что у Великого Князя Николая Николаевича не было решительно никаких данных, чтобы выполнять столь громадной важности обязанности и деятельность по государственной обороне, от которой зависело благополучие и защита страны от врагов внешних... Взялся затем Великий Князь за роль полководца в 1914 году и с таким же успехом повел операции наших войск, с каким он до войны вел заседания Совета Государственной Обороны".[143]

А Поливанов, который был большим недоброжелателем Сухомлинова, пишет:

«Николай Николаевич настолько не был готов для занятия своего ответственного поста, что "долго плакал", не зная, "за что ему взяться, чтобы разобраться с этим делом».[144]

Осложнили положение и личные свойства довольно самовластного Великого Князя — свойства, которые Великий Князь Николай Михайлович в дневнике определил словами: "ordre, contre-ordre et desordre".*

"Настроен я пессимистически, — записал в сентябре 1914 г. бывший на фронте автор дневника, — так как трения и колебания в действиях верховного стали чересчур наглядными. Все делается под впечатлением минуты: твердой воли ни на грош, определенного плана, очевидно, тоже не имеется".

"При такой чудовищной войне нашли кому поручить судьбу русских воинов!" — восклицает в конце концов Николай Михайлович. Пристрастность мемуарных суждений титулованного историка выступает на каждой странице дневника.[145]

Но вот итог, который подвел в заседании Совета Министров 16 июля тогдашний глава военного ведомства достаточно дипломатичный генерал Поливанов, открыто сказавший, что считает "своим гражданским и военным долгом заявить Совету Министров, что Отечество в опасности"...

---

* Ordre, contre-ordre et desordre (*лат.*) – порядок, контр-порядок и безпорядок (*ред*).

“В Ставке наблюдается растущая растерянность. Она охвачена убийственной психологией отступления... В действиях и распоряжениях не видно никакой системы, никакого плана... И вместе с тем Ставка продолжает ревниво охранять свою власть и прерогативы”.[146]

Теперь несколько выдержек, касающихся Янушкевича и Данилова (начальника штаба и генерал-квартирмейстера Ставки).

«По своей служебной подготовке Н. Янушкевич был отнюдь не стратег, а администратор. Умный и скромный человек Н. Янушкевич прекрасно понимал это. Вот почему с самого начала он сам предоставил главную роль во всей стратегии Генерал-Квартирмейстеру, известному в армии под именем Данилова “Черного”. Он последние годы занимал должность Генерал-Квартирмейстера Генерального Штаба... Таким образом, Генерал-Квартирмейстер сразу занял в нашем Штабе более возвышенное положение, чем ему полагалось. Этому в значительной степени способствовали и свойства характера Ю.Н. Данилова, человека крайне властного, самолюбивого, с очень большим о себе мнением. Я считал его, безусловно, умным человеком, но иногда в дни успехов на фронте он изображал из себя чуть ли не гения, великого полководца, и это было уже слишком... Когда я пришел к Янушкевичу, мы поговорили, что называется, по душе, и он рассказал мне, что Великий Князь, так же как и он, тяготился присутствием Данилова и не любил его, но они не считали возможным его сменить, ввиду того, что Данилов в течение нескольких лет был Генерал-Квартирмейстером Главного Управления Генерального Штаба... Тем не менее, оказывается, смена Данилова была недавно решена, и заместителем ему был выбран Н.Н. Головин... На несчастье, с этим вопросом о необходимости смены Генерал-Квартирмейстера сунулся председатель Государственной Думы М. Родзянко; этого было довольно, чтобы Янушкевич, рассердившись, что вторгаются в его права, уперся, и уход Данилова задержался. Тем не менее это должно было случиться в самом скором времени. Но теперь уже поздно».[147]

О тех же лицах говорит о. Г. Шавельский:

«Я имею достаточно оснований утверждать, что Н.Н. Янушкевич, как честный и умный человек, сознавал свое несоответствие посту, на который его ставили, пытался отказаться от назначения, но по настойчивому требованию свыше принял назначение со страхом и проходил новую службу с трепетом и немалыми страданиями... Генерал Данилов до войны был генерал-квартир-

мейстером Генерального Штаба. Честный, усидчивый, чрезвычайно трудолюбивый, он, однако, — думается мне, — был лишен того "огонька", который знаменует печать особого Божьего избрания. Это был весьма серьезный работник, но могущий быть полезным и, может быть, даже трудно заменимым на вторых ролях, где требуется собирание подготовленного материала, разработка уже готовой, данной идеи. Но вести огромную армию он не мог, идти за ним всей армии было не безопасно. Я любил генерала Данилова за многие хорошие качества его души, но он всегда представлялся мне тяжкодумом, без "орлиного" полета мысли, в известном отношении — узким, иногда наивным».[148]

На фронте, между тем, дела ухудшались из-за недостатка снарядов. Русский фронт между Вислой и Карпатами был прорван. Русские войска поспешно отступали. Много частей попало в плен, в том числе и генерал Л. Корнилов. Постепенно оставлялись — Перемышль, затем Львов. На севере положение было не лучше. Недостаток снарядов вызвал всеобщие толки об измене. Говорили, что изменники — генералы, что изменники — министры. Русское общество, в корне своем всегда бывшее оппозиционным, стало во всем обвинять власть. В Москве в конце мая разразились безпорядки, в которых патриотические настроения опасно сочетались с революционными. Стали уничтожать имущество германских подданных. Все это перешло в массовый грабеж. Этими настроениями, конечно, воспользовалась наша общественность. Промышленные круги требовали перемен во власти. Тут же был учрежден Военно-промышленный комитет, который заявил, что будет ведать добровольной "мобилизацией промышленности". Во главе комитета стал Гучков, который, не скрывая, заявил, что основная задача комитета — политические перемены.

Состоявшаяся вскоре конференция конституционных демократов выдвинула требование "министерства общественного доверия", причем, лидер партии Милюков заявил, что "министры, заслуживающие доверия Думы, могут оставаться, а остальные должны уйти". Понятно, что такое правительство было бы для левых кругов еще удобнее, чем "ответственное", которое еще "не созрело", а между тем правительство "общественного доверия" всецело зависело бы от партий и "общественности".

Вокруг этого лозунга стала развиваться пропаганда по всей стране. Пока эта самая "общественность" решила действовать "тихой сапой", имея в дальнейшем, конечно, "ответственное

министерство", что являлось не чем иным, как государственным переворотом, ломкой существующего строя и превращения Верховной Власти, то есть Государя Императора, в послушную марионетку "представителей народа", как это уже имело место на Западе, где монархи играют жалкую роль "статистов от политики". Думаю, что говорить о том, что эти "представители народа" ничего общего с народом не имели, не приходится. Это были послушные исполнители Международного Заговора, люди, которые, говоря в Думе, комитетах, на банкетах, съездах и всевозможных собраниях красивые слова о патриотизме, благе страны и народа и обличая "темные силы" у Трона, на самом деле как раз и были теми темными силами, которые медленно, но верно уничтожали все устои нашей государственности и в конце концов дружными усилиями погубили нашу Родину.

Но я забежал вперед. Вернемся к последовательному изложению событий. Государь, поручив командование армией Великому Князю Николаю Николаевичу, не вмешивался в ход военных действий, ограничиваясь поездками в Ставку для ознакомления на месте. Посещал и фронт. Но все управление боевыми операциями оставалось в руках Великого Князя. И несмотря на неудачи на фронте, популярность Николая Николаевича росла именно в оппозиционных кругах, которые видели в двоевластии Ставки и Правительства умаление прерогатив Верховной Власти, что являлось главной и неизменной целью этой "общественности". Великий же Князь, ободренный таким успехом, стал принимать тон, приличествующий только монарху. В частности, на совести Николая Николаевича несмываемым пятном останется так называемое "дело Мясоедова". Как было уже сказано раньше, неуспехи на фронте вызвали повсеместно разговоры об "измене" и шпионах. Ставке нужно было во что бы то ни стало найти объяснение этих неудач на фронте. И вот появилась эта возможность. Генерал Спиридович пишет об этом "деле".

"На второй день Пасхи, 21 марта, появилось в газетах официальное сообщение о раскрытом предательстве подполковника запаса армии Мясоедова и его казни. Снова заговорили об измене повсюду. Все военные неудачи сваливались теперь на предательство. Неясно, подло намекали на причастность к измене военного министра Сухомлинова. У него были общие знакомые с Мясоедовым. Кто знал интриги Петрограда, понимали, что Мясоедовым валят Сухомлинова, а Сухомлиновым бьют по трону...

История с Мясоедовым, во всем ее развитии и разветвлении во время войны была, пожалуй, главным фактором (после Распутина), подготовившим атмосферу для революции. Испытанный на политической интриге, Гучков не ошибся, раздувая грязную легенду с целью внести яд в ряды офицерства. Время уже и теперь рассеяло много клеветы, возведенной на представителей царского времени, и чем больше будет время работать, тем рельефнее будет выступать вся моральная грязь величайшего из политических интриганов, господина Гучкова. Совершилась одна из ужасных судебных ошибок, объясняющаяся отчасти обстоятельствами военного времени, а, главным образом, политической интригой. Никаких данных, уличающих Мясоедова в измене, кроме вздорного оговора подпоручиком Колаковским, поступившим к немцам на службу по шпионажу, не было. С Мясоедовым расправились в угоду общественному мнению. Он явился искупительной жертвой за военные неудачи Ставки в Восточной Пруссии. Об его невиновности говорили уже тогда. Но те, кто создали дело Мясоедова, и, главным образом Гучков, те были довольны. В революционной игре против Самодержавия они выиграли первую и очень большую карту. На трупе повешенного они создали большой процесс со многими невинно наказанными и, главное, процесс генерала Сухомлинова, сыгравший в его подготовительной стадии едва ли не самую главную роль по разложению тыла и по возбуждению ненависти к Государю.

Но что же делала Ставка, раздувая дело Мясоедова? Ставка, слабая по особам, ее представлявшим, шла навстречу общественному мнению. Слепая толпа требовала жертв. Слабая Ставка Великого Князя их выбрасывала, не думая о том, какой вред она наносит Родине".[149]

Великий Князь Николай Николаевич, этот человек с "открытым и благородным лицом" (Данилов) несет ответственность не только за смерть совершенно невиновного человека, но и за многие тяжкие грехи, совершенные им. Все это мы увидим в дальнейшем изложении.

Теперь необходимо рассмотреть вопрос, который был одним из важнейших и который ускорил события, приведшие к "февралю" 1917 года. Я говорю о Распутине. Я уже говорил, как Распутин попал в милость Государыни и отчасти Государя. После того, как только один Распутин мог помогать Наследнику Цесаревичу в периоды его мучительных кризисов ужасной болезни, Государыня, которая страдала из-за сознания, что

виновницей страданий сына является Она сама, уверовала раз и навсегда в святость Распутина. Кто же был этот Распутин? Распутин был крестьянином из села Покровского, находящегося между Тюменью и Тобольском. Он был женат, имел трех детей и был зажиточным крестьянином. Ничем в то время он не отличался от своих соседей. Говорили, что в детстве он был несколько склонен к мистицизму, слышал какие-то "голоса" в соседнем лесу, но потом все это прошло, и он зажил, как обыкновенно живут сибирские крестьяне: в достатке, любил выпить, прилежно работал в поле и не помышлял, очевидно, о каких-либо переменах в своей жизни. Так продолжалось до 34 лет его жизни.

В 1905 году крестьянин Дмитрий Печеркин, который уже много лет странствовал по всей России, посещая монастыри, убедил Распутина сделаться странником. Григорий Распутин внял его убеждениям и отправился с ним по святым местам. Они были на Афоне, в Иерусалиме, Киеве, а затем появились в Петербурге. Встретившийся с Распутиным в то время епископ Феофан говорит о нем, как о благочестивом страннике.[150] Этот же епископ Феофан ввел Распутина в некоторые дома Петербургского "света", где он произвел очень благоприятное впечатление. Распутину пришлась эта новая для него жизнь весьма по вкусу, и когда Печеркин звал его в дальнейшие странствования, Распутин наотрез отказался.

Надо сказать, что в то время (примерно в 1907 году) многие представители высшего света увлекались и оккультизмом, и спиритизмом, и всякими другими "исканиями", что, конечно, не выходило за пределы поверхностного влечения или моды скучающих от безделья снобов. Таким же образом Распутин попал в дом Великого Князя Петра Николаевича, а затем и к Николаю Николаевичу. Их жены, сестры Анастасия и Милица Николаевны, тоже увлекались "духовными" вопросами, и "духовность" Распутина им была по душе. В то время обе черногорки были еще в дружбе с Государыней Александрой Феодоровной, и они и ввели в Царскую Семью Григория Распутина.

Говоря о Распутине, нужно сказать, что от природы он был не глуп, хитер и он сразу сообразил, что для него выгоднее всего сохранить все свои повадки, носить крестьянскую одежду и говорить на каком-то крестьянском наречии, внося в него какие-то, вряд ли для него самого понятные, отрывки из "писания" (как он объяснял), непонятные выражения, часто без сказуемого или подлежащего, что многим казалось "проро-

чеством", а для людей, более трезво относящихся к нему, плутовством хитрого мужичонки. Я уже писал, что помощь, которую он оказывал несчастному Алексею Николаевичу, дала ему возможность прослыть "чудотворцем" в некоторых кругах столичного общества. У него появилось много почитателей и почитательниц. Распутин в кругу этих людей часто, как настоящий мужик, напивался, хвастался близостью ко Двору и, что, к сожалению, свойственно не только русским мужикам, безобразничал — пускался в пляс, не стеснялся в "выражениях" и не вел себя, конечно, аскетом. К тому времени он опять предпринял поездки по святым местам, но уже в обществе своих "почитательниц". Излишне говорить, что эти "почитательницы" были искательницами приключений или свято верящими в "благодатность Григория Ефимовича", как верила в него Анна Вырубова. И тут-то и началась свистопляска вокруг Распутина. Очень многие непорядочные и недобросовестные люди, желавшие легко и быстро сделать карьеру, пытались использовать его, другие, наоборот, стараясь всячески дискредитировать Царскую Чету, вовлекали Распутина в кутежи в известных ресторанах и потом рассказывали об этом Urbi et Orbi.* А для "передовой и прогрессивной" общественности это было манной с небес. Именем Распутина эти подлинные темные силы воспользовались так умело, что даже весьма солидные и вполне порядочные люди стали верить, что Распутин "при помощи Царицы смещает и назначает министров, митрополитов и генералов, установил связь с немецкими шпионами и является подлинным правителем России, игнорируя слабовольного и неумного Царя". Ведь могла же записать в свой дневник З. Гиппиус (жена Д. Мережковского), у которой был общественно-политический салон (как и перед "великой" французской революцией, эти салоны сыграли самую гадкую роль в распространении всяких злостных сплетен и клеветы), "в перерывах безпробудного пьянства и разврата, Гришка правит Россией".[5]

Все эти мерзкие слухи распространялись и в Петербурге, и Москве, причем Императорская Фамилия, за исключением очень немногих, как, например, благородного и гуманного Великого Князя Константина Константиновича, его брата Дмитрия Константиновича и еще нескольких, принимала в этом живейшее участие.

---

* Urbi et Orbi (*лат.*) – Граду и Миру. Название еженедельных обращений папы Римского к своей пастве (*ред.*).

Даже Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна и сестра Государыни Великая Княгиня Елизавета Феодоровна не составляли, к сожалению, исключения. В особенности же старались в этом "черногорки" (black women,* как называла их Государыня) и Великая Княгиня Мария Павловна Старшая.

Салон княгини З. Юсуповой, матери Феликса, который убил Распутина, не отставал от великокняжеских салонов. Одной из модных тем всех этих салонов было глупейшее утверждение, что Государыня, как немка, хочет сепаратного мира. Об этом говорили не стесняясь, забыв все приличия и элементарную порядочность. Французский посол Морис Палеолог пишет в своей книге по этому поводу:

"В течение 10 месяцев, что я бывал в русском обществе, больше всего меня поразила свобода, или, лучше сказать, безцеремонность, с какой говорилось об Императоре и Императрице... Несчастная женщина не заслуживает ни в коем случае этого обвинения, о котором Она знает и которое приводит Ее в отчаяние. Александра Федоровна никогда не была немкой ни душой, ни сердцем. Основа Ее натуры стала совершенно русской, и я никак не сомневаюсь в Ее патриотизме. Она любит Россию горячей любовью. У нее личное отвращение к Императору Вильгельму".[152]

А Князь В. Шаховской пишет в своих воспоминаниях:

"Заветной мечтой Великой Княгини Марии Павловны являлось видеть одного из своих сыновей на Российском Престоле".[153]

О всех этих сплетнях хорошо говорит наш поэт Александр Навроцкий:

«Царицы близкое кто знает окруженье?
Известно каждому ее происхожденье.
Толкуют многое, широкая молва,
Не все пустые в ней, наверное, слова.
"Корона царская, возможно, лишь завеса,
За коей прячется немецкая принцесса!"
И ложь безстыдная – союзница врагов –
Пошла гулять в стране от хижин до дворцов.
Страдал безмерно Ты общественным паденьем,
Державный Мученик! Ты ведал имена,
Царю всесильному грозившие гоненьем,
Но чистых чувств в Тебе душа была полна,
И клике лживых душ ответил Ты презреньем».[154]

* Black women (*англ.*) – черные женщины (*ред.*).

Между тем наши неудачи на фронте и толки об измене так усилились, что Государь отдал распоряжение образовать совещание под председательством военного министра и с участием председателя Государственной Думы Родзянко и нескольких членов Думы с действительным положением вещей. Но кампания, поднятая Николаем Николаевичем против военного ведомства, так обострилась, что Государь, не веря в те обвинения, совершенно вздорные и пущенные с умыслом, конечно, против военного министра, решился расстаться с Сухомлиновым. Сделал это Государь, желая внести успокоение. Увольняя В. Сухомлинова, Государь написал ему ласковое прощальное письмо. Об этом пишет сам В.А. Сухомлинов:

«Увольняя меня 11 июня 1915 года, Государь писал из Ставки Великого Князя Николая Николаевича:

"Столько лет поработали мы вместе, и никогда недоразумений у нас не было. Благодарю вас сердечно за всю вашу работу и за те силы, которые вы положили на пользу и устройство родной армии. Безпристрастная история вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников".

А что Он сам меня не осуждал, доказательством для меня был следующий эпизод: когда я сидел в Петропавловской крепости — бедный мой Государь находился в Тобольске — тоже в заточении. На одной из прогулок внутри Трубецкого бастиона, которая сопровождалась часовым, этот последний поспешно сунул мне в руку какую-то бумажку, в которой оказался небольшой металлический, круглый образок. На одной стороне его находилось изображение Богородицы с подписью:

"Обр. Тобольск. Бож. М.", а на другой — митрополит и надпись: "Св. Иоанн Митр. Тобол.".

Когда я уже был за границей, лицо, имевшее сношение с Тобольском во время нахождения там Царской Семьи, меня спросило, — получил ли я благословение Государя, которое послано было мне из Сибири? ...Для меня же это было драгоценным доказательством, что Царь убедился уже тогда в правильности своего утверждения, что безпристрастная история вынесет свой приговор "безпристрастный" и осудит, конечно, вместе с тем того преступного "Высочайшего", по росту только, к сожалению, "Дядю", предавшего последнего русского Царя и загубившего Россию...»[155]

Вскоре после увольнения Сухомлинова началась так называемая "министерская чехарда", за которую так порицали Го-

сударя. При внимательном изучении этого вопроса мы увидим, что эта "чехарда" была вызвана тем же Николаем Николаевичем. Эта смена министров произошла, когда Государь был в Ставке, где на Него сильное влияние оказывал Николай Николаевич. Сознавая непоправимость положения в Галиции, высшие представители Ставки решили искать опоры в "общественности". Уступая не столько влиянию, сколько давлению Николая Николаевича, Государь заменил Сухомлинова Поливановым, которого не любил, которому не доверял, зная его интриги против Сухомлинова, заигрывание с Думой и про его дружбу с Гучковым. Но Николай Николаевич заигрывал сам с Думой и "общественностью", которая, как мы увидим значительно позже, состояла из очень большого количества "вольных каменщиков". В частности, дружба Поливанова с Гучковым была основана на том, что оба были "братьями" масонами. Я хочу сейчас провести параллель между тождественными событиями во Франции перед "великой" революцией и в России летом 1915 года.

«Все предвещало бурю, которая должна была нанести удар по монархии, — говорил герцог Монморанси-Люксембург, основатель и генеральный секретарь Великого Востока Франции и французского масонства. — Я прекрасно знал руку, которая направляла народ... Неосторожность помогала видам новой религии и доктрины, которая вырабатывала инструкции и частные общества. Она также восстала против католической, традиционной и иерархической Франции. Во Франции герцог Орлеанский, Великий мастер французского масонства, направлял это движение. Он пользовался этой мощной организацией, чтобы заменить на троне Людовика XVI — "простачка"».[156]

И дальше совсем, как у нас:

"Королева боялась этой опасности. Она не осмеливалась больше появляться в Париже. Ей говорили, что герцог Орлеанский и англичане раздавали золото, чтобы восстановить народ против нее".[157]

О. Г. Шавельский описывает такую же картину. В обоих случаях "дяди": в первом случае Герцог Орлеанский, дядя короля Людовика XVI, во втором — Великий Князь Николай Николаевич, дядя Императора Николая II.

"...Великий Князь теперь ненавидел и Императрицу.

— В Ней все зло. Посадить бы Ее в монастырь, и все пошло бы по-иному, и Государь стал бы иным. А так приведет Она всех к гибели.

Это не я один слышал от Великого Князя. В своих чувствах и к Императрице, и к Распутину князь Орлов был солидарен с Великим Князем... Временами и Великий Князь, и князь Орлов в беседах со мной проговаривались, что они так именно понимают создавшуюся обстановку и что единственный способ поправить дело — это заточить Царицу в монастырь".[158]

А сплетни и клевета, возводимая на Государыню в петербургских салонах, о которых говорил французский посол Морис Палеолог, имели место и в Париже накануне 1789 года.

"В позолоченных салонах Парижа дамы с острым языком это обсуждали. Маркиза де Куаньи была самой неистовой в своей ненависти к Марии-Антуанетте; графиня де Симиан стояла больше всех за свободу, графиня Богарнэ была самой запальчивой. Во всех клубах, кафе, лавках и общественных местах занимались поношением Королевы".[159]

Когда я читаю об обеих революциях, временами мне кажется, что это просто перевод с французского на русский с изменением только имен. Да, братья вольные каменщики действовали всегда по одному и тому же рецепту! А когда я приведу список русских масонов (частично, конечно) в моем послесловии, то тогда картина будет совсем уже ясная. С горечью только приходится констатировать, как легко люди дают себя одурачить этим подлинно темным силам и как тяжело приходится за это расплачиваться не только современникам этих исторических катастроф, но и последующим поколениям. *Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные* (Мф. 7, 15).

В связи с созданием Особого совещания по снабжению армии Государь, находясь в Ставке, решил пойти навстречу обществу и под сильнейшим давлением Николая Николаевича уволил четырех министров, которые пришлись не ко двору "прогрессивной" Думе. Обиднее всего, что среди них был и И.Г. Щегловитов, министр юстиции, человек сильной воли, большой эрудит и верный Государю без всяких оговорок. Левые его ненавидели безконечно. Увольнение Щегловитова было большой ошибкой Государя: будь он во главе правительства (как это одно время предполагалось), никакой революции не произошло бы. Щегловитов умер такой же мученической кончиной, как и Государь. Посаженный в заключение сразу после начала "безкровной" революции, он из него уже не вышел. Он был расстрелян большевиками.

О. Г. Шавельский в своих воспоминаниях рассказывает, как были уволены верные Государю министры и как были за-

менены "общественниками" и креатурами Николая Николаевича.

"Не успел я переступить порога вагона, как Великий Князь, быстро подошедши ко мне, воскликнул:

— Поздравьте с большой победой!.. Сухомлинов уволен!

Вместо поздравления у меня как-то невольно вырвалось:

— Ваше Высочество! А Саблер?

— Постойте, постойте, будет и Саблер, — сказал Великий Князь.

Почти одновременно с увольнением Сухомлинова последовало увольнение министра юстиции И.Г. Щегловитова и министра Внутренних дел Н.А. Маклакова. Не подлежит никакому сомнению, что все три министра падали под натиском на Государя со стороны Великого Князя и при большом содействии князя Орлова.

Сухомлинова мне было жаль как человека, от которого я, кроме хорошего, ничего не видел. Но я понимал, что дальнейшее его пребывание у власти стало невозможным; прошлое — наша неподготовленность к войне — было против него; настоящее — организация производства необходимых боевых материалов — не удавалось ему. Общественное мнение, под влиянием чего бы оно ни слагалось, все более и более складывалось не в его пользу... Щегловитова и Маклакова я знал больше по слухам. По указанным выше причинам Ставка к ним не благоволила, и увольнение их восторженно приветствовалось... После смены под давлением, более того — можно сказать — по требованию Верховного, целого ряда министров, усилились разговоры о все растущем влиянии Великого Князя. Враги по-своему комментировали эти слухи. Императрица все более настораживалась... Ей казалось, что намеренно убирали самых верных Ее слуг..."[160]

И как была права Императрица! Оставь Государь Николая Николаевича на его посту, наверно, и переворот произошел бы раньше, да и немцы были бы в Москве и Петербурге. Но все, конечно, было уже давно предусмотрено. Даже если бы не было ни Распутина, ни Государыни, ни Протопопова, ни Штюрмера, ни всего того, о чем кричали все наши "прогрессивные" деятели и просто одураченные обыватели в великокняжеских хоромах и дешевых "меблирашках", все равно ничего бы не изменилось. Могли изменить всю подготовляющуюся ситуацию, вернее, не допустить до этого, только высшие военачальники, но... они или сами были участниками заговора, или были слишком ничтожны по своим качествам, чтобы противостоять силам Зла.

Прежде чем перейти к описанию следующего этапа событий, то есть смены Верховного Главнокомандующего, я хочу остановиться на характеристике трех генералов, которым впоследствии пришлось сыграть роковую роль в событиях февраля 1917 года. Я говорю о генерал-адъютанте Н.И. Иванове, его начальнике штаба генерале М.В. Алексееве, который впоследствии стал Главнокомандующим Северо-Западным фронтом, заменив больного Рузского, и о генерал-адъютанте В.Н. Рузском, который после того, как оправился от болезни, был назначен на вновь сформированный Северный Фронт как его Главнокомандующий.

Главнокомандующим Юго-Западным фронтом был назначен генерал-адъютант Н.И. Иванов. Он не имел образования Генерального штаба (как и заменивший его впоследствии Брусилов). Был известен усмирением солдатских безпорядков при возвращении войск после Японской войны. Одно время он был командующим Киевским военным округом. Особыми дарованиями он не отличался. Его начальниками штаба были сперва Алексеев, а потом Драгомиров. После неудач на его фронте, когда уже Государь стал Верховным Главнокомандующим, он был заменен Брусиловым. Не желая обижать старика, который был очень предан Ему, Государь зачислил Иванова в Государственный Совет с тем, чтобы он "состоял" при нем в Ставке, что сводилось к участию его в обедах и завтраках.

Сейчас я перейду к характеристике Рузского, чтобы затем перейти уже к подробнейшему описанию всего, что касается Алексеева, так как сопоставление Государя и генерала Алексеева и является основной темой моего исследования.

В Японскую войну генерал В. Рузский был начальником штаба 2-ой армии (Гриппенберга). Заболев, он уже не возвращался в армию. В начале войны он был назначен командующим III-ей армией и участвовал во взятии Львова. Уже в сентябре 1914 года Государь пожаловал его званием генерал-адъютанта, а после отставки Жилинского был назначен Главнокомандующим Северо-Западным фронтом. Он считался очень способным генералом, его ценил и первый Верховный, и Государь. Не обладая крепким здоровьем, он вынужден был оставить командование этим фронтом и только после своего выздоровления был назначен Главнокомандующим сформированным Северным фронтом. Его роль в событиях февраля 1917 года огромна, и я долго недоумевал, чем было вызвано его ужасное поведение в эти дни. И только прочитав одну книгу, я понял все. Об этом я поделюсь с читателями несколько позже.

Конец его был ужасен: в ноябре 1918 года он был зарублен озверевшей солдатней и полуживым закопан вместе с другими несчастными вблизи Пятигорска. Суд Божий состоялся над ним уже на земле. *Не прикасайтеся к помазанным Моим* (1 Пар. 16, 22), – сказал Господь.

Глава XI

РАСПУТИН. ПЕРЕМЕНА НАСТРОЕНИЙ В СВЯЗИ С НЕУДАЧАМИ. ПЕРЕМЕНЫ В КОМАНДОВАНИИ. ГЕНЕРАЛ ИВАНОВ. ГЕНЕРАЛ РУЗСКИЙ. ГЕНЕРАЛ АЛЕКСЕЕВ. ЕГО ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ. НЕДОВОЛЬСТВО СТАВКОЙ. ДЕЛО МЯСОЕДОВА. УВОЛЬНЕНИЕ СУХОМЛИНОВА. СМЕНА МИНИСТРОВ. СМЕНА ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО. ГОСУДАРЬ – ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. ОППОЗИЦИЯ. СОВЕТ МИНИСТРОВ.

Михаил Васильевич Алексеев родился 3 ноября по старому стилю 1857 года в Вязьме. Его отец был штабс-капитаном 64-го пехотного Казанского полка. Кадетского корпуса он не кончал, а окончил Тверскую гимназию и Московское юнкерское училище. По окончании училища был выпущен во 2-ой Ростовский Гренадерский полк в 1876 году, а затем переведен прапорщиком в Казанский полк, в котором служил его отец. Участвовал в Турецкой войне, был ранен в ногу и получил три первые боевые награды. Прокомандовав на разных строевых должностях одиннадцать лет, в 1887 году в чине штабс-капитана поступил в Академию Генерального Штаба.

Окончил академию Алексеев первым, получив Милютинскую премию. Это было в 1890 году. После окончания академии он был назначен в Петербургский Военный Округ. Помимо своих прямых обязанностей, капитан Алексеев преподавал в Петербургском Юнкерском и Николаевском Кавалерийском училищах и позже в Академии Генерального Штаба. Преподавал в Академии Алексеев Историю Военного Искусства и в 1898 году был назначен экстраординарным профессором Академии.

В 1900 году был назначен начальником оперативного отделения Генерального Штаба. В 1901 году назначен ординарным профессором с оставлением в должности по Генеральному Штабу. В том же 1901 году был произведен в генерал-майоры.

В 1904 году по собственному ходатайству отправился в действующую армию, где занимал пост генерал-квартирмейстера 3-ей Маньчжурской армии. В 1905 году получил за боевые отличия Георгиевское оружие. После окончания Японской

войны Алексеев вернулся в Главное Управление Генерального Штаба и работал там, как 1-ый обер-квартирмейстер.

В 1908 году был произведен в генерал-лейтенанты и назначен начальником штаба Киевского Военного Округа. В том же 1908 году им была подана докладная записка с критикой стратегического плана, известного под № 18, с указанием мер к его изменению.

В 1912 году в Москве был созван съезд командующих военными округами и их начальников штабов. На этом съезде Алексеев выступил с запиской "Общий план действий". И хотя это совещание не разделило его мнения, все же был пересмотрен план стратегического развертывания 1910 года. Еще до войны 1914 года Алексеев, будучи начальником штаба Киевского военного округа, предназначался на пост начальника штаба Юго-Западного Фронта, каковую должность он и занял с возникновением войны.[161]

Генерал Головин писал о нем:

"Генерал Алексеев представлял собой выдающегося представителя нашего генерального штаба. Благодаря присущим ему глубокому уму, громадной трудоспособности и военным знаниям, приобретенными одиночным порядком, он был на голову выше остальных представителей русского генерального штаба".

В своем труде "Галицийская битва" тот же генерал Головин пишет:

"Оценивая этот план, нельзя не увидеть, что автор его оказался на высоте, требуемой для руководства группой армий. Несмотря на серьезный кризис, переживаемый 4-ой армией, генерал Алексеев сумел устоять от соблазна частичных поддержек в виде передачи корпусов из одной армии в другую, на что всегда склонны малорешительные начальники. Умение генерала Алексеева видеть армейские операции во всем их целом позволило ему не уступить сразу же после первой неудачи почин действий противнику, а продолжать бороться за этот почин".

Немецкий военный писатель Hermann Stegemann в своей "Истории войны" пишет:

"Австрийская победа у Замостья была парализована русской победой у Перемышля, так как поворот фронта 4-ой армии для второй битвы у Львова спас жизненные пункты северного русского фронта".

Данилов в "Россия в мировой войне" пишет:

"Руководящая роль принадлежала начальнику штаба этого фронта генералу Алексееву — человеку больших военных зна-

ний, опыта и настойчивости. Несомненно, что наши первоначальные успехи в Галичине должны быть крепко связаны с именем этого крупного военного деятеля пережитой эпохи".

За операции на Юго-Западном фронте генерал Алексеев был произведен в 1915 году в генерала-от-инфантерии. Кроме того, получил орден Святого Георгия.

Генерал Лукомский пишет об Алексееве, когда тот был еще генерал-квартирмейстером Генерального Штаба:

"Отличаясь громадной работоспособностью и пунктуальностью при выполнении работы, генерал Алексеев являлся образцом, по которому старались равняться и другие участники полевых поездок. Играло здесь роль, конечно, и то, что, хотя на всех этих поездках генерал Алексеев являлся якобы одинаковым членом со всеми другими участниками поездки, получая и выполняя одинаковые с другими задачи, он, будучи ближайшим помощником начальника генерального штаба, являлся фактически лицом, которое влияло на аттестации участников поездок и от заключения которого могла зависеть дальнейшая служба и старших, и младших офицеров генерального штаба".[162]

Спиридович описывает внешний вид Алексеева:

«Среднего роста, худощавый, с бритым солдатским лицом, седыми жесткими усами, в очках, слегка косой, Алексеев производил впечатление не светского, ученого, статского военного. Генерал в резиновых калошах. Говорили, что он хороший и порядочный человек. Он имел жену, которая, по слухам, была "левая", сына, служившего в Лейб-гвардии Уланском Его Величества полку».[163]

В марте 1915 года генерал Алексеев был назначен Главнокомандующим Северо-Западным Фронтом на место заболевшего Рузского. Здесь впервые за всю карьеру Алексеева, наряду с теми же хвалебными отзывами об его деятельности, раздались и другие голоса, резко осуждавшие его за стремление "отходить", т.е. отступать, и паническое настроение.

Обратимся сперва к первым, т.е. хвалебным.

Данилов сообщает:

"По числу дивизий, свыше двух третей всех сил перешло в подчинение генералу Алексееву, на которого таким образом выпала роль не только непосредственно руководить большей частью наших вооруженных сил, но и выполнить наиболее ответственную часть общей задачи".

Генерал Ф.Палицын:

"Теперь надо спасать армию спокойно, не смущаясь жертвами. Мы считаем, что Михаил Васильевич даст все, что может дать сильный и проникнутый любовью к отечеству человек".[164]

Об этом времени пишет и неприятель:

"Как я и ожидал, продвижение союзных армий в Польше к востоку от Вислы выражалось во фронтальном преследовании с непрерывными боями. И здесь все предпринимались безрезультатные попытки окружить русских, а русская армия сравнительно благополучно уходила под нашим натиском, часто переходя в ожесточенные контратаки и постоянно пользуясь болотами и речками, чтобы, произведя перегруппировку, оказывать долгое и упорное сопротивление".[165]

Великий Князь Андрей Владимирович, который состоял в распоряжении Начальника Штаба Северо-Западного фронта и которого считали серьезным человеком (об этом пишет в своих воспоминаниях генерал Спиридович) и которому давали важные поручения (производство дознания о катастрофе в Августовских лесах Самсоновского корпуса), в своем дневнике от апреля по октябрь 1915 года много пишет об Алексееве, видя его в непосредственной близости, когда Алексеев был Главнокомандующим Северо-Западным фронтом. Вот его записи:

"**20 апреля** — Всю штабную работу ведет самолично Главнокомандующий Алексеев. Все бумаги написаны его рукой. Вследствие этого ни начальник штаба, ни генерал-квартирмейстер не в курсе его распоряжений".

"Еще есть один тип, который в штабе мозолит всем глаза; это закадычный друг генерала Алексеева, выгнанный уже раз со службы за весьма темное дело, генерал Борисов, — маленького роста, грязный, небритый, нечесаный, засаленный, неряшливый, руку ему давать даже противно. Алексеев его считает великой умницей, а все, что он до сих пор делал, свидетельствует весьма ясно, что это подлец, хам и дурак".

«**4 июля** — Меня заинтересовало мнение генерал-адъютанта Иванова об Алексееве, который был при нем начальником штаба, а теперь Главнокомандующий Северо-Западным фронтом. Вот что по этому поводу он мне сказал:

"Алексеев, безусловно, работоспособный человек, очень трудолюбивый и знающий, но, как всякий человек, имеет свои недостатки. Главный — это скрытность. Сколько времени он был у меня, и ни разу мне не удалось с ним поговорить, обменяться мнением. Он никогда не выскажет свое мнение прямо, а

всякий категорический вопрос считает высказанным ему недоверием и обижается. При этих условиях работать с ним очень было трудно. Он не талантлив и на творчество не способен, но честный труженик".

"Вредный человек этот генерал Борисов, состоящий у Алексеева. Наши неудачи на Карпатах — это всецело его вина. Недели три Алексеев приставал ко мне с этим планом, я все отклонял его, и теперь стыдно сознаться, но совершенно не могу вспомнить, как это я согласился, когда произошел у меня этот перелом и почему. Не нравился мне этот план. Это была идея Борисова, сухого доктринера. Вот и поплатились мы теперь за это. Это он у нас напутал с пополнением. Он много еще может повредить своими необоснованными советами. Но Алексеев слепо ему верит, и его не разубедить».

"**9 июля** — За последнее время генерал Алексеев проникся идеей отступления и ни о каких бы то ни было попытках не только наступления, но даже о контратаках слышать не желает. Многочисленные просьбы командующих армиями о переходе в наступление оставались без ответа. Вчера Алексеев приказал всем отходить. Отчаяние во многих армиях ужасное. При таком отступлении мы не только несем большие потери, но теряем и тот нравственный элемент, без которого войну вести нельзя. Работает Алексеев много, очень много, но все копается в мелочах и духа армии не знает, не знает ее нравственной силы и, по-видимому, и считаться с ней не желает. Не потому, я думаю, он это делает, что не считаться с ней ему не хочется, а просто потому, что существование нравственного элемента армии уставом не предусмотрено и не укладывается в узкие рамки канцелярской души.

Гулевич (начальник штаба Алексеева — *В.К.*) прав, говоря, что как родился Алексеев с мелкой душой, так с ней и остался, и ни на какие порывы, подъемы такая душа уже не способна. И это на каждом шагу сказывается болезненно. Но знал бы Алексеев, как все это болезненно отзывается на войсках, что они переживают — он мог бы понять; но нет, он все же не поймет.

И Иванов прав, что Алексеев на творчество неспособен. Копошиться в бумагах он может и хорошо, но сквозь эти бумаги жизни, обстановки, настроения не увидит".

"**10 июля** — Да и солдата Алексеев в лицо не видал. Сидя всю жизнь за письменным столом над листом бумаги, живого человека не видишь. Это не есть подготовка для командования. Даже поздороваться на улице с солдатом он не умеет, конфу-

зится, когда ему становятся во фронт. Нет, не знает он, что такое нравственный элемент, что у армии, кроме патронов, должен быть дух, который он обязан поддерживать, не знает он этого и не познает своей чернильной душой и погубит армию прекрасными, хорошими мыслями, погубит в ней душу, веру в свою силу, веру в победу. Вот теперь он твердит, что надо сохранить живую силу армии, но, принимая меры для сохранения этой живой силы, он топчет ее дух, и это, по-моему, есть преступление".

"**12 июля** — Атмосфера кругом Алексеева тяжелая. Роль Борисова очень темная, и его влияние весьма пагубное".

"**2 августа** — Отношения между Алексеевым и Гулевичем обострились до того, что они больше не разговаривают между собой. Кроме того, все действия генерала Алексеева встретили во всем штабе сильную критику. Этот вопрос наиболее больной. Прав ли Алексеев или нет, теперь трудно сказать, но факт остается, что все потеряли веру в него. Генерал Данилов, говоря об этом, указал еще на одну черточку, а именно, что генерал Алексеев сам потерял веру в себя. Это весьма возможно, так как это в первый раз в его жизни, что он на самостоятельном посту. Будучи всю свою жизнь штабным, подчиненным лицом, ему не приходилось брать решения на свою голову. Отсутствие тренировки в волевом отношении теперь и сказалось в упадке духа и большом унынии. Генерал Данилов выражал сомнение, чтоб Алексеев воспрянул духом и вышел победителем из создавшегося тяжелого положения. Мешают ему — отсутствие знания дела (таланта разобраться и взять решение) и общее уныние, т.е. ему все кажется ужасно, все в мрачных красках".

"**3 августа** — Хорошо, что генерал Рузский успел поговорить с Верховным и вполне установил твердый взгляд на необходимость создать твердый кулак в северной армии. Иначе Алексеев был уже готов отдать и Ригу, ставя этим Петроград прямо в опасное положение. Он, по-видимому, совершенно не понимает обстановки и не отдает себе отчета о важности некоторых районов. У него опасная мания отхода". "Вот Борисова следовало бы убрать, выгнать вон. Это форменный идиот и скверный человек. Он мне как-то говорит: "Вот до того, что меня выгнали со службы, это меня пугало (отставка), а теперь уж не пугает".

"Приехал повидать Алексеева гродненский губернатор, свиты Его Величества В.Н. Шебеко. Выходя от Главнокомандующего, он подошел встревоженный ко мне и говорит, что Главнокомандующий ему только что говорил, что армии все разбиты,

бегут и что все пропало. Как мог Алексеев такую вещь сказать — прямо непонятно, а Петюша (Великий Князь Петр Николаевич — *В.К.*) сказал, что это даже преступно так говорить. Я заметил Петюше, что это только характеризует общее настроение, которое может роковым образом отразиться на войсках, раз сам Главнокомандующий позволяет себе говорить такие вещи".

"**5 августа** — Вера в Алексеева, к сожалению, рушится с каждым днем. Уже начинают открыто об этом говорить, и некоторые предполагают, что ему это стало известно, почему он на всех злится и ни с кем не разговаривает. Возвращаясь из штаба домой, Ф.Ф. Палицын мне говорил, что когда верховный (Великий Князь Николай Николаевич — *В.К.*) был у нас, генерал Алексеев просил его уволить. "Несчастливая у меня рука", — говорит Алексеев. Но кем его заменить теперь? Никого нет".[166]

Почти о том же самом пишет генерал Спиридович:

«На фронте было неблагополучно. Отступление наших войск продолжалось. Отступательное настроение Юго-Западного фронта передалось и Северо-Западному. Главнокомандующий последнего генерал Алексеев, главным советником которого являлся состоявший при нем генерал Борисов (личность довольно загадочная и неясная) все больше и больше проникался идеей отступления, и в первой половине июля это его настроение настолько не соответствовало настроению подчиненных ему высших начальников, что из нескольких военных центров в Ставку были посланы полные информации о неправильности действий генерала Алексеева и о непригодности его к его роли.

Великие Князья Кирилл Владимирович и Андрей Владимирович по просьбе фронтовых начальников докладывали о том, какое паническое впечатление производят распоряжения и действия генерала Алексеева. В ставке царила растерянность. Николай Николаевич был величина декоративная, а не деловая. Уже в половине июля генерал Поливанов, выдвинутый на его пост Ставкой, сделал в Совете Министров доклад о той растерянности и охарактеризовал деятельность Ставки очень резко и нелестно.

"Назад, назад и назад — только и слышно оттуда, — говорил Поливанов. — Над всем и всеми царит генерал Янушкевич... Никакой почин не допускается... Молчать и не рассуждать — вот любимый окрик из Ставки... Печальнее всего, что правда не доходит до Его Величества... Повторяю господа: отечество в опасности", — закончил свой потрясающий доклад Поливанов.

В половине июля немцы перешли Вислу. 22 мы оставили Варшаву, а 23 Ивангород. Начались атаки Осовца. Генерал Алексеев окончательно растерялся. Его паническое настроение настолько развращающе действовало на окружающих, что у штабных офицеров возникла мысль убить генерала Алексеева ради спасения фронта. Великому Князю Андрею Владимировичу пришлось долго убеждать офицеров не делать этого, дабы не вносить еще больше безпорядка. 4 августа пала крепость Ковно. 6 августа сдался Новогеоргиевск. В этот день Поливанов заявил в Совете Министров:

"Военные условия ухудшились и усложнились. В слагающейся обстановке на фронте и в армейских тылах можно каждую минуту ждать непоправимой катастрофы. Армия уже не отступает, а попросту бежит. Ставка окончательно потеряла голову..."

10 августа пал Осовец. Эвакуируют Брест-Литовск. Ставка Верховного Главнокомандующего перешла из Барановичей в Могилев».[167]

Я нарочно так подробно изложил выдержками из воспоминаний очевидцев создавшееся положение на фронте и настроения в Ставке и в штабе Северо-Западного фронта к лету 1915 года, чтобы показать, как неубедительны были все слащаво-лирические восхваления Великого Князя Николая Николаевича как опытного полководца и мудрого вождя. На самом деле, как пишет Спиридович:

"Николай Николаевич был величина декоративная, а не деловая".

Что же касается генерала Алексеева, то, отдавая ему дань как опытному и трудолюбивому работнику и хорошему стратегу, можно сказать, что, как мы это увидим позже, он только в присутствии Государя как Верховного Главнокомандующего, который, конечно, не был ни опытным стратегом (в этом Он всецело полагался на Алексеева), ни человеком больших военных знаний, мог использовать свои незаурядные дарования под влиянием всегда спокойного, никогда не теряющего голову и вселяющего бодрость в своего начальника штаба, Государя Императора.

Всегда уравновешенный Государь и был причиной резкого изменения положения на фронте после смены Верховного Командования. Уже, конечно, Государь не мог бы никогда плакать в подушку или задирать ноги, лежа на полу, как это делал "мудрый полководец" Николай Николаевич.

Для смены Верховного Командования были и другие причины, и, пожалуй, еще более серьезного характера. Двоевластие Ставки и Правительства становилось невыносимым. В Совете Министров действия Ставки подвергались резкой критике и не только со стороны "реакционных" министров, но и со стороны вновь назначенных под сильнейшим давлением Николая Николаевича, то есть генерала Поливанова, Князя Щербатова и Самарина, а также даже нового министра юстиции А.А. Хвостова (А.Н. Хвостов был министром Внутренних дел), отличавшегося спокойным характером.

Управляющий делами Совета Министров того времени Яхонтов дает очень красочное описание заседаний Совета, посвященных обсуждению положения, создавшегося из-за Двоевластия в стране.

"Просто безумные люди там распоряжаются", — восклицает министр иностранных дел.

"Логика и веление государственных интересов не в фаворе у Ставки", — замечал военный министр.

Министр торговли и промышленности жалуется на "своеволие военных начальников" и требует их "обуздания".

Министр Внутренних дел требовал энергичных действий, чтобы ликвидировать "безвыходное положение", когда у него как министра нет власти "ни юридической, ни фактической".

Важно то, что Совет Министров признавал свою полную безпомощность: военная власть всю ответственность за неудачи переносила на правительство, а последнее эту ответственность возлагало на командование.

Председатель Совета Министров Горемыкин почти после каждого заседания Совета говорил:

"Я обращу внимание Государя на это сплошное безобразие. На фронте совсем теряют голову".

И даже Кривошеин, считавшийся либеральным министром и популярным в думских кругах, заявлял, что: "Если "верховным" будет сам Император, тогда никаких недоразумений не возникало бы, и все вопросы разрешались бы просто — вся исполнительная власть была бы в одних руках".

Таким образом, мы видим, что министры сами подталкивали мысль Царя на принятие Верховного Командования на Себя. И Государь принял единственно правильное решение — возложил на Себя Верховное Командование.

А. Вырубова, которая близко стояла к семейной обстановке Царской Семьи, пишет о решении Государя в своих воспоминаниях:

«Летом 1915 года Государь становился все более и более недоволен действиями на фронте Великого Князя Николая Николаевича. Государь жаловался, что русскую армию гонят вперед, не закрепляя позиций и не имея достаточно боевых патронов. Как бы подтверждая слова Государя, началось поражение за поражением; одна крепость падала за другой, отдали Ковно, Новогеоргиевск, наконец, Варшаву. Я помню вечер, когда Императрица и я сидели на балконе в Царском Селе. Пришел Государь с известием о падении Варшавы; на нем, как говорится, лица не было. Он почти потерял свое всегдашнее самообладание.

"Так не может продолжаться, — воскликнул Он, ударив кулаком по столу, — я не могу все сидеть здесь и наблюдать за тем, как разгромляют армию; я вижу ошибки, — и должен молчать! Сегодня говорил мне Кривошеин, — продолжал Государь, — указывая на невозможность подобного положения".

Государь рассказывал, что Великий Князь Николай Николаевич постоянно, без ведома Государя, вызывал министров в Ставку, давая им те или иные приказания, что создало двоевластие в России.

После падения Варшавы Государь решил безповоротно, без всякого давления со стороны Распутина или Государыни, стать Самому во главе армии; это было единственно его личным, непоколебимым желанием и убеждением, что только при этом условии враг будет побежден.

"Если бы вы знали, как Мне тяжело не принимать деятельного участия в помощи Моей любимой армии", — говорил неоднократно Государь...

Ясно помню вечер, когда был созван Совет Министров в Царском Селе. Я обедала у Их Величеств до заседания, которое назначено было на вечер. За обедом Государь волновался, говоря, что какие бы доводы Ему не представляли, Он останется непреклонным... Уже подали чай, когда вошел Государь, веселый, кинулся в свое кресло и, протянув нам руки, сказал:

"Я был непреклонен, посмотрите, как я вспотел! ...Выслушав все длинные, скучные речи министров, я сказал приблизительно так: Господа! Моя воля непреклонна, я уезжаю в Ставку через два дня! Некоторые министры выглядели, как в воду опущенные".

Государь казался мне иным человеком до отъезда. Еще один разговор предстоял Государю — с Императрицей-матерью, которая наслышалась за это время всяких сплетен о мнимом

немецком шпионаже, о влиянии Распутина и так далее и, думаю, всем этим басням вполне верила. Около двух часов, по рассказу Государя, Она уговаривала его отказаться от своего решения... Я видела Государя после его возвращения. Он рассказывал, что разговор происходил в саду. Он доказывал, что если будет война продолжаться так, как сейчас, то армии грозит полное поражение, и что Он берет командование именно в такую минуту, чтобы спасти родину, и что это его безповоротное решение. Государь передавал, что разговор с матерью был еще тяжелее, чем с министрами, и что Они расстались, не поняв друг друга.

Перед отъездом в армию Государь с семьей причастился Святых Таин в Федоровском Соборе... Из Ставки Государь писал Государыне, и Она читала мне письмо, где Он писал о впечатлениях, вызванных его приездом. Великий Князь был сердит, но сдерживался, тогда как окружающие не могли скрыть своего разочарования и злобы: "точно каждый из них намеревался управлять Россией!"

Я не сумею описать ход войны, но помню, как все, что писалось в иностранной печати, выставляло Николая Николаевича патриотом, а Государя орудием германского влияния. Но как только Помазанник Божий встал во главе своей армии, счастье вернулось русскому оружию и отступление прекратилось».[168]

Во всей этой истории поражает одно: до решения Государя принять Верховное Командование на себя Совет Министров был единодушен в том, что Ставка (т.е. Николай Николаевич) "потеряла голову". Как только Государь решил возложить Верховное Командование на себя, все, как по мановению волшебной палочки, стали Государя отговаривать от "рокового", "фатального" и "опасного" решения. В этом надо разобраться подробно.

Министры приводили доводы и, в первую голову, Поливанов:

"Если личное предводительствование Царя не изменит в благоприятную сторону положения на фронте и не остановит продвижения неприятеля внутрь страны, то возможны последствия во внутренней жизни страны. При этом я доложил, — говорит Поливанов, — что по состоянию наших сил нет надежды добиться хотя бы частных успехов, а тем более трудно надеяться на приостановку победоносного шествия немцев. Подумать жутко, какое впечатление произведет на страну, если Государю Им-

ператору пришлось бы от своего имени отдать приказ об эвакуации Петрограда или, не дай Бог, Москвы".

Еще и другой министр, министр Внутренних дел Щербатов на Заседании Совета Министров без Государя осмелился сказать:

"До меня за последнее время доходили слухи об интригах в Царском Селе против Великого Князя, и я подозревал, что это может кончиться вступлением Государя в верховное командование".

А когда Горемыкин заявил, что Государь ему говорил о своем решении, то министр иностранных дел Сазонов, этот человек, заслуживающий доверия, человек чистый, деликатный, морально-тонкий", как пишет о нем Архимандрит Константин,[169] перебивает Горемыкина:

"Как же вы могли скрыть от своих коллег по кабинету эту опасность? Ведь дело затрагивает такие интересы, от которых зависит судьба России. Если бы вы сказали нам откровенно, мы нашли бы, вероятно, способы противодействовать решению Государя, которое я не могу назвать иначе, как пагубным".

Неправда ли, сколько "чистоты и моральной тонкости" в этом заявлении?

И вот ответ Ивана Логиновича Горемыкина, настоящего верноподданного и подлинного барина, не в пример всем другим сановникам и барам в кавычках:

"Я не считал для себя возможным разглашать то, что Государь повелел мне хранить в тайне. Если я сейчас говорю об этом, то лишь потому, что военный министр нашел возможным нарушить эту тайну и предать ее огласке без соизволения Его Величества. Я человек старой школы, для меня Высочайшее повеление закон. Когда на фронте почти катастрофа, Его Величество считает священной обязанностью Русского Царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть... Он, отлично понимая этот риск, тем не менее, не хочет отказаться от своей мысли о царственном долге".

На это Сазонов отвечает:

"...Бывают обстоятельства, когда обязанность верноподданных настаивать перед Царем во имя общегосударственных интересов... Надо еще учитывать и то, что увольнение Великого Князя произведет крайне неблагоприятное впечатление на наших союзников... нельзя скрывать, (...) что за границей мало верят в твердость характера Государя и боятся окружающих его влияний".

Хорош верноподданный! В дальнейшем изложении мы увидим, как вел себя Министр Иностранных Дел Российской

Империи перед иностранными послами, как угодничал перед явными врагами Государя, как Милюков и другие конституционные демократы. Что же касается военного министра Поливанова, то ему в моем исследовании будет уделено много места. Заранее скажу, что это был изменник совершенно законченный, который стремился к гибели изо всех своих сил. Военный Министр Российской Империи, Особоуполномоченный Временного Правительства по проведению военной реформы (уж он ее провел совершенно в духе приказа № 1), и военный эксперт при Совнаркоме, приятель Гучкова и "собрат" по ложе и вместе с тем человек несомненно умный, способный и образованный не только как военный. Как же низок должен быть такой человек, который совершенно сознательно проводил в жизнь свои преступные замыслы! И под личиной даже благочестия! Все это мы увидим позже.

Измена существовала не только в Государственной Думе и Прогрессивном блоке, но и в Совете Министров! Много писали и говорили о "министерской чехарде". А частая смена министров, начиная с 1915 года, происходила, во-первых, под давлением Николая Николаевича, во-вторых, после обращения части Совета Министров к Государю по поводу смены Верховного Командования и еще по причинам невозможного поведения некоторых министров (А.Н. Хвостов, С. Белецкий, А. Трепов и др.).

Совершенно неприлично было выступление по тому же поводу председателя Государственной Думы Родзянко, который явился в Совет Министров, как "какой-то супер-арбитр" (выражение Кривошеина) и кричал о "недопустимости" перемены Командования и требовал от Правительства коллективной отставки. Ему ответили, что правительство делает все, что ему подсказывает совесть и сознание долга, и что в подобных советах оно не нуждается. На это Родзянко крикнул:

"Я начинаю верить тем, кто говорит, что у России нет правительства!"

И бросился к выходу.

Родзянко был настоящей находкой для тех подлинных врагов Царского строя, какими были Гучков, Милюков, Львов, Некрасов, Коновалов, все московские толстосумы и очень многие другие. О социалистах я пока что ничего не говорю. Те, конечно, отлично понимали, что "русская Жиронда" расчищает путь для них.

О Родзянко писал еще Витте:

"Родзянко человек неглупый, довольно толковый; но все-таки главное качество Родзянко заключается не в его уме, а в голосе — у него отличный бас".[170]

Министр земледелия А. Наумов, большой сторонник Думы и любимец "прогрессивной общественности", говорит о Родзянко:

"На эту тему из уст краснобаев Таврического Дворца полились громовые хлесткие речи. Родзянко, по свойству своего "глубокого ума", стал вторить им басом..."[171]

Теперь о воспитанности камергера Родзянко говорит министр торговли и промышленности князь В. Шаховской:

"В одной из групп стояла грузная фигура Родзянко. К нему подходит с обычной сладкой улыбкой Протопопов и, поздравляя с Новым Годом, протягивает руку. Грубый Родзянко, не пошевеливая своим туловищем, зычным голосом произносит:

— Прочь! Ко мне не прикасаться.

Я стоял в нескольких шагах, видел все это своими глазами и слышал своими ушами".[172]

И это во Дворце на Новогоднем приеме у Государя! И это для того, чтобы снискать себе еще больше расположения у того сброда, который заседал в Думе, сплетничал в салонах и распространял клевету в Армии!

А Иван Солоневич со свойственной ему прямотой открыто говорит:

"Впоследствии М. Родзянко — самый массивный, самый громогласный и, по-видимому, самый глупый из участников заговора, — писал о том, что с революцией или без революции, — Россия все равно была бы разбита".[173]

В общем, ни обращение министров (восемь из них обратились даже с письмом к Государю), ни, как всегда, скандальное и безтактное выступление "умного" председателя Думы, ни убеждения "милых" родственников не смогли (и Слава Богу!) разубедить Государя в правильности принятого решения.

Мельгунов, которого уж никак нельзя заподозрить в монархических чувствах (народный социалист), пишет:

«Очевидно, исключительное упорство, проявленное Николаем II, никакими посторонними влияниями объяснить нельзя, а тем более, "немецко-распутинским" окружением Александры Федоровны, как продолжал думать генерал Деникин в своих "Очерках русской смуты". По словам Великого Князя Николая Михайловича, Царь уже в начале войны стал считать назначение Николая Николаевича "неудачным"».[174]

Но было еще одно обстоятельство, которое яростно отрицается людьми некомпетентными и подтверждается лицом чрезвычайно компетентным. Я имею в виду политические планы Николая Николаевича и его приспешника князя В. Орлова. Данилов, Бубнов, о. Г. Шавельский (хотя последний и писал, что Великий Князь говорил, что "Ее" надо заточить в монастырь") писали, что Николай Николаевич и не думал ни о чем "таком", но, конечно, только с о. Г. Шавельским Николай Николаевич мог говорить о "таких" вещах. Все эти разговоры и настроения Ставки становились известными в Царском Селе, и Государыня видела в смене Командования и предупреждение государственного переворота, задуманного дядей Государя, который все же через полтора года принял участие "коленопреклоненно" в перевороте, на этот раз удавшемся. Когда министр двора Фредерикс начал было заступаться за Великого Князя перед Государем, Государь, хлопая рукой по папке, сказал:

"Здесь накопилось достаточно документов против Великого Князя Николая Николаевича. Пора покончить с этим вопросом".[175]

23-го августа был отдан следующий приказ:

Приказ Армии и Флоту 23-го августа 1915 года.

Сего числа Я принял на себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театре военных действий.

С твердой верой в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты родины до конца и не посрамим земли Русской. Николай.

В тот же день был подписан рескрипт на имя Великого Князя с назначением его Наместником Кавказа на место уволенного на покой Воронцова-Дашкова. Николай Николаевич брал с собой Янушкевича как помощника по военной части и, с позволения Государя, князя Орлова, который до этого был начальником походной канцелярии у Государя, как помощника по гражданской части. Еще в Барановичах, куда приезжал Государь, возникла эта странная дружба Николая Николаевича с князем Орловым. Об этом пишет всегда хорошо информированный по долгу своей службы генерал Спиридович:

"Будучи в Барановичах, князь Орлов каждый день ходил к Великому Князю, часто с портфелем, и иногда они ездили вместе кататься на автомобиле. Все это знал и видел из окон своего вагона Государь. Он не скрывал иногда тонкой иронии, указывая лицам свиты за пятичасовым чаем на уезжающих друзей.

Знавшим характер Государя было ясно, что эта новая дружба не очень нравится Государю.

Слухи о какой-то интриге, которую как бы боялись называть своим настоящим юридическим термином, т.е. заговором, были столь настойчивы, что даже такой осторожный и тонкий человек, как Мосолов, и тот имел беседу с графом Фредериксом. Последний не хотел верить в серьезность слухов, называл их сплетнями и тогда так и решили во дворце, что это великосветская сплетня, пущенная князем Орловым. Но вот теперь, в настоящую поездку, в настоящий момент, в связи с пришедшими из Москвы сведениями об устранении Государя, слух о заточении Императрицы приобретал большой смысл и получал серьезный характер... В свите был развал. За князем Орловым тянулся полковник Дрентельн. Получалось дикое, ненормальное положение: самая ближайшая Царю его часть — Военно-Походная Канцелярия, была в оппозиции к Государю и Его Семье, а ее главный начальник — Главнокомандующий Императорской Главной Квартирой, Министр Двора, Фредерикс, который по должности должен бы и объединять и руководить всей свитой — был развалина.

Наш Дворцовый Комендант Воейков отлично понимал и всю ненормальность, и всю серьезность тогдашнего положения, и он горой встал за Государя и Царицу, хотя и понимал отлично их ошибки, особенно в отношении Распутина".[176]

Это было в конце июня, а после перемены Верховного Командования Спиридович записал:

"После отъезда Великого Князя стало как-то легче. Как будто разрядилась гроза. Кто знал истинный смысл совершившегося, крестились. Был предупрежден государственный переворот, предотвращена государственная катастрофа".[177]

Начальником штаба Верховного Главнокомандующего Государь назначил Главнокомандующего Северо-Западным Фронтом, генерал-от-инфантерии Михаила Васильевича Алексеева. В последнее время его многие критиковали и злые языки говорили, что он получил повышение, сдав все крепости. Многие из высших военачальников приветствовали его назначение, другие же, в особенности Рузский, резко порицали. Все сходились только на том, что Алексеев работящий и необыкновенно трудоспособный человек. Выбор его объясняли личной симпатией Государя.

Чрезвычайно интересны записи о. Г. Шавельского от 21 августа за два дня до смены Командования в Ставке, где нахо-

дился вызванный туда генерал Алексеев. Оказывается Николай Николаевич перешел на "ты" с Алексеевым.

«Когда я вошел к Великому Князю, у него уже сидел генерал Алексеев. Великий князь сразу же обратился к нам.

"Я хочу ввести вас в курс происходящего. Ты, Михаил Васильевич, должен знать это как начальник Штаба; от о. Георгия у меня нет секретов. Решение Государя стать во главе действующей армии для меня не ново. Еще задолго до этой войны, в мирное время, Он несколько раз высказывал, что его желание, в случае Великой войны, стать во главе своих войск. Его увлекала военная слава. Императрица, очень честолюбивая и ревнивая к славе своего мужа, всячески поддерживала и укрепляла его в этом намерении. Когда началась война, (...) Он назначил меня Верховным. Как вы знаете оба, я пальцем не двинул для своей популярности (? — *В.К.*), она росла помимо моей воли и желания, росла и в войсках, и в народе. Это безпокоило, волновало и злило Императрицу, Которая все больше опасалась, что моя слава, если можно так назвать народную любовь ко мне, затмит славу ее мужа... Увольнение мое произвело самое тяжелое впечатление и на членов Императорской Фамилии, и на Совет Министров, и на общество... Конечно, к должности, которую Он принимает на себя, Он совершенно не подготовлен. Теперь я хочу предупредить вас, чтобы вы, со своей стороны, не смели предпринимать никаких шагов в мою пользу... Иное дело, если Государь Сам начнет речь, тогда ты, Михаил Васильевич, скажи то, что подсказывает тебе совесть. Так же и вы, о. Георгий"».[178]

Так стремился еще Николай Николаевич остаться на своем посту и давал "добрые" советы Алексееву. Эти советы дали то, к чему стремился дядя Государя. Алексеев поверил клевете.

Вопреки всем предсказаниям, что с принятием на Себя Верховного Командования, Государь встретится с непреодолимыми препятствиями и дела на фронте пойдут еще хуже, всего этого не произошло. И Армия реагировала на это совсем не так, как предсказывали "верные" министры, "умный председатель Думы", "представители народные" и "милые" родственники. Военные действия сразу пошли как-то лучше. Инициатива постепенно переходила в наши руки. Самое важное, что кончилась паника, которой была охвачена старая Ставка во главе с "опытным" полководцем и "любимым" вождем. Никто больше не плакал в подушку, и "слабовольный и человек не очень умный" (это так отзывались о Государе наши очень

"умные и страшно волевые" генералы и адмиралы) дал возможность наладить работу Царской Ставки.

Самое главное заключалось в том, что Алексеев вышел из состояния "стремиться отходить", паническое настроение сменилось деловой атмосферой и спокойствием. Все это дал Государь своим всегда спокойным и уравновешенным отношением и к людям, и к событиям на фронте. Великий Князь Андрей Владимирович в своем дневнике пишет:

"Смена штаба и вызвала общее облегчение в обществе. Большинство приветствовало эту перемену и мало обратило внимания на смещение Николая Николаевича. В итоге все прошло вполне благополучно. В армии даже все это вызвало взрыв общего энтузиазма и радости. Вера в своего Царя и в Благодать Божию над Ним создала благоприятную атмосферу".

И дальше, месяцем позже:

"Как неузнаваем штаб теперь. Прежде была нервность, известный страх. Теперь все успокоилось. И ежели была бы паника, то Государь одним своим присутствием вносит такое спокойствие, столько уверенности, что паники быть уже не может. Он со всеми говорит, всех обласкает; для каждого у Него есть доброе слово. Подбодрились все и уверовали в конечный успех больше прежнего".[179]

Смена Командования, конечно, вызвала и те отклики, которые мы находим в воспоминаниях лиц, находившихся в старой Ставке. Прежде всего, страшно разобиделся Данилов. Ведь при Николае Николаевиче он был человеком, который фактически вел все операции. Об этом даже пишет Бубнов:

"Во время этих перерывов генерал-квартирмейстер Ю.Н. Данилов обычно гулял по дорожке сада вдоль домика, где было его управление, и, покуривая сигару, обдумывал ведение операций. Великий Князь, когда не гулял вместе с ним, строго наблюдал за тем, чтобы никто не нарушал размышлений Ю.Н. Данилова во время этих прогулок".[180]

И вдруг при смене Командования оказалось, что никто не хочет брать к себе этого "гения", ни столь обожаемый им Николай Николаевич, ни Алексеев, а предлагают ему всего-навсего дивизию. И только с трудом он упросил дать ему корпус. С этих пор этот недобрый человек затаил злобу на Государя (хотя Он тут был совсем не при чем) и в роковые дни февраля 17-го года показал себя. Тот же Бубнов, перешедший из старой Ставки в новую, пишет подробно об Алексееве:

«Генерал Алексеев был безспорно лучшим нашим знатоком военного дела и службы Генерального Штаба по оперативному руководству высшими войсковыми соединениями, что на деле и доказал в бытность свою на посту начальника штаба Юго-Западного фронта, а затем на посту Главнокомандующего Северо-Западным фронтом. Обладая совершенно исключительной трудоспособностью, он входил во все детали Верховного командования, и нередко собственноручно составлял во всех подробностях длиннейшие директивы и инструкции.

Однако он не обладал даром и широтой взглядов полководцев, записавших свое имя в истории, и, к сожалению, находился в плену, как большинство наших офицеров Генерального Штаба, узких военных доктрин, затемнявших его кругозор и ограничивавших свободу его военного творчества... По своему происхождению он стоял ближе к интеллигентному пролетариату, нежели к правящей дворянской бюрократии. При генерале Алексееве неотлучно состоял и всюду его сопровождал близкий его приятель и "интимный" советник генерал Борисов. Он при генерале Алексееве играл роль вроде той, которую при кардинале Ришелье играл о. Жозеф, прозванный "серая эминенция"; так в Ставке Борисова и звали. Он также жил в управлении генерал-квартирмейстера, и генерал Алексеев советовался с ним по всем оперативным вопросам, считаясь с его мнением. Весьма непривлекательная внешность этого человека усугублялась крайней неряшливостью, граничащей с неопрятностью. В высшей степени недоступный и даже грубый в обращении, он мнил себя военным гением и мыслителем вроде знаменитого Клаузевица, что, однако, отнюдь не усматривается из его, более чем посредственных писаний на военные темы. По своей политической идеологии он был радикал и даже революционер. В своей молодости он примыкал к активным революционным кругам, едва не попался в руки жандармов, чем впоследствии всегда и хвалился. Вследствие этого он в душе сохранил ненависть к представителям власти и нерасположение, чтобы не сказать более, к Престолу, которое зашло так далеко, что он "по принципиальным соображениям" отказывался принимать приглашения к Царскому столу, к каковому по очереди приглашались все чины Ставки... Трудно сказать, что, кроме военного дела, могло столь тесно связывать с ним генерала Алексеева; разве что известная **общность политической идеологии** и одинаковое происхождение.

Следующими по близости к генералу Алексееву были: полковник генерального штаба Носков и генерал-квартирмейстер генерал Пустовойтенко. Первый из них по взглядам во многом походил на генерала Борисова, за исключением внешности, по которой он сильно смахивал на франтоватого "штабного писаря". После революции он перешел на службу к большевикам и играл некоторую роль в красной армии.

Второй из них играл при генерале Алексееве столь же безцветную роль, какую играл генерал Янушкевич при великом князе Николае Николаевиче.

В большем или меньшем соответствии со взглядами генерала Алексеева и его окружения был сделан подбор новых офицеров Генерального Штаба, заменивших собой получивших другие назначения офицеров бывшего Штаба великого князя Николая Николаевича... вследствие этого от новой Ставки трудно было бы ожидать проявления в критическую минуту возвышенных деяний и самопожертвования, что во время революции и обнаружилось».[181]

Дежурный Генерал Ставки генерал-лейтенант П.К. Кондзеровский в своих воспоминаниях тоже пишет об окружении Алексеева:

«Пустовойтенко мне не приходилось встречать раньше, Борисова же я знал. Первый держал себя вполне корректно, Борисов же пустился в рассуждения крайне странные: он стал мне говорить, что до сих пор война велась господами в белых перчатках, а теперь начнется настоящая работа, когда к ней привлекли "кухаркиных сынов". Это наименование, как тут же выяснилось, он относил не только к себе и Пустовойтенко, но и к генералу Алексееву, работу которого стал тут же превозносить. С очень тяжелым чувством ушел я от них. Борисов произвел на меня впечатление какого-то юродивого. Мне не была ясна роль при Алексееве Борисова. Иногда, отыскивая по поручению Михаила Васильевича какой-нибудь доклад или бумагу в папках, лежавших на его столе, мне случалось наталкиваться на какие-то записки Борисова, по-видимому, переданные им Михаилу Васильевича. Все это были записки по оперативной части... Но вот однажды, когда я докладывал ему какой-то организационный вопрос, Михаил Васильевич велел мне оставить этот доклад у него, сказав, что он хочет предварительно показать его Борисову. Я несколько удивился. Затем, при другом таком же докладе Михаил Васильевич сказал, что он хотел бы вообще привлечь к организационным вопросам Борисова, у которого нет почти никакой

работы и который в организационных вопросах довольно силен. Было бы поэтому желательно, чтобы я подумал, как это сделать. Это уже мне было совсем неприятно. Я, однако, смолчал, сказав только "слушаюсь!". Я был в полном недоумении, что, собственно, хочет Алексеев и как мне из этого положения выйти».[182]

Далее Кондзеровский пищет, что он категорически отказался от проекта Алексеева, по которому, как оказалось, Борисов должен был проверять чуть ли не всю деятельность дежурного генерала. Алексеев отказался от своего проекта.

Генерал Спиридович тоже пишет о Борисове:

"...Привезенный Алексеевым, взятый из отставки, некий генерал Борисов, однополчанин Алексеев, его друг, советник и вдохновитель. Алексеев держал его на каких-то неофициальных должностях, что навлекало на него большие нарекания по двум прежним должностям. Борисов имел какую-то историю в прошлом, был уволен в отставку, и это прервало его карьеру. Маленького роста, кругленький, умышленно неопрятно одетый, державшийся всегда в стороне, он заинтриговал сразу многих, а с прежних мест службы Борисова стали приходить целые легенды о его закулисном влиянии".[183]

А вот что пишет жена Алексеева о Борисове:

"Генерал Борисов, прежде всего, был однополчанином генерала Алексеева. Вместе они готовились к экзаменам в Академию Генерального Штаба, которую одновременно окончили. Алексеев, окончивши Академию первым, взял вакансию в Петербургский военный Округ, а Борисов получил назначение в один из провинциальных округов. Борисов, будучи вообще человеком очень нелюдимым и замкнутым, относился к Алексееву с исключительным доверием и благодарностью за помощь во время прохождения курса в Академии и изредка поддерживал с Алексеевым связь письмами. Спустя несколько лет Борисова постигло большое несчастье в его личной жизни. Письма прекратились. Оказалось, Борисов был помещен в психиатрическое отделение военного госпиталя в Варшаве, откуда обратился с просьбой к Алексееву хлопотать о переводе его в Николаевский военный госпиталь в Петербурге, так как в Варшаве он был совершенно одинок. Алексееву удалось быстро исполнить эту просьбу, и Борисов был переведен в Петербург. Алексеев часто навещал больного. Затем Алексееву было сообщено, что для излечения больного необходима перемена обстановки — лучше всего поместить его в семью. Пришлось решиться и взять боль-

ного к себе. Тяжело было видеть всегда у себя в доме этого мрачного, неряшливого человека, но он вскоре подружился с нашими маленькими детьми, и возня с ними благотворно на нем отразилась, так что даже вскоре он смог вернуться к своему любимому занятию — изучению стратегии Наполеона. Спустя несколько месяцев он уже мог возвратиться к своей службе. Все же эта болезнь оставила свой след, и генералу Борисову пришлось несколько лет спустя выйти в отставку с мундиром и пенсией".[184]

В воспоминаниях А. Брусилова мы тоже находим отзыв об Алексееве:

"Начальником штаба Н. Иванова в начале кампании был М.В. Алексеев, человек умный, быстро схватывающий обстановку, отличный стратег. Его главный недостаток состоял в нерешительности и мягкости характера".[185]

И дальше:

"Алексеев был честный, добрый и умный, но очень слабохарактерный человек. Попал он, действительно, во время смуты в очень тяжелое положение и всеми силами старался вначале угодить и вправо и влево. Он был генерал, по преимуществу, нестроевого типа, о солдате никакого понятия не имел, ибо почти всю свою службу сидел в штабах и канцеляриях, где усердно работал и в этом отношении был очень знающим человеком — теоретиком. Когда же ему пришлось столкнуться в живой жизнью и брать на себя тяжелые решения — он сбился с толку и внес смуту и в без того уже сбитую с толку солдатскую массу".[186]

Об Алексееве и его окружении пишет много также Шавельский.

«На место генерала Данилова генералом Алексеевым был избран Генерального Штаба генерал Пустовойтенко, человек незначительный — так все считали его. В Ставке и на фронте его звали "Пустоместенко". Тут сказалось неумение генерала Алексеева выбирать себе талантливых помощников и его привычка работать за всех своих подчиненных. Привыкши сам делать все, генерал Алексеев, по-видимому, и не искал талантливейших.

Одновременно с Пустовойтенко появился в Ставке Генерального Штаба генерал Борисов, товарищ генерала Алексеева по 64 пехотному Казанскому полку и по Академии Генерального Штаба. Официально генерал Борисов получил назначение состоять при начальнике Штаба, не гласно же он стал ближайшим помощником и советником генерала Алексеева. Маленького роста, довольно толстый, с большой седой головой, генерал Борисов представлял собой редкий экземпляр генерала, физически

неопрятного: часто не умытого, не причесанного, косматого, грязного, почти оборванного. Комната его по неделям не выметалась, по неделям же не менялось белье. Когда при дворе зашел вопрос о приглашении генерала Борисова к столу, там серьезно задумались: какие принять меры, чтобы представить Государю генерала в сколько-нибудь приличном виде. С самым серьезным видом предлагали: накануне свести его в баню, остричь ему волосы и ногти, а в самый день представления велеть денщику привести в порядок его сапоги и костюм. Все опасения, перемешавшись с шутками и остротами, дошли до Государя, который после этого серьезно заинтересовался допотопной фигурой генерала своей армии. Генерал Воейков, как более знакомый с Борисовым, взялся привести его перед "парадным" выходом в такой, по крайней мере, вид, который бы не очень смутил Государя. Благодаря трудам и искусству генерала Воейкова, Государю так и не пришлось увидеть Борисова в его обычном виде. Последний предстал пред царские очи и вымытым, и выбритым, и даже довольно чисто одетым, так что Государь потом заметил:

"Я ожидал гораздо худшего".

В умственном отношении генерал Борисов не лишен был дарований. У него была большая начитанность, даже и в области философских наук. Некоторые считали его очень ученым, иные — философом, а иные — чуть ли не Наполеоном. Большинство же было того мнения, что и ученость, и стратегия, и философия Борисова гармонировали с его внешним видом, а его близость к генералу Алексееву считали вредной и опасной для дела».[187]

Далее о. Г. Шавельский не избежал влияния той злостной сплетни и клеветы, которая, как снежный ком, росла в последние два года до революции. Это было стихийным поветрием, которое охватило если не всю Россию, то ее центры и административные, и политические и привело к неминуемой катастрофе. Я говорю, конечно, о Государыне и Распутине.

Как и перед французской революцией, когда клевета, связанная с ожерельем Королевы и Ферзеном достигала чудовищных размеров, так и в России преступная клевета о Государыне и Распутине заворожила, помрачила буквально всех и вся.

В последующих главах я подробно буду говорить и о роли Государыни в делах государственного управления, и опять о Распутине, и о тех, кто создал его влияние, и о Вырубовой и многом, что у большинства читателей (я в этом уверен) смешивается в один клубок, который называется "распутинщи-

ной", и что привело к катастрофе. На основании материала, имеющегося у меня на руках (думаю, что собранный мной материал освещает все стороны описываемых событий, почему я и пользуюсь так часто выдержками, чтобы дать место буквальному изложению очевидцев того времени), я постараюсь показать ту аберрацию русского общества, которое называло "темными силами" несчастную и больную Императрицу, крестьянина Григория Распутина, который обладал каким-то магнетическим или гипнотическим даром, и затем под влиянием наших неумных и безнравственных устоев "великосветского" общества пользовался мелкими подачками этого сброда (которые, т.е. деньги, тут же почти все и раздавал) и в пьяном угаре хвастал, как все хамы, о своем влиянии на Анну Вырубову, экзальтированную и ограниченную дочь начальника Собственной Его Величества Канцелярии Танеева, которая действительно была "без лести" предана Императрице и после революции прошла поистине крестный путь; Дворцового Коменданта Воейкова, который был открытым врагом Распутина, как и адмирал Нилов, которого тоже называли "распутинцем" и т.д.

Все эти обстоятельства будут подробным образом разобраны, а сейчас я приведу слова Шавельского, который свято верил в "распутинщину", как и почти все видные представители нашей общественности.

"В данное время на Руси было как бы два правительства: одно — Ставка, во главе с генералом Алексеевым и частью примыкавших к нему министров; другое — Царица, Распутин, Вырубова и множество тянувшегося к ним беспринципного, продажного, искавшего, чем бы поживиться, люда. Царь был посредине. На него влияла и та, и другая сторона. Поддавался же он тому влиянию, которое было смелее, энергичнее, деспотичнее".[188]

Это классический образчик того, что писали, о чем говорили, судили, рядили, злопыхательствовали везде и повсюду. Вот это-то как раз и нужно было подлинным "темным силам", которые сидели в Думе, в Совете Министров, заседали в "ложах" (не театральных, конечно) и по старому, веками испытанному рецепту, готовили гибель ненавистного им Русского Самодержавия. Это был хорошо подготовленный и сыгравшийся оркестр: Дума, министры, послы, Императорская Фамилия, пустое и ничтожное "великосветское" общество, толстосумы, финансирующие большевиков, салоны литературные и общественные и... втягивающиеся в эту свистопляску высшие военачальники.

Глава XII

ВЛИЯНИЕ ЦИММЕРВАЛЬДСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ В РОССИИ. ОППОЗИЦИЯ ДУМЫ. "ЗЕМГОР". ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ.

В августе 1915 года, помимо смены Верховного Командования, произошло еще два важных события, которые способствовали приближению рокового "февраля". Первым из них была так называемая Циммервальдская Конференция, названная по имени швейцарского городка Циммервальда. 23 августа там собралась конференция представителей социалистических партий. Представителями от России были большевики (Ленин и Зиновьев), меньшевики (Мартов и Аксельрод), эсеры (Натансон и Чернов) и от группы "Наше Слово" — Троцкий. Радек был представителем "Польши". Продолжавшаяся четыре дня конференция вынесла осуждение "императорской" войне и объявила борьбу за немедленный мир. Ленин настаивал на превращении войны в гражданскую, воспользовавшись тем, что под оружием находятся десятки миллионов "пролетариев". Результаты этой резолюции были чрезвычайно значительны: все социалисты и симпатизирующие им круги ухватились за этот лозунг. И хотя циммервальдская резолюция была запрещена во всех воюющих странах, она быстро стала повсюду известной, включая Россию. Она дала сильный толчок революционному движению среди рабочих и примыкающей к ним полуинтеллигентной среде.

В одно и то же время (25 августа) был образован в Государственной Думе Прогрессивный блок. (Неправда ли, какое интересное совпадение!) В этот блок вошли "кадеты", прогрессисты, левые октябристы, земцы-октябристы, центр и прогрессивные националисты. Целью этого блока была борьба с правительством или точнее и правильнее с Верховной Властью, то есть еще более точно — уничтожение существующего строя и замена его конституционным (на западный образец) строем. Выражаясь юридическим термином, целью блока был государственный переворот. Программа блока обсуждалась долго. Основными положениями были — война до победного конца и приведение власти в "соответствие" с требованиями "общества". И тут и выступило сразу, что образованные для "помощи армии" Военно-промышленный комитет (Гучков), "Зем-

гор" (князь Львов) и другие "общественные организации" и были тем "обществом", которое требовало для себя власти. Но Прогрессивный блок и примыкающие к нему выше поименованные организации считали себя выразителями политической воли страны. Опять появилось на сцену требование "широкой" политической амнистии и возвращение всех административно высланных; польская автономия и отмена ограничений в правах евреев также входили в программу блока. Затем заговорили о "министерстве доверия", и, наконец, Гучков от Военно-промышленного комитета в резком письме к И.Л. Горемыкину потребовал ухода правительства.

«Письмо и по тону и по существу столь неприлично, что я отвечать не намерен", — заявил Горемыкин в Совете Министров, который это заявление одобрил.

Лидер правых Н.Е. Марков заявил, что блок этот не красный:

"Ибо красные определенно кровавого цвета в него не вошли... Его правильнее назвать желтым блоком".

"Не желтым, трехцветным", — возражал на это В. Шульгин.

Кстати, о Шульгине. В моей книге есть много лиц, которые мне крайне неприятны, несимпатичны. Но такого брезгливого чувства, какое вызывает во мне этот "монархист", никто не вызывает. Если совсем бегло мы просмотрим его биографию, то мы увидим картину, аналогичную биографии Талейрана. В Думе он был сперва во фракции правых, потом перешел к националистам, затем стал членом фракции центра. Потом стал "лидером" Прогрессивного блока. В февральские дни вошел во "Временный Комитет Государственной Думы". Затем поехал с Гучковым в Псков "просить Государя "помочь" и... отречься. В эмиграции написал ряд книг весьма сомнительного характера, в частности "Три столицы", в которой он описывает свою поездку в С.С.С.Р., устроенную Г.П.У. Уже зная об этой провокации, он все же выпускает эту книгу. Затем не эвакуируется, как большинство русских, из Югославии в конце 2-ой мировой войны, а остается у Тито. Большевики его арестовывают, отправляют в концлагерь, а затем лет десять тому назад, во времена владычества Хрущева, Шульгин и по радио, и в советской прессе рассказывает о своих впечатлениях о посещении колхоза и благодарит "дорогого Никиту Сергеевича за доставленные ему радостные переживания при виде всего им увиденного».[189]

Я помню, как некоторые наши компатриоты говорили, что Шульгина, дескать, заставили это заявить. Я не могу утвер-

ждать противного, но мне кажется, что Шульгину совсем нетрудно было сделать еще один вольт и "помочь" Хрущеву в его утверждениях о райской жизни в С.С.С.Р.

Так вот, как описывает Шульгин свое вступление в Прогрессивный блок.

«И я, едва приехав, позвонил к Милюкову. Милюков сразу меня не узнал: я был в военной форме. Впрочем, и вправду я стал какой-то другой. С Милюковым мы были ни в каких личных отношениях. Между нами лежала долголетняя политическая вражда. Но ведь 26 июля (день, когда Государь был в Думе после объявления войны — *В.К.*) как бы все стерло. "Все для войны!" Но все же он был несколько ошеломлен моей фразой:

— Павел Николаевич... Я пришел вас спросить напрямик: мы — друзья?

Он ответил не сразу, но все же ответил:

— Да... кажется... Я думаю... что мы — друзья...»[190]

Затем Шульгин описывает разговор с Милюковым. Милюков говорит:

"С одной стороны, надо, чтобы те люди, которых страна считает виновниками (чего? — *В.К.*), ушли... Надо, чтобы они были заменены другими достойными, способными — людьми, которые пользуются общественным доверием — что ли... Не может же, в самом деле, совершенно рамольный Горемыкин быть главой правительства во время мировой войны... (Клемансо был ровесником Горемыкина — *В.К.*). Западные демократии выдвинули цвет нации на министерские посты..."[191]

"Дело ясно: надо позвать кадет и предоставить им сформировать кабинет. Собственно говоря, почему этого не сделать?"[192]

«Родзянко несет свой авторитет председателя Государственной Думы с неподражаемым весом. Это его достоинство и недостаток. "Цукать" министров с некоторых пор сделалось его потребностью».[193]

"Генерал Поливанов, военный министр, человек умный, задумчивый и большой дипломат".[194]

«Правительство обвинялось "в измене"».[195]

"Это слово повторяет вся страна. Если мы (Блок) откажемся от него, мы не скажем того, что нужно, того, что от нас ждут..."[196]

«В конце концов победило компромиссное решение. В резолюцию все же было включено слово "измена", но без приписывания измены правительству со стороны Думы. Было сказано, что действия правительства, нецелесообразные и нелепые и ка-

кие-то еще, привели, наконец, к тому, что "роковое слово измена ходит из уст в уста..."»[197]

И все же, правда изредка, у этого "народного представителя" (Боже, кто только не лезет в эти представители, а народ тут совсем не при чем!) бывают минуты просветления:

"В минуты сомнений мне иногда начинает казаться, что из пожарных, задавшихся целью тушить революцию, мы невольно становимся ее поджигателями. Мы слишком красноречивы... мы слишком талантливы в наших словесных упражнениях. Нам слишком верят, что правительство никуда не годно..."[198]

В этих последних словах Шульгина дан совершенно точный анализ деятельности Прогрессивного блока — поджигатели. Милюков был сознательным врагом существующего строя, Родзянко — явно ограничен, а такие люди, как Шульгин... мне не хочется называть его, как он этого заслуживает, но порядочные люди "шульгиным" руки не подают.

В ответ на эти притязания "блока" Государь поручил И.Л. Горемыкину объявить перерыв думской сессии. Государь считал, что министры ответственны перед Монархом, а не перед "обществом", всегда изменчивым в своих настроениях. А член Государственного Совета В.И. Гурко, этот, по утверждению Архимандрита Константина, "один из лучших сынов ушедшей России, один из столпов ее государственного строительства",[199] осмелился сказать, намекая на "хлыстовство" Распутина:

"Нам нужна власть с хлыстом, а не власть, которая сама под хлыстом".[200]

Съезды земского и городского союза отправили депутации к Государю для передачи резолюции, требующей смены правительства. Конечно, Государь их не принял. Вскоре Государь совершенно ясно заявил на заседании Совета министров в Ставке, что все силы страны должны быть посвящены ведению войны, а не политической борьбе. Министры, которые стояли за уступки блоку, должны были уйти. Таким образом были уволены Самарин, Щербатов, Кривошеин и Харитонов.

О Кривошеине надо сказать несколько больше. Очень способный, сотрудник Столыпина, он одно время готовился Государем к занятию поста Председателя Совета Министров. И вот началась "тайная интрига" Кривошеина против Горемыкина.

Государыня в своих письмах к Государю называет Кривошеина "тайным врагом, действующим исподтишка", работающим "заодно с Гучковым", "он виляет, и левый, и правый..."

Великий Князь Андрей Владимирович в своем дневнике от 11 июня пишет:

"Уже теперь поговаривают, что Кривошеин орудует всем и собирает такой кабинет министров, однотипных и одинаково мыслящих, который был бы послушным орудием у него в руках. Направление, взятое им, определяется народом, как желание **умалить власть Государя.** Об этом очень открыто говорят почти все".[201]

Он "слишком много видается с Гучковым", – писала Государыня 18 сентября.[202]

Глава XIII

СТАБИЛИЗАЦИЯ ФРОНТА. ПРОГРЕССИВНЫЙ БЛОК. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТОВ. ГОРЕМЫКИН. ХВОСТОВ – МИНИСТР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ. ШТЮРМЕР – ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА МИНИСТРОВ.

Положение на фронте к концу года стабилизировалось. Россия вынесла на себе главную тяжесть войны. В стране в это время лихорадочно развивалась военная промышленность: строились новые казенные заводы. Экономическая жизнь страны протекала почти нормально. Дороговизна не носила еще одиозного характера: рост цен не вносил тревоги в широкие обывательские массы. В общем, если бы не искусственно создаваемая нервная атмосфера, если бы не "передовая общественность" в лице Думы, всяких комитетов и союзов, а также салонов великосветских интриганов, жизнь страны в эти тяжелые годы войны могла бы быть названа нормальной.

Живя в Ставке, Государь раз в месяц приезжал на несколько дней в Царское Село. Все ответственные решения Государь принимал сам, но в свое отсутствие поручил Императрице поддерживать сношения с министрами и сообщать Ему обо всем происходящем в Петрограде. Это не было формальным возложением на Государыню известных обязанностей, но, доверяя всецело своей супруге, Государь мог положиться только на Государыню. В этом были виноваты, как и члены Императорской Фамилии (не исключая Императрицы Марии Феодоровны), так и та часть высшей бюрократии, которая, за исключением нескольких имен, потеряла доверие своего Монарха. И совершенно прав был Государь в своем решении.

Все "сановники" прошлого, как Коковцев, Гурко, Кривошеин вели интриги, общались с явными врагами Престола, как Гучков, Львов, Милюков и другие, пускали совершенно фантастические слухи, вели себя, как одержимые какой-то навязчивой идеей и... шли к гибели и своей, и России. И никто, или почти никто не задался вопросом – нет ли во всем этом какой-то невидимой руки, искусно направляющей всех этих людей к катастрофе? Да, конечно, все знали об этом и говорили открыто, но только называли три имени: Государыня, Распутин, Вырубова. Чем это объяснить?

В этой главе я буду говорить об этих трех лицах, но только неужели действительно можно было верить всем сплетням и клевете? Мне скажут — а письма Государыни к Государю? Да я подпишусь под всеми этими письмами обеими руками! Все характеристики Государыни были необыкновенно меткими, Ее любимый эпитет "скотина" как нельзя лучше подходил ко всем этим министрам, думцам и комитетчикам. И нужно было, конечно, Государю гнать их всех вон.

Вот Солоневич прямо говорил, что Милюкова, конечно, нужно было повесить за его клеветническую речь 1-го ноября 16-го года! Но как ни злопыхательствовал Прогрессивный блок и вся примыкающая к нему общественность, положение улучшалось с тех пор, как Государь стал во главе Армии. И даже более честные члены этого блока это признали.

Граф Д. Олсуфьев, член блока, заявил на заседании блока:

"Все мы ошиблись. Государь видел дальше. Перемена повела к лучшему. Мы предлагали для войны сместить министров. Самый нежелательный (Горемыкин) остался, а война пошла лучше. Прекратился наплыв беженцев, не будет взята Москва, и это безконечно важнее, чем кто будет министром и когда будет созвана Дума".

Бобринский говорил:

"Положение улучшается, появились снаряды, мы остановили неприятеля".

И выходило так, что все пророчества блока о надвигающейся катастрофе на фронте оказались блефом. Но блок решил, несмотря на все, продолжать "безпощадную войну" с правительством, а В.И. Гурко заявил следующее:

"Обращение к улице? Может быть, в крайнем случае".[203]

Приблизительно в то же время (ноябрь 1915 г.) состоялся съезд правых под председательством И.Г. Щегловитова. Съезд осудил требования блока, а Щегловитов заявил:

"Монархист, идущий с требованием министерства общественного доверия — не монархист".

После отставки министра Внутренних Дел князя Щербатова, на его место был назначен А.Н. Хвостов, племянник А.А. Хвостова (министра юстиции), бывший нижегородский губернатор и член Думы (фракция правых).

На нем придется остановиться несколько дольше, так как и он, и его Товарищ Министра С. Белецкий связаны с тем, что в обществе получило название "распутинщины". Надо сказать прямо, что в Совете Министров, даже в числе "правых" или, как говорили в "прогрессивном" обществе, "реакционных" министров не было

уже ясного представления о том, что такое в действительности является Монаршей Волей. И только один Горемыкин это понимал.

"Какое-нибудь повеление я исполню, во что бы то ни стало. Моя задача — отвести на себя от Царя нападки и неудовольствие. Пусть ругают и обвиняют меня — я уже стар, и недолго мне жить. Но пока я жив, буду бороться за неприкосновенность Царской власти. Сила России только в монархии".

Так мог говорить только старый мудрый, безукоризненный по своей честности и пониманию долга, настоящий государственный человек и барин в лучшем смысле этого слова. Он не был правым, как это было принято говорить, потому что подлинный монархист не может признавать какие-то политические партии или группировки — правые, левые, центр, центро-левые (это сейчас очень модно) и так далее.

Верховная Власть — категория религиозного характера, и все комбинации всяких "секторов", это умаление власти Монарха. Монарх может призвать к власти и "правых", и "левых", и "прогрессистов", и "реакционеров", если будет на то его воля. Он отвечает перед Господом за то, что должны проводить в жизнь люди, облеченные его доверием. И только такая Власть может иметь доверие народа и не только доверие, но и безграничную преданность и любовь к своему Монарху.

На пост министра Внутренних дел Хвостова рекомендовал Государю еще покойный Столыпин. Его считали энергичным и, кроме того, он был членом Думы, так что это рассматривалось как уступка общественному мнению. Государыня, которая в своих письмах Государю высказывалась за того или другого кандидата или наоборот, была против какой-нибудь кандидатуры, сперва не высказывалась за или против него, но после того как Хвостов говорил с А. Вырубовой, Государыня всецело поддержала кандидатуру Хвостова. Хвостов, желая во что бы то ни стало стать министром Внутренних дел для проведения своего "плана", сумел вызвать к себе доверие, говоря о вещах, которые не могли не нравиться Государыне: о преданности Государю, о "Друге" (Распутине), о растущей дороговизне и борьбе с ней, о германском засилии и т.д.

Против назначения Хвостова был Горемыкин "из-за личных свойств" кандидата и "всего прошлого". Тут известную роль сыграл князь Андронников, человек весьма сомнительной порядочности ("адъютант Господа Бога", как он называл сам себя), но имевший связи с высшими кругами из-за своей пронырливости и интриг. Все в один голос заговорили о необык-

новенной энергии и преданности Хвостова и, наконец, он был назначен Управляющим Министерством Внутренних Дел с тем, чтобы он взял в Товарищи Министра С. Белецкого (бывшего Директора Департамента Полиции). Оба заверили Государыню, что будут оберегать "Григория Ефимовича" от покушений. На самом же деле Хвостов стремился в министры с целью... убить Распутина. Он посвятил в это Белецкого, и тут началась действительно непристойная история. Желая завоевать полное доверие и дружбу Распутина, Хвостов часто с ним встречался, участвовал в попойках, но вместе с тем он и запугал отчасти Распутина тем, что в его руках было два дела, которые могли бы повредить Распутину во Дворце.

По одному делу Распутин привлекался к ответственности лакеем одного парохода, где Распутин в пьяном виде наскандалил, оскорбил лакея и был высажен капитаном парохода на берег.

По второму, в пьяном виде Распутин позволил себе непристойно выразиться про Царскую Семью, и против него начато было дело "об оскорблении Величеств". Это произошло в Сибири, и из Тобольска дело было препровождено в Петербург. Оно попало к Белецкому. Хвостов и Белецкий дело задержали и решили этими двумя делами держать Распутина в своих руках.

Распутин испугался и просил не говорить об этом "Аннушке" (Вырубовой), но Хвостов и Белецкий, конечно, рассказали, но, разыгрывая из себя друзей Распутина, обещали выручить "Друга" из этой грязной истории. Распутин поджал хвост и о Хвостове стал говорить, что: "Толстый-то ненадежен", а про Белецкого: "Уж больно много знает".

"План" Хвостова заключался в том, что при помощи какого-то иеромонаха Мартемиана Распутин должен был отправиться для посещения святых мест. В дороге Мартемиан должен был напоить мертвецки Распутина и... выбросить из идущего полным ходом поезда.

Когда Распутин наотрез отказался уехать из Петрограда, Хвостов решил устроить это каким-либо другим способом.

В это время произошла смена Председателя Совета Министров. Старый Горемыкин, получив канцлера, с благодарственным рескриптом увольнялся на покой. Его заменил Б. Штюрмер. В прошлом он был губернатором в двух губерниях, занимал пост Директора Департамента в министерстве Внутренних Дел, затем стал членом Государственного Совета. Несмотря на свою немецкую фамилию, он, конечно, был совсем русским человеком, отец был офицером, мать — рожденная Панина,

жена — Струкова (фамилии старые дворянские и весьма почтенные). Ему было уже 68 лет. Он был в хороших отношениях с Горемыкиным. Нельзя отрицать того, что в его назначении участвовали митрополит Питирим и те же "адъютанты Господа Бога", но Государь остановился на нем, несмотря на его скромные способности, потому, что был уверен в его лояльности, что, конечно, и соответствовало действительности. Обвинения Штюрмера в германофильстве и даже в стремлении к заключению сепаратного мира надо отнести к желанию тех же кругов (Дума, комитеты, салоны и даже часть Совета Министров) оклеветать человека, которого выбрал Государь, и этим нанести удар престижу Верховной Власти. Об его заключении в Петропавловской крепости во время "безкровной революции", издевательстве со стороны органов юстиции, ужасные мучения со стороны озверевшей солдатни, о которых знали главари "февраля", и мученической кончине я буду говорить позже.

Уже при Штюрмере Хвостов поручил убийство Распутина какому-то Ржевскому. Произошел грандиозный скандал. Белецкий, посвященный в планы Хвостова, в последнюю минуту выдал его. Я не буду передавать все подробности этого грязного дела (у меня есть все производство этого "дела"). Государь при своей моральной чистоте, конечно, не мог держать Хвостова, и этот первый министр из рядов Государственной Думы был уволен. Это грязное дело, затеянное таким же морально нечистоплотным человеком, как Хвостов, было большим козырем в руках "Прогрессивного блока" и всех враждебно настроенных против Государя и особенно Государыни.

После этого скандала все стали чуть ли не открыто говорить о Государыне как о вдохновительнице всех назначений. И хотя в переписке Государыни с Государем мы часто встречаем различные имена, Государь очень часто поступал против советов Государыни, руководясь только своим опытом. Иногда же его решения совпадали с советами Императрицы, что совершенно не значит, что Государь это делал в угоду Государыне. Очень многие (если не большинство) утверждали, что в последний год перед революцией Государь совсем потерял волю или Им руководили Государыня и Распутин. Это клевета, пущенная с умыслом, чтобы подорвать веру в Государя и создать уже такую атмосферу, когда начали говорить о заговорах. Одни говорили, а другие... усердно их подготовляли. Вся энергия заговорщиков была направлена на руководителей Армии. Они знали, что с их помощью им удастся преступный замысел переворота.

Глава XIV

ДУМА – ОЧАГ ИНТРИГ. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАСПУТИНА ОППОЗИЦИЕЙ. ШАХОВСКОЙ. НАУМОВ. ИНТРИГИ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ. САЗОНОВ. ПОЛИВАНОВ. ГУЧКОВ – ОРГАНИЗАТОР КАМПАНИИ ПРОТИВ ГОСУДАРЫНИ. ЛУКОМСКИЙ. ПРОВОКАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМИТЕТА.

В Совете Министров к тому времени было два течения – одни стояли за соглашение с Думой, другие всецело (или почти всецело) стояли на точке зрения, что только Государь может направлять вопросы внешней и внутренней политики. Имея в виду, что Дума к тому времени (начало 16-го года) была совершенно неработоспособна, как это полагается законодательной палате (с учетом особенностей Думы и Государственного Совета Российской Империи), так как вместо работы Дума занималась только науськиванием общественности против правительства, а через правительство против Верховной Власти, министры, которые "стремились" к работе с Думой, тем самым не могли быть лояльными в отношении Верховной власти. В Думе царил Прогрессивный блок, который вел, как мы вспомним, "безпощадную войну" с правительством. Министров, которые ставили волю Государя выше пожеланий блока, огульно называли "распутинцами". Из думы это шло в клубы, (один яхт-клуб, где постоянно разглагольствовал Великий Князь Николай Михайлович, чего стоил!), салоны, комитеты и... в армию.

На примере нескольких министров мы ясно увидим, что происходило тогда на верхах управления.

Князь В.Н. Шаховской, министр торговли и промышленности, который был назначен министром в январе 1915 г., до июня того же года никогда не видел Распутина, хотя все кричали, что его "назначил" Распутин. Вот что он пишет о своих "сношениях" Распутиным:

"В самых первых числах июня 1915 г. ко мне приехал князь М. Андронников... Он объяснил, что приехал просить принять "Григория Ефимовича". Придавая большое принципиальное значение этому вопросу и опасаясь высказать недостаточно обдуманное решение, я ответил Андронникову, что прошу его позвонить по телефону через два дня и что тогда я сообщу ему мое

решение. На этом мы с ним расстались. Положение было крайне затруднительное. Мне, конечно, была известна близость Распутина к Царской Семье. Перспектива принять у себя лицо, пользующееся столь скверной репутацией и при том наносившее тяжелый удар престижу Монарха, вызывала у меня отвращение. В то же время я знал о неоднократных попытках многих почтеннейших сановников и приближенных к трону доказать Государю пагубность близости к Царской Семье столь порочного и некультурного человека; знал я также, что все эти попытки не только не увенчались успехом, но, наоборот, лишь укрепляли Распутина. Наконец, не маловажным я признавал и то обстоятельство, что столь высокие сановники, как С. Витте, И.Л. Горемыкин, В.Н. Коковцев и многие другие находили правильным принимать его. Все это привело меня к решению посоветоваться по этому поводу с Председателем Совета Министров. Такое решение я считал правильным, во-первых, потому, что И.Л. Горемыкин был, конечно, гораздо более в курсе того, что происходило за кулисами, чем я, состоявший к тому времени в Правительстве всего четыре месяца, а во-вторых, я должен был отдать справедливость Ивану Логиновичу в его чрезвычайно спокойном и зачастую мудром отношении к текущим событиям. С этой целью я отправился на Моховую на квартиру Председателя Совета Министров и рассказал ему о приезде ко мне Андронникова, обо всем разговоре и о моих сомнениях. Со свойственным Ивану Логиновичу спокойствием он, посмотрев на меня, спросил:

"А скажите мне, князь, мало вы прохвостов принимаете в своем кабинете?"

Не дождавшись от меня ответа, он продолжал:

"А скажите мне, что от вас убудет, если вы примете одним прохвостом больше?"

Дальше, после паузы он дал мне уже более определенные пояснения своей мысли. С его точки зрения, правильная политика по отношению к Распутину заключается в том, чтобы, по возможности, "придавать ему меньшее значение". Чем больше ополчаться против него, чем больше объявлять ему войну, тем больше это породит возвышение его. В заключение он рекомендовал мне смотреть на связанные с Распутиным вопросы "как можно проще". Это доподлинное его выражение.

Тщательно обдумывая наставление почтенного Ивана Логиновича, я не мог также не считаться со своими личными соображениями. Отказывая Распутину в приеме, я этим делал шаг к

скрытой оппозиции Государю и Императрице, не желая принять лицо, хотя и недостойное, но принимаемое Ими. Это совершенно не входило в мои виды. Я мог с Монархом не соглашаться, мог представлять свои доводы, но становиться в лагерь оппозиции не мог по чувствам моей глубокой верноподданейшей преданности".

Я дословно привел записки Князя В.Н. Шаховского, "распутинца", как его называли в Думе и обществе, чтобы показать, как думали и поступали подлинно верноподданные, какими были и Горемыкин, и Шаховской.

Можно и должно было скорбеть, что Государыня считала Распутина святым, можно и должно было признавать печальным, что министры Российской Империи были вынуждены принимать у себя человека недостойного, который из-за своих каких-то особенных качеств облегчал страдания неизлечимо больного Наследника Цесаревича и этим завоевал доверие и известное положение у Государя и Государыни, можно было считать это временным несчастьем для престижа Трона, но кричать об этом Urbi et Orbi, преувеличивать значение зазнавшегося хама и мужика, гнать его вон с тем, чтобы об этом знали повсюду, это значило становиться в оппозицию Государыне и, следовательно, и Государю, перестать быть верноподданным и увеличивать ряды врагов Верховной Власти.

Кн. В. Шаховской затем рассказывает, что посещения Распутина, которых было пять или шесть, сводились к тому, что он сперва говорил о текущих политических вопросах, называя Государя Папой, а Государыню Мамой, а после передавал записки с ходатайствами.

«Самым решительным образом заявляю, что ни одно из этих ходатайств не получило ровно никакого движения дальше правого нижнего ящика моего письменного стола. К удивлению моему, он почти никогда и не вспоминал о них. А если об отдельных прошениях он и повторял на словах, спрашивая, почему я не исполнил, то получал от меня всегда тот же ответ: "не мог", на что он, нисколько не обижаясь, отвечал: "не мог, так не мог"».[204]

А вот воспоминания министра земледелия А.Н. Наумова, назначенного на этот пост после отставки Кривошеина. Надо сказать, что Наумов был сторонником "сближения" с Думой. Он, конечно, не был ни сторонником Прогрессивного блока, ни "гучковских" настроений, но тем не менее образ его действий обострял создавшееся положение и он уже не разделял того беззаветно-преданного отношения к Престолу, какое было у И.Л. Горемыкина. Наумов пишет:

«Взволнованным и чуть внятным голосом секретарь пробормотал: В приемную пришел Григорий Ефимович и требует, чтобы ваше высокопревосходительство его приняли тотчас.

— Пойдите и передайте Распутину, — сказал я, — что раз он пришел, пусть сидит, но в кабинет к себе я его не пущу!

Многолюдный прием затянулся. Пришло время отправляться на заседание Совета Министров. Выйдя в приемную, я в ней застал еще человек 10-12, которых я решил наскоро обойти и опросить. Обведя глазами ожидавших в приемной лиц, которые при моем появлении все вежливо привстали, я сразу заметил единственную, оставшуюся сидеть, одетую в длиннополую поддевку, мужскую бородатую фигуру, всеми своими приметами походившую на известный по иллюстрированным изображениям облик знаменитого "тобольского старца". Действительно, это был Распутин, которого я в первый и единственный раз в своей жизни имел случай видеть и достаточно хорошо рассмотреть. Обходил я просителей в сопровождении своего секретаря, который отбирал подаваемые мне заявления и отмечал у себя мои распоряжения.

При моем приближении к Распутину последний все же встал и пристально уставился на меня своими воспаленными, слегка растаращенными и, надо сказать правду, отвратительными глазами, обычно именуемыми среди простонародья "безстыжими зенками". Передо мной стоял среднего роста, пожилой, простецкого мужицкого вида человек, с жидкими, темно-русыми, подстриженными в скобку волосами, напоминавший сидельцев кабацких заведений былых времен, до монополии. Его истасканная физиономия, обрамленная темной, висевшей мочалой, бородой, имела совершенно отталкивающее выражение. Особенно омерзительны были выглядывавшие из темных впадин глаза, которыми Распутин в упор смотрел на меня, то расширяя, то суживая свои нечистые "зенки". Мне вспомнились россказни про будто бы присущую ему необыкновенную силу внушения. Я решил испытать эти чары на себе и, подойдя вплоть к Распутину, с вызовом принял глазами направленный на меня не просто пристальный, но напряженный его взгляд. Но ничего, кроме отвращения, я в себе не ощутил.

— Что нужно? — спросил я его.

Трясущимися руками Распутин достал из-за пазухи своей поддевки лоскуток бумаги, который я поручил своему секретарю взять и прочесть. На бумажке была изложена просьба зачислить какого-то студента в гидротехническую организацию Министер-

ства Земледелия. Приказав заявление это передать на рассмотрение Мосальского, я вновь обратился к Распутину с вопросом, имеется ли у него еще какая-либо просьба? Ответ получился отрицательный. Тогда я показал ему рукой на выходную дверь и, уже не имея сил больше себя сдерживать, крикнул:

— Идите вон!

Не могу не отметить здесь той для меня совершенно неожиданной обстановки, которая создалась вокруг меня и моего имени после только что описанного распутинского появления у меня. Отказ принять и впустить к себе в кабинет вредного и мерзкого "старца" казался мне делом вполне естественным, даже обязательным. Я был немало озадачен, когда во все последующие после распутинского инцидента дни ко мне являлись не только отдельные лица, но целые депутации от общественных организаций, даже и от некоторых думских партийных группировок. Все они приветствовали меня по поводу открыто высказанного мной определенного отрицательного отношения к заслуживающей всеобщего презрения личности "тобольского старца". Я получал в том же духе составленные груды письменных приветствий. С утра до вечера раздавались нескончаемые телефонные восхваления, как будто я совершил героический подвиг, проявил необычайное гражданское мужество. Остались у меня также в памяти по телефону сказанные мне на другой день после появления у меня Распутина слова всероссийского полицейского сыщика и всезнайки — Товарища Министра Белецкого:

— Жаловался и во Дворце, и нам всем старец на неприветливый ваш прием, а в конце мне добавил: "все-таки видно, что Наумов барин"».[205]

Барин? Нет, совсем не барин. **Настоящий** барин так не поступает. Если из этого слова удалить чисто сословный признак, то барином называется человек, все поступки которого и с внешней, и с внутренней стороны всегда и при всех обстоятельствах безукоризненны в отношении всех обязательств не только формального характера, но и нравственного порядка. Начнем с формальной стороны. Собственно говоря, почему министр выгоняет просителя после подачи прошения? Было ли это вызвано поведением Распутина во время подачи прошения Распутиным? Нет. Распутин, которого так подробно, пожалуй, даже с талантом беллетриста описывает Наумов, вызывает в нем отвращение. Но такое же отвращение вызывал Распутин и у тех, которые его принимали, скажу даже, что я сам, когда

пишу о Распутине, чувствую к нему такое же отвращение, как и к каждому хаму, несмотря на любое его происхождение и занимаемое им положение. Но Наумов, конечно, понимал, так как был человеком умным, что его поведение в отношении Распутина вызовет тот восторг и "думских партийных группировок", и "общественных организаций", и отдельных лиц. Наумов прекрасно понимал, что в конечном результате это шло на пользу врагов Верховной Власти и увеличивало скорбь Венценосца. Окруженный в Ставке безличными и сухими генералами, находящийся в постоянной тревоге за жизнь своего сына, за все ухудшающееся здоровье своей жены, которая свято верила в человека, несущего все большие осложнения в жизнь страны, передовое общество которой с каким-то чисто дьявольским садизмом разрушало все веками сложившиеся моральные устои, Государь был потрясен всем этим, и только его необыкновенная выдержка не позволяла Ему терять спокойствия духа. Все его стремления, все надежды — победоносно кончить войну. Он верил своей Армии и ее начальникам. Мы вскоре увидим, как они оправдали доверие своего Монарха и Верховного Вождя.

Императорская Фамилия, то есть родственники Государя, тоже были не на высоте. На Кавказе сидел Николай Николаевич. Это было по-прежнему гнездо интриг. Князь Шаховской описывает свое посещение Великого Князя:

«За завтраком были Великие Княгини Анастасия и Милица Николаевны, черногорки, которых Императрица называла "black women", генерал Янушкевич, Князь Орлов и адъютант Великого Князя. Сперва разговор был общего характера. Но скоро я приметил от некоторых сидящих какие-то непонятные сперва для меня фразы; скоро я начал их понимать. Желая быть во всем очень точным, я этих переговоров передать не могу, так как я тогда же их не записал, он они касались всецело Царской Семьи и главное, Императрицы, а иногда и Государя. Чувствовалось мало скрываемое неудовольствие Государем. Видимо, что если бы не мое присутствие, то разговоры были бы еще более открытые».[206]

С сестрой Государыни было еще хуже. Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, или "Элла", как ее звали близкие, несмотря на то, что после убийства мужа, Великого Князя Сергия Александровича, постриглась в монахини и была игуменьей в Москве, очень интересовалась политикой, и уволенный за разоблачения Распутина в скандальных историях Товарищ

Министра Внутренних Дел Джунковский был деятельным членом ее "кружка".

Генерал Спиридович пишет о последнем свидании Великой Княгини с Государыней.

«И близкие люди, друзья и некоторые общественные Московские деятели, встречавшиеся с Великой Княгиней и не стеснявшиеся высказываться при ней откровенно, убедили ее поехать и повлиять на Их Величеств. О том, что такое "старец" и его окружение, она отлично знала, зачастую даже с преувеличением от С.И. Тютчевой. 3 декабря к вечеру Великая Княгиня приехала в Царское Село. Она хотела говорить с Государем, но Царица категорически заявила, что Царь очень занят, Он завтра утром уезжает в Ставку и видеться с ним невозможно. Тогда Елизавета Федоровна стала говорить с сестрой-Царицей... Произошел резкий серьезный спор, окончившийся разрывом. Александра Федоровна приняла тон Императрицы и попросила сестру замолчать и удалиться. Елизавета Федоровна, уходя, бросила сестре:

"Вспомни судьбу Людовика 16-го и Марии-Антуанетт"...

После революции она даже не сделала попытки повидаться с Царской Семьей».[207]

В Петербурге, в Москве, в Киеве, на Кавказе — повсюду члены Императорской Фамилии вторили всем слухам, связанным с именем Государыни, Распутина, и говорили уже совсем фантастические вещи. То есть то, что нужно было Думе.

Что же нужно было этой "Думе"?

Милюков это ясно написал в своей "Истории второй русской революции":

«"Низложить монархию".

"Но почему же, — спросят, — Государь "терпел Распутина около Трона?"

Да потому, что "у трона Распутина не было". Это только ловко подхваченная всеми клевета сложилась в уверенность, что "Гришка правит Россией", а потому и молва уже высказывала свои предположения и... "пожелания". Государь не интересовался общественным мнением. Так же Он относился к мнению общества, когда Он допускал Распутина во дворец. Прежде всего, Государь хотел исполнить болезненное желание Государыни, видевшей в молитвах Григория Распутина помощь во время заболеваний Алексея Николаевича. Государыня страдала неимоверно и нравственно, и физически. Государь это знал, видел и шел навстречу желанию своей несчастной супруги. Распу-

тин, редко бывая во дворце (Жильяр, воспитатель Наследника Цесаревича, говорит, что Распутин бывал не чаще четырех раз в год за последние перед революцией три года), вел себя там, конечно, не так, как с другими. Там он не был ни пьян, ни распущен. Там он говорил о Боге и о нуждах народных».[208]

Частые посещения Распутиным Дворца – также легенда: никто без ведома Дворцового Коменданта и Начальника Дворцовой охраны проникнуть во Дворец не мог. Воейков же и Спиридович говорят, что Распутин бывал там чрезвычайно редко. Кроме того, люди, которые не любили Распутина и который платил им тем же, оставались на своих постах долго, вопреки молве, что неугодных ему людей он "увольняет". Но и Государь, и Государыня, в своей кристальной чистоте не имели и мысли, что допущенный ими к себе человек – безсовестный и подлый лицемер. Государь считал его чем-то вроде юродивого, который помогает во время болезни сыну. Государыня, вообще мистически настроенная, верит ему всецело и все доклады о Распутине, рисующие его в другом виде, считает ложью и клеветой. Распутин же, хитрый и скверный человек, зазнался и решил пожить всласть.

Н. Павлов хорошо определяет роль Распутина:

«При дворах Королей, Царей, рыцарей и бояр – от веку были фавориты, шуты, чудаки, советчики, буфоны и молитвенники, и Распутин был чем-то подобным. Он был тем "дворовым" слугой с пороками, которые водились у бар, был "фаворитом", какие существуют у всякой толпы... какими были потом Керенский, Пуришкевич, Гучков, Илиодор, Горький и прочие. Недалеки в истории – "пирожник" Меншиков, дворецкий Кутайсов и иные. Что же было бы, если бы у Царя появился не один, а несколько советников – простых крестьян?.. Был бы тот же вопль злобы и молва, и ненависть... Выбор был несчастный. В приближении этом чувствуется что-то тягостное и роковое, что-то сатанински продуманное и слиянное все с той же распутиновщиной эпохи и среды, которая сама разнузданная нравами – осмелится осуждать безупречнейшую русскую семью».[209]

Распутин Распутиным, а вот министры Его Величества вели себя так, что Думе и комитетам приходилось только потирать руки от удовольствия. Начнем с Сазонова.

Явно симпатизирующий ему Наумов, министр Земледелия, пишет:

"Это был дипломат строго выдержанный, былой Европейской Школы. Воспитанник привилегированного учебного заведения — Императорского Александровского Лицея, проведший всю последующую свою жизнь и службу сначала в Петербурге, в Министерстве Иностранных Дел, а затем в заграничных посольствах, Сазонов силою вещей лишен был возможности узнать подлинную жизнь своей обширной родины. Тем не менее, он крепко и искренно любил Россию. Для внешнего представительства, для русского престижа и сношений с иностранными державами такого ограниченного отечествоведения для Министра Иностранных Дел, может быть, было и достаточно; но Сазонов, привлеченный на этот ответственный и видный пост своим свояком Столыпиным, первое время, вероятно, пользовался его авторитетными советами. В итоге долголетнего пребывания в нашем Лондонском посольстве Сазонов превратился в убежденного англофила. Это не осталось без следа на его последующей дипломатической деятельности, особенно в бытность его Министром".

И дальше:

"...Особенно в думских кругах, Сергей Дмитриевич завоевал себе прочные симпатии, горячо проявлявшиеся при его появлении на трибуне Таврического Дворца".[210]

Князь В. Шаховской пишет о Сазонове тоже:

"С назначением Председателем Совета Министров И.Л. Горемыкина он (Сазонов — *В.К.*) почти явно стал его неглижировать и все больше и больше подпадал под влияние Милюкова, с которым у него установились самые дружеские отношения. Иначе говоря, он всецело подпал под влияние кадетской партии, почти оставляя в неведении Совет Министров о международных событиях. С первых же дней моего участия в Совете Министров я был поражен, в какой мере некоторые из министров, главным образом Сергей Дмитриевич, относились, скажу, с подобострастием к нашей союзнице Англии, далеко не питавшей к нам таких же симпатий. Никогда не забуду, как, возвращаясь в автомобиле с обеда от Председателя Совета Министров И.Л. Горемыкина, мы с женой с поражением и негодованием обменивались впечатлениями о том удивительно заискивающем принижении, с которым Министр Иностранных Дел Великой в то время Российской Державы разговаривал с союзными послами, с сэром Джорджем Бьюкененом в особенности. Этот же последний холодно и как должное принимал ухаживание Сазонова".[211]

Императрица писала Государю (7 сентября 1915 г.):

"Надо найти... также заместителя Сазонову, которого он (Горемыкин) считает совершенно невозможным: потерял голову, волнуется и кричит на Горемыкина"...

"Но где же найти людей? Извольского — с нас довольно — он не верный человек, Гирс мало чего стоит. Бенкендорф — одно его имя уже против него. Где у нас люди, я всегда себя спрашиваю и прямо не могу понять, как в такой огромной стране, за небольшим исключением, совсем нет подходящих людей?"

17-го марта 1916 г. Императрица опять пишет о Сазонове:

"Хотелось бы, чтобы ты нашел подходящего преемника Сазонову, не надо непременно дипломата! Необходимо, чтобы он уже теперь познакомился с делами и был настороже, чтобы на нас не насела позднее Англия и чтобы мы могли быть твердыми при окончательном обсуждении вопроса о мире. Старик Горемыкин и Штюрмер всегда его не одобряли, так как он трус перед Европой и парламентарист, а это была бы гибель России..."[212]

А французский посол Палеолог рассказывает, что Великая Княгиня Мария Павловна (старшая) рассказывала ему, что Сазонов "говорил ей о безотрадном положении дела":

"Императрица — сумасшедшая, а Император слеп и не видит, куда ведет страну. Говоря о Марии Павловне, Сазонов добавил: "c'est elle qu'il nous aurait fallu comme imperatrice".*

Конечно, все это доходило до сведения Государыни. Держать таких министров, конечно, было нельзя, и участь Сазонова была предрешена. Вот каков на самом деле был этот "человек чистый, деликатный, морально-тонкий".

Но помимо Сазонова в Правительстве Его Величества находился явный изменник, который доказал это всей своей последующей деятельностью. Я говорю о военном министре Поливанове. О нем писали очень многие. Я приведу только несколько отзывов.

"А.А. Поливанов был весьма умный и образованный человек, окончивший две академии, генерального штаба и военно-инженерную, обладавший громадной работоспособностью. Этого оспаривать никто не может; но скоро я понял, что его отрицательные стороны настолько вредны и для Правительства, и для страны, и даже для самого Государя, что мне пришлось круто изменить мое отношение к нему. Я ясно понял, что главнейшая

* C'est elle qu'il nous aurait fallu comme imperatrice (*фр.*) – Вот ее следовало бы иметь Императрицей (*ред.*).

его цель была культивирование отношений с той общественностью, которая не может быть иначе названа, как революционная общественность. В Совете Министров я сидел против Поливанова. Как-то раз, во время весьма трагичного сообщения о нашем положении, я заметил какое-то странное выражение его лица. Казалось, что он был удовлетворен. Это настолько меня поразило, что я уже в следующие разы его сообщений стал внимательно всматриваться в его лицо. При сравнительных улучшениях дел на фронте такого выражения я не замечал, но это, как бы удовлетворение повторялось при ухудшениях. Я был настолько поражен, что, спускаясь из Совета Министров по лестнице Мариинского Дворца вместе с С.В. Рухловым, я в виду наших дружеских с ним отношений решился поделиться с ним моим впечатлением. Сергей Васильевич, посмотрев на меня, сказал: "А разве это для Вас новость?" Я был ошеломлен и не знал, чем объяснить такое странное явление. Не хотел ли он занять крупное положение в Ставке и проводить там свою стратегию? Не знаю".

И дальше о Поливанове:

"Особое Совещание по обороне состояло под председательством Военного Министра. Председатель Совещания допускал свободно обсуждение политических вопросов, которые возбуждались, главным образом, Родзянкой и Гучковым, и, таким образом, мало-помалу совещание это обратилось в новую политическую говорильню. Для примера укажу, что, например, Гучков заявил в заседании, что если бы Россией управлял германский генеральный штаб, то он делал бы именно то, что делает наше Правительство. И, несмотря на такие выходки, Председатель ни разу не остановил такого рода выступления и не призвал к порядку. Его главные помощники, генералы Маниковский и Лукомский, так же, как и он сам, заискивали перед разнузданной общественностью, для которой военное министерство открыло все двери. Но если Поливанов так искал популярности через Особое Совещание, то уже в Государственной Думе он переходил всякие пределы. Тут уже не было только желание работать в согласии с общественностью; тут было стремление получить как можно больше приверженцев, все равно, какой ценой. И этого он достигал весьма успешно. Для примера его выступлений с трибуны я приеду две его фразы.

При рассмотрении проекта закона об особых совещаниях он, чтобы понравиться массе, заявил: "присутствие (в особых

совещаниях — *В.К.*) членов законодательных палат дает уверенность в успешной борьбе с установившейся рутиной".

В одном из закрытых заседаний Думы он произнес следующее: "Ни минуты не сомневаюсь, что наша армия идет к победе, ибо за ее спиной стоит несокрушимая стена русской общественности".

"Общественные деятели ознаменовали уход Поливанова, устроив ему торжественный обед в одном из ресторанов. Мне передали, что на обеде Поливанов рассказывал совершенно невероятные мотивы его отставки, например, отказ его предоставить Распутину автомобиль и др."

«...Временным Правительством, вернее сказать Гучковым, бывшим в то время военным и морским министром, ему было поручено председательствовать в комиссии по выработке знаменитой "Декларации прав солдата". Наконец, после большевицкой революции, генерал Поливанов явился одним из главнейших консультантов Советского Правительства по военным вопросам; он занял место члена законодательного совета и особого совещания при Главнокомандующем и в 1920 г. ездил в качестве эксперта на конференцию в Ригу для заключения мира с Польшей, где он и умер. Церемониал погребения был весьма торжественный; гроб сопровождал Совет Петроградской Коммуны во главе с Зиновьевым и все красноармейские части, расположенные в Петрограде».[213]

Запись Наумова о Поливанове:

"...Там же установилась у генерала Поливанова тесная деловая дружба с Александром Ивановичем Гучковым, состоявшим продолжительное время главным руководителем думских работ по рассмотрению военных вопросов. Дружба эта привела к двум результатам: с одной стороны, она отняла от генерала Поливанова симпатии Государя, лично не расположенного к Гучкову, с другой, впоследствии вовлекла Алексея Андреевича в совместную революционную работу с Гучковым, оказавшимся Военным Министром Временного Правительства 1917 г. Работа эта завершилась полнейшей дезорганизацией военной дисциплины и катастрофическим разложением всей, еще недавно славной Императорской армии. У него нередко происходили трения с высшими сферами, которые завершились в 1916 году его отставкой. После этого Поливанов был настроен чрезвычайно оппозиционно к личности Государя, что, надо думать, и натолкнуло его на еще большую близость с Гучковым.

Вспоминаю, как в начале марта 1917 года Поливанов в стенах Мариинского Дворца на мой вопрос — правда ли, что он согласился, совместно с Гучковым, принять участие в переработке на революционных началах воинского устава, судорожно передернувшись, скороговоркой ответил:

— Что же поделаешь?! Надо действовать в духе времени!"[214]

Но, помимо Сазонова и Поливанова, и другие "слуги Государевы" вели себя возмутительно. Тот же Наумов рассказывает о Лукомском, который в описываемое время был Товарищем Военного Министра, а в трагические дни февраля 17-го года — генерал-квартирмейстером Ставки.

"Заседавший вместе с нами в качестве заместителя Военного Министра, умный и видный по занимаемому им высокому положению, генерал Лукомский принципиально высказался против моего предложения об использовании для сельскохозяйственных работ расположенных в тылу и свободных от занятий воинских частей. Когда же я довел до сведения Совета, что об этой мере пополнения рабочей силы мной доложено было Государю и со стороны Его Величества я встретил полное сочувствие, представитель Военного Ведомства, слегка ухмыльнувшись, заметил:

— То, что вы говорите, существа дела нисколько не меняет... Мало ли что Государь находит достойным одобрения! Всем вам ведь известна неустойчивость его взглядов. Если сегодня Его Величество так отозвался, это не значит, что завтра он не изменит своего решения!..

Пораженный подобным ответом, я взглянул на престарелого Горемыкина, но тот, к концу заседания сильно утомившийся, видимо, пропустил мимо своих ушей более чем неуместную реплику представителя военного ведомства. Все остальные министры так же неодобрительно, как и я, отнеслись к словам генерала".[215]

Мы только что видели, как вели себя царские министры и на заседаниях Совета, и в Думе, и на всяких совещаниях, а также и в салонах Петербургского света. Теперь же мы присмотримся ближе ко всякого рода "союзам" и "комитетам", где под вывеской патриотических лозунгов шла открытая подготовка к революции и преступная пропаганда в армии.

Во главе Земского союза стоял князь Г. Львов, а во главе Городского — Московский Городской голова Челноков. Интересней всего, что "никакого устава, статута или правил деятельности этих новообразований не существовало. Все бралось явочным и захватным порядком".[216]

Надо сказать, что, помогая в снабжении фронта медикаментами и другими материалами, участвуя в эвакуации раненых с фронта и делая полезную и нужную работу, всю свою главную деятельность эти Союзы направляли на дискредитирование Правительства. Работали они исключительно на казенные деньги, щедро отпускаемые Советом Министров. Безконтрольное распоряжение средствами было чрезвычайно опасно. Оплаты труда по определенным нормам не существовало, платили, сколько хотели, и это привело к тому, что служащие в Союзах стали получать в несколько раз больше, чем в государственных учреждениях. Состав всех этих учреждений "Земгора" был сугубо левым. Почти поголовно социалистами-революционерами и кадетами. Их деятели пробирались всюду: в передовые отряды, тыл, Ставку, в санитарные отряды и к рядовым солдатам. Всюду велась пропаганда против Правительства, говорилось о безсилии Правительства и всячески подчеркивалась полезная деятельность Союзов. Причем, на офицерский состав влияли преимущественно кадеты, а на низший — социалисты-революционеры. Надо сказать еще, что после больших потерь офицерских кадров в Восточной Пруссии значительно изменился офицерский состав, в особенности среди прапорщиков, которые, представляя собой полуинтеллигенцию, принадлежали в значительной своей части к социалистическим партиям.

Но еще хуже обстояло дело с Военно-промышленными комитетами. Пропаганда деятельности Военно-промышленных комитетов велась широко и интенсивно. В газетах появлялись многочисленные статьи с восхвалением деятельности этих комитетов еще задолго до того, как они начали работать. Появились в печати заявления, что "Совет съездов представителей промышленности и торговли обращается ко всем предприятиям, техническим обществам и организациям с призывом к совместной работе".

Далее заявлялось, что задачи комитета заключаются "в организации русской промышленности для снабжения армии и флота всеми необходимыми боевыми снабжениями и довольствием".

Доступ в эти комитеты был открыт всем, кому угодно, вплоть до людей с самой подозрительной репутацией. Образовавшийся вскоре президиум Центрального Военно-промышленного комитета был возглавлен ярым врагом и Правительства, и режима — Гучковым. В этом комитете были образованы различные секции, как, например, механическая, химическая.

продовольственная, санитарная и др. В особенности большую роль впоследствии сыграла рабочая секция, которая по существу была центром революционной деятельности социалистических партий.

Гучков развил крайне энергичную деятельность и, не в пример "Земгору", добился утверждения положения своего комитета. В то время, когда Гучков был избран председателем Военно-промышленного комитета, Поливанов, будучи Военным Министром, был председателем Совещания по снабжению Армии, преобразованного затем в Особое Совещание по обороне. И Поливанов широко раскрыл двери военного министерства для деятелей Военно-промышленного комитета. Члены комитета свободно допускались в управление Министерства, ведавшего заказами и заготовками. Начальники отдельных частей, беря пример со своего министра, стали заискивать перед этими "общественными деятелями".

"Особо в этом отношении выделился Начальник Канцелярии Военного Министерства генерал Лукомский, скоро получивший назначение Помощника военного Министра".[217]

Военно-промышленный комитет рекламировал себя на все лады. Любимым припевом Комитета было:

"Правительство не сумело — взяли все в руки мы".

Прибегал Комитет и к явным подлогам. Военное министерство отправляло на фронт заготовленные главным артиллерийским управлением снаряды. Комитет предложил свою помощь в деле заказов ящиков и упаковки. На всех ящиках появилась надпись — Военно-промышленные комитеты. Получая эти снаряды, фронт, как командный состав, так и солдаты были уверены, что присланные снаряды — результат деятельности комитетов. Кроме того, в этих ящиках появились объявления от этих же комитетов: "Снарядов не жалеть", что действовало необыкновенно на воинские части.

Но кроме этой "полезной деятельности", Комитет стал распределять заказы между заводами, в результате чего явилось безпрерывное удорожание всех заказов, вследствие искусственного повышения цен. Это вздорожание военных заказов отражалось на все растущей дороговизне жизни. Через десять месяцев после образования этого Комитета Правительство, сомневаясь в полезности комитета для военного снабжения, поручило Государственному Контролеру обследовать деятельность этого "общественного начинания". Оказалось, что деятельность Комитета — сплошной скандал: заказы розданы по-

всюду, а процент исполнения ничтожный. Но наглые и беззастенчивые руководители во главе с Гучковым нисколько не смутились, заявляя, что условия работы были неблагоприятны, что "правительственные органы пристрастны" и в общем ловко затушевали результаты этого обследования. В Думе откликом на это было заявление Н. Маркова:

— Вы не дали ни одного снаряда!..

На что Милюков крикнул:

— Но мы заставили дать!

Между тем зрел очередной скандал. Дума настойчиво требовала предания суду бывшего Военного Министра Сухомлинова и, когда Государственный Совет высказался за это, Государь не счел возможным вмешаться в это, и Сухомлинов был заключен в Петропавловскую крепость. Не было никаких оснований считать его изменником, и Государь осенью (Сухомлинов был заключен в крепость 20 апреля) приказал перевести Сухомлинова из крепости под домашний арест. Эта уступка Государя "общественному мнению" имела самые вредные последствия.

В. Черчилль в своей книге пишет:

"Пять лет Сухомлинов трудился над улучшением Русской Армии... Безспорно, он был только козлом отпущения за неудачи. Нет сомнений в том, что русская армия в 1914 г. была несравненно выше той, которая сражалась в маньчжурскую кампанию".[218]

Все это предпринималось для одной и той же цели: дискредитирования Верховной Власти.

Глава XV

ПРОПАГАНДА ДУМЫ И КОМИТЕТОВ В АРМИИ. СВЯЗЬ ВЫСШИХ ВОЕНАЧАЛЬНИКОВ С ДУМОЙ. НАЧАЛО ЗАГОВОРЩИЦКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АЛЕКСЕЕВА. КНЯЗЬ ОБОЛЕНСКИЙ И ЕГО РАССКАЗ О ЗАГОВОРЕ. ИМПЕРАТРИЦА О ГУЧКОВЕ. ПЛАНЫ О ЗАГОВОРЕ. УЧАСТИЕ АЛЕКСЕЕВА. ПЕТРОГРАДСКИЙ ГАРНИЗОН. БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСЕЕВА В ОТНОШЕНИИ СТОЛИЧНОГО ГАРНИЗОНА. НАЧАЛО ИЗМЕНЫ АЛЕКСЕЕВА.

Обрисовав безрадостную картину положения всего русского общества в конце 1915-го и начале 1916-го годов, когда оппозиционные настроения захватили не только Думу, Государственный Совет, различные комитеты и союзы, но и Совет Министров и членов Императорской Фамилии, мне придется подойти к самой трудной и "деликатной" части моего исследования — участию высшего командного состава Армии в этих настроениях и... переход их сперва психологический, а затем и фактический на сторону оппозиции, стремящейся сперва к "министерству общественного доверия", затем к "ответственному министерству", затем к отречению Государя и замене его другим членом Династии, затем к Временному правительству, с тем, что оно созовет Учредительное Собрание, которое выскажется за форму правления, затем, вопреки этому обещанию, к провозглашению Республики без всякого опроса народа (народ вообще ни о чем не был спрошен), затем к развалу Армии, к "делу Корнилова" (последняя попытка спасти Россию) и затем... к передаче власти Ленину.

Во всех этих событиях участвовали разные люди, разные направления, разные "психологические моменты", разные "входящие обстоятельства", разные "превратности судьбы", разные "несчастные совпадения", разные "слепые случаи" и во всех этих случаях и событиях участвовало, несомненно, одно — отход от нашей вековой традиции "служить верой и правдой", отход от нашего векового лозунга: "За Веру, Царя и Отечество", отход от нравственного начала, чем так крепка всегда была и Московская Русь, и Российская Империя, и замена наших вековых устоев той пошлостью и ложью, которая шла с Запада

и не только шла, но широким потоком текла, вливаясь в "блоки", "земгоры", "промкомитеты" и оттуда дальше, заражая, как чума, всех и вся, не стыдясь ни клеветы, не щадя самых святых чувств и уничтожая присягу, и отрывая русских людей от Бога.

"Настанет год, России черный год..."[219]

Он наступал.

"...В том и был стыд и мрак, раскрывающийся в процессе раскрытия русской исторической загадки, что начало гражданской свободы не уживалось в русском быту с прежним церковно-православным и верноподданническим сознанием. В том-то и была русская трагедия, что гражданский расцвет России покупался ценой отхода русского человека от Царя и от Церкви. Свободная Великая Россия не хотела оставаться Святой Русью! Разумная свобода превращалась и в мозгу, и в душе русского человека в высвобождение от духовной дисциплины, в охлаждение к Церкви, в неуважении к Царю..."[220]

Вторым человеком в Ставке после Государя был его начальник штаба генерал-от-инфантерии Михаил Васильевич Алексеев.

Все те, которые стремились под видом всяких формул ("министерство общественного доверия", "ответственное министерство" и так далее) к устранению Государя, понимали, что без поддержки командного состава Армии, и в первую очередь "фактического Верховного Главнокомандующего", как называли генерала Алексеева, что-либо предпринять трудно. Вожаки оппозиции, помимо своих выступлений в Думе, помимо своей деятельности антиправительственного характера в своих союзах и комитетах, приступили в конце 1915-го года к подготовке заговоров с целью удаления Государя с Престола. Было несколько планов с разными руководителями. Наиболее активными в этих планах были Гучков и князь Львов.

Государь очень ценил и верил своему начальнику Штаба. Так же ли относился Алексеев к своему Государю? Внешне Алексеев был лоялен и не оставлял желать лучшего в своих отношениях с Государем. Но помимо этого, есть свидетельства, дошедшие до нас, которые говорят, что ни Алексеев, ни даже его семья не относились к Государю так, как это полагалось русским людям, **любящим** своего Монарха. Ведь Монархия тем и отличается от республики или диктатуры, что верноподданные любят и Монарха, и Его Семью не только как представителей нации (западное толкование Верховной Власти), но и

как Помазанника Божия, правящего "*по Божьему произволению, а не по многомятежному человеческому хотению*".

Спиридович пишет:

"...Государь был очень ласков, коснулся его семьи и пошутил — почему жена Алексеева приезжает к мужу тогда, как уезжает Государь".[221]

Вырубова пишет о приездах Государыни в Ставку:

«Великие Князья и чины Штаба приглашались к завтраку, но Великие Князья часто "заболевали" и к завтраку не появлялись во время приезда Ее Величества; "заболевал" также и генерал Алексеев. Государь не хотел замечать их отсутствия. Государыня же мучилась, не зная, что предпринять».[222]

Вспомним теперь, что говорил А. Бубнов о генерале Борисове. Заканчивая свою характеристику, он говорил:

"Трудно сказать, что могло столь тесно связывать с ним генерала Алексеева; разве что известная общность политической идеологии и одинаковое происхождение".[223]

Мы знаем, что взгляды Борисова были весьма радикальными, из-за них он в молодости и "пострадал". Имея это в виду, можно предположить, что и у Алексеева не было консервативных взглядов, какие бывали, обыкновенно, в старых военных семьях.

А генерал Деникин, будучи еще более скромного происхождения, чем Алексеев, говорит, конечно, со слов Алексеева, так как сам до революции по своему положению не имел возможности общаться с Государем, следующее:

"Вопреки установившемуся мнению, отношения эти (Государя с Алексеевым — *В.К.*), по внешним проявлениям не оставлявшие желать ничего лучшего, не носили характера ни интимной близости, ни дружбы, ни даже исключительного доверия. Государь никого не любил (а Деникин откуда это знает? — *В.К.*), разве только сына. В этом был трагизм его жизни — человека и правителя.

Но в вопросах управления Армией Государь всецело доверял Алексееву, выслушивая долгие, слишком, быть может, обстоятельные доклады его. Между тем борьба Государственной Думы (Прогрессивного блока) с Правительством, находившая, несомненно, сочувствие у Алексеева и у командного состава, принимала все более резкие формы".[224]

В переписке с Государыней Государь называл Алексеева "Моим косоглазым другом" и всегда о нем хорошо отзывался,

а о работе с ним говорил, что она носит характер "захватывающего интереса".

К Правительству Алексеев относился очень скептически:

"Это не люди — это сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают... Никогда не думал, что такая страна, как Россия, могла бы иметь такое Правительство, как министерство Горемыкина. А придворные сферы?"[225]

Но вот начинаются у Алексеева и встречи, и переписка с Гучковым и Львовым. Великий Князь Александр Михайлович, очень благосклонно относившийся к Алексееву, пишет о нем:

«Вновь назначенный начальником Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Алексеев произвел на меня впечатление человека осторожного, понимающего наши слабые стороны. Он был хорошим стратегом. Это был, конечно, не Наполеон и даже не Людендорф, но опытный генерал, который понимал, что в современной войне не может быть "гениальных командиров" за исключением тех, которые беседуют с военными корреспондентами или же пишут заблаговременно мемуары. Сочетание Государя и генерала Алексеева было бы безупречным, если бы Никки не опускал взгляда с петербургских интриганов, а Алексеев торжественно поклялся бы не вмешиваться в политику.

К сожалению, однако, произошло как раз обратное. Государь оставался вдали от Царского Села на слишком продолжительные сроки, а тем временем сторонники Распутина приобретали все большее влияние. Генерал же Алексеев связал себя заговорами с врагами существовавшего строя, которые скрывались под видом представителей Земгора, Красного Креста[226] и Военно-промышленных комитетов. Восторги первых месяцев войны русской интеллигенции сменились обычной ненавистью к монархическому строю. Это произошло одновременно с нашим поражением 1915 года. Общественные деятели регулярно посещали фронт, якобы для его объезда и выяснения нужд армии. На самом же деле это происходило с целью войти в связь с командующими армиями. Члены Думы, обещавшие в начале войны поддерживать Правительство, теперь трудились не покладая рук над разложением Армии. Они уверяли, что настроены оппозиционно из-за "германских симпатий" молодой Императрицы, и их речи в Думе, не пропущенные военной цензурой для напечатания в газетах, раздавались солдатам и офицерам в окопах в размноженном на ротаторе виде».[227]

Брусилов пишет о том же:

«Во время моей секретной переписки по этому поводу частными письмами с Алексеевым на мой фронт приехал председатель Государственной Думы Родзянко и спросил разрешения посетить фронт, именно "особую" Армию. Уезжая обратно, он послал мне письмо, в котором сообщал, что вся гвардия вне себя от негодования, что ее возглавляют лица, неспособные к ее управлению в такое ответственное время, что они не верят и страшно огорчаются, что несут напрасные потери без пользы для их боевой славы и для России. Это письмо мне было на руку, я препроводил его при моем письме Алексееву с просьбой доложить Государю, что такое положение дела больше не терпимо и что я настоятельным образом прошу назначить в это избранное войско хотя бы только на время войны наилучшее начальство, уже отличившееся на войне и высказавшее свои способности. В конце концов все выше перечисленные лица (Безобразов, граф Игнатьев, Великий Князь Павел Александрович, Раух) были сменены, и командующим этой армией был назначен Гурко...

Доходили до меня сведения, что задумывается дворцовый переворот, что предполагают провозгласить Наследника Алексея Николаевича Императором при регентстве Великого Князя Михаила Александровича, а по другой версии — Николая Николаевича, но все это были темные слухи, не имевшие ничего достоверного. Я не верил этим слухам потому, что главная роль была предназначена Алексееву, который, якобы, согласился арестовать Николая II и Александру Федоровну; зная свойства характера Алексеева, я был убежден, что он это не выполнит».[228]

Министр Торговли и Промышленности пишет об Алексееве следующее:

«Постоянные личные и письменные сношения с Родзянкой, Гучковым, Поливановым и другими "общественными" деятелями, скоро натолкнули его на политическую деятельность. Он увлекся войной внутренней, между тем, как он был призван Монархом исключительно для войны внешней.

Чрезмерная близость к Государю привела к тому, что, вместо того, чтобы, узнав и изучив все многочисленные положительные и некоторые, быть может, отрицательные стороны, без которых не существует на земле человека, использовать эти обе стороны для общего блага, он очевидно верил своим либеральным единомышленникам, стремившимся дискредитировать Монарха.

Благодаря этому он чрезвычайно быстро приобрел авторитет и доверие в революционно настроенных сферах. Насколько он

играл своими чувствами к Государю с теми лицами, которых он знал за глубоко верноподданных, служит примером следующий факт, достоверность которого не подлежит никакому сомнению. Я знаю это лично от генерала Беляева, который мне это рассказывал после выпуска его из тюрьмы осенью 1917 года.

На Пасху 1916 года генерал Алексеев получил звание генерал-адъютанта. Генерал Беляев написал ему поздравительное письмо и получил ответ приблизительно в следующих выражениях...

"Не знаю, поможет ли мне Господь отслужить нашему обожаемому Монарху за все те милости, которыми незаслуженно Он меня осыпает".

Вот и отслужил!

Указанная выше неверность генерала Алексеева Государю чувствовалась мной при каждом моем приезде в Ставку. Совершенно ясно, что он уже не мог скрыть свою принадлежность к противоправительственному лагерю».[229]

В другом месте Шаховской пишет:

"В то же время Гучков не только не оставил своих связей с командным составом, но всячески их культивировал, начиная с генерала Алексеева. Вместе с Родзянко он ложно освещал ему деятельность Правительства. Приписывая Военно-промышленным комитетам заслуги, которых не было, он возводил на Государя и Правительство явно ложные обвинения в таких деяниях, которые граничили с изменой".[230]

Дежурный генерал Ставки вспоминает:

"Мне никогда не приходилось присутствовать на докладах Его Величеству генерала Алексеева; на них присутствовал только генерал-квартирмейстер; поэтому я ничего не могу сказать о служебных отношениях, которые установились между Государем и Алексеевым.

Что же касается отношения Государя к Алексееву во внеслужебной обстановке, то оно было исключительно хорошее: Его Величество называл его по имени и отчеству и всегда был к нему внимателен.

Один только раз, придя к генералу Алексееву с докладом, я застал его в страшно возбужденном состоянии, бегающим взад и вперед по его маленькому служебному кабинету. И тут он мне взволнованно сказал несколько слов о том, какое ужасное влияние имеет на Государя Императрица, как Она этим портит Государю и как вредит всему".[231]

Отец Георгий Шавельский:

"Я решил беседовать с Государем о Распутине. В один из следующих дней во время закуски перед завтраком, когда генерал Алексеев, по обыкновению, скромно стоял в уголку столовой, я говорю ему:

— Надо вам, Михаил Васильевич, говорить с Государем о Распутине — уж очень далеко зашли разговоры о нем. Дело как будто начинает пахнуть грозой.

— Ну что же, я готов. Пойдемте, — ответил он.

— Я думаю, что лучше порознь. Не подумал бы Государь, что мы сговорились, — возразил я. — Позвольте мне первому пойти и высказать, что Бог на душу положит, а вы потом поддержите меня.

— Отлично! Идите с Богом, а я потом добавлю, — согласился генерал Алексеев".[232]

Но вот свидетельство более тревожного характера:

«В 1916 году, будучи по своим личным делам в Сибирском Торговом Банке, с которым я имел давнишние отношения, я разговорился с одним из служащих банка о создавшемся настроении в Петербурге и о положении на фронте. Мой собеседник — еврей, хорошо меня знавший, повторяя избитые сплетни, вдруг начал меня предупреждать о надвигающихся событиях и советовать согласно этому устраивать свои дела.

Мало-помалу он указал мне день, когда вспыхнет восстание при помощи иностранной державы. С большим знанием всего намеченного он говорил о всех последствиях революции, уверяя, что за Россией пострадает вся Европа и что Англия погибнет последняя. Писав эти строки и пройдя все революционные мытарства, я теперь вижу, насколько был хорошо осведомлен мой знакомый, посвященный в тайны, может быть, мирового заговора.

Призванный на военную службу и часто отлучаясь из Петербурга, я плохо следил за настроением столицы. Все, что я видел вне Петербурга, было нормально, в напряженной работе на войну.

У А.И. Гучкова, члена Государственной Думы и Председателя Центрального Комитета нашей партии октябристов, умер сын. Я пошел к нему на квартиру на панихиду. По окончании Службы, когда все разошлись, я остался с Александром Ивановичем наедине и начал рассказывать ему все, что слышал от своего знакомого в банке. Удивленный подробностями моего рассказа, особенно о дне восстания, Гучков вдруг начал меня посвящать во все детали заговора, называть его главных участ-

ников, расписывать те благие результаты, к которым должен будет привести подготовляемый переворот.

— Хотите, я вам покажу мою переписку с генералом Алексеевым, вот тут она, — сказал он, подводя меня к своему письменному столу и вынимая целую кипу мелко исписанных писем.

Я понял, что попал в самое гнездо заговора. Председатель Думы Родзянко, Гучков и Алексеев были во главе его. Принимали участие в нем и другие лица, как генерал Руэский и даже знал о нем А.А. Столыпин, брат Петра Аркадьевича. Он был журналист, довольно легкомысленный и не серьезный. "Вдовый брат", называло его "Новое время".

Мои сведения, однако, обезпокоили Гучкова, ему хотелось, чтобы тайна не была разглашена, и он старался вызвать мое сочувствие; мои возражения не имели успеха.

Другим человеком представился мне Гучков, чем я знал его раньше. Умеренный, убежденный конституционный монархист стал открытым злобным революционером, настроенным больше всего против особы Государя Императора.

Под чьим давлением действовал он?

Англия была вместе с заговорщиками. Английский посол сэр Бьюкенен принимал участие в этом движении, многие совещания происходили у него.

Петербург был набит бородачами запасными, большей частью из рабочих фабрик и заводов. Каждый солдат получал из революционного фонда ежедневно 25 рублей. Это происходило в конце 1916 года, а восстание было назначено 22 февраля 1917 года.

Было время еще предупредить заговор и ликвидировать зачинщиков. Через несколько дней я отправился к Штюрмеру, тогда Председателю Совета Министров, и по долгу присяги доложил ему, что видел и знал.

— Примите меры, доложите Государю, — сказал я ему. В ответ на это я услышал, что он прикажет немедленно поставить около своей квартиры трех городовых, а меня просит достать от Гучкова его переписку с Алексеевым.

— Власть в ваших руках, я указал вам даже, где хранятся письма, полиция должна произвести выемки, а не я, — ответил я ему.

Никаких мер не было принято.

Как-то в декабре 1916 года меня будят в 7 часов утра.

— Вас просит по телефону немедленно приехать Председатель Государственной Думы Родзянко.

Я встречался с ним, но никакой близости не было; что бы это значило?

Приезжаю, и вот в продолжение, может быть, двух часов он меня допрашивал, что я знаю и откуда про заговор и как отношусь к нему; потом намеки и разные угрозы.

Я не был откровенен с ним, и мы расстались. Заговорщики боялись за свою шкуру, а власть продолжала бездействовать и с каждым днем развязка приближалась».[233]

А вот что пишет Императрица Государю.

18 сентября 1916 года:

"Теперь идет переписка между Алексеевым и этой скотиной Гучковым, и он начинит его всякими мерзостями — предостереги его, это такая умная скотина, а Алексеев, без сомнения, станет прислушиваться к тому, что тот говорит ему против нашего Друга, и это не принесет ему счастья".[234]

Письмо от 20 сентября:

"...Гучков старается обойти Алексеева — жалуется ему на всех министров ...и отсюда понятно, почему Алексеев так настроен против министров, которые, на самом деле, стали лучше и более согласно работают, дело ведь стало налаживаться, и нам не придется опасаться никакого кризиса, если они и дальше так будут работать".

"Пожалуйста... не позволяй славному Алексееву вступать в союз с Гучковым, как то было при старой Ставке. Родзянко и Гучков действуют сейчас заодно, и они хотят обойти Алексеева, утверждая, будто никто не умеет работать, кроме них. Его дело заниматься войной — пусть уж другие отвечают за то, что делается здесь".[235]

Письмо 21 сентября:

"Я прочла копии двух писем Гучкова к Алексееву и велела буквально скопировать одно из них для тебя, чтобы ты мог убедиться, какая это скотина! Теперь мне понятно, почему Алексеев настроен против всех министров — каждым своим письмом он будоражит бедного Алексеева, а затем в письмах его факты часто намеренно извращаются... Надо изолировать Алексеева от Гучкова, от этого скверного, коварного влияния".

"Начинаю с того, что посылаю тебе копию с одного из писем к Алексееву — прочти его, пожалуйста, и тогда ты поймешь, отчего бедный генерал выходит из себя. Гучков извращает истину, подстрекаемый к тому Поливановым, с которым он неразлучен. Сделай старику строгое предостережение по поводу

этой переписки, это делается с целью нервировать его, и вообще эти дела не касаются его, потому что для армии все будет сделано, ни в чем не будет недостатка... Видно, как этот паук Гучков и Поливанов опутывают Алексеева паутиной — хочется открыть ему глаза и освободить его. Ты мог бы его спасти — очень надеюсь на то, что ты с ним говорил по поводу писем".[236]

28 октября:

"Только не говори Алексееву, что ты узнал от Меня... Я чувствую, что этот человек меня не любит".[237]

Председатель Совета Министров Штюрмер, которого, как мы видели, князь Оболенский в своих воспоминаниях обвинил в бездействии, на самом деле сделал по этому поводу доклад Государю, в котором подчеркивалось, что Гучков сведения, сообщаемые Алексееву, распространяет в тысячах экземпляров в действующей армии. Вот что было, между прочим, в этом докладе:

"Его Императорскому Величеству мной представлен экземпляр письма на имя генерала Алексеева от члена Государственного Совета А.И. Гучкова с изветом на генерала Беляева, министров путей сообщения — Трепова, торговли и промышленности — князя Шаховского, земледелия — графа Бобринского, а также на председателя Совета Министров. При этом Его Величеству мной доложено, что, по полученным мной из департамента общественных дел сведениям копии этого письма распространяются в десятках тысяч экземпляров по всей России".

"Его Величество изволил указать Алексееву на недопустимость такого рода переписки с человеком, заведомо относящимся с полной ненавистью к Монархии и Династии".

"Его Величество, — заканчивал Штюрмер свой доклад в Совете Министров, — изволил высказать, что для прекращения подобных выступлений достаточно предупредить Гучкова о том, что он подвергнется высылке из столиц".

Гучкову был запрещен въезд только в действующую армию.

А Государыня, которая понимала положение лучше, чем многие другие, писала в письме к Государю:

"...Это еще не так ужасно, как все прочее, выход мы найдем, но вот эти скоты Родзянко, Гучков, Поливанов и К° являются душой чего-то гораздо большего, чем можно предполагать (это я чувствую) — у них цель вырвать власть из рук Министров".

Государыня понимала, что заговорщики готовят переворот, и стремилась всеми силами убедить в этом Государя. Государь

верил в свою Армию, Он был слишком благороден, слишком чист, чтобы допустить, что его ближайшие помощники являются людьми, которые сочувствуют затеваемым заговорам и даже принимают в них участие. Вот что пишет Мельгунов, которого уж никак нельзя обвинить в том, что он пристрастен в описываемых им событиях:

«Александра Феодоровна действительно предчувствовала нечто "гораздо большее" — Монархия была в преддверии "дворцовых заговоров", о которых говорили, пожалуй, даже слишком открыто, не исключая аристократических и великокняжеских салонов. Слухи о разговорах, что необходимо обезвредить и укротить "Валиде" (так именовалась Царица в семейной переписке Юсуповых), не могли не доходить до Александры Феодоровны. В одной из версий такого "дворцового переворота", имевшей сравнительно скромную цель изолировать Царя от вредного влияния жены и добиться образования правительства, пользующегося общественным доверием, так или иначе оказался замешанным и генерал Алексеев... Этот план, связанный с инициативой не Гучкова, а с именем князя Львова — в переписке его имя упоминается только в декабре — изложен нами в книге "На путях к дворцовому перевороту" в соответствии с теми конкретными данными, которыми мы пока располагаем. Отрицать участие в нем Алексеева едва ли возможно, как это делает упорно генерал Деникин».[238]

Сейчас я приведу выдержки из одного из писем Гучкова Алексееву, а затем одно свидетельство Вырубовой об Алексееве в связи с Гучковым, а потом мы перейдем к рассмотрению заговора князя Львова, о котором писал в своей книге Мельгунов.

Вот эти выдержки:

«И не чувствуете ли вы на расстоянии из Могилева то же, что мы здесь испытываем при ежедневном и ежечасном соприкосновении... Со всей правительственной властью. Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню... Гниющий тыл грозит еще раз затянуть и ваш доблестный фронт, и вашу талантливую стратегию, да и всю страну в невылазное болото... А если вы подумаете, что вся эта власть возглавляется г. Штюрмером, у которого (и в армии, и в народе — *В.К.*) прочная репутация, если не готового уже предателя, то готового предать — то вы поймете... какая смертельная тревога за судьбу нашей родины охватила и общественную мысль, и народные настроения... Я уже не говорю, что нас ждет после войны — надвигает-

ся поток, а жалкая, дрянная, слякотная власть готовится встретить этот катаклизм теми мерами, которыми ограждают себя от хорошего проливного дождя: надевают галоши и раскрывают зонтик...»

Я привел эти выдержки, полные грязных инсинуаций, и обвинения Председателя Совета Министров в предательстве как образец той клеветы и лжи, в которых Гучков был непревзойденным мастером. Уже при Временном правительстве, членом которого был Гучков, Чрезвычайная Следственная Комиссия по выяснению "преступлений" Царского правительства, при всей своей пристрастности не могла найти и тени какого-либо предательства ни Штюрмера, ни кого-либо другого члена правительства Государя. Предателем был не Штюрмер, а Гучков. Та "жалкая, дрянная, слякотная власть", о которой он пишет, это и есть Временное правительство, в котором он пробыл только два месяца и за эти два месяца развалил сознательно нашу Армию при помощи господ генералов (Поливанов и другие) и полковников Генерального Штаба.

Но нашелся генерал, который в своих воспоминаниях нашел возможным сказать о Гучкове следующее:

"Я не собираюсь давать характеристику Гучкова, в искреннем патриотизме которого я не сомневаюсь" (Деникин — *В.К.*).[239]

Беда заключалась в том, что Алексеев верил всей той галиматье, которую ему писал Гучков, и тут придется сказать то, что писал адмирал Бубнов в своей книге:

"Верховное командование вооруженными силами фактически находилось в руках генерала Алексеева, хотя и безгранично преданного своему долгу, отличного знатока военного дела, но не обладавшего ни широтой взглядов, ни дарованиями, присущими выдающимся полководцам".[240]

Вырубова пишет об одном обстоятельстве, не говорящем в пользу Алексеева:

«Вскоре Их Величества узнали, что генерал Алексеев, талантливый офицер и помощник Государя, состоял в переписке с предателем Гучковым. Когда Государь его спросил, он ответил, что это неправда. (Не напоминает ли это разговор Павла I с Паленом? — В.К.).

Чтобы дать понятие, как безудержно в высшем командном составе плелась клевета на Государыню, расскажу следующий случай.

Генерал Алексеев вызвал генерала Иванова, Главнокомандующего армии Южного фронта, и заявил ему, что, к сожале-

нию, он уволен с поста главнокомандующего по приказанию Государыни, Распутина и Вырубовой. Генерал Иванов не поверил Алексееву. Он ответил ему:

"Личность Государыни Императрицы для меня священна — другие же фамилии я не знаю!"

Алексеев оскорбился недоверием к нему генерала Иванова и пожаловался на него Государю, который его стал не замечать. Пишу это со слов генерала Иванова; рассказывая мне об этом, генерал плакал; слезы текли по его седой бороде. Государь, думаю, гневался на Алексеева, но в такое серьезное время, вероятно, не знал, кем его заменить, так как считал его талантливейшим генералом. Впоследствии Государь изменил свое обращение с генералом Ивановым и был к нему ласков».[241]

Теперь перейдем к заговору князя Львова. Об этом пишет Мельгунов в книге "На путях к дворцовому перевороту". Алексеев высоко оценивал способности Львова.

«Для нас ускользают предварительные этапы взаимоотношений Львова и Алексеева. Можно думать, что откровенные беседы велись в январе 1916 г., когда Львов и Челноков были приглашены в Ставку на совещание по продовольствию армии. О приезде Челнокова упоминается и в переписке Николая II.

Царь отмечает 14 января:

Приехал "к моему большому удивлению московский городской голова Челноков... За несколько минут до обеда я принял Челнокова наедине — он поднес мне теплый адрес от Москвы, в котором благодарит войска за хороший прием, оказанный делегации, посланной для распределения подарков солдатам..."[242]

По непонятным причинам о Львове нет даже упоминания. Объяснить это молчание я не могу, так как "Известия" Главного Комитета Всероссийского Земского Союза определенно говорят об официальном присутствии Львова на указанном совещании. В моем дневнике отмечено: "...Львов сидел все время в вагоне. У него был Алексеев. Имели с глазу на глаз беседу в течение одного часа". Очевидно, Львов постепенно сумел передать Алексееву свою психологию и возбудить в нем те опасения, которые возникали в общественной среде относительно германофильского окружения "молодой Императрицы"».

И дальше.

«Было решено, что она (Государыня — *В.К.*) будет жить в Ставке... Этого и боялся Алексеев — приезд Царицы мог бы усилить интриги "немецкой партии" в Петербурге... Отсюда,

возможно, и податливость Алексеева на уговоры со стороны князя Львова. Я считаю, что настойчивая инициатива исходила от последнего... Таким образом, к осени, по-видимому, между новыми "союзниками" была установлена договоренность уже о действиях. А.Ф. Керенский, который впоследствии о намечавшихся планах мог знать непосредственно от самого Львова, во французском издании своих воспоминаний говорит, что план заключался в аресте Царицы, ссылке ее в Крым и в принуждении Царя пойти на некоторые реформы, то есть очевидно, согласиться на министерство "доверия" во главе со Львовым. Керенский ошибочно относит осуществление такого плана на октябрь — он был намечен, но на конец ноября. В ноябре один из доверенных Львова, по поручению последнего, посетил Алексеева. Произошла такая приблизительно сцена. Во время приема Алексеев молча подошел к стенному календарю и стал отрывать листок за листком до 30 ноября. Потом сказал: передайте князю Львову, что все, о чем он просил, будет выполнено. Вероятно, на 30 ноября и назначалось условленное выступление.

Через кого Алексеев предполагал действовать? Лемке, бывший в то время в Ставке, записал в свой дневник еще 9 ноября 1915 г.:

"Очевидно, что-то зреет... Недаром есть такие приезжающие, о цели появления которых ничего не удается узнать, а часто даже и фамилию не установишь. Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли, что-то у него есть, связывающее его с генералом Крымовым именно на почве политической, хотя и очень скрываемой деятельности".

Позже, в 1916 году, Лемке пишет:

"Меня ужасно занимает вопрос о зреющем заговоре. Но узнать что-либо определенное не удается. По некоторым обмолвкам Пустовойтенко видно, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор, которому не чужд еще кое-кто".

Почти можно не сомневаться, что из перечисленных Лемке лиц только Крымов мог иметь то или иное отношение к алексеевскому проекту. Для предъявления "требований" надо было иметь верную, распропагандированную военную часть или кружок сговорившихся авторитетных военных. Косвенные сведения указывают на то, что какое-то совещание в Ставке происходило еще летом 1916 г., и там говорили о возможном низложении Николая II... План рушился, однако, сам собой. У Алексеева

сделался острый приступ застарелой болезни. 11 ноября его заменил Гурко, и начальник штаба вынужден был отправиться на долгое лечение в Крым».

Вот что пишет в это время (4 декабря 1916 года) Государыня по этому поводу:

"Не забудь запретить Гурко болтать и вмешиваться в политику. Это погубило Николашу и Алексеева. Последнему Бог послал болезнь — очевидно, с целью спасти тебя от человека, который сбился с пути и приносил вред тем, что слушался дурных писем и людей..."[243]

События шли своим чередом. Мы видели, как росла агрессивность князя Львова по отношению к власти, поскольку эта политика сказывалась в открытых выступлениях Земского Союза. Нам известно, что князь Львов поехал в Крым на свидание с Алексеевым. Последний отказался от всяких политических разговоров и его не принял. О посещении Алексеева в Севастополе представителями "некоторых думских и общественных кругов" говорит в своем исследовании и генерал А. Деникин:

"В Севастополь к больному Алексееву приехали представители думских и общественных кругов. Они совершенно откровенно заявили, что назревает переворот. Как отнесется к этому страна, они знают. Но какое впечатление произведет переворот на фронте, они учесть не могут. Просили совета.

Алексеев в самой категорической форме указал на недопустимость каких бы то ни было государственных потрясений во время войны, на смертельную угрозу фронту, который, по его пессимистическому определению, "и так не слишком прочно держится", просил во имя сохранения армии не делать этого шага.

Представители уехали, обещав принять меры к предотвращению готовившегося переворота.

Не знаю, какие данные имел Михаил Васильевич, но он уверял меня впоследствии, что те же представители вслед за ним посетили Брусилова и Рузского и, получив от них ответ противоположного свойства, изменили свое первоначальное решение: подготовка переворота продолжалась.

Пока трудно выяснить детали этого дела. Участники молчат, материалов нет, а все дело велось в глубокой тайне, не проникая в широкие армейские круги. Тем не менее некоторые обстоятельства стали известны... предполагалось вооруженной силой остановить Императорский поезд во время следования его

из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение Государю отречься от Престола, а в случае несогласия, **физическое его устранение.** Наследником предполагался законный правопреемник Алексей и регентом Михаил Александрович".[244]

Почему Алексеев не принял Львова? Мне кажется, это подтверждает предположение, что Алексеев шел только на изолирование Царя от жены. Перед ним не становился вопрос о добровольном отречении Самого Царя; между тем, в декабре январе именно так ставился уже вопрос.

«Разговоры пошли о принудительном отречении Царя и даже более сильных мерах", — говорит Милюков в "России на переломе". В исторических трудах нет надобности вуалировать прошлое. Речь шла уже о заговоре в стиле дворцовых переворотов XVIII столетия, при которых не исключалась возможность и цареубийства».[245]

Я привел буквально все выдержки из имеющихся у меня материалов, чтобы показать, что еще задолго до февральской революции генерал Алексеев и другие лица высшего командования знали, что подготовляется заговор, имеющий целью низложение Государя. Лица, которые подготовляли переворот, свободно говорили об этом с Алексеевым, а по словам последнего, так же и с Брусиловым, и Рузским, имея, очевидно, полное основание быть уверенными, что их не выдадут.

Зная о существовании и заговора и о том, что подготовка его продолжается, генерал Алексеев не сообщил об этом ни судебным властям, как предписывали уголовные законы, ни Государю, как повелевал долг присяги.[246]

Уже по этим обстоятельствам мы видим, как легко Алексеев, Рузский и другие генералы освоились с мыслью о необходимости настаивать на отречении в дни 1-го и 2-го марта 1917 года.

Но это еще не все, что можно поставить в обвинение генералу Алексееву. Помимо заговоров, о которых он знал и в каковом из них предполагал принять участие, остается вопрос, который сыграл решающую роль в событиях февраля 1917 года. Я говорю о Петроградском гарнизоне. По этому поводу есть очень много свидетельств. Я приведу свидетельство человека, который отнюдь не был так уж привержен к тому представлению о верноподданнических чувствах, которые были так близки таким людям, как генерал Келлер, Хан-Нахичеванский и адмирал Русин. Я говорю об адмирале Бубнове и его книге "В Царской Ставке". Пишет он об этом подробно.

«Верховное командование, несомненно, знало о нарастании революционного настроения в столице. Об этом его постоянно осведомляли тревожные донесения охранного отделения, в которых прямо говорилось о том, что близится революция. О том, что генерал Алексеев это сознавал, видно из того, что незадолго до начала революции столица и прилегающий к ней район были выделены в особую область, во главе которой был поставлен главноначальствующий генерал.

На эту особо ответственную в данных серьезных обстоятельствах должность был, однако, назначен никому не известный и ни чем себя не зарекомендовавший, заурядный генерал Хабалов, который, не отдавая себе отчета в положении, вероятно, из карьерных соображений, не решался докучать Ставке какими-либо своими требованиями и довольствовался тем, что имел.

Между тем, подведомственный ему гарнизон столицы состоял лишь из запасных батальонов гвардейских полков, казачьего второочередного полка и нескольких сот юнкеров и курсантов разных военных училищ и курсов.

В 1916 году запасные батальоны были укомплектованы, главным образом, солдатами старых сроков службы, семейными, давно уже потерявшими понятие о воинской дисциплине, и сами были чрезвычайно благоприятным "материалом" для возбуждения, а никак не для усмирения беспорядков; при этом почти все, — к тому же совершенно недостаточные числом, офицеры этих батальонов, — призванные также из запаса, принадлежали к радикально и даже революционно настроенным слоям русского общества; они именно и увлекли в критический момент запасные батальоны на сторону революции и тем обеспечили ей успех.

Таким образом, в расположении генерала Хабалова для подкрепления, в случае надобности, столичной полиции не было никаких других надежных боевых частей, кроме нескольких сот юнкеров и курсантов.

Как же случилось, что верховное командование не озаботилось назначить в состав гарнизона столь жизненно важного центра для успешного хода войны, каковым была столица, достаточное число надежных кадровых войсковых частей?

Нам в Ставке было известно, что Государь высказывал генералу Алексееву пожелание об усилении Петроградского гарнизона войсковыми частями из гвардейского корпуса, бывшего на фронте; но, как всегда, раз вверив генералу Алексееву верховное оперативное руководство, Государь не считал возможным на

этом своем правильном пожелании настаивать; однако, на этом энергично настаивал командир гвардейского корпуса генерал Безобразов во время одного из своих приездов в Ставку, незадолго до начала революции.

Все же генерал Алексеев не принял это требование во внимание, ссылаясь на успокоительные заверения петроградских властей и на то, что в Петрограде все казармы заняты запасными батальонами, так что негде будет разместить, особенно в зимнее время, войсковых частей, посылаемых с фронта для усиления гарнизона столицы.

Ссылка на переполненные казармы, когда шла речь о столь важном вопросе, как усиление столичного гарнизона, не может рассматриваться иначе, как совершенно несостоятельная отговорка. Мало ли было в Петрограде разных других помещений, кроме казарм, в которых могли бы быть помещены войска, посланные с фронта; да, наконец, можно было бы, если бы это понадобилось, произвести некоторые "уплотнения" населения, которое до сих пор ни в какой еще мере не испытывало на себе неудобства войны.

Какова же была действительная причина такой непредусмотрительности и необдуманности генерала Алексеева в столь важном вопросе усиления гарнизона столицы?

Вдумайся он в этот вопрос и "болей за него душой", он не мог бы не озаботиться ненадежностью запасных батальонов и недостаточностью заверений такого человека, каким был Протопопов.

Почему же он не вывел из этого неоспоримо напрашивающихся заключений и не принял соответствующих мер?

То, что генерал Алексеев не предусмотрел столь очевидной опасности, как революция, которая угрожала его оперативному замыслу, и не принял против этого соответствующих мер, значительно умаляет его полководческие способности и лежит на его ответственности».[247]

Адмирал Бубнов очень мягко говорит о том, что Алексеев не предпринял ровным счетом **ничего**, чтобы заменить ненадежные части Петроградского гарнизона дисциплинированными войсками. Он говорит, что Алексеев "не болел душой" в этом важном вопросе, что непринятие мер "умаляет его полководческие способности" – все это ничего не говорящие фразы. Несколько позже мы увидим, что столь заботливо выбранный Алексеевым его заместитель генерал Гурко, так же, как и Алексеев, ничего не предпринял в этом отношении, и, даже хуже,

осмелился не выполнить повеления Государя. А Протопопов, которого Бубнов обвинил в том, что он заверял, что все в порядке, как раз и докладывал Государю о настроениях Петроградского гарнизона и о том, что положение в Петрограде "является угрожающим". На основании этой информации Государь повелел генералу Гурко убрать из столицы ненадежные части и заменить их гвардейскими частями с фронта. Иван Солоневич со свойственной ему прямотой говорит, что, собственно говоря, соответствует действительности:

«Генералы не могли найти места для запасных батальонов на всем пространстве Империи. Или места в столице Империи для тысяч двадцати фронтовых гвардейцев. Это, конечно, можно объяснить и глупостью; это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, что все в мире ограничено, даже и человеческая глупость. Это была **измена**. Заранее задуманная и заранее спланированная. И вот тут-то Государь Император допустил роковой недосмотр: поверил генералам Балку, Гурко и Хабалову. Итак, все фигуры на шахматной доске заговора — самого трагического и, может быть, самого гнусного в истории человечества, были уже расставлены. С самых верхов общества была пущена в самый широкий оборот клевета о Распутине, о шпионаже, о вредительстве — клевета, которую даже и Пуришкевич самоотверженно развозил по фронтам. Вся гвардия была заблаговременно убрана из столицы. Гвардия была заменена "маршевыми батальонами", для размещения которых не нашлось, видите ли, места во всей России.

Предупреждение Протопопова, предупреждение прессы, приказы Государя Императора не помогли ничему: маршевых батальонов из столицы не удалили. Приказов Государя о переброске в столицу гвардейской кавалерии не выполнили. Столица была во власти "слухов" "в распоряжении маршевых батальонов"».[248]

Конечно, как я уже писал, все это можно объяснить "роковым совпадением", "слепым случаем", "несчастным совпадением" или, как пишет Бубнов, "неболением душой" и "ограниченностью полководческих способностей". Но не пора ли прекратить уже теперь, после полувека с того времени, как произошла величайшая трагедия, замалчивание того, что имело место на самом деле?

Весьма интересно проследить, как и при каких обстоятельствах генерал Гурко заменил заболевшего Алексеева на

посту начальника штаба Верховного Главнокомандующего. Об этом пишет очень обстоятельно А. Бубнов:

«Генералу Алексееву был предписан врачами продолжительный отдых на юге.

По его совету (вспомним о роли Гурко в "военной ложе" и о том, как Родзянко хлопотал у Брусилова о назначении его командующим "особой" армии — *В.К.*) Государем был призван для временного исполнения обязанностей начальника Штаба Верховного Главнокомандующего генерал Гурко. Служебное положение, которое генерал Гурко занимал, не предназначало его для занятия столь высокого поста, ибо он был младше всех главнокомандующих фронтами и многих командующих армиями.

Но о нем было известно, что он очень решителен, тверд характером и либерально настроен, так что можно было полагать, что именно эти его свойства остановили на нем выбор генерала Алексеева, потерявшего надежду сломить упорство Государя.

О чем они говорили с глазу на глаз при передаче должности, останется навсегда тайной, которую оба они унесли с собой в могилу.

Но факт тот, что с его назначением появились неизвестно откуда взявшиеся слухи, что он, если ему не удастся повлиять на Государя, примет против него какие-то решительные меры.

Однако проходили дни за днями, во время которых борьба Престола с общественностью (а, не наоборот ли, господин адмирал? — *В.К.*) все более и более ожесточалась, и чувствовалось, что приближается развязка, а никакого влияния генерала Гурко на ход событий не было заметно, так что вернувшийся через полтора месяца (ошибка — более трех месяцев — *В.К.*) к своим обязанностям генерал Алексеев застал все еще в худшем положении, чем то, которое было при его отъезде.

Были ли тому причиной справедливые опасения генерала Гурко, что какое бы то ни было насильственное действие над личностью Царя даст последний толчок назревшему уже до крайней степени революционному настроению; или его в последнюю минуту остановило **не изжитое еще** (не правда ли, любопытное выражение в устах тогда капитана 1-го ранга Императорского Флота? — *В.К.*) традиционное верноподданическое чувство; или, наконец, быть может, слухи о его намерениях были лишь плодом вымысла приведенных в отчаяние и опасающихся за судьбу своей родины людей — трудно сказать. Но во всяком случае надежды, возлагавшиеся на него в Ставке (!— *В.К.*), ни в малейшей степени не оправдались».[249]

В этом изложении все интересно. Интересно, что Алексеев уговорил Государя назначить "вне очереди", так сказать, генерала Гурко на свой пост, так как последний был известен не какими-либо боевыми качествами или как опытный стратег, а как "либерально настроенный" и который в случае надобности "примет против него (Государя – *В.К.*) какие-то решительные меры". Еще интереснее, что Бубнов явно скорбит о "не изжитом еще традиционном верноподданническом чувстве" генерала Гурко. Самое же интересное, что в **Ставке**, то есть в непосредственной близости к Государю, возлагались надежды на "решительные меры". Но в книге Бубнова есть и другие откровения. Константин Аскольдов, написавший вскоре после выхода в свет этой книги (в 1955 г.) обширную рецензию, отмечает:

«Но кроме "возвышенных чувств", чины Ставки жили и какими-то другими менее возвышенными интересами, которые сплачивали их всех в ненависти к Царю. Это ясно видно из следующего признания адмирала Бубнова:

"Не успели мы еще окончательно разместиться в Могилеве, как нас точно громом поразила весть о смене Великого Князя и принятия Государем Императором должности Верховного Главнокомандующего. **Мы все, проникнутые безграничной преданностью Великому Князю,** ...были этим совершенно подавлены...»

И дальше следует весьма любопытное признание:

"В душах многих зародился, во имя блага России, глубокий протест и, **пожелай Великий Князь принять в этот момент какое-либо крайнее решение, мы все, а также и Армия, последовали бы за ним"**.

Вот каков был итог "атмосферы возвышенных чувств". Будущие историки поблагодарят адмирала Бубнова за это откровенное признание, что чины Верховной Ставки готовы пойти на измену присяге и на государственный переворот во время войны по первому слову Великого Князя Николая Николаевича. "Атмосфера возвышенных чувств" оказывалась **явной атмосферой измены воинской присяге в военное время национальному вождю страны**».[250]

Но в книге Бубнова есть еще интересное место, не попавшее в поле зрения рецензента этой книги К. Аскольдова. Есть очень распространенное мнение, что в трагические дни февраля 1917 года Государь сделал ошибку, поехав в Петроград, и таким образом было утеряно время, нужное для проведения подавления безпорядков в Петрограде под личным руковод-

ством Государя, находящегося в Ставке. Бубнов по этому поводу пишет:

"В верховном командовании, **где все было в руках начальника Штаба,** можно с уверенностью сказать, что, — останься Государь в Ставке, ход событий от этого бы не изменился".[251]

Это очень ценное признание. Что же это значит? Государь Император, Верховный Главнокомандующий в своей Ставке был окружен убежденными изменниками, которые уже давно забыли о долге присяги и только ждали удобного случая, чтобы приступить к "решительным мерам".

Все же нужно сказать, что за сравнительно короткий срок своей работы в Ставке генерал Гурко, хоть и не приступил к "решительным мерам" в отношении Государя, совершил преступное деяние, осмелившись не выполнить повеления Государя. Протопопов в единственно сохранившемся документе за его подписью пишет:

"В половине февраля Царь с неудовольствием сообщил мне, что приказал генералу В.И. Гурко прислать в Петроград уланский полк и казаков, но Гурко не выслал указанных частей, а командировал другие, в том числе моряков гвардейского экипажа (моряки считались революционно настроенными)..."[252]

О том же пишет и Великий Князь Александр Михайлович:

"Каким-то странным и таинственным образом приказ об их отправке в Петербург был отменен. Гвардейская кавалерия и не думала покидать фронт. Я вспомнил о генералах-изменниках, которые окружали Государя..."[253]

После вступления в должность начальника Штаба Ставки Гурко заменил генерал-квартирмейстера Пустовойтенко генералом Лукомским, ближайшим сотрудником Поливанова и своим еще по "Военной ложе", который принял живейшее участие в отречении Государя. Вторым назначением было генерала Клембовского, который впоследствии ревностно работал у большевиков. Генерал Гурко все же оправдал надежды, на него возлагавшиеся.

За несколько дней до начала безпорядков в Петрограде в Ставку вернулся совсем больной, с повышенной температурой и болями в почках генерал Алексеев... Он начал готовиться к весеннему наступлению.

Глава XVI

МИССИЯ ХАТИСОВА. ИЗМЕНА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА. НАУМОВ И ЗАГОВОР. ИМПЕРАТРИЦА О ДЕЯТЕЛЯХ ДУМЫ И КОМИТЕТОВ.

В предыдущей главе мы видели, как генерал Алексеев, зная о заговоре, не сообщил о том Государю и тем нарушил долг присяги. Но не только он один нарушил присягу. Нарушил ее и дядя Государя Великий Князь Николай Николаевич.

"В декабре 1916 года в Москве должен был состояться съезд земских и городских деятелей для обсуждения общего положения в государстве. Полиция не допустила этого съезда.

Тогда председатель съезда князь Г.Е. Львов пригласил к себе вечером того же дня на секретное совещание по тому же вопросу нескольких наиболее видных деятелей, и в том числе А.И. Хатисова, состоявшего Тифлисским городским головой и председателем Кавказского отдела всероссийского Земского союза городов.

Обрисовав положение, создавшееся в России, Г.Е. Львов закончил речь заключением, что только выполнение дворцового переворота способно изменить положение. При этом хозяин дома указал, что Престол Всероссийский должен был бы перейти к Великому Князю Николаю Николаевичу. Приглашенные к Г. Львову лица, обсудив изложенный им проект, отнеслись к его осуществлению с сочувствием. В соответствии с этим А.И. Хатисову было поручено по возвращении в Тифлис ознакомить с сущностью этого проекта Великого Князя Николая Николаевича и выяснить, насколько можно рассчитывать в этом смысле на его сочувствие.

Вернувшись после своей поездки в Москву и Петроград обратно в Тифлис, А.И. Хатисов, принося Великому Князю Николаю Николаевичу свои новогодние поздравления по случаю начала 1917 года, не преминул испросить разрешение на особо секретную беседу по чрезвычайно важному и доверительному делу. Получив такое разрешение, Хатисов изложил Великому Князю картину внутреннего состояния России и проект, обсуждавшийся в Москве у князя Львова. Внимательно выслушав

этот проект и ознакомившись с характером той роли, которая отводилась в проекте ему самому, Великий Князь заявил, что, будучи застигнут врасплох, он лишен в данную минуту возможности дать окончательный ответ, почему и откладывает свое решение на некоторое время.

Через несколько дней, пригласив к себе вновь А. Хатисова, Великий Князь отклонил от себя сделанное ему предложение, указав, что, будучи прежде всего военным деятелем, он пришел к заключению, что солдаты, отражающие русский народ, не поймут сложных комбинаций, заставляющих пожертвовать Царем, и едва ли будут на стороне заговорщиков при задуманном низвержении с Престола Царя".[254]

Что поражает прежде всего в заявлении Николая Николаевича? Выражение "будучи прежде всего военным деятелем". О том, что прежде всего нужно быть верноподданным, не только не упоминается, но совершенно отметается, как что-то совершенно ненужное. Не говоря уже о долге присяги, Уголовное Уложение говорит:

"Лица, знающие о готовящемся злоумышлении и не сообщившие о том, являются соучастниками этого преступления".

Но вот и Царский министр, министр Земледелия А. Наумов посвящается в тайну заговора, о чем он сам и пишет:

«Вскоре после моего думского выступления 18-го февраля 1916 года, завершившегося шумными овациями со стороны народных представителей и вызвавшего в столичной прессе хвалебные по моему адресу отзывы, где меня именовали "министром общественного доверия", со мной пожелали свидеться и конфиденциально переговорить несколько человек, принадлежавших к заправилам Прогрессивного блока. В числе их находился мой земляк — самарский депутат, националист Владимир Николаевич Львов. Встреча состоялась в моем номере Европейской гостиницы и велась на ту тему, чтобы я согласился вступить в Прогрессивный блок. При этом мне было дано понять, что я принадлежу к разряду тех лиц, которые думским большинством намечены для занятия министерских должностей в будущем кабинете "общественного доверия". Помимо этого, в их словах, касавшихся общего положения вещей в стране, я несколько раз уловил недоговоренные намеки на предположенное ими грядущее обновление верховного правительственного аппарата.

Прежде чем дать им тот или другой ответ, я решил уточнить наш разговор и поставил им вопрос ребром, что означали

их подготовительные действия по подбору кабинета "общественного доверия", и как надо было понимать их намерение обновить верховную власть?..

— Скажите правду! — не без волнения обратился я к ним, — имеет ли в виду Прогрессивный блок учинить государственный переворот?..

...Ответ получился в том смысле, что они и их единомышленники действительно задались целью свергнуть с Престола "совершенно неспособного" для управления страной Николая II, и само собой отстранить вместе с ним "Александру Феодоровну со всем ее Распутинским окружением".

Надо сказать, что в переговоры со мной вступили лица, ранее принадлежавшие к лагерю стойких и убежденных монархистов. Поэтому я и спросил их, рассчитывают ли они после учиненного ими дворцового переворота сохранить для России монархический образ правления...

— Конечно, да! — послышался твердый их ответ.

Тогда я задал им дальнейший вопрос: кого же они наметили возвести на Царский Престол вместо свергнутого Николая II?

— Ну, знаете! — к немалому своему удивлению услышал я из уст заговорщиков, — это вопрос будущего! Главное же, что предстоит нам сделать в первую очередь — это очистить страну от безволия и распутиновщины!.. А там видно будет...

Помню, с какой горячностью я стал доказывать им всю безрассудность их образа мыслей и намерений уничтожить Верховный Государственный Стяг, имевший для страны огромное значение в смысле объединения обширной Российской Империи и всей многомиллионной боевой армии...

— Можно было бы вас понять, — с волнением обратился я к ним, — если бы вы, исторгнув этот стяг из одних рук, незамедлительно передали бы его в другие — лучшие, по вашему мнению, руки... Но, если у вас эти последние еще не подысканы и определенно не намечены — вы не имеете права посягать на целость и неприкосновенность лица, занимающего священный Российский Императорский Престол, да еще в столь тяжелый, переживаемый ныне нашей родиной момент!..

В конечном итоге я отказался вступить в Прогрессивный блок».[255]

А. Наумов тоже не сообщил о готовящемся заговоре, как повелевал ему долг присяги.

Во всех этих случаях мы видим, что и Алексеев, и Николай Николаевич, и Наумов не только не сообщают о заговоре,

что они обязаны были сделать, но не становятся участниками заговора по "техническим", так сказать, причинам. Алексеев – так как не шел на слишком радикальный характер заговора с возможностью цареубийства, предпочитая заговор "смягченного стиля" (заточение Государыни); Николай Николаевич – так как не был уверен в реакции на низложение Государя со стороны Армии и Наумов – так как заговорщики не назвали имени заместителя Государя на Престоле.

Но никто из них не понял или не хотел понять по каким-то причинам (может быть, потому, что кто-либо из них и весьма сочувствовал этим замыслам), что все эти заговорщики, будь они из Прогрессивного блока "Земгора" или какого-либо "комитета", являются государственными преступниками и все перечисленные выше организации являются организациями, созданными специально (помимо их показной деятельности) для выполнения преступного умысла – уничтожения существующего строя.

Все слухи о, якобы, каких-то "изменнических" действиях правительства, направлении политики Государыней, Распутиным и Вырубовой распространялись этими же предателями и преступниками, которыми руководили тайные организации и заинтересованные в развале России иностранцы. Причем все эти разлагатели делились на две неравные части – умных и сознательных врагов Исторической России и на одураченных и не "чрезвычайно умных", очень мягко выражаясь, русских людей. Ко второй категории, более многочисленной, относились представители нашего столичного "света" и, к сожалению, члены Императорской Фамилии. Ко второй же категории я отношу и всех тех обывателей, которые, ничего толком не зная, повторяли все те клеветнические измышления и злостные сплетни, которые так тщательно муссировали подлинные вдохновители наступающей катастрофы.

И как была права Императрица, когда она и умом, и сердцем поняла, что все эти люди, сидевшие и в Думе, и в комитетах, и в Совете Министров, и в Ставке, распускали самые нелепые слухи, нагло требуя от Государя, чтобы Он "внял" их советам, наставлениям, предостережениям и даже угрозам, и являются как раз теми предателями или по глупости науськанными предателями, которые вели Россию к гибели. И все равно, если бы не было ни Государыни, ни Распутина, ни Вырубовой, ни Штюрмера, ни Протопопова, они – эти предатели – нашли бы других лиц, другие измышления, другие выдуманные "опасно-сти". Потому что:

"Интернационал распорядился, чтобы европейская революция началась в России, и начнется, ибо нет у нас для нее надежного отпора ни в управлении, ни в обществе" (Достоевский).[256]

Это было сказано еще в 1876 году. И это подтверждает Н. Павлов в своей книге:

«Столыпин понимал, что через 25 лет поднятая сильная крестьянская Россия будет неузнаваема и непобедима. Это-то и учел заговор. Устранен был Столыпин и решена была война. Лишь война могла дать победу над Монархией. Война — неудачная и, во всяком случае, такая, чтобы мы не были в среде победителей. Расчет был безпроигрышный: в худшем случае падали Монархии побежденных сторон, и в лучшем — могли пасть все главнейшие... С воцарением Государя Николая II все поняли его миролюбие и доверчивость. Решено было начать: "теперь или никогда", и началась осада; избегали покушений на Него и оберегали его как жертву будущего. Мог ли Он знать, что заговор предусмотрел все?.. Политика Витте, война с Японией, 1905 год — революция... свободы, собрание сил заговора. Славянский и еврейский вопрос. Партии. Мировая война... соучастие в революции Германии и Англии; организация Ленина и прочее...

Все шло по плану — гениально простому и безошибочному...

Государь наш гением не был и такого плана предусмотреть не мог...

Но страшно то, что кругом Него не оказалось никого, кто бы предупредил его, зная о заговорах...»[257]

Глава XVII

ПРОТОПОПОВ. РЕЧЬ МИЛЮКОВА 1-ГО НОЯБРЯ 1916 ГОДА. СИГНАЛ К ШТУРМУ ВЛАСТИ. ПУРИШКЕВИЧ. ЕГО РЕЧЬ. ПОСЛЕДСТВИЯ ЭТОЙ РЕЧИ. КИРИЛЛ ВЛАДИМИРОВИЧ. ПАМФЛЕТЫ.

В настоящей главе будет рассмотрен интересный вопрос о роли Протопопова в событиях, непосредственно предшествовавших революции.

Александр Дмитриевич Протопопов, симбирский помещик и промышленник, принадлежавший к партии октябристов, член Думы, был выбран товарищем председателя Государственной Думы четвертого созыва.

До своей заграничной поездки весной 1916 года в качестве председателя парламентской делегации он был мало известен в политических кругах. На обратном пути в Стокгольме на частной квартире одного шведского деятеля он встретился с советником германского посольства Варбургом. Свидание это состоялось по просьбе немецкого дипломата. Беседа эта происходила не наедине, а в присутствии нескольких членов делегации. Варбург высказал весьма неопределенно пожелание, чтобы Россия и Германия могли бы подумать о мире.

Протопопов на это никак не реагировал и по приезде в Россию сейчас же сделал доклады и Сазонову, и думским кругам. Затем он был приглашен в Ставку, где сделал доклад Государю. Протопопов произвел хорошее впечатление на Государя, а сам Протопопов был "обворожен", по его же словам, Государем. Надо сказать, что еще раньше, когда Родзянко приезжал в Ставку, он не раз предлагал Государю уволить Министра торговли и промышленности князя В. Шаховского и на его место назначить Протопопова. Протопопов, помимо того, что был Товарищем Председателя Государственной Думы, был членом Прогрессивного блока и членом Военно-промышленного комитета. То есть, с точки зрения и думских, и общественных кругов, человек совершенно "свой", лояльный в отношении той оппозиции, которая велась Думой и общественностью против правительственных кругов и, конечно, человек "прогрессивных" и "передовых" взглядов.

Когда в начале сентября А.А. Хвостов (не пресловутый А.Н. Хвостов – его племянник), бывший тогда Министром

Внутренних Дел, заявил о своем желании покинуть свой пост, Государь решил пригласить на этот пост Протопопова. Государем руководило желание, не меняя основных принципов своего политического направления, сделать известную уступку Думе и ввести в состав Совета Министров видного представителя Думы. Протопопов, как он говорил позже, думал предложить Государю несколько реформ: улучшение положения евреев, расширение прав земств и др.

Но Прогрессивный блок ставил себе совсем другие цели: переход власти в руки людей, зависящих не от Монарха, а от "общества", то есть от них самих. Поэтому назначение Государем члена блока на пост Министра Внутренних Дел (один из главнейших постов в Императорской России), рассматривался возглавлением блока не как жест дружественного характера, а как "измена" Протопопова блоку. Ведь в то время блок уже совсем обдуманно шел на государственный переворот и ждал только удобного к этому случая.

Родзянко, с присущей ему важностью и развязностью, заявляет в своих воспоминаниях:

«Каково же было мое удивление, когда я узнал, что Протопопов вызван **помимо меня** в Ставку... (Какая однако самоуверенность у этого господина, уже в эмиграции писавшего свои воспоминания и, казалось бы, имевшего возможность понять "смысл совершившегося", но куда там! — *В.К.*). Все это было мною определенно высказано господину Протопопову и предъявлено было официальное требование от предложенной ему кандидатуры решительно отказаться. Но Протопопов был непоколебим, и мы расстались врагами».[258]

И в несколько недель он был в глазах всей России превращен в ненормального, нечестного "германофила" и даже изменника.

Чрезвычайно интересно, как же это все эти "гениальные", "передовые", "прогрессивные" господа выбрали его в Товарищи Председателя Государственной Думы, члены блока, всяких комитетов и т.д.

Вырубова пишет:

«Редко кого Государь "не любил", но Он "не любил" Родзянку, который приехал в Ставку требовать удаления Протопопова, принял его холодно и не пригласил к завтраку, но зато Родзянку чествовали в штабе!.. Видела Государя вечером. Он выглядел бледным и за чаем почти не говорил. Прощаясь со мной, Он сказал:

7 Зак. 4013

— Родзянко ужасно меня измучил, я чувствую, что его доводы не верны.

Затем рассказал, что Родзянко уверял его, что Протопопов будто бы сумасшедший!..

— Вероятно, с тех пор, что я назначил его министром, — усмехнулся Государь. Выходя из двери вагона, он еще обернулся к нам, сказав:

— Все эти господа воображают, что помогают мне, а на самом деле только между собой грызутся; дали бы мне окончить войну...»[259]

Нет, Государю эти люди не дадут окончить войну. Они понимали, что с победой Императорской России все их планы рухнут навсегда, и потому вся их злоба в тот момент была направлена против своего же единомышленника, посмевшего ослушаться "их" и принять назначение его Государем Министром Внутренних Дел.

Но назначение Протопопова было крайне неудачным, он не оказался на высоте возложенной на него миссии. Без административного опыта он не был приспособлен к тем сложным задачам управления в такое трудное время. Как и все, что шло из Думы, было несерьезно, нетрудоспособно и легковесно. Таким же был и Министр Внутренних Дел А.А. Хвостов, тоже член Думы и человек, не сумевший вести себя так, как требовало достоинство министра Российской Империи. И как права была Государыня, когда Она писала Государю:

"Где у нас люди, я всегда себя спрашиваю и прямо не могу понять, как в такой огромной стране, за небольшим исключением, совсем нет подходящих людей?"[260]

Государыня во многом была права, и в своем письме от 14 декабря 1916 года Она писала о том, что впоследствии, уже в эмиграции, говорили многие:

"Будь Петром Великим, Иваном Грозным, Императором Павлом, сокруши всех... Я бы повесила Трепова за его дурные советы... Распусти Думу сейчас же... Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь... Милюкова, Гучкова и Поливанова — тоже в Сибирь. Теперь **война** и в такое время **внутренняя война** есть высшая **измена**. Отчего ты не смотришь на это дело так, я, право, не могу понять".[261]

В стране же появилась усталость от войны. Упадочные настроения все больше распространялись по всей России. Циммервальдское воззвание распространялось успешно в рабочей,

студенческой и полуинтеллигентской среде. Это настроение охватывало и левые фракции Думы — трудовиков и социал-демократов и, конечно, рабочую секцию Военно-промышленного комитета. Пораженческие настроения имели успех. Но все русское общество, науськиваемое Прогрессивным блоком, винило во всем власть. Деятели Прогрессивного блока, участвовавшие во всяких особых совещаниях, конечно, знали, как много было сделано властью для достижения победы. И зная все это, они продолжали утверждать, что власть "никуда не годится".

П. Милюков как лидер Прогрессивного блока, усиленно готовился к "штурму власти". Еще раньше его соратником по партии и Блоку В. Маклаковым была напечатана статья в газете, которая называлась "Безумный шофер" и в которой проводилась мысль, что шофер, не умеющий править машиной, должен быть удален силой, если он сам не хочет уступить место "опытному вожатому". Все это, конечно, с радостью читалось повсюду, так как все понимали, о ком пишет Маклаков.

Но к открытию Думы 1 ноября 1916 года после перерыва занятий блок в лице своего лидера Милюкова готовил свою речь, в которой он открыто, нагло и цинично осмелился обвинить в измене Ее Величество Государыню Императрицу.

Свою "историческую" (так ее назвал английский посол Бьюкенен) речь Милюков начал так:

"Ядовитая сила подозрения уже дает обильные плоды. Из края земли русской расползаются темные слухи о предательстве и измене. Слухи эти забираются высоко и никого не щадят. Увы, господа, эти предупреждения, как и все другие, не были приняты во внимание. В результате в заявлении 28 председателей губернских управ, собравшихся в Москве 25 октября этого года, вы имеете следующие указания:

"Мучительное, страшное подозрение, зловещие слухи о предательстве и измене, о темных силах, борющихся в пользу Германии и стремящихся путем разрушения народного единства и сильной розни подготовить почву для позорного мира, перешли ныне в ясное сознание, что враждебная рука тайно влияет на направление хода наших государственных дел. Естественно, что на этой почве возникают слухи о признании в правительственных кругах безцельности дальнейшей борьбы, своевременности окончания войны и необходимости заключения сепаратного мира".

Далее Милюков патетически восклицает:

"...Как вы будете опровергать возможность подобных подозрений, когда кучка темных личностей руководит, в личных и низменных интересах, важнейшими государственными делами".

Назвав затем имена Штюрмера (тогда Председателя Совета Министров), Распутина, князя Андронникова, Митрополита Питирима, Манасевича-Мануйлова, Милюков процитировал австрийскую газету "Neue Freie Presse",* в которой говорилось о "победе придворной партии, которая группируется вокруг молодой Царицы".

Все эти имена Милюков называл из статей немецких и австрийских газет, как "Berliner Tageblatt", "Der Bund" и других. Помимо этого Милюков привел какие-то газетные слухи о каких-то дамах, проживавших в Швейцарии и которые, якобы, были теми лицами, которые близки к "германофильским" кругам русского правительства. Милюков важно вещал:

"Пропасть между думским большинством и властью стала непроходимой. Мы потеряли веру в то, что эта власть может нас привести к победе".

В своей речи Милюков, передавая все эти сплетни и клеветнические измышления под видом "раскрытия тайн первостепенного значения", часто повторял вопрос: что это — глупость или измена? И в конце заявил:

"Как будет трудно объяснить все только глупостью".

Мельгунов, подробно анализируя эту речь Милюкова, говорит:

«В действительности "историческая" речь со стороны конкретного материала, легшего в той части, что касается "измены", **абсолютно не выдерживает критики.** Милюков считал себя вправе бросать тяжелые обвинения на основании более чем зыбком, что и побуждало эти обвинения на крайне правом фланге Думы рассматривать, как инсинуацию и клевету. Милюков заявил, что он "не чувствителен к выражениям Замысловского ("Клеветник!" — *В.К.*)».[262]

Но несмотря на то, что речь Милюкова была явно демагогической, лживой и недостойной настоящего общественного деятеля, на что претендовал этот оратор, она нашла шумное одобрение в "передовых" и "прогрессивных" кругах, в великосветских салонах и у членов Императорской Фамилии. И только член Думы Марков 2-й имел мужество тут же в Думе спросить Милюкова:

— А ваша речь — глупость или измена?

---

* "Neue Freie Presse" (*нем.*) – "Новая свободная пресса" (*ред.*).

На что Милюков с самомнением ответил:

– Моя речь есть заслуга перед родиной, которой вы не сделаете.

Опять-таки Мельгунов в своей "Легенде о сепаратном мире" говорит о речи Милюкова:

«Обличительная демагогия — иначе назвать речь Милюкова нельзя — всегда имеет и свои отрицательные стороны. Гнусное слово "измена", брошенное без учета отзвука в России и за границей, могло способствовать лишь тому, что ров между верховной властью и общественной оппозицией, действительно, стал непроходим».[263]

После этой речи Штюрмер в своем докладе Государю 3 ноября заявил, что им возбуждено преследование по суду за клевету. В свое время Милюков уклонился от дачи по существу объяснений 1-го департамента Сената по этому делу, указав, что готов представить все доказательства в следственную комиссию, если она будет "наряжена над действиями министра".

Наступившая вскоре революция все это дело, конечно, прекратила. Ни Государь, ни Государыня никак не реагировали на "историческую" речь Милюкова. Было ли это ошибкой? Трудно сказать. В случае какой-либо реакции пришлось бы прибегнуть к очень решительным мерам, вплоть до крайних, что в виду войны Государь не считал возможным сделать. Их Величества считали себя выше всех клеветнических выпадов антигосударственных элементов России.

Вслед за выступлением Милюкова выступил в Думе 3 ноября Шульгин. В своей речи Шульгин вторил своему лидеру по блоку, заявляя:

"Ужас в том, что Председатель Совета Министров сюда не придет, объяснений не даст, обвинений не опровергнет, а устраивает судебную кляузу с членом Государственной Думы Милюковым".

И эта речь, конечно, имела успех. Родзянко говорит:

"В историческом заседании 1-го ноября 1916 года все было гласно и громко сказано. Как бы ни относиться к речам, произнесенным тогда с кафедры Государственной Думы, можно увидеть в них только боль за судьбу России".[264]

Но 19-го ноября 1916 года в Государственной Думе была произнесена еще одна речь. Произнес ее член Государственной Думы В.М. Пуришкевич. Перед речью в своем дневнике он пишет:

"В течение двух с половиной лет войны я был политическим мертвецом: я молчал, и в дни случайных наездов в Петроград, посещая Государственную Думу, сидел на заседаниях ее простым зрителем.

Я позволил себе нарушить мой обет молчания и нарушил его не для политической борьбы, не для сведения счетов с партиями других убеждений, а только для того, чтобы дать возможность докатиться к подножию трона тем думам русских народных масс и той горечи, обиде великого русского фронта, которые накопляются и растут с каждым днем на всем протяжении России, не видящей исхода из положения, в которое ее поставили царские министры, обратившиеся в марионеток, нити от коих прочно забрали в свои руки Григорий Распутин и Императрица Александра Феодоровна, этот злой гений России и Царя, оставшаяся немкой на Русском Престоле и чуждая стране и народу, которые должны были стать для нее предметом забот, любви и попечения".

"...Я с чувством глубочайшей горечи наблюдал день ото дня упадок авторитета и обаяния Царского имени в войсковых частях и, увы! не только среди офицерской, но и в толще солдатской среды — и причина тому одна — Григорий Распутин".

В своей речи Пуришкевич сказал:

"Зло идет от тех темных сил, от тех влияний, которые двигают на места тех или других лиц, которые не способны и не могут их занимать.

Ночи последние не могу спать, даю вам честное слово. Лежу с открытыми глазами, и мне представляется целый ряд телеграмм, сведений, записок, то к одному, то к другому министру, чаще всего к Протопопову".

"Я позволю сейчас обратиться помимо Думы, я обращаюсь к Совету Министров. Если у министров долг выше карьеры, то идите к Царю и скажите, что дальше так быть нельзя. Это не бойкот власти, это долг ваш перед Государем".[265]

После этой речи к Пуришкевичу звонили целые дни, поздравляя его с правдивой речью, заезжали члены Государственной Думы, Государственного Совета, дамы-патронессы и общественные деятели. Но вот 26 ноября Пуришкевичу позвонили из дворца Великого Князя Кирилла Владимировича.

"Передали, что Его Высочество просит меня заехать к нему сегодня по важному делу около 2-х часов.

Я ответил, что буду, и решил поехать, хотя Великий Князь Кирилл Владимирович и оба милые его братья всегда внушали мне чувство глубочайшего отвращения, вместе с их матерью Великой Княгиней Марией Павловной, имени коей я не мог слышать хладнокровно на фронте в течение всего моего пребывания там с первых дней войны.

Они не оставили мысли о том, что Корона России когда-нибудь может перейти к их линии, и не забыть мне рассказа Ивана Григорьевича Щегловитого о том, как в бытность его Министром Юстиции к нему однажды разлетелся Великий Князь Борис Владимирович с целью выяснения вопроса: имеют ли по законам Российской Империи право на престолонаследие они, Владимировичи, а если не имеют, то почему.

Щегловитов, ставший после этого разговора с Великим Князем Борисом Владимировичем предметом их самой жестокой ненависти и получивший от них кличку Ваньки Каина, разъяснил Великому Князю, что прав у них на престолонаследие нет вследствие того, что Великая Княгиня Мария Павловна, мать их, осталась и после брака своего лютеранкой. Борис уехал, но через некоторое время представил в распоряжение Щегловитова документ, из коего явствовало, что Великая Княгиня Мария Павловна из лютеранки уже обратилась в православную...

В два часа дня я входил в подъезд дворца Великого Князя Кирилла Владимировича на улице Глинки и через несколько минут был им принят. Официальным мотивом приглашения меня, как я понял из первых слов его разговора, было желание его жены Виктории Феодоровны, милейшей и умнейшей женщины, родной сестры румынской королевы Марии, дать мне несколько поручений к румынской королеве, в виду отъезда моего с санитарным поездом на Румынский фронт через Яссы; но, в сущности, это было лишь претекстом для нашего свидания со стороны Великого Князя, а хотелось ему, видимо, другого: он желал, по-видимому, освещения с моей стороны настроения тех общественных групп, в которых я вращаюсь, а попутно ему хотелось раскусить, отношусь ли я лично отрицательно лишь к правительству Императора, или же оппозиционность моя подымается выше.

По-видимому, мое направление его не удовлетворило: он понял, что со мной рассуждать и осуждать Государя не приходится, и очень быстро прекратил этот разговор, который сам начал в этой области.

Выходя из дворца Великого Князя, я под впечатлением нашего с ним разговора вынес твердое убеждение, что он вместе с Гучковым и Родзянко затевает что-то недопустимое, с моей точки зрения, в отношении Государя, но что именно — я так и не мог себе уяснить".[266]

Речь Пуришкевича в Думе производит, конечно, впечатление тягостное. Человек явно неуравновешенный, он говорит о

вещах, ему лично совершенно незнакомых. Все только по слухам, только по той злой обывательски-глупой клевете, которая шла из дома в дом со всякими прибавлениями и преувеличениями. Но в дневнике Пуришкевича есть и явная клевета, и заведомая ложь.

"Полгода тому назад сестра моя, работавшая в складе Императрицы в Зимнем Дворце и отказавшаяся от работы только после того, как разговорным языком там стал почти исключительно немецкий, посоветовала мне обратиться к заведующей складом княгине Оболенской".[267]

Это уже не только ложь, но глупая ложь, так как известно, как Государыня ненавидела Вильгельма, по-немецки никогда не говорила, говоря только по-русски и английски (редко по-французски) и, в особенности, во время войны немецкий язык был совершенно "изгнан" из обихода Царской Семьи. Затем обвинение Вырубовой:

"В силе лишь тот, кому покровительствует этот гад (Распутин) и, само собой разумеется, первое место поэтому при Дворе занимают Мессалина Анна Вырубова и проходимец-аферист дворцовый комендант Воейков".[268]

При Временном Правительстве А. Вырубова была заключена в Петропавловскую крепость, где подвергалась глумлениям и мучениям со стороны разнузданной и хамской солдатни и персонала. Там она была несколько раз освидетельствована и тщательно медицинским образом осмотрена, и оказалось, к большому конфузу всех этих людей, что Вырубова была девственницей. Выйдя замуж за Вырубова, она оказалась женой больного человека, который после ранения не был вполне нормальным человеком, вследствие чего брак был очень скоро расторгнут. Это по поводу "Мессалины" Пуришкевича.

Что же касается Воейкова (о котором мы будем говорить еще очень много), то скажу наперед, что этот "распутинец", как его называли очень многие, и "человек, державший в руках Государя", на самом деле яростно ненавидел Распутина, который платил ему тем же, в последнее время был в немилости у Государыни, играл совершенно незначительную роль при Государе, который с ним **никогда** на политические темы не говорил, но был действительно предан Государю, и этого было достаточно, чтобы его обвиняли во всех смертных грехах.

Пользуясь случаем, скажу, что здесь в эмиграции очень многие пишут всевозможные "письма в редакцию", статьи и заметки, в которых пишут о вещах им очень мало знакомых, со

слов кого-либо или прочтя две-три книги. И затем делают выводы, явно расходящиеся с истиной. Впрочем, еще наш классик сказал, что русские люди нелюбопытные и ознакомиться с чем-либо, как следует, не интересуются. "Сойдет и так".

Истерическая речь Пуришкевича (тоже "монархиста", как и Шульгин) вызывает, конечно, одобрение у Родзянко.

"Мне кажется, что эта речь, яркая и образная, служит лучшим подтверждением того настроения, которое обуяло всех граждан Российского Государства в этот ужасающий по своему трагизму час".[269]

Пуришкевич, помимо своих речей и злостных сплетен, которые он развозил по фронтам со своим санитарным поездом, известен еще и тем, что составлял дешевого стиля балаганные памфлеты (Ну совсем, как перед "великой" французской революцией). Вот образцы этого "творчества".

От безпрерывной "Штюрмерии"
Сейчас нельзя ни встать ни сесть
Пускай нет многого в России
Зато министров всех – не счесть!

Или следующий:

У премьера Трепова
В клетке золоченой
Есть для блока левого
Попугай ученый.
Кто про что беседует,
Кто кого пугает –
Про то Попка ведает
Про то Попка знает.

Пуришкевич, вскоре после своей речи, сразу сделавшей его популярным, встретился с князем Феликсом Юсуповым, и тот предложил ему принять участие в убийстве Распутина. Пуришкевич немедленно согласился.

Глава XVIII

ЮСУПОВ. СВЯЗЬ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ С РОДЗЯНКО. ДМИТРИЙ ПАВЛОВИЧ. УБИЙСТВО РАСПУТИНА. ПОВЕДЕНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛИИ ПОСЛЕ УБИЙСТВА РАСПУТИНА. БЬЮКЕНЕН.

Юсупов выпустил свои воспоминания "Конец Распутина" в 1927 году. Но прежде, чем приступить к описанию этого гнуснейшего преступления, я хотел бы несколько слов сказать о самом князе Феликсе Юсупове.

Его полное имя и титулы были – князь Юсупов, граф Сумароков-Эльстон. Женат князь Юсупов был на племяннице Государя – Княжне Ирине Александровне, дочери Великой Княгини Ксении Александровны и Великого Князя Александра Михайловича. Кончивший курс в одном из известных английских университетов, к описываемому моменту князь Юсупов проходил ускоренный курс Пажеского Корпуса, но жил у себя дома, и к нему приходил, как он сам пишет, "полковник Фогель, чтобы объяснять военные науки" для сдачи экзаменов в Корпусе.

Юсупов играл хорошо на гитаре, пел с "настроением" цыганские романсы, прекрасно играл в теннис и был тем, что теперь называется "play-boy".* Чрезвычайно богатый, знатный (все по женской линии), родственник Государя (вернее свойственник), очень привлекательной внешности, он и Княжна Ирина Александровна считались самой красивой парой в высшем свете Петербурга.

Юсупов эффектно начинает свои воспоминания:

«Когда Распутин черной тенью стоял около Престола, негодовала вся Россия. Лучшие представители высшего духовенства поднимали свой голос на защиту Церкви и Родины от посягательств этого преступного проходимца. Об удалении Распутина умоляли Государя и Императрицу лица, наиболее близкие к Царской Семье.

Теперь у многих взгляд на вещи настолько изменился, что убийство Распутина называют "первым выстрелом революции", толчком и сигналом к перевороту... Но можно показать, назвав лишь несколько лиц, открыто выступивших в этой борьбе, например, председателя Государственной Думы М.В. Родзянко.

---

* Play-boy (*англ.*) – здесь: повеса, богатый бездельник (*ред.*).

Повернется ли язык назвать этого человека изменником и врагом Родины?»[270]

Не только повернется, но без указания на это многое, что произошло в феврале 1917 года, было бы совершенно непонятным. Кстати, на измену Родзянко указывали уже многие, писавшие о февральской революции, в частности И. Якобий ("Император Николай II и революция") и И. Солоневич ("Великая фальшивка февраля"). Можно, конечно, как я уже писал раньше, говорить о "роковом обстоятельстве", о "несчастном совпадении", "фатальном случае", "исторической необходимости" и т.д., но факт остается фактом — к февральскому бунту, который только позже перешел в революцию, привела измена. Не только, конечно, Родзянко. Он был, как пишет И. Солоневич, "самый массивный, самый громогласный и, по-видимому, самый глупый из участников заговора".

Задавая патетически вопрос — повернется ли язык назвать Родзянко изменником, Юсупов тут же говорит о Государственной Думе:

"Русская интеллигенция того времени, руководившая общественным мнением страны при помощи прессы и Государственной Думы, не склонна была считаться с практическими фактами; для нее ее отвлеченная политическая идеология была выше всего. Она считала своим долгом, прежде всего, бороться с началами Самодержавия и усиленно подчеркивать в глазах народа все его отрицательные стороны".[271]

В этой выдержке интересна обмолвка Юсупова о "помощи Государственной Думы" в руководстве интеллигенцией общественного мнения. Только терминологию нужно немного изменить. Государственная Дума не помогала, а руководила общественным мнением. В Думе происходило открытое глумление над правительством. А для значительной части интеллигенции слова — нация, государство, вера, история — были пустые звуки, а Монархия — ненавистна до скрежета зубов. Родзянко же был председателем этой Думы. Камергер, он пошел за явными предателями Гучковым и Милюковым и старался вовсю раскачивать вековые устои русской государственности, не понимая, что после этой раскачки может произойти только катастрофический обвал, который и нужен был заговору.

А Государыня, Распутин, Питирим, Протопопов и все, которые склонялись и спрягались повсюду, легко были бы заменены другими лицами.

Все упиралось в Государя Императора и те начала Самодержавной Монархии, которые Он защищал со дня вступления

на прародительский Престол. В первой половине его Царствования не было ни влияния Государыни, ни Распутина, ни Штюрмера, ни Вырубовой, а атака на Самодержавие шла полным ходом, с убийствами министров, забастовками, демонстрациями и покушениями. А главное — это клевета и ложь.

Государь Император Николай II, не будучи ни гением, ни крупной личностью, но подлинным Хозяином Земли Русской, доводит Российскую Империю до небывалого расцвета во всех областях государственного управления, а его глава Русского правительства, П.А. Столыпин, подлинный государственный человек и настоящий барин, презиравший смерть — оба были ненавистны Западу с его торгашеским и безбожным мировоззрением. Столыпин был убран, и послушные своему центру "где-то", русские заговорщики с каким-то сладострастным упоением начали во время войны, навязанной России, "штурм власти".

Кадеты, которых называли элитой русских интеллектуальных кругов, пошли на сговор с левыми марксистскими кругами, идеологией которых было не только уничтожение Самодержавия, но социальная революция с уничтожением всех принципов государственности и провозглашением "безбожного муравейника". И когда это произошло, то всех этих умных и гениальных гучковых и милюковых уже через два месяца погнали вон, несмотря на все их "заслуги" в деле сокрушения Монархии, а Родзянко, который во всем этом играл роль "слона на побегушках" (выражение И. Солоневича), выгнали сразу после переворота, так сказать, не дав передохнуть.

Не понимали все эти профессора, "неторгующие купцы", камергеры, "сановники" и бюрократы, что в нашей государственности была заложена религиозная идея, и что только эта идея и может быть основой России.

Еще Достоевский сказал:

"Вы скажете: в "общественных учреждениях" и в сане "гражданина" может заключаться величайшая нравственная идея, что "гражданская идея" в нациях уже зрелых, развившихся всегда заменяет первоначальную идею религиозную, которая в нее и вырождается и которой она по праву наследует. Да, так многие утверждают, но мы такой фантазии еще не видали в осуществлении. Когда изживалась нравственно-религиозная идея в национальности, то всегда наступала панически-трусливая потребность единения с единственною целью "спасти животишки"; других целей гражданского единения тогда не бывает. Но "спасение животишек" есть самая безсильная и последняя идея

из всех идей, единящих человечество. Это уже начало конца, предчувствие конца".

И затем дальше:

"Да, она накануне падения, ваша Европа, повсеместного, общего и ужасного. Муравейник, давно уже созидавшийся в ней, без Церкви и без Христа (ибо Церковь, замутив идеал свой, давно уже и повсеместно перевоплотилась там в Государство), с расшатанным до основания нравственным началом, утратившим все общее и все абсолютное, этот созидавшийся муравейник, говорю я, весь подкопан. Грядет четвертое сословие, стучится и ломится в дверь и, если ему не отворят, сломает дверь. Не хочет оно прежних идеалов, отвергает всяк доселе бывший закон. На компромисс, на уступочки не пойдет, подпорочками не спасете здания. Уступочки только разжигают, а оно хочет всего. Наступит нечто такое, чего никто и не мыслит. Все эти парламентаризмы, все исповедываемые теперь гражданские теории, все это рухнет в один миг и бесследно. Все это "близко, при дверях". Вы смеетесь? Блаженны смеющиеся. Дай Бог вам веку, сами увидите. Удивитесь тогда".

Так говорил гениальный писатель, пророк Земли Русской. Но ничего этого не слышали и не видели наши "благородные" деятели, про которых ничего худого сказать нельзя. Язык, видите ли, не повернется!

А дальше Юсупов пишет как будто хорошо:

"Лишь те, которые имели доступ в Царское Село, встречались с Монархом, необычайно обаятельным, чарующим ласковой простотой своего обращения, горячо любящим Россию. Умный, чуткий, но в высшей степени мягкий по натуре, Он незаметно привыкал в некоторых случаях подчинять свою волю настойчиво-властному характеру Государыни. Она стала его единственным другом, так заполнившим его жизнь, что влиянию других близких лиц уже не оставалось места".[272]

О Распутине Юсупов пишет тоже вначале вполне разумно:

"В Царском Селе он являлся под личиной праведника, посвятившего себя Богу; в светских гостиных, среди своих поклонниц, стеснялся уже гораздо меньше и, наконец, у себя дома или в отдельном кабинете ресторана, в интимной компании своих сообщников, давал полную волю своему пьяному и развратному разгулу. Когда Распутин приобрел влияние в политических сферах, его окружили еще более тесным кольцом. Распутин пользовался популярностью только в определенных кругах своих по-

клонниц и тех лиц из правящих кругов, которые нуждались в его поддержке".[273]

Дальше пишет Юсупов, что у него появилась навязчивая идея "удалить" Распутина, т.е. попросту его убить. С этой целью он знакомится с ним, входит к нему в доверие, и тут в своих воспоминаниях Юсупов пишет вещи, которые по своей фантастичности не вызывают к себе доверия. Правда, все разговоры Юсупова с Распутиным происходили с глазу на глаз, так что нет возможности их проверить. Но зная неуравновешенный характер Юсупова (это все сказалось в его поведении во время убийства и, в особенности, после) и, очевидно, желание его в своих воспоминаниях как-то "возвысить" в глазах читателей все это омерзительное по своим подробностям убийство, все разговоры эти кажутся мало похожими на правду. Распутин, будто, говорил Юсупову:

"Я с Ними (Государем и Государыней — *В.К.*) по-просту: коли не по-моему делают, сейчас стукну кулаком по столу, встану и уйду, а Они за мной вдогонку бегут, упрашивать начнут: "Останься, Григорий Ефимович. Что прикажешь — все сделаем, только уж не покидай ты нас".

"Я-то заболтался и позабыл, что дожидают меня там. Ну ничего, не впервой им. Иной раз звонят, звонят по телефону, посылают за мной, а я нейду"...

"И вас все министры слушают?" — "Все! — воскликнул Распутин. Все... Ведь мной они поставлены, как же им меня-то не слушаться? Знают, что, коли пойдут против меня, не сдобровать им".

И еще дальше:

"Когда с этим делом покончим (войной), на радостях и объявим Александру с малолетним сыном, а Самого-то на отдых в Ливадию отправим..."[274]

Все эти воспоминания Юсупова и приводимые "интимные" разговоры вызывают какое-то брезгливое чувство. Надо сказать, что и Хвостов, который "вел дружбу" с Распутиным, желая его убить, и Трепов (назначенный после отставки Штюрмера Председателем Совета Министров), пославший своего шурина генерала Мосолова (начальника канцелярии Министра Двора) к Распутину, чтобы его подкупить, и Юсупов, который с Распутиным встречался, подготовляя его убийство, конечно, не могут вызвать к себе ни одобрения их поведения, ни чувства уважения. Так люди с ясными представлениями о моральных ценностях не поступают.

В убийстве Распутина согласился принять участие и Великий Князь Дмитрий Павлович, который по своим склонностям и образу жизни был очень похож на Юсупова. То есть такой же play-boy. И вот, по рассказам того же Юсупова, Великий Князь Дмитрий Павлович, который в Ставке был прикомандированным (фактически без всяких занятий), сообщал ему вещи, которые уже совсем не соответствовали действительности. Привожу их в изложении Юсупова:

"Великий Князь Дмитрий Павлович мне сказал, что в Ставке долго не останется, так как его там не любят и боятся его влияния; Воейков прилагает все усилия, чтобы отделаться от его присутствия около Государя, которого он совершенно забрал в свои руки".

Дальше еще лучше:

"По мнению Великого Князя Дмитрия Павловича Государя спаивают каким-нибудь снадобьем, которое притупляюще действует на его умственные и волевые способности".

"Лечение Распутиным Государя и Наследника различными травами, конечно, производилось при помощи Бадмаева".[275]

Из этих коротких выдержек видно, если только эти сообщения не являлись плодом фантазии Юсупова, что члены Династии распространяли такие же клеветнические измышления, как и все эти "прогрессивные и передовые" господа. Цепь, таким образом, замыкалась.

Заманив Распутина в специально устроенную для этой цели квартиру, Юсупов угощал его отравленными пирожными, которые на того не подействовали. Между прочим, вскрытие показало, что яда в организме Распутина не было. И тут Юсупов решил убить Распутина из револьвера.

"Распутин по-прежнему стоял передо мной, не шелохнувшись, со склонившейся направо головой и глазами, устремленными на Распятие.

— Куда выстрелить, — мелькнуло у меня в голове: — в висок или в сердце. Точно молния пробежала по всему моему телу. Я выстрелил. Распутин заревел диким, звериным голосом и грузно повалился навзничь, на медвежью шкуру".[276]

Затем, когда смертельно раненный Распутин пытался бежать через двор, во дворе его двумя выстрелами добил Пуришкевич. Труп внесли в помещение.

И тут Юсупов:

"Ринулся на труп и начал избивать его резиновой палкой... В бешенстве и остервенении я бил куда попало... Тщетно пыта-

лись остановить меня. Когда это, наконец, удалось, я потерял сознание".[277]

Что это все такое? Разве люди с нормальным чувством своего достоинства, с известными принципами и неповрежденным нравственным сознанием могут себе позволить все эти нелепые и лживые россказни о Государе Императоре и Его Семье, убивать людей, заманивая их в западню, и затем описывать все эти гнусные проявления садизма?

Самое печальное заключалось в том, как мы увидим вскоре, что почти вся Императорская Фамилия вела себя в отношении своего Государя (ведь они тоже должны быть верноподданными!) безобразно, подрывали престиж Монархии и... выносили себе "смертный приговор". Впрочем, удивляться нечему. И в прошлом все это имело место: Дядя Короля Франции Людовика XVI, герцог Орлеанский, во время революции назвавший себя Филиппом Эгалитэ, голосовал в Национальном Собрании за казнь своего царственного племянника... Это не спасло его от гильотины...

После того, как участники убийства Распутина (Юсупов, Дмитрий Павлович, Пуришкевич, Сухотин и Лазоверт) убедились в смерти Распутина, причем, по неуравновешенности Пуришкевича (как, впрочем, это было всегда), в это был посвящен городовой, они спустили труп Распутина в полынью, забыв прикрепить к нему гирю, которая была для этого приготовлена. После этого они отправились по домам. Но слухи об убийстве Распутина распространились очень быстро по всему Петрограду, причем указывались все имена участников.

На следующий день Юсупов отправился к градоначальнику генералу Балку и министру юстиции Макарову и убедил их в том, что он к исчезновению Распутина не имеет никакого отношения, и одураченный градоначальник отменил распоряжение об обыске в его квартире, а такой же одураченный министр отменил начатое было следствие.

После этого он так же хотел обмануть и Государыню, знавшую уже об исчезновении Распутина, и просил аудиенцию у Нее. Государыня, отказывая в его приеме, предложила сообщить письмом, что ему нужно. И тут Юсупов вместе с Дмитрием Павловичем стали сочинять письмо, полное извращения фактов и откровенной лжи. Я привожу некоторые выдержки из этого письма.

"Ваше Императорское Величество,

Спешу исполнить Ваше приказание и сообщить Вам все то, что произошло у меня вчера вечером, дабы пролить свет на то

ужасное обвинение, которое на меня возложено. По случаю новоселья ночью 16 декабря я устроил у себя ужин... Великий Князь Дмитрий Павлович тоже был. Около 12 часов ночи ко мне протелефонировал Григорий Ефимович, приглашая ехать с ним к цыганам. Я отказался... и спросил, откуда он звонит. Он ответил: "Слишком много хочешь знать" и повесил трубку... Попрощавшись с Великим Князем и двумя дамами, я пошел в свой кабинет. Вдруг мне показалось, что где-то раздался выстрел... Я позвал человека и пошел сам на двор и увидел одну из наших дворовых собак убитой у забора...

На другой день, т.е. сегодня утром, я узнал об исчезновении Григория Ефимовича, которое ставят в связь с моим вечером. Затем мне рассказали, что, как будто бы, видели меня у него ночью и что он со мной уехал. Это сущая ложь, так как весь вечер я и мои гости не покидали моего дома...

Я не нахожу слов, Ваше Величество, чтобы сказать Вам, как я потрясен всем случившимся и до какой степени мне кажутся дикими те обвинения, которые на меня возводятся...

Остаюсь глубоко преданный Вашему Величеству — Феликс".

Да, действительно, "преданность" была уж чересчур глубока. Можно только сказать, что у порядочного человека это письмо может вызвать только брезгливое и презрительное чувство.

Но Государыня была умнее министра и градоначальника и отдала приказание о невыезде Юсупова из Петрограда.

Поиски Распутина продолжались больше двух дней и, наконец, труп его нашли примерзшим к полынье.

Но еще раньше весь Петроград уже знал, что Распутин убит, и убили его Дмитрий Павлович, Юсупов и Пуришкевич. Газета "Биржевые Ведомости" открыто об этом писала.

Юсупов отправился к своему дяде М. Родзянко ("Дядя Миша"), и госпожа Родзянко со слезами благословила его, а сам Родзянко "своим громовым голосом обратился ко мне со словами одобрения".[278]

Дмитрий Павлович не отставал от своего друга Юсупова. В Яхт-Клубе появился Дмитрий Павлович, поразивший всех своей бледностью.

«После обеда Великий Князь отошел в сторону с графом Д.А. Олсуфьевым. Граф спросил, запачкал ли он свои руки в крови. "Честное слово, нет, не запачкал", — ответил Великий Князь».[279]

В Ставке же происходило следующее. Государь, который был все время в курсе происходившего в Петрограде благодаря телеграммам Государыни, был очень взволнован, так как ходили упорные слухи, что подготовляются покушения на Государыню и Вырубову.

"Вышедший через несколько минут от Государя камердинер на обращенные к нему вопросы махнул безнадежно рукой и прошептал, что Его Величество в ужасном расстройстве и ничего не хочет слышать. Разошлись по своим комнатам. Воейков, вызвавший в такой неурочный час своего начальника канцелярии, сказал только о том, что произошло. В свите сторонников Старца не было. С ним дружил только Н. Саблин. Но к убийству все отнеслись сдержанно и ожидали больших и серьезных последствий. Барон Штакельберг долго беседовал с Воейковым, а вернувшись к себе, еще дольше разговаривал о случившемся в генералом Дубенским, сын которого дружил с Великим Князем Дмитрием Павловичем, и отец, естественно, волновался за сына, не замешан ли. Он уже узнал, что офицерство в Ставке ликует. В столовой потребовали шампанского. Кричали ура".[280]

Неправда ли, как "глубоко предана" была Ставка своему Государю?

Протопопов, который вел розыски Распутина, и, не в пример министру юстиции Макарову, выказал много энергии, был вызван в Царское Село, куда приехал Государь, и из Управляющего Министерством был назначен Министром Внутренних Дел. Государь и Государыня поверили в его волевой характер и в его "железную руку в бархатной перчатке". Увы, это была роковая ошибка, так как Протопопов не обладал ни силой воли, ни столь нужным для него опытом. События приближались к своему роковому концу... Ожидание неизбежной катастрофы, нависшей над Царской Семьей, стало невыносимо тяжелым. И вот в эту тяжелую минуту для Нее, Императорская Фамилия воочию показала, чего она стоит.

Великая Княгиня Елизавета Федоровна послала две телеграммы (через несколько часов они были уже представлены Государю).

"Москва. 18 декабря 9 часов 38 минут. Великому князю Дмитрию Павловичу. Петроград.

Только что вернулась вчера поздно вечером, проведя неделю в Сарове и Дивееве, молясь за вас всех дорогих. Прошу дать мне письмом подробности событий. Да укрепит Бог Феликса после патриотического акта, им исполненного. Елла".

И вторая:

"Москва. 18 дек. 8.52 м. Княгине Юсуповой. Кореиз.

Все мои глубокие и горячие молитвы окружают вас всех за патриотический акт вашего дорогого сына. Да хранит вас Бог. Вернулась из Сарова и Дивеева, где провела в молитвах десять дней. Елизавета".

Монахиня, игуменья молится Богу и благословляет "патриотический акт", т.е. убийство! Сестра Государыни, не пожелавшая увидеться с Царской Семьей после революции...

Государю были представлены копии писем Юсуповой (матери) и жены Родзянко.

Первая писала сыну еще 25 ноября:

"...Теперь поздно, без скандала не обойтись, а тогда можно было все спасти, требуя удаления управляющего (т.е. Государя) на все время войны и невмешательства Валиде (т.е. Государыни) в государственные вопросы. И теперь я повторяю, что пока эти два вопроса не будут ликвидированы, ничего не выйдет мирным путем, скажи это дяде Мише от меня".

Вторая писала Юсуповой:

"...Все назначения, перемены, судьбы Думы, мирные переговоры — в руках сумасшедшей немки, Распутина, Вырубовой, Питирима и Протопопова".

После смерти Распутина Государь сказал:

"Мне стыдно перед Россией, что руки Моих родственников обагрены кровью этого мужика".

И вдовствующая Императрица Мария Феодоровна говорила:

"Слава Богу, Распутин убран с дороги. Но нас ожидают теперь еще большие несчастья..."

И сейчас же послала телеграмму Государю, прося не преследовать убийц.

В Петроград приехали Великие Князья Павел Александрович и Александр Михайлович, чтобы хлопотать за сына и зятя.

Александр Михайлович пишет:

"Я произнес защитительную, полную убеждения речь. Я просил Государя не смотреть на Феликса и Дмитрия Павловича как на обыкновенных убийц, а как на патриотов, пошедших по ложному пути и вдохновленных желанием спасти родину.

— Ты очень хорошо говоришь, — сказал Государь, помолчав, — но ведь ты согласишься с тем, что никто — будь он Великий Князь или же простой мужик — не имеет права убивать.

Он попал в точку. Никки, конечно, не обладал таким блестящим даром слова, как некоторые из его родственников, но в основах правосудия разбирался твердо".[281]

В общем "патриотов" не наказали совершенно. Дмитрию Павловичу было предписано отправиться на персидский фронт, в отряд генерала Баратова, а Юсупову в его имение в Курской Губернии. Пуришкевич пользовался "думской неприкосновенностью".

А 29 декабря во дворце Великой Княгини Марии Павловны (старшей) собрались члены Императорской Фамилии, которые решили помочь "несчастному" Дмитрию Павловичу и просить Государя "смягчить" его участь. Как будто офицер Императорской Армии (Дмитрий Павлович им был) не должен был быть на фронте, куда его отправил Государь!

Злорадство собравшихся членов Императорской Фамилии было безмерно. Государыню просто поносили и Государя резко критиковали. Собравшиеся решили свою просьбу облечь в письмо. Письмо подписали Ольга (Королева Греции), Мария (старшая), Кирилл, Виктория, Борис, Андрей, Павел, Мария (младшая), Елизавета (Маврикиевна), Иоанн, Елена, Гавриил, Константин, Игорь, Николай и Сергей Михайловичи.

На следующий день это коллективное письмо было прислано обратно Павлу Александровичу с резолюцией Государя:

"Никому не дано права заниматься убийством. Знаю, что совесть многим не дает покоя, т.к. не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне. Николай".[282]

Как хорошо знал Государь своих "милых" Родственников!

Отвратительней всех вел себя Великий Князь Николай Михайлович. Яхт-Клуб, где часто бывал он, был местом, где не в меру болтливый Великий Князь говорил о вещах, к которым внимательно прислушались иностранцы, в том числе Бьюкенен и Палеолог. Кончилось тем, что выведенный из терпения Государь повелел Николаю Михайловичу выехать в его имение Грушевку на два месяца. Узнав об этом, Мария Павловна (старшая) пригласила "опального" Николая Михайловича к себе на встречу Нового Года, затем на другой день ему "наносили" визиты сочувствующие родственники, после чего Николай Михайлович уехал к себе в деревню.

Вскоре Государь командировал Кирилла Владимировича на Мурман, его брата Бориса на Кавказ. В середине февраля Мария Павловна (старшая) тоже уехала из Петрограда. Перед

отъездом она заявила одному генералу, "что вернется, когда все кончится".

Спиридович говорит:

"Царская же Семья и Двор освещались английской разведкой полковника Самуэла Хоара и личными связями посла (Бьюкенена) и его семьи с петроградским высшим светом и, главным образом, с Великой Княгиней Викторией Федоровной, женой Великого Князя Кирилла Владимировича".[283]

Эти близкие отношения относились еще к тому времени, когда Бьюкенен был представителем английского правительства в Гессене, где Великим Герцогом был Эрнест Людвиг, брат Императрицы Александры Федоровны и первый муж Виктории Федоровны.

Джордж Бьюкенен, посол Англии, верил во все эти сплетни. Он бывал и в великокняжеских гостиных, и у возглавителей Прогрессивного блока. Дочь посла пишет в своих воспоминаниях:

«Вполне естественно, что правая часть русского общества смотрела с неудовольствием на дружбу моего отца с представителями "Прогрессивного блока"».[284]

Бьюкенен испросил аудиенцию у Государя, которая была назначена на 30 декабря.

Государь принял его строго официально, холодно и не попросил сесть. Когда посол стал говорить о "германских интригах" и "вредном влиянии Протопопова и необходимости "заслужить доверие народа", Государь ответил:

"...А не так ли обстоит дело, что Моему народу следовало бы заслужить мое доверие? Вы, очевидно, думаете, что я следую чьим-то советам, выбирая своих министров; вы совершенно неправы; я их выбираю сам, без посторонней помощи... До свидания, господин посол".[285]

Вырубова же пишет:

«Государь заявил мне, что Он знает из верного источника, что английский посол сэр Бьюкенен принимает деятельное участие в интригах против Их Величеств и что у него в посольстве чуть ли не заседания с Великими Князьями по этому случаю. Государь добавил, что Он намерен послать телеграмму королю Георгу с просьбой воспретить английскому послу вмешиваться во внутреннюю политику России, усматривая в этом желании Англии устроить у нас революцию и тем ослабить страну ко времени мирных переговоров. Просить же об отозвании Бьюкенена

Государь находил неудобным: "это слишком резко", как выразился Его Величество».[286]

Великий Князь Александр Михайлович говорит:

"Император Александр III выбросил бы такого дипломата за пределы России, даже не возвратив ему его верительных грамот".[287]

Глава XIX

РОДЗЯНКО И ЕГО АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. ГЕРЦОГ ЛЕЙХТЕНБЕРГСКИЙ. ПОДГОТОВКА ДУМЫ К ПЕРЕВОРОТУ. МАСОНЫ. ГЕНЕРАЛ КРЫМОВ. ПЛАНЫ ЗАГОВОРЩИКОВ. ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II И ЕГО ОТЕЦ.

В предыдущей главе было приведено мнение Государя и Великого Князя Александра Михайловича о Бьюкенене. Теперь мы приведем мнение о нем же Родзянко. Оно, конечно, так же разнится от мнения Государя, как и сам Родзянко. Он был полной противоположностью Государю.

"Считаю здесь необходимым, говоря о союзниках, решительно опровергнуть взводимое на почтенного английского посла сэра Бьюкенена обвинение, что он был душой переворота и революции и своей деятельностью воодушевлял и помогал революционным элементам России. Это совершенная неправда и клевета на глубоко всеми (не слишком ли много, г. Родзянко? — *В.К.*) уважаемого политического деятеля; также точно неправда и клевета уверение, что с английскими агентами члены Государственной Думы имели сношения и подготовляли революцию".[288]

Не надо удивляться этому заявлению. Позже мы увидим, как самые деятельные (как, впрочем, и более пассивные) участники нашей национальной катастрофы в своих воспоминаниях не только обеляют друг друга, но всячески "курят фимиам" своим сотоварищам, все беды при этом взваливая, конечно, на... Государя и Государыню.

Дальше еще лучше:

«При посещении Государственной Думы делегаты говорили:

"Французы горячо и искренно относятся к Государственной Думе и представительству русского народа, но не к Правительству. Вы заслуживаете лучшего Правительства, чем оно у вас существует".

Когда я задал одному из них вопрос, какое впечатление на него произвел Председатель Совета Министров, то он ответил буквально:

"Это народное бедствие".

На такой же вопрос о другом министре — военном — последовал ответ:

"Это катастрофа"».[289]

Когда читаешь эти строки, не знаешь, что думать об авторе этого "шедевра". Неужели у него не было совершенно чувства собственного достоинства, патриотизма, да просто порядочности, чтобы не спрашивать у иностранцев какие-то совершенно невозможные вещи? "Народным бедствием" был, конечно, сам Родзянко, "этот самый массивный, громогласный и, по-видимому, самый глупый участник заговора", как пишет о нем И. Солоневич.

Но помимо всяких разглагольствований "громогласного" Родзянко, мы сейчас увидим, как иногда разговаривали члены Императорской Фамилии. Пишет об этом о. Шавельский:

«Когда поезд тронулся, Герцог Сергей Георгиевич Лейхтенбергский (пасынок Николая Николаевича) вдруг спросил меня:

— Батюшка, что вы думаете об Императорской Фамилии?

Вопрос был слишком прямолинеен, остр и неожиданный, так что я смутился.

— ...Трудно мне ответить на ваш вопрос, — сказал я, с удивлением посмотрев на него.

— Я буду с вами откровенен, — продолжал герцог, — познакомитесь с ними — убедитесь, что я прав. Среди всей Фамилии только и есть честные, любящие Россию и Государя и верой служащие им — это дядя (Великий Князь Николай Николаевич) и его брат Петр Николаевич. А прочие... Владимировичи — шалопаи и кутилы; Михайловичи — стяжатели; Константиновичи — в большинстве какие-то несуразные. (Я сильно смягчаю фактические выражения герцога.) Все они обманывают Государя и прокучивают российское добро. Они не подозревают о той опасности, которая собирается над ними. Я, переодевшись, бываю на петербургских фабриках и заводах, забираюсь в толпу, беседую с рабочими, я знаю их настроение. Там ненависть все распространяется. Вспомните меня: недалеко время, когда так махнут эту шушеру (то есть Великих Князей), что многие из них и ног из России не унесут...»[290]

Любопытно, очевидно, герцог был не лестного мнения о своих родственниках.

Но о Герцоге есть еще в воспоминаниях Шавельского:

"В январе 1917 года этот же герцог явился к командовавшему запасным батальоном Лейб-гвардии Преображенского полка полковнику Павленко (в Петербурге) для конфиденциального разговора. Полковник Павленко пригласил, однако, своего помощника полковника Приклонского. Не стесняясь присутствием третьего лица, герцог задал полковнику Павленко вопрос:

— Как отнесутся чины его батальона к дворцовому перевороту?

— Что вы разумеете под дворцовым переворотом? — спросил его полковник Павленко.

— Ну... если на Царский Престол будет возведен вместо нынешнего Государя один из Великих Князей, — ответил герцог.

Полковник Павленко отказался продолжать разговор, а по уходе герцога он и Приклонский составили протокол, оставшийся, однако, без движения".[291]

Да, и "дядя Миша", и Великие Князья вели себя так, что удивляться тому, что мы потеряли нашу Родину, не приходится. Только неужели Великие Князья не понимали, что они сами держатся и многими почитаются не собственными заслугами и собственным весом, а тем, что они принадлежали к Семье Монарха? Они рубили сук, на котором сидели.

Интересно мнение одного из лидеров кадетской партии князя П.Д. Долгорукова. Он писал в своих тезисах:

"Если Государь не вступит на путь создания ответственного министерства, то перед нами, судя по последним настроениям Семьи Романовых, встает грозная опасность дворцового переворота. Между тем, дворцовый переворот не только не желателен, а скорее гибелен для России, так как среди Дома Романовых **нет ни одного** (выделено мною — *В.К.*), кто мог бы заменить Государя...".

Это понимал лидер оппозиционной партии. Этого не понимала Императорская Фамилия.

Между тем Государственная Дума приступила уже к выбору членов Правительства, которое должно было быть сформировано после задуманного переворота. Оно было намечено на заседании у князя Львова, в кабинете гостиницы "Франция". Председателем Правительства — князя Львова, Министром Иностранных Дел — Милюкова, Военным — Гучкова, Юстиции — Маклакова или Набокова, Земледелия — Шингарева, Торговли и Промышленности — Коновалова, Просвещения — Мануйлова.

Мельгунов пишет:

"...О Керенском тогда никто и не вспомнил".

Был и другой вариант: Председатель Правительства — Родзянко, Министр Внутренних Дел — Гучков, Иностранных Дел — Милюков, Финансов — Шингарев, Путей Сообщения — Некрасов, Земледелия — Кривошеин, Военный — Поливанов, Юстиции — Маклаков, Просвещения — Игнатьев, Торговли и

Промышленности — Коновалов. Второй список интересен тем, что в него включали трех бывших царских министров — Кривошеина, Игнатьева и Поливанова. Как мы видим, с некоторыми поправками эти списки соответствовали первому составу Временного Правительства.

По какому же признаку намечались все эти кандидаты в будущее Правительство, которое и было сформировано после удавшегося "бабьего" бунта (превращенного затем в революцию), столь усердно подготовлявшегося Прогрессивным блоком? На этот вопрос можно ответить с помощью книги Мельгунова "На путях к дворцовому перевороту".

В своей книге Мельгунов пишет:

"Трудность установления фактической канвы лежит не только в психологических основаниях. Вмешивается и другая таинственная сила, скрытая от взоров профанов — тайна русских масонов. Мы увидим несомненную связь между заговорщицкой деятельностью и русским масонством эпохи мировой войны. Но здесь, передо мной, табу уже по масонской линии. Современнику очень щекотливо раскрывать чужие тайны. Постараюсь быть осторожным в этом отношении".[292]

Вы замечаете,. как уверенный всегда в себе Мельгунов усердно делает реверанс в определенную сторону? А уж кому, как не Мельгунову, знать об этом! Будем же и мы "осторожны" в "щекотливом" вопросе.

Буду ссылаться, конечно, на Мельгунова.

«На первый взгляд отдельные планы дворцового переворота как будто и совсем не связаны между собой. Два центральных проекта — львовский и гучковский, — непосредственно вышедшие из среды общественности, по видимости, развиваются вне зависимости друг от друга. И только в словах Милюкова можно найти намек на некоторое взаимоотношение, установившееся между существовавшими "кружками" через посредство отдельных лиц... эта связь была преимущественно по масонской линии. Значит, интерес Департамента Полиции к масонским делам был не праздный и не случайный... Масонство оказалось "большой революционной силой"».[293]

И дальше:

«...Действительно, через масонов шла организация общественного мнения и создавалась некоторая политическая солидарность. Очевидец рассказывал мне, например, о приеме в масонский клан командира Финляндского полка Теплова. Одним из "братьев" ему задан был вопрос о Царе. Теплов ответил:

"Убью, если велено будет"...

Были инсталлированы ложи не только в Петербурге и Москве, но и в Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде. Была в Петербурге военная ложа, собиравшаяся, между прочим, во дворце А.А. Орлова-Давыдова».[294]

Вы слышали?

"Убью, если велено будет", – говорил полковник Императорской Армии о своем Государе Императоре.

Велено будет все: и "хлебный бунт", и бунт запасных батальонов, и "псковская западня", и все вытекающие из этого последствия...

Мельгунов пишет дальше:

«Мне кажется, что масонская ячейка и была связующим как бы звеном между отдельными группами "заговорщиков". – той закулисной дирижерской палочкой, которая пыталась управлять событиями».[295]

«Тиханович-Савицкий, председатель астраханской монархической народной партии, уведомлял конфиденциальной телеграммой 30 декабря близкого Николаю II адмирала Нилова о подготовке Гучковым дворцового переворота и умолял воздействовать на Царя в том смысле, чтобы были удалены из армии с ответственных постов "гучковцы" и, в частности, генерал Лукомский...

Царя, однако, не удавалось разубедить в его доверии к армии. Об агитации в армии, об офицерских кружках, **которые посещались и солдатами**, делал Николаю II особый доклад и военный министр генерал Беляев».[296]

Но вот информация о том, что происходило в Петроградском гарнизоне, от Департамента Полиции:

«Департамент Полиции отмечает в одной из гвардейских частей собрания офицеров **вместе с солдатами**. Этой частью (...) были запасные части Преображенского или Павловского полков, они легко откликнулись в февральские дни на революцию, потому что были уже подготовлены к возможности "переворота". План восстания, разработанный офицерами Преображенского полка (запасного батальона – *В.К.*), был, якобы, закреплен в штабе полка уже в ночь с 26 на 27 февраля. Полк должен был выступить на Дворцовую площадь перед Зимним Дворцом и затем соединиться с Литовским и Семеновским полками. Затем арестовать Правительство в Мариинском дворце. Гвардия отдавала себя в распоряжение Государственной Думы и, **опираясь на поддержку командующих фронтами** (выделено мною – *В.К.*), с

оружием в руках добивалась осуществления "главного пункта Прогрессивного блока — министерства общественного доверия", причем имелось в виду отречение Николая II».[297]

Но был еще генерал, на которого вожаки Прогрессивного блока возлагали большие надежды как на члена заговора, который при помощи военной силы мог произвести намеченный переворот. Это был генерал Крымов.

«После самоубийства участника Корниловского движения генерала Крымова М.И. Терещенко выступил с интервью. Терещенко говорил:

"Я не могу не вспомнить последних месяцев перед революцией, когда генерал Крымов оказался тем единственным генералом, который из великой любви к родине не побоялся вступить в ряды той небольшой группы лиц, которая решилась сделать государственный переворот... Генерал Крымов **неоднократно** приезжал в Петербург... и пытался убедить сомневающихся, что больше медлить нельзя... Но более осторожные лица убеждали, что час еще не настал. Прошел январь, половина февраля. Наконец, мудрые слова искушенных политиков перестали нас убеждать, и тем условным языком, которым мы между собой сносились, генерал Крымов в первых числах марта был вызван в Петроград из Румынии, но оказалось уже поздно".

Таким образом, и Терещенко подтверждал, что заговорщики уже готовы были приступить к действию в начале марта».[298]

Далее Мельгунов пишет:

«Кто входил в основной кружок? Это трудно точно восстановить, так как масоны и по сие время скрывают свое участие, сохраняя "клятву" о конспирации. Но шила в мешке не утаишь. Секрет полишинеля, что в центре были как Некрасов и Терещенко, принимавшие столь близкое участие в организации дворцового переворота, так и Керенский, о котором почти не приходилось еще говорить, так как левый фланг русской общественности — социалистический — стоял в стороне от непосредственного участия в заговорах».[299]

Дальше еще интереснее:

«В том, что мы называли "заговором Гучкова", самое живое участие принимают Некрасов и Терещенко. Они входят в основную "тройку", которая руководит подготовкой действий. Через Терещенко проходят нити к Родзянко и великосветским кругам. Некрасов связывает заговор с думскими сферами и с партией, в которой он состоял (конституционных демократов — *В.К.*) и за-

нимал видное положение. Он как раз представлял то левое крыло, которое тянуло к "трудовикам" и "вносило тенденции непримиримости и открыто враждебных против Правительства выступлений". Некрасов связывал, таким образом, дворцовый переворот с социалистической частью демократической общественности. Близкие отношения Некрасова к Львову соединяли петербургские проекты с московскими затеями. Приобретает особый характер то, что квартира Коновалова сделалась центром всех оппозиционных совещаний — отсюда идет "штурм власти", здесь уже закладывается мост между конституционными демократами и левее стоящими группами. Так была произведена попытка политического объединения соответственно задачам масонов — от большевиков до кадетов».[300]

Все разговоры, бывшие в свое время весьма распространенными, что "февральская революция наступила неожиданно для всех", являются, вернее, являлись (кто теперь этим интересуется?) совершенно безпочвенными. Ее подготовляли долго и упорно. Не того, конечно, ждали многие, которые в этом участвовали. Но это знали те вдохновители, которые десятками лет стремились к уничтожению самобытной, так непохожей на Запад, России. Медленно, но верно шли они к своей цели. Было использовано все. "Обличительная" литература, искусство ("передвижники"), пресса, университеты, богатейшее купечество, субсидировавшее большевиков, земство, руководимое земельной знатью, общественность (конечно, "прогрессивная и передовая"), пустое "высшее" общество, Императорская Фамилия и наконец... армия. Своего добились. На месте Императорской России появилось новое государственное образование. Все, что было так ненавистно Западу — было уничтожено. Православная Церковь превратилась после невероятных преследований и уничтожения большей части духовенства в послушное орудие этой новой власти. Историческое Самодержавие заменено диктатурой Коммунистической Партии. Искони русский быт заменен нищенским существованием в коммунальных квартирах, тяжелым трудом и вынужденным восхвалением своего рабства. Но... все оказалось не так, как было "задумано". Вместо послушного и в дальнейшем исполнения всех предписаний это новое государственное образование при помощи рабского труда строит промышленность для военных надобностей, превращает отсталую в техническом отношении страну в индустриально-передовую державу, строит лучший в мире флот, обладает всеми видами страшного ядерного ору-

жия, ведет по всему миру пропаганду коммунизма, ведет очень успешно подрывную работу в больших и малых государствах Запада и... грозит этому Западу уничтожением. Этого хотели все эти "вдохновители"? Конечно, нет. Но как ни планируй, как ни высчитывай всех "за" и "против", помни об одном, гордый и глупый человек, кем бы ты ни был, — все злое существует, потому что Господь Бог этому "попустил" за наши великие грехи перед Ним, за наше отступничество, за ослепление и полное подчинение тому злу, которое так умело диктовало одураченным русским людям свою волю в деле уничтожения всех ценностей нашей Родины и, в первую очередь, нашей Церкви и Самодержавной Монархии. Но и это зло просчиталось, не того оно хотело. Но зло само по себе не сильно, оно сильно только отступничеством людей от Бога.

Часто задают вопрос — почему именно в царствование Императора Николая II было решено разрушение нашего монархического строя?

Как я уже писал в первых главах этой книги, этому способствовали особенности характера Государя. Не безвольный, но мягкий по характеру, Он не внушал страха ни своим приближенным, ни родственникам, ни министрам. Великий Князь Александр Михайлович пишет об этом:

"К шести часам вечера молодой император был без сил, подавленный и оглушенный. Он с тоской смотрел на портрет своего отца, жалея, что не умел говорить языком этого грозного первого хозяина России.

Александра III все боялись, как огня.

— Перестань разыгрывать Царя, — телеграфировал Александр III тому же самому Сергею Александровичу в Москву.

— Когда Русский Царь удит рыбу, Европа может подождать, — ответил он одному министру, который настаивал в Гатчине, чтобы Александр III принял немедленно посла какой-то великой державы.

Однажды какой-то чрезмерно честолюбивый министр угрожал отставкой Самодержавцу. В ответ на эти угрозы Царь взял его за шиворот и тряся, как щенка, заметил:

— Придержите-ка ваш язык! Когда я захочу вас выбросить, вы услышите от меня об этом в очень определенных выражениях.

Когда Вильгельм II предложил Александру III "поделить мир между Россией и Германией", Царь ответил:

— Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Полюбуйся на себя в зеркало.

Трагедия России заключалась в том, что такому волевому человеку было суждено умереть в возрасте сорока девяти лет".[301]

Император Николай II представлял собой разительный контраст своему отцу. Это видели и в России, и за границей. И все враги России, как внешние, так и внутренние поняли, что им предоставляется возможность использовать царствование мягкого, доброго Монарха для сокрушения ненавистного им Самодержавия. А когда Государь повел страну к небывалому расцвету, это решение стало императивом для Запада и их последователей в России — теперь или никогда! Навязанная России война ускоряла эти сроки; а когда появилась возможность победы России над внешним врагом и, как следствие этого, превращение ее в несомненного гегемона Европы, все было брошено на подлинный штурм Верховной Власти.

Но возникает еще один, кардинальный вопрос: почему Императрица Александра Феодоровна получила такое влияние на Государя в последние два года перед революцией? Государь как человек несомненно умный и чуткий видел, как какая-то невидимая сила руководит переменой в настроении общества, в отношении к нему и представителей бюрократии и общественности (за очень небольшим исключением), и родственников, и, конечно, иностранного мира. Единственным человеком, которому он верил вполне, была его супруга. Государыня же, на голову стоящая выше всех и Великих Княгинь, и представительниц нашего "света", понимала и чувствовала, что готовится "великая измена", что Государю лгут и министры, и Великие Князья, и генералы, и все эти "даже не придворные, а просто сброд" (выражение Суворина). Государыня верит в Распутина как в святого, приближает к себе недалекую, восторженную и экзальтированную Вырубову, потому что верит в ее преданность (что и было на самом деле), настаивает на некоторых назначениях и увольнениях по признаку лояльности к Государю, и, действительно, так и было — несомненно умный и способный Поливанов, дельный Кривошеин и "тонкий" Сазонов были уволены Государем, потому что они не были лояльны к нему, а один из них (Поливанов) был явным изменником. Штюрмер не был способным и умным министром, Протопопов не был опытным администратором, но они не вели интриг против Государя и Государыни, и это уже одно делало возможным их пребывание на высоких постах. Какая

это была трагедия и для Государя, и Государыни! Что же касается Распутина, то никакого влияния на события "старец" не имел, и если за него цеплялись несколько выскочек и конспирировали, то результатов таких конспираций не было и быть не могло. Государь не вникал в слухи о Распутине и терпел его ради Императрицы, верившей его силе.

Но клеветали светские гостиные, бюрократия, купечество (нашим толстосумам не давало покоя влияние иностранных банкиров и промышленников на политику), печать и часть офицерства. Клевета создает обвинение в измене Государыни, и Дума аплодирует негодяям, сообщавшим эту наглую ложь. Государю надоедают своими "предупреждениями", советами. Ему угрожают.

И тут мы имеем дело с явным подлогом.

Не влияние Государыни на Государя вызывают все эти слухи, клевету и приближают роковые события, а, **наоборот**, — все грязные слухи, явная и обдуманная клевета, интриги и настоящие заговоры делают влияние Государыни все более значительным, так как Император не может уже верить всем этим изолгавшимся и интригующим родственникам, министрам, обнаглевшим "народным представителям" и окружающим его изменникам.

«Государь внезапно оказался без рук: Он ощутил вокруг себя пустоту. Вместо честных и добросовестных исполнителей своих предначертаний Он уже раньше все чаще видел "советников" и "подсказчиков", в глазах которых "Он "мешал" им "спасать" Россию!»[302]

В своем изложении я подошел вплотную к роковым событиям февраля 1917 года. Мы тогда увидим, с каким величием, с каким царственным благородством, с какой невероятной выдержкой, стоившей Ему такого напряжения, Государь встретил выпавшие на его долю испытания. А всеми оклеветанная, всеми ненавидимая Государыня окажется на такой нравственной высоте, что даже Ее явные недоброжелатели склонятся перед этим явлением.

"Укоряемы — благословляйте, гонимы — терпите, хулимы — утешайтесь, злословимы — радуйтесь (слова святого Серафима Саровского) — вот наш путь с тобой".

Так писала Государыня из Тобольска Вырубовой.

Остается еще сказать о дворцовом коменданте Воейкове. На него, как из рога изобилия, сыпались обвинения чуть ли не в том, что он "взял в свои руки Государя" (вопреки устано-

вившемуся мнению, можно сказать, что Государя никто не мог "взять в свои руки"), что он вместо вверенного ему дела занимается коммерцией, что он "распутинец" и прочий вздор. Бубнов дошел в своих воспоминаниях даже до того, что "Воейков покинул в критическую минуту облагодетельствовавшую его Царскую Семью"[303].

На самом деле было как раз наоборот.

"...Только по настоянию генерала Алексеева, который этого требует и говорит, что если я (Фредерикс — *В.К.*) и Воейков останемся в Ставке, он не ручается за спокойствие Его Величества".[304]

Генерал Спиридович, который служил под начальством Воейкова несколько лет, говорит о своем начальнике следующее:

«Пуришкевич резко обрушился на правительство, упоминал о темных силах, которые окружают Государя, очень некрасиво обрисовал деятельность Дворцового Коменданта Воейкова. Он заявил, что Воейков получил от министерства Путей Сообщения миллион рублей на постройку ветки в свое имение с минеральной водой "Кувака". То была ложь, которую через три дня опровергнул с той же трибуны сам министр (путей сообщения — *В.К.*). Ни одной копейки субсидий Воейков не получил, а железнодорожная ветка туда никогда и не проводилась. Но клевета была пущена и она облетела всю Россию. Надо было дискредитировать представителей власти, близких к Царю. Но при Дворе отлично знали безупречность Воейкова по отношению казенных денег, знали и подкладку речи Пуришкевича. При предшественнике Воейкова, при генерале Дедюлине, Пуришкевич получал от него ежегодно субсидию 15.000 рублей. Воейков нашел подобную выдачу излишней и перестал субсидировать Пуришкевича на его партийные, очевидно, предприятия. Пуришкевич стал всюду и везде критиковать и бранить Воейкова и вот теперь громил того с его водой "Кувакой". Врагов у Воейкова было достаточно много, и речь Пуришкевича имела большой успех. Генерал "от кувакерии" сделалось нарицательной кличкой».[305]

Вот еще один отзыв о Воейкове:

"Государь относился к Воейкову доверчиво, как к распорядительному Дворцовому Коменданту, бодрому, веселому человеку, хорошему хозяину, но, конечно, Его Величество чувствовал, что Воейков не советчик в государственных делах и особого значения ему не придавал".[306]

Но Воейков был действительно предан Государю, терпеть не мог "прогрессивной" общественности (не в пример высшим

командирам армии), и этого было достаточно, чтобы его обливали повсюду грязью. Распутина он терпеть не мог, за что и вызвал в последнее время перед революцией немилость Государыни. Воейкова в особенности не любили Алексеев, Лукомский и Рузский.

События тем временем шли своим чередом. Петроградское Охранное Отделение присылало в соответствующие инстанции секретные донесения, одно тревожнее другого. Вот они.

«От 19 января 1917 года:

"Отсрочка Думы продолжает быть центром всех суждений... Рост дороговизны и повторные неудачи правительственных мероприятий по борьбе с исчезновением продуктов вызвали еще перед Рождеством резкую волну недовольства... Население открыто (на улицах, в трамваях, в театрах, магазинах) критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия. Озлобленное дороговизной и продовольственной разрухой большинство обывателей питается "злостными сплетнями о "Думской петиции", об "организации офицеров, постановившей убить ряд лиц, якобы мешающих обновлению России".

"Неспособные к органической работе и переполнившие Государственную Думу политиканы... способствуют своими речами разрухе тыла... Их пропаганда, не остановленная правительством в самом начале, упала на почву усталости от войны".

"Характерный показатель того, что озлобленное настроение пострадавшего от дороговизны обывателя требует кровавых гекатомб из трупов министров, генералов... В семьях лиц, мало-мальски затронутых политикой, открыто и свободно раздаются речи опасного характера, затрагивающие даже Священную Особу Государя Императора".

Общий вывод из всего изложенного:

"Если рабочие массы пришли к сознанию необходимости и осуществимости всеобщей забастовки и последующей революции — к вере в "спасительность политических убийств и террора", то это указывает на "жажду общества найти выход из создавшегося политически-ненормального положения", которое с каждым днем становится все ненормальнее и напряженнее"».

От 26 января 1917 года доклад Начальника Охранного Отделения генерала Глобачева:

«Передовые и руководящие круги либеральной оппозиции уже думают о том, кому и какой именно из ответственных портфелей удастся захватить в свои руки. При этом в данный

момент находятся в наличности две исключительно серьезные общественные группы, которые самым коренным образом расходятся по вопросу о том, как разделить шкуру медведя".

Первую из этих групп составляют руководящие дельцы "парламентского" Прогрессивного блока, возглавляемые перешедшим в оппозицию и упорно стремящимся "к премьерству" председателем Государственной Думы — шталмейстером Родзянко. Они окончательно изверились в возможности принудить представителей Правительства уйти со своих постов добровольно и передать всю полноту своей власти думскому большинству, долженствующему насадить в России начала "истинного парламентаризма по западно-европейскому образцу".

Во главе второй группы, действующей пока законспирированно и стремящейся во что бы то ни стало "выхватить будущую добычу" из рук представителей думской оппозиции, стоят не менее жаждущие власти А.И. Гучков, князь Львов, С.Н. Третьяков, Коновалов, М.М. Федоров и некоторые другие". Вся надежда этой группы — неизбежный в самом ближайшем будущем дворцовый переворот, поддержанный всего-навсего одной, двумя сочувствующими воинскими частями.

Заслуживает исключительного внимания возникшее по инициативе А.И. Гучкова предположение о созыве в начале февраля особого и чрезвычайного совещания руководящих представителей Центрального Военно-промышленного комитета, "Земгора", думских оппозиционных фракций, профессуры, общественных организаций и, по возможности, Государственного Совета...»

И Охранное Отделение добавляет:

«События чрезвычайной важности и чреватые исключительными последствиями для русской государственности "не за горами"».

После этого был произведен арест рабочей секции Военно-промышленного комитета (27 января).

По этому поводу Охранное Отделение опять составило секретный доклад.

«Представители группы организовали и подготовляли демонстративные выступления рабочей массы столицы на 14-ое февраля, с тем, чтобы заявить депутатам Думы свое "требование незамедлительно вступить в открытую борьбу с ныне существующим правительством и Верховной Властью и признать себя впредь до установления нового государственного устройства Временным правительством". Материал, взятый при обысках, вполне подтвердил изложенные сведения, вследствие чего пере-

писка по этому делу, в виду признаков преступления, предусмотренного 102 статьей Уголовного Уложения, передана Прокурору Петроградской Судебной Палаты».

Далее идет сообщение:

"Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем: озлобление растет и конца его росту не видать.

Это явится первым и последним этапом по пути к началу безсмысленных и безпощадных эксцессов самой ужасной из всех — анархической революции".[307]

В своей предсмертной записке Протопопов пишет:

«Я знал, что в войсках читаются газеты преимущественно левого направления, распространяются воззвания и прокламации; слышал, что служащие Земского и Городского Союзов агитируют среди солдат; что генерал Алексеев сказал Царю: "Войска уже не те стали", намекая на растущее в них оппозиционное настроение... Я думал, что настроение запасных батальонов и других войск, стоявших в Петрограде, мне более известно; считал благонадежными учебные команды и все войска, за исключением частей, наполняемых из рабочей и мастеровой среды; жизнь показала, что я и тут был неосведомлен... Я докладывал Царю, что оппозиционно настроены высший командный состав и низший; что в прапорщики произведены многие из учащейся молодежи, но что остальные офицеры консервативны; что офицеры генерального штаба полевели; наделав в войну столько ошибок, они должны были покраснеть и чувствовать, что после войны у них отнимутся привилегии по службе; что оппозиция не искала бы опоры в рабочем классе, если бы войско было бы революционно настроено. Царь, по-видимому, был доволен моим докладом; он слушал меня внимательно».

Государь ошибался в Протопопове. Когда Спиридович перед роковым отъездом Государя из Петрограда в Ставку 21 февраля зашел к Воейкову, своему бывшему шефу, и начал его предупреждать о серьезности момента, Воейков ему сказал, что он сейчас будет говорить об этом с Протопоповым по телефону и передал Спиридовичу вторую трубку.

"Генерал (Воейков — *В.К.*) спросил Протопопова о положении дел в столице и его мнение о возможности отъезда Государя в Ставку. Разговор происходил по дворцовому проводу. Протопопов отвечал весело. Он уверял, что в столице полный порядок и полное спокойствие, что никаких безпорядков или

осложнений не предвидится. Что Его Величество может уезжать совершенно спокойно. Что уже если что и намечалось бы нехорошего, то, во всяком случае, он, Дворцовый Комендант, будет предупрежден об этом первым".[308]

А тот же Спиридович, после своей службы начальником охраны Государя назначенный градоначальником в Ялту, после пятимесячного отсутствия из Петрограда, приехав туда, пишет следующее:

"20 февраля (1917 года) я приехал в Петроград... Повидав кое-кого из Охранного Отделения, понял, что они смотрели на положение дел — безнадежно. Надвигается катастрофа, а министр, видимо, не понимает обстановки, и должные меры не принимаются. Будет беда... Все ждут какого-то переворота... Царицу ненавидят, Государя больше не хотят.

За пять месяцев моего отсутствия как бы все переродилось. Об уходе Государя говорили как бы о смене неугодного министра. О том, что скоро убьют Царицу и Вырубову, говорили так же просто, как о какой-то госпитальной операции. Называли офицеров, которые, якобы, готовы на выступление, называли некоторые полки, говорили о заговоре Великих Князей, чуть не все называли Великого Князя Михаила Александровича будущим регентом".[309]

В тот же день Спиридович был в гостях, где был один член Думы, из правых, камергер, предводитель дворянства, боевой монархист. Он говорил следующее:

«Идем к развязке, все порицают Государя. Люди, носящие придворные мундиры, призывают к революции... Правительства нет. Голицын (последний Председатель Совета Министров — *В.К.*) — красивая руина. Протопопов — паяц. Императрицу ненавидят как сторонницу Германии. Я лично знаю, что это вздор, неправда, клевета, я-то этому не верю, а все верят! Чем проще член Думы по своему социальному положению, тем он больше в это верит... Все, раз навсегда, решили и поверили, что Она "немка" и стоит за Германию. Кто пустил эту клевету, не знаю. Но ей верят. С Царицы антипатия переносится на Государя. Его перестали любить. Его уже НЕ ЛЮБЯТ... Не любят, наконец, за то, что благоволит к Протопопову: ведь трудно же понять, как Он — Государь, умный человек, проправивший Россией двадцать лет, не понимает этого пустозвона... И все хотят его ухода... хотят перемены... А то, что Государь хороший, верующий, религиозный человек, дивный отец и примерный семьянин — это никого

не интересует. Все хотят другого монарха... И если что случится, вы увидите, что Государя никто не поддержит, за Него никто не вступится...»[310]

Говоря так, этот член Государственной Думы, "камергер, предводитель дворянства и "боевой" монархист" сам расписывался в своем отступничестве, в своей "психологической" измене, которой были заражены от Великих Князей до социалистов все в обеих столицах. И знали, что клевета, а повторяли! Почему? Да потому — что ловко были одурачены теми, кому это было нужно. Не понимали, что Государь — это символ всей России, Государь — это наша тысячелетняя история, Государь — это наше Величие, наша национальная Святыня, Священная Особа. Тень Фернейского "мудреца" витала в ослепленном от злостных сплетен Петрограде и довольно улыбалась, вспоминая давно прошедшие времена. "Клевещите, клевещите..." — шептала тень.

Заговорщики работали не покладая рук. 15-го февраля в заседании Государственной Думы произнесли речи Милюков и Керенский. Керенский в речи затронул Государя. Князь Голицын как Председатель Совета Министров попросил у Родзянко нецензурованную стенограмму речи, в чем Родзянко ему отказал.

Родзянко пишет:

"Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего (то есть Алексеев — *В.К.*)... прямо заявил, что я должен **испытать все средства** для того, чтобы предотвратить Императора Николая II от роспуска Государственной Думы, так как если Государственная Дума будет распущена, то легко возможен отказ Армии сражаться. Я вызвал телеграммами в Петроград из Москвы Губернского Предводителя Дворянства и Председателя Съезда Объединенного Дворянства и Петроградского Губернского Предводителя. Разъяснив им положение вещей и возможность моего ареста (? — *В.К.*) и высылки, я просил в этом случае их стать на страже интересов Родины..."[311]

Так фантазировал Родзянко и еще больше сгущал все сплетни и клевету о, якобы, своем предстоящем аресте и ссылке, чего на самом деле и в помине не было, но это было нужно для улицы, которую психологически готовили к выступлению в защиту Думы как "защитницу интересов Родины".

Переходя к описанию уже трагических дней февраля 1917 года, необходимо остановиться на тех материалах, которые существуют по этому поводу. Прежде всего, как я уже писал в своем предисловии, необходимо разделить их на три группы:

1) документы,

2) воспоминания очевидцев и

3) исследования, написанные на основании первых двух категорий.

Особняком стоит книга генерала Позднышева "Распни Его", написанная в беллетристической форме и вызвавшая, совершенно напрасно, яростные нападки людей или мало осведомленных, или чрезвычайно пристрастных. Если беллетристическая форма сравнительно недавних событий вряд ли может быть названа удачной, то содержание этой книги в общем правдиво освещает события, в ней описываемые. В свое время мы еще вернемся к этой книге и, в особенности, к ее критикам.

В свою очередь, вторую группу, то есть воспоминания очевидцев, надо разделить по месту пребывания на четыре части —

1) бывшие в Петрограде,

2) в Пскове,

3) в дороге (два литерных поезда) и

4) в Ставке.

Некоторые из этих очевидцев в эти дни были в нескольких местах:

Шульгин — Петроград, Псков;

Дубенский — в поезде, Пскове и Ставке;

Воейков — то же самое;

Мордвинов — в дороге, Пскове, Ставке.

О том, что происходило в Петрограде в эти дни, есть много свидетельств — Родзянко, Милюков, Керенский, Суханов и другие.

В Пскове — генерал Вильчковский (со слов Рузского), Данилов, Савич, Воейков, Дубенский, Шульгин.

В Ставке — Лукомский, Кондзеровский, о. Г. Шавельский (уехал из Ставки 25 февраля), Бубнов, В.М. Пронин (не смешивать с Д. Прониным, написавшим статьи о книге Позднышева "Распни Его"[312] и о книге Сергеевского "Отречение 1917 года"[313]) и, наконец, Сергеевский.

Я прибавляю еще одну, пятую часть — Царское Село. О том, что происходило там, пишет подробно Вырубова, и очень отрывочно узнаем о пребывании там нескольких лиц, о чем речь впереди.

Все эти воспоминания написаны очень давно, за исключением "Отречения 1917 года" Сергеевского. Вернее, в этой книге автор повторяет, что писал раньше, начиная с 1924 года в разных газетах и отдельных выпусках.

Вот на этой книге я хочу остановиться подробнее. Выпущена она в издательстве "Военный Вестник", Нью-Йорк 1969 г.

Перед изложением помещена краткая заметка "От издательства". После коротких сведений об авторе, из которых мы узнаем, что Б.Н. Сергеевский родился в 1883 году, издательство заявляет:

«Автор "Отречения" категорически опровергает существование "заговора" генералов и наличие "измены" генерала Алексеева».

Затем приводятся шесть причин, которые были главными, как заявляет издательство, во всех событиях тех дней.

"1. Пространственное разъединение главных лиц, стоявших во главе Империи.

2. Колебания и в конце концов нежелание Государя принять суровые меры для подавления бунта и революции в Петрограде.

3. Отъезд Государя из Ставки.

4. Безволие и нерешительность гражданских и военных властей в Петрограде.

5. Отказ Великого Князя Михаила Александровича от немедленного принятия власти.

6. Было и фатальное — какой-то рок, висевший над покойным Государем: это болезнь его детей и все, что с этим оказалось связанным".

Дальше Издательство, не обинуясь, пищет:

"**Добавим от себя** (выделено мною — *В.К.*), что в этих условиях, при характере Государя Николая Александровича, революция не могла быть подавлена".

В дальнейшем изложении все приведенные пункты Издательства (за исключением шестого — так как о роке говорить можно все, что угодно) будут показаны, как несостоятельные. Пожалуй, пункт четвертый не вызывает возражений, но почему эти лица оказались в то время на своих постах, было уже сказано и, конечно, будет повторено.

Дальше Издательство пишет:

"...Вся тяжесть трагических мартовских дней легла в Ставке на плечи двух мучеников — Государя Императора, пошедшего с христианским чувством "непротивления злу" на крестный путь, и на генерала Алексеева, юридически и практически безвластного в вопросе государственного переворота, но судьбой и Государем поставленного в необходимость взять на себя (за отсутствием лиц, обязанных это сделать) доклад Его Величеству о решении, ставшем неизбежным, чтобы спасти Царя, Династию и Импе-

рию от дикого произвола "пролетариата" (черни) прежде всего в Царском Селе, при надежде на сохранение хотя бы тени Монархии и Династии в лице больного ребенка. Сделать этого генералу Алексееву не удалось. Но за его доклад Царю и за то, чего он не делал и не хотел делать, на него клевещут и современники, и потомки".

На этих двух фразах нужно остановиться. Прежде всего – можно ли поставить рядом с Государем, Который действительно прошел мученический путь, полный унижений и глумления над Ним и Его Семьей вплоть до Ипатьевского подвала – с Алексеевым? Ведь Государь был подлинным мучеником и кончил жизнь от руки мерзкого палача, в то время как Алексеев умер естественной смертью от болезни почек. Государь видел крушение той России, на благо которой Он трудился свыше двадцати лет и, если бы не заговор, да, да, **заговор**, в котором участвовали господа генералы, или знали о нем, и если бы не их измена, да, **измена**, то никакой революции не было бы. Государь, Глава Российской Империи, и генерал Алексеев, который только 18 месяцев был начальником штаба Государя, по повелению Государя, величины несоизмеримые. После отречения Государя, которое является эпохальным событием, Он был арестован заговорщиками и об этом аресте сообщил Государю никто иной, как тот же Алексеев. После этого начался крестный путь Венценосца, а Алексеев был назначен заговорщиками на пост Верховного Главнокомандующего. "Непротивление злу", о котором пишет Издательство "Отречения", было вызвано тем, что Государя "схватили за руки. Хуже: Его просто покинули".[314]

А Родзянко прямо пишет:

"...Самый факт, что все командующие фронтами, начиная с Великого Князя Николая Николаевича, посоветовали Императору Николаю II отречься от Престола, служил достаточным показателем, что к перевороту, совершившемуся в Петрограде, относятся в Армии положительно, а то, что **проект текста отречения был составлен в Ставке и послан Императору в Псков, ярко подтверждает эту мысль** (выделено мною – *В.К.*)".[315]

Генерал Алексеев стал открыто на сторону тех, кто добивался отречения Государя, так что замечание об Алексееве "юридически и практически безвластного в вопросе государственного переворота" не соответствует действительности. И Алексеев, и Рузский стали на сторону тех, кто их информировал из Петрограда, и не пришли на помощь Государю в критическую минуту. Рузского я могу понять – он был масоном

(помните "убью, если будет велено"), но Алексеева понять нельзя[316]. Вернее, можно, так как он верил и всей безсмыслице, распространяемой о Государыне, министрах, состоял в переписке с врагом Государя — Гучковым, знал о заговоре против Государя и предполагал до своей болезни принять участие в более "мягком" заговоре ("только" заточение Государыни). Опрос главнокомандующих с подсказыванием ответа: "Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения..." — есть акт открытой измены. В нарушение присяги Алексеев идет на государственный переворот.

Разве Петроград с его гарнизонами, состоявшими из запасных батальонов, то есть даже не офицеров и солдат, а какого-то жалкого суррогата, это Армия и Россия? Армия на фронте была, несмотря даже на потери кадров, все же настоящей Армией, и сдаваться на милость того сброда, который был в Петрограде (не только в казармах), это, действительно, было отсутствием не только мужества, но и минимального присутствия духа.

Конечно, нельзя требовать от человека того, чего у него нет. Алексеев, при всех его способностях стратега, был человеком не героического характера. Типичный обыватель без широкого кругозора; честный по-своему, не желавший, конечно, того, что произошло, но не понявший, что с уходом Царя и все старания по сохранению фронта для операции военного наступления будут излишними. Не понял мистического смысла Царской Власти, верил такой дряни (да простит мне читатель эти выражения), как Гучков, Львов и всей этой масонской компании. Сравнивать Государя с Алексеевым это просто кощунство — Один поднялся до предельной высоты человеческого духа, пройдя все испытания с христианской кротостью и всепрощением, другой не посмел взять на себя ответственность в подавлении бунта, подготовленного врагами государства и... поплелся за изменниками России.

Заканчивает Издательство "Отречения" свое предисловие странной фразой:

"Офицеры Русской Императорской и Добровольческой Армии должны быть признательны"...

Выходит так, что эта книга выпущена для офицеров. Или, что только офицеры должны быть признательны за эту книгу. Думаю, что это не совсем так. Если выпускается книга, имеющая исторический интерес, то все читающие признательны за появление такой книги. Очевидно, выпущенная книга не относится к этой категории.

Еще одно заявление Издательства:

"Как и историк С. Мельгунов, автор "Отречения" категорически опровергает существование "заговора" генералов и наличие "измены" генерала Алексеева"...

Очевидно, авторы "От издательства" плохо знакомы со всеми трудами Мельгунова.

Я им помогу в этом отношении. Мельгунов пишет:

"Слухи о разговорах, что необходимо обезвредить и укротить "Валиде" (так именовалась Царица в семейной переписке Юсуповых), не могли не доходить до Александры Феодоровны. В одной из версий такого "дворцового переворота", имевшей сравнительно скромную цель изолировать Царя от вредного влияния жены и добиться образования правительства, пользующегося общественным доверием, так или иначе оказался замешанным и генерал Алексеев... Этот план, связанный с инициативой не Гучкова, а с именем князя Львова — в переписке его имя упоминается только в декабре — изложен нами в книге "На путях к дворцовому перевороту" в соответствии с теми конкретными данными, которыми мы пока располагаем. Отрицать участие в нем Алексеева едва ли возможно, как это упорно делает генерал Деникин".[317]

Это все, что я могу сказать по поводу предисловия "От Издательства".

Теперь перейдем к самому изложению. На странице 61 автор изложения называет генерала Д. Дубенского, который написал очень ценные воспоминания "Как произошел переворот", — *рамоликом.* Это слово происходит от французского ramolli, что значит буквально расслабленный. Я полон почтительных чувств к автору "Отречения", но в 85 лет называть человека, который во время работы над своими воспоминаниями, несмотря на свой солидный возраст, годился в сыновья Б.Н. Сергеевскому, по меньшей мере... скажем: неудачно. Затем Б. Сергеевский пишет на той же странице, что Дубенский неправильно описал встречу отрекшегося Императора (вернее, Императора, которого заставили отречься — *В.К.*) в Могилеве. И тут же в сноске объясняет возможность этой ошибки. И тут же, не смотря на свою сноску, спрашивает:

"Что это? Умышленная ложь? Вероятно, еще хуже..."

И так далее. На странице 62 Сергеевский пишет:

«Нельзя также не отметить, что весь "труд" историографа проникнут ненавистью к генералу Алексееву и он множество раз клевещет на него».

Это очень опасный путь, по которому идет мемуарист. Ставя в кавычки "труд", автор "Отречения" подвергает и свой труд тоже возможности быть поставленным в кавычки. В своем труде (без всяких, конечно, кавычек) Д. Дубенский высказывает свое мнение об Алексееве, которое разделяется очень многими. А слово "клевета" может относиться к каким-либо фактам, а не к мнению человека о другом. А что касается генерала Д. Дубенского, то мы имеем характеристику его от человека, несомненно, и более сведущего, и более значительного по бывшему своему положению. Я говорю о генерале А. Спиридовиче. Вот что он пишет о Д. Дубенском:

"И жизненный опыт Дубенского, его почтенные года, и долголетняя его журнальная и издательская работа, и знание военных кругов и Петрограда вообще — все это увеличивало ценность его суждений. Я знал, что у него два сына в гвардии. Один дружил с Великим Князем Дмитрием Павловичем. Его слова меня очень заинтересовали. Мы разговорились. Дубенский был большой патриот и, если иногда брюзжал по-стариковски и говорил не совсем ладные вещи (на то он и журналист), все это искупалось его преданностью Царю и любовью к родине. Вот у кого девиз: "За Веру, Царя и Отечество" был не только красивыми словами, но и делом".[318]

Конечно, генерал Дубенский и по своему положению и связям (его лично знали и Государь, и Государыня) был гораздо больше в курсе событий, чем Б. Сергеевский, прибывший в Ставку 18-го февраля за несколько дней до революции. Его рассуждения о телеграммах (циркулярных и нециркулярных), на которых строится теория о "небытии" измены, несколько наивны и лишены интереса. "Психологическая" измена (то есть готовность к измене) готовилась высшими представителями Ставки давно и, конечно, не могла быть известна Сергеевскому ни по его скромному положению, занимаемому в Ставке, ни по кратковременному пребыванию в ней. Все описанное автором в книге известно по другим воспоминаниям, и все же каждая книга, относящаяся к тем дням, вызывает интерес, но только совсем не из-за того, что мы читали в предисловии "От издательства". Все это было гораздо сложнее, и только тщательное и долголетнее изучение этих вопросов может привести к выводам, не носящим определенно пристрастного характера.

Думаю, что не ошибусь, если скажу, что появление этой книги было вызвано желанием ответить на те статьи, которые появились в периодической печати некоторых монархических

кругов. Должен сказать, желая быть совсем безпристрастным, что, как и в военных кругах, так и в некоторых монархических, наблюдается известная предвзятость и тенденциозное освещение событий февраля 1917 года. Военные круги (не все, конечно) стараются измену Алексеева, Рузского, Лукомского, Данилова, Брусилова и других высших представителей Армии "объяснить" так, что в их освещении этой измены и не было, а был "мученик" Алексеев. Объясняется это тем, конечно, что впоследствии Алексеев был основоположником Белого Движения. Но в жизни каждого человека есть взлеты и падения, и примеров можно привести великое множество. Апостол Павел до обращения был гонителем и мучителем Савлом. Апостол Иуда был одним из двенадцати апостолов и предал Господа. Лев Тихомиров был членом боевой группы социалистов и стал идеологом монархии. Наконец, генерал Власов был коммунистом и стал возглавителем Освободительного Движения. И, конечно, попытка Алексеева "зажечь огонек" вызывает и одобрение и делает ему честь. Но забыть его деятельность в февральские (вернее, мартовские) дни 1917 года, это значит сознательно искажать историю.

Теперь о статьях в монархической печати. Подробно описывая деятельность Алексеева, Рузского и других, печальной памяти, генералов, авторы этих статей упорно молчат о деятельности Великих Князей. Неохотно говорится о Николае Николаевиче и совсем не говорится о Кирилле Владимировиче. Между тем, как телеграмма Николая Николаевича с его "коленопреклоненной" просьбой является актом открытой измены. Точно так же, как появление Кирилла Владимировича во главе Гвардейского Экипажа 1-го марта в Государственной Думе **за день до отречения Государя** (2-го марта) с изъявлением лояльности этой самой Думе, которая была центром заговора против Государя, было актом открытой измены. 1-го марта войска, верные Государю и его Правительству, еще не сложили оружия. И замалчивать этого так же нельзя, как и все, что касается генералов. Но полемика эта, по моему убеждению, не нужна и безполезна. Мне, как автору моего исследования, придется еще говорить о всех этих горестных событиях, но мои затянувшиеся замечания по поводу книги Сергеевского "Отречение 1917 года" вызваны желанием как раз сказать о ненужности этой полемики. Все мы виноваты в том, что случилось, так как *кровь* Самодержца и Его Святой Семьи *на нас и детях наших* (Мф. 27, 25).

Лучше будем, как чудесно написал Владыка Аверкий, "плакать горькими покаянными слезами о нашем безмерном падении" должны мы, несчастные, сбитые с толку русские люди, которым так много дано было Богом".[319]

В начале февраля, незадолго до революции, еще один Великий Князь позволил себе вести себя так, что, как будто нарочно, вся Династия ставила на себе крест для будущих судеб России. Я говорю о Великом Князе Александре Михайловиче. Вот его рассказ об этом случае.

"Мы пили кофе в лиловой гостиной. Никки направился в прилегающую спальню, чтобы сообщить о моем приходе Аликс (Государыне — *В.К.*). Я вошел бодро. Аликс лежала в постели в белом пеньюаре с кружевами. Ее красивое лицо было серьезно и не предсказывало ничего доброго. Я понял, что подвергнусь нападкам. Это меня огорчило. Ведь я собирался помочь, а не причинить вред. Мне также не понравился вид Никки, сидевшего у широкой постели... Я начал с того, что, показав на иконы, сказал, что буду говорить с Аликс, как на духу. Я кратко обрисовал общее политическое положение, подчеркивая тот факт, что революционная пропаганда проникла в гущу населения и что все **клеветы и сплетни** (выделено мною — *В.К.*) принимались им за правду.

Она резко перебила меня.

— Это неправда! Народ по-прежнему предан Царю (Она повернулась к Никки). — Только предатели в Думе и в петроградском обществе Мои и его враги.

Я согласился, что Она отчасти права.

— Нет ничего опаснее полуправды, Аликс, — сказал я, глядя Ей прямо в лицо. — Нация верна Царю, но нация негодует по поводу того влияния, которым пользовался Распутин. Никто лучше меня не знает, как Вы любите Никки, но все же я должен признать, что Ваше вмешательство в дела управления приносит престижу Никки и народному представлению о Самодержце вред. В течение двадцати четырех лет, Аликс, я был Вашим верным другом. Я и теперь Ваш верный друг, но на правах такового я хочу, чтобы Вы поняли, что все классы населения России настроены к Вашей политике враждебно. У Вас чудная семья. Почему же Вам не сосредоточить Ваши заботы на том, что даст Вашей душе мир и гармонию? Предоставьте Вашему супругу государственные дела!

Она вспыхнула и взглянула на Никки. Он промолчал и продолжал курить.

Я продолжал. Я объяснил, что каким бы я ни был врагом парламентарных форм правления в России, я был убежден, что, если бы Государь в этот опаснейший момент образовал правительство, приемлемое для Государственной Думы, то этот поступок уменьшил бы ответственность Никки и облегчил его задачу.

— Ради Бога, Аликс, пусть Ваши чувства раздражения против Государственной Думы не преобладают над здравым смыслом. Коренное изменение политики смягчило бы народный гнев. Не давайте этому гневу взорваться.

Государыня ответила, что Государь Самодержец и не может делить свои Божественные Права. Александр Михайлович начал возражать и тут позволил то, чего не мог и не должен был говорить, так как то, что он сказал, как раз ставило его самого в ряды тех, которые распространяли, умышленно конечно, клеветы и сплетни, о которых он же сам сказал в начале своего обращения к Государыне:

— Не забывайте, Аликс, что я молчал тридцать месяцев, — **кричал** (выделено мною — *В.К.*) я в страшном гневе. — Я не проронил в течение тридцати месяцев ни слова о том, что творилось в составе нашего правительства, или, вернее говоря, **Вашего правительства** (выделено мною — *В.К.*). Я вижу, что Вы готовы погибнуть вместе с Вашим мужем, но не забывайте о нас! Разве все мы должны страдать за Ваше слепое безрассудство? Вы не имеете права увлекать за собой Ваших родственников в пропасть.

— Я отказываюсь продолжать этот спор, — холодно сказала Она".[320]

Все в этом разговоре не на стороне Александра Михайловича. Во-первых — он говорит, что клевета и сплетни (имея в виду то, что сам сказал позже — то есть, что "правительство Ваше", иначе говоря — Государыни) принимаются за правду и сам же эту клевету возводит на Императрицу. Во-вторых, говоря о том, что Государыня должна предоставить государственные дела Государю, тут же начинает с Ней обсуждать... государственные дела. Нелогично. Дальше. Настаивая на "коренном изменении политики", он предлагал ответственное министерство, то есть передать Государю власть добровольно Государственной Думе, а Самому стать конституционным Монархом, то есть открывать выставки породистых (и непородистых) кроликов, читать "тронную" речь, то есть шпаргалки, написанные Гучковым, Милюковым, а, может быть, и Керенским

или Савинковым, и быть верным исполнителем всех предначертаний международной биржи. Это в лучшем случае. А на самом деле, вероятнее всего, монархия была бы заменена, как "отсталая и непрогрессивная" форма правления, демократической или, скажем, "народно-демократической" республикой.

Дальше фраза:

"...Я молчал тридцать месяцев".

Кого вам это напоминает? Я напомню – Пуришкевича. Тот тоже заявил, только с думской трибуны, что он, дескать, молчал, а теперь возговорил. Да так, что все записные предатели и аплодировали, и жали руки, и поздравляли, и... вызывали к себе для конфиденциальных бесед. Помните?

Да, помним и кто говорил, и о чем говорили. Но дальше еще лучше:

"Вы не имеете права увлекать за собой Ваших родственников в пропасть".

Ваши Императорские и просто Высочества! Если бы вы все вели себя как верноподданные (что является прямой обязанностью всех подданных Российской Империи, включая Императорскую Фамилию), если бы вы не распространяли клеветы о Вашем Государе Императоре и Вашей Государыне Императрице, если бы вы не вели интриг против Их Величеств совместно с "дядями Мишами", Бьюкененами, Палеологами и прочими "благожелателями" России, если бы вы сплотились вокруг вашего Монарха и Его Семьи, то, наверно, никакой пропасти не было бы. Есть только причины и последствия, сказал философ. Наступали последствия и легкомысленности одних, и глупости других, и... измены третьих. Кстати об измене. Великий Князь Александр Михайлович написал после своего разговора с Императрицей еще следующие строки:

"Гарнизон столицы, состоявший из новобранцев и запасных, конечно, был слишком ненадежной опорой в случае серьезных беспорядков. Я спросил у военного начальства, собирается ли оно вызывать с фронта надежные части? Мне ответили, что ожидается прибытие с фронта тринадцати гвардейских кавалерийских полков. Позднее я узнал, что изменники, сидевшие в Ставке, под влиянием лидеров Государственной Думы, осмелились этот приказ Государя отменить".[321]

Все нападки на Государыню чрезвычайно симптоматичны. Все, как сговорившись (уж "кто-то", кому было очень нужно, устроил это, конечно, "стихийно", как пишут многие "очевидцы") порицают "Екатерину Великую", "правительницу" и про-

чий вздор. А ведь, по существу, Государыня была права во всем. Больше Государя. Ведь Она писала Государю, что Гучкова, Львова и других нужно сослать в Сибирь за их антиправительственную деятельность во время войны. И, конечно, это нужно было сделать. И. Солоневич пишет еще более откровенно:

"Основных ошибок было две: то, что призвали в армию металлистов, и то, что не повесили П.Н. Милюкова. Заводы лишились квалифицированных кадров, а в стране остался ее основной прохвост".[322]

К сожалению, Государь на эти меры не шел. В своих воспоминаниях А. Спиридович, всегда хорошо осведомленный, пишет, что при сложившихся обстоятельствах к концу 1916-го года Государь должен был уступить всем этим "передовым" и "прогрессивным", "народным" избранникам или использовать все находившиеся в его распоряжении средства, чтобы ликвидировать все готовящиеся заговоры, с какой бы стороны они ни шли. Государь не делал ни одного, ни другого. Это вселяло бодрость в заговорщиков, и роковая развязка приближалась.

Наконец, Государь, после двух месяцев отсутствия из Ставки, вернулся туда 23 февраля. Посмотрим, как "верная" Ставка относилась в то время к своему Державному Вождю.

"В отношении Государя в Ставке все заметнее нарастало особое чувство — не то недовольства Им, не то обиды на Него. Усилилась критика его действий, некоторое отчуждение от Него. Кончался второй месяц, как Он уехал из Ставки. Ставка должна была бы соскучиться без своего Верховного, а между тем создалось такое настроение, точно чины Ставки отдыхают от переживаний, которые будились пребыванием среди них Государя и его действиями. И когда в половине февраля стало известно, что 23 февраля Государь возвращается в Ставку, чины Ставки, **особенно старшие** (выделено мною — *В.К.*), совсем не обрадовались, — приходилось слышать:

— Чего едет? Сидел бы лучше там! Так спокойно было, когда его тут не было".[323]

Старшими чинами Ставки были: начальник Штаба — Алексеев, его помощник — Клембовский и генерал-квартирмейстер — Лукомский. Библейский Хам мог быть довольным своими способными потомками...

Шавельский дальше пишет о той перемене, которую он заметил во внешности Государя:

"Как и прежде, Государь ласков и приветлив. Но в наружном его виде произошла значительная перемена. Он постарел,

осунулся. Стало больше седых волос, больше морщин — лицо как-то сморщилось, точно подсохло".[324]

А в письме от 26-го февраля 1917 года Государь писал Государыне:

"Старое сердце дало себя знать. Сегодня утром во время службы я почувствовал мучительную боль в груди, продолжавшуюся четверть часа. Я едва выстоял, и мой лоб покрылся каплями пота".

Государь был затравлен. Он видел, конечно, и косые взгляды своих генералов в Ставке, и безконечные советы, и какие-то угрозы со стороны тех, которые были уж совсем некомпетентны в том, о чем говорили. Ну что понимал Шавельский, когда говорил с Государем о государственных делах? Как дети шептались между собой. "А вы пойдете к Государю?" "А вы уже сказали Ему?" "Молодец, что сказали!"

Боже, как все это пошло, глупо и недостойно! Уж о том, что это просто неприлично, и говорить не приходится. Кто из них думал о каких-то "приличиях"?! И всех бесило, что Государь "никак не реагировал на их советы и предупреждения". Ведь все они (я не буду перечислять, кто говорил с Государем — это заняло бы слишком много места) были уверены в том, что все, что ими было сказано, было "ужасно умно". А Государь слушал внимательно, курил и любезно "отпускал с миром". Ну что мог Государь им сказать? Что это не их дело, что они болваны (или доброжелатели настоящих заговорщиков), что они должны заниматься своим делом, а не совать свой нос туда, куда им не полагается. Но Государь молчал. Его невероятная выдержка и редкая уже и тогда воспитанность (теперь этого уже вообще не существует) не позволяли Ему всего этого сказать. Но думать Он, конечно, мог и, наверно, так и думал. И переживал. Ведь измена уже висела в воздухе, ее можно было уже почти что "физически ощущать". И сердце сдавало. Но добровольно Император не хотел, не мог отдать Россию всем этим ничтожествам, которые умели только говорить и не умели ничего делать. Его можно было заставить это сделать силой. Это могли сделать те, в чьих руках была подлинная сила. Они это сделали...

Передо мной лежат десятки книг с воспоминаниями о днях, которые будут описаны в следующих главах. В тех воспоминаниях, которые ограничены только этими днями, примерно двумя неделями, ничего нельзя понять. Можно только описать, что авторы видели и слышали, и только. Но делать выводы и, не дай Бог, ссылаться не на очевидцев, а на тех,

которые писали свои труды на основании тех же воспоминаний очевидцев, нельзя ни в коем случае. Этим грешат: Спиридович, Сергеевский, отчасти Данилов и другие. Сергеевский цитирует или ссылается на Мельгунова, Спиридович на Тихменева и так далее. Очевидец должен писать только то, что он видел. Это уже Мельгунов, Ольденбург, Якобий, Солоневич и другие могут писать, ссылаясь на воспоминания, но никак не сам очевидец. Тогда это уже не воспоминания.

Только дав полную картину царствования Императора Николая II и, в особенности, последних трех лет перед революцией, а затем описав и весь крестный путь Государя до его ужасной смерти, можно понять, почувствовать и осмыслить все, что произошло в феврале и марте 1917-го года. Нужно описать и те полтора года, которые прожил после революции Алексеев. Ведь моя работа "Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев" названа так не случайно. Называя Алексеева генерал-адъютантом, я сознательно подчеркиваю ту прямую обязанность, которая заставляла его исполнить свой долг пред своим Императором и Родиной. Все "юридические и практические" преграды не имели никакого значения. Была только нравственная сторона его долга. И фактическое положение. Вся подлинная сила была в армии, пусть армия была уже не та, но это все же была армия, а не распропагандированный социалистами сброд в запасных батальонах Петроградского гарнизона, который и устроил бунт. Государственная Дума вместо своих прямых обязанностей два года науськивала всех подонков, всю чернь столицы сперва на Распутина, потом на Штюрмера, Протопопова, Государыню, а потом уже и на самого Носителя Верховной Власти.

Как можно было принимать всерьез Гучкова, Львова, Милюкова, Шульгина, Пуришкевича, Юсупова и некоторых членов Императорской Фамилии? Да в чем обвиняли Штюрмера, Протопопова, Государыню, Вырубову? В измене, в желании заключить сепаратный мир и прочий вздор. Ведь все эти профессиональные прогрессисты сознательно и упорно подтачивали "жизнь и славу России". И подточили.

Чрезвычайная Следственная Комиссия Временного Правительства, учрежденная для расследования преступлений Государя и его Правительства, не находит **ничего**.

"Керенский делал доклад правительству и совершенно определенно, с полным убеждением, утверждал, что невинность Царя и Царицы в этом отношении (государственная измена) установлена".[325]

У меня нет доказательств (их не может быть), но я уверен, что, если бы вместо Алексеева на этом посту тогда был бы генерал П.Н. Врангель, он поступил бы иначе. Генерал Алексеев в моей работе тип собирательный. Это все те, которые не исполнили своего долга. Это и Рузский, это и Лукомский, и Данилов, это и "коленопреклоненный" Николай Николаевич, и Брусилов, и Эверт, и Сахаров, и Непенин, и Кирилл Владимирович, и Голицын, и Протопопов, и Хабалов и многие другие. У меня лично нет никакой вражды к Алексееву. Но искажать то, что имело место, мы не имеем права. Ведь если бы Алексеев исполнил бы свой долг и верными войсками занял бы Петроград, разогнав преступную свору заговорщиков и их приспешников, какой неувядаемой славой покрыл бы он себя! А Россия была бы, невзирая на все старания злобного и враждебного Запада, сильнейшим Государством в мире. А мы все имели бы то безконечное счастье, которого лишены навсегда, жить на своей чудесной Родине, молиться в наших церквах и монастырях, работать на благо дорогой, родной России.

"Боже, Царя Храни!"

Не сохранили, не уберегли, а предали и погубили свой Отчий Дом.

Глава XX

ПОДГОТОВКА РЕВОЛЮЦИИ. ДОНЕСЕНИЯ ОХРАННОГО ОТДЕЛЕНИЯ. КНИГА "ОТРЕЧЕНИЕ" СЕРГЕЕВСКОГО И ПРЕДИСЛОВИЕ "ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА". ГОСУДАРЬ ЕДЕТ В СТАВКУ. НАЧАЛО БЕЗПОРЯДКОВ. РОЛЬ ДУМЫ. ПРОТОПОПОВ И СОВЕТ МИНИСТРОВ. ПОВЕЛЕНИЕ ГОСУДАРЯ. ДУМА ПЕРЕХОДИТ НА СТОРОНУ БУНТА. ХАБАЛОВ И ЕГО РАСТЕРЯННОСТЬ. БЕЛЯЕВ И КОНЕЦ СОПРОТИВЛЕНИЯ. СОЦИАЛИСТЫ И ОБРАЗОВАНИЕ ВРЕМЕННОГО КОМИТЕТА. СОВЕТ РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ. АРЕСТ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Забастовка петроградских рабочих началась 23 февраля. Государь уехал в среду 22 февраля, в 2 часа дня.

Вспомним, что писал князь Оболенский в своих воспоминаниях, когда он случайно был посвящен в планы заговора. Все совпало день в день. Социалисты (и большевики, и меньшевики, и социалисты-революционеры, и интернационалисты и еще какие-то отдельные группировки) работали не покладая рук среди рабочих по заводам. В этот день бастовало уже около 30.000 рабочих. Боевыми лозунгами бастующих, по указанию всех этих партий, были:

"Долой войну" и "Хлеба!"

Полиция уже с трудом поддерживала порядок, и среди полицейских были раненые. Вызванные войска (9-ый драгунский Запасной полк) с трудом рассеяли толпу. Толпа бастующих устремлялась на Невский. Чрезвычайно странно вели себя казачьи части. Они не оказывали никакого содействия полиции и другим воинским частям, вызванным для водворения порядка.

Об этом пишет в своих воспоминаниях даже Суханов (Гиммер), который был одним из главных руководителей и учредителей пресловутого Совета Рабочих и Солдатских депутатов.

"Особенную лояльность неожиданно проявили казачьи части, которые в некоторых местах, в прямых разговорах, подчеркивали свой нейтралитет, а иногда обнаруживали прямую склонность к братанью".[326]

Впереди бастующих рабочих шли подростки и кричали: "Хлеба".

Повсюду останавливали трамваи, отбирали ключи у вагоновожатых, били стекла в магазинах, снимали рабочих на фабриках и все устремлялись в центр города. Полиция и войска

рассеивали скопища рабочих, но те усвоили новую тактику – разбегаясь, они опять собирались и опять устремлялись к Невскому. К ночи все разошлись по домам.

Ни Протопопов, ни Хабалов не поняли, что началась подготовляемая давно атака на существующий строй. Хабалов был уверен, что все происходит из-за нехватки хлеба. Он пригласил пекарей и заявил им, что волнения вызваны провокацией. На следующий день, в пятницу 24 февраля появились расклеенные объявления Хабалова:

"За последние дни отпуск муки в пекарни для выпечки хлеба в Петрограде производится в том же количестве, как и прежде. Недостатка хлеба в продаже не должно быть. Если же в некоторых лавках хлеба иным не хватило, то потому, что многие, опасаясь недостатка хлеба, покупали его в запас на сухари. Ржаная мука имеется в Петрограде в достаточном количестве. Подвоз этой муки идет непрерывно".

Но число бастующих увеличивалось, и 24 февраля их было уже около 170.000. Толпы народа усиленно разгонялись полицией и пехотными и кавалерийскими частями. Спиридович пишет, что большой ошибкой властей было упущение в деле задержания 19 агитаторов, которых не предали военно-полевому суду. Немедленный расстрел этих агитаторов произвел бы охлаждающее действие гораздо лучше, чем действия военных частей.

Протопопов же сообщил в Царское, что безпорядки вызваны только из-за хлеба. Какой чудесный и хорошо осведомленный Министр Внутренних Дел Российской Империи!

Вечером еще 23 февраля в Градоначальстве, под председательством генерала Хабалова, собрались градоначальник генерал Балк и командиры всех воинских частей Петроградского гарнизона. Обсуждалось создавшееся положение. Во время этого обсуждения уже выяснилось, что "казачий полк во всех случаях бездействовал". Между прочим, инструкция совместных действий войск и полиции была выработана еще осенью 16-го года. Показывая ее Государю, Протопопов услышал замечание Государя:

"Если народ устремится по льду через Неву, то никакие наряды его не удержат".

Так позже и вышло.

В Царском в тот же день заболели корью Наследник и Великая Княжна Ольга Николаевна. Вскоре заболела и Вырубова. Болезнь дочерей (вскоре заболели и остальные дочери) и осо-

бенно сына, оторвали Государыню от обычных источников информации. Как натура нервная, Государыня предчувствовала подсознательно наступающую беду. 24 февраля Императрица писала Государю:

"Вчера были беспорядки на Васильевском Острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова и против них вызвали казаков. Все это я узнала неофициально".

Но дело было не в хлебе. Из социалистов большевики первые объявили политическую забастовку. Уже открыто были выброшены лозунги:

"Долой Царское Правительство",

"Да здравствует Временное Правительство и Учредительное Собрание",

"Долой войну".

И все устремляются на Невский проспект. Полиция опять оттесняет толпу в 40.000 человек, но они разбегаются и затем боковыми улицами двигаются к Невскому.

По всем большим артериям Петрограда двигаются тысячные толпы. Поют марсельезу, громят магазины, бьют витрины, прекращают трамвайное движение. Около Троицкого моста конная полиция загораживает путь. Из толпы стреляют. Со всех сторон двигаются к центру города. Поют уже:

"Вставай подымайся рабочий народ".

Бывшие поблизости казаки не принимают никакого участия в рассеянии толпы. В толпе уже раздаются крики:

"Казаки за нас!"

Начался митинг у памятника Александру III. Среди криков "да здравствует республика", "долой полицию", раздавалось "ура" по адресу присутствующих казаков, которые отвечали народу поклонами. Несмотря на то, что к тому времени (23 и 24 февраля) было уже избито 28 полицейских, Хабалов не хотел прибегать к стрельбе. Чувствовалось безсилие власти. Правительство совершенно не отдавало себе отчета в происходящих событиях. На очередном заседании Совета Министров о событиях даже не говорили, а занимались текущими делами. Протопопов даже не явился на это заседание.

В субботу 25 февраля бастовало уже 250.000 рабочих. По рукам ходила листовка большевиков следующего содержания:

"Впереди борьба, но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции. Долой Царскую монархию. Да здравствует демократическая республика. Да здравствует восьмичасо-

вой рабочий день. Вся помещичья земля народу. Долой войну. Да здравствует братство рабочих всего мира. Да здравствует социалистический интернационал".

В 10 часов утра полицмейстер Шалфеев подвергся нападению толпы и тяжело раненый, в безсознательном состоянии, отвезен в госпиталь. У городовых стали отнимать револьверы и шашки. Казаки все время вели себя безобразно, явно сочувствуя демонстрантам. Когда 5.000 рабочих с пением революционных песен двинулись по проспекту, конная полиция стала разгонять толпу. Полицейский пристав, командовавший конной полицией, обратился за помощью к начальнику казачьего разъезда 1-го Донского полка. Вместо помощи разъезд скрылся. На Невском из толпы бросают в полицию и воинские части бутылки, камни. Раздаются выстрелы.

У памятника Александру III казаки в первый раз открыто идут на измену. Пристав Крылов бросился отнимать красный флаг. Его убивает шашкой казак. Когда конная полиция бросается к Крылову, казаки под командой офицера оттесняют полицию. Толпа качает казака, который убил пристава. Толпа становится все более агрессивной. В высших учебных заведениях были сходки и забастовки.

И все же в этот день военный министр (Беляев) рекомендовал Хабалову избегать открытия огня. Хабалов доносил в Ставку:

"...В подавлении безпорядков, кроме Петроградского гарнизона, принимают участие пять эскадронов 9 запасного кавалерийского полка из Красного Села, сотня Лейб-гвардии сводно-казачьего полка из Павловска и вызвано в Петроград пять эскадронов гвардейского запасного кавалерийского полка. Хабалов".

А Протопопов телеграфировал Воейкову:

"Наряду с эксцессами противоправительственного свойства, буйствующие местами приветствуют войска. Прекращению дальнейших безпорядков принимаются энергичные меры военным начальством. Москве спокойно. Протопопов".

Вечером около 6 часов из толпы стали стрелять по полиции и войскам. Офицер отряда не растерялся и дает по толпе залп. Несколько человек было убито и ранено. Это значительно охладило толпу. Невский сразу опустел. Чернь разбегалась.

А в Городской Думе при попустительстве власти заседание, посвященное продовольственному вопросу, превратилось в политический митинг. Прибытие Керенского было встречено аплодисментами. Городской Голова (Лелянов) добивается по

телефону от градоначальника Балка освобождения арестованных. Начальство еще не понимало, что началась революция.

Но если начальство еще не понимало, что началась революция, то это хорошо понимали те подлинные темные силы, которые вылезли из подполья и стали направлять бунтарское движение в нужном для этих темных сил направлении. И самым злобным, открыто ненавидящим Россию был Суханов (Гиммер). Вот что он пишет об этих днях.

"На больших улицах происходили летучие митинги, которые рассеивались конной полицией и казаками — без всякой энергии, вяло и с большим запозданием. Генерал Хабалов выпустил свое воззвание, где в сущности уже расписывался в безсилии власти, указывая, что неоднократные предупреждения не имели силы, и обещая впредь расправляться со всей решительностью. Понятно, результата это не имело. Но лишним свидетельством безсилия это послужило. Движение было уже явно запущено. Новая ситуация в отличие от старых безпорядков была ясна для каждого внимательного наблюдателя. И в пятницу я стал уже категорически утверждать, что мы имеем дело с революцией, как с совершающимся фактом".[327]

Дальше Суханов, который был, конечно, гораздо умнее всех думских заправил, пишет, что революция удастся, если буржуазия (то есть та же Дума в лице Прогрессивного блока) возьмет "власть" в свои руки, которая фактически должна быть в руках социалистов всех мастей.

"Вся наличная государственная машина, армия чиновничества, цензовые земства и города, работавшие при содействии всех сил демократии, могли быть послушными Милюкову, но не Чхеидзе. Иного же аппарата не было и быть не могло. Первая революционная власть в данный момент, в феврале, могла быть только буржуазной".[328]

Сам Суханов был пораженцем, фанатичным циммервальдцем и, как и Ленин, видел в России только плацдарм для грядущей мировой революции. Его партнерами были Соколов и Стеклов (Нахамкес). О Соколове пишет сам Суханов:

«Однако, так или иначе мы вполне сходились с Н.Д. Соколовым в наших практических выводах. Как человека, более и определеннее других выступавшего против войны, как литератора, имевшего довольно прочную репутацию пораженца, интернационалиста и ненавистника патриотизма, Н.Д. Соколов убеждал меня выступить сейчас как можно скорее и решительнее против

развертывания антивоенных лозунгов и содействовать тому, чтобы движение проходило не под знаком "долой войну"».[329]

В общем Суханов, Соколов, Стеклов и компания сознательно подготовляли обман для думцев, чтобы под эгидой Государственной Думы (как мы увидим дальше) взять фактически власть в свои руки при помощи сплошь распропагандированных в духе социальной революции петроградских рабочих и того сброда, который числился в частях гарнизона столицы. Этот план блестяще удался. Государственная Дума столько лет расшатывала авторитет Верховной Власти и Правительства, что социалистам не пришлось затрачивать почти никаких усилий, чтобы прибрать массы к своим рукам. Дума кричала "война до победного конца", а социалисты "долой войну", Дума хотела, чтобы ее лидеры управляли страной, а социалисты говорили — "гоните в шею буржуев", а вскоре после приезда "гуманиста" Ульянова-Ленина бросили столь близкий сердцу столичных "масс" (попросту подонков) лозунг "грабь награбленное".

Конечно, в лице "Временного Правительства" все эти "гениальные" Гучковы, Милюковы, Львовы и прочая "элита" могла быть очень "временно" в "правительстве", которое, впрочем, не правило. Их вышибали методично и решительно. Сперва выгнали "неторгующего купца" (который за два месяца развалил Армию), потом очень умного профессора ("с проливами"), а потом и самого молчаливого (в прениях правительства он не принимал участия, а всегда ... молчал) "главу правительства". Все это было заранее предусмотрено "революционной демократией"".[330]

Но вернемся к развивающимся событиям. После сообщений Хабалова и Протопопова о безпорядках в Петрограде, причем в своем донесении Хабалов не доложил об убийстве пристава казаком и о том, что толпа качала казака-убийцу, Государь отправил в 9 часов вечера личную телеграмму Хабалову:

"Повелеваю завтра же прекратить в столице безпорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай".

Мне хочется спросить Издательство "Отречения 1917 года", как это ясное приказание Императора и Верховного Главнокомандующего Российской Империи совместить с утверждением авторов "От Издательства" о "непротивлении злу" Государя?

А вот что пишет в этот день генерал Д. Дубенский ("рамолик", "злобный" человек и "клеветник") по утверждению автора того же "Отречения" Сергеевского.

"Генерал Алексеев пользовался в это время самой широкой популярностью в кругах Государственной Думы (еще бы! — *В.К.*), с которой находился в полной связи. Он был надеждой России в наших предстоящих военных операциях на фронте. **Ему глубоко верил Государь** (выделено мною — *В.К.*). Высшее командование относилось к нему с большим вниманием. На таком высоком посту редко можно было увидать человека, как генерал Алексеев, к которому люди самых разнообразных партий и направлений относились бы с таким доверием. Уже одно то, что его называли, по преимуществу, Михаил Васильевич, когда о нем упоминали, говорит о всеобщем доброжелательном отношении к нему. При таком положении генерал Алексеев мог и должен был принять ряд необходимых мер, чтобы предотвратить революцию, начавшуюся в разгар войны, — да еще в серьезнейший момент, перед нашим весенним наступлением.

У него была вся власть. Государь поддержал бы его распоряжения. Он бы действовал именем Его Величества. Фронт находился в его руках, а Государственная Дума и ее Прогрессивный блок, — не решились бы ослушаться директив Ставки. К величайшему удивлению, генерал Алексеев не только не рискнул начать борьбу с начавшимся движением, но с первых же часов революции выявилась его преступная бездеятельность и безпомощность. Как это случилось, — понять трудно".[331]

Трудно было понять Дубенскому, который не знал о деятельности Алексеева еще в 16-м году. Не знал Дубенский и о сношениях Алексеева с Гучковым и Львовым.

Получив телеграмму от Государя, Хабалов "растерялся". "Меня ударило как обухом по голове", — говорил он про впечатление от этой телеграммы. То есть почему это? Почему Командующий Петроградским Военным Округом "растерялся", получив приказ от Государя Императора? Кто был вообще Хабалов? Кто его назначил на этот пост?

На этот вопрос я приведу ответ в лице адмирала Бубнова, который уж не может быть назван Сергеевским тоже "рамоликом", "клеветником" и т.д. А может быть, тоже?

"...Сделало ли верховное командование в лице генерала Алексеева и его сотрудников все, что было необходимо и возможно для предотвращения катастрофы, которая принесла России столько бедствий и страданий, а всему человечеству столько лишений и тревог за будущее?

Можно, быть может, было бы еще спасти положение принятием энергичных и обширных мер в самые первые дни рево-

люционного движения, то есть 25 и 26 февраля. Но для этого верховное командование и главнокомандование Северо-Западным фронтом должно было быть в руках прозорливых, смелых и решительных боевых начальников, каковыми ни генерал Алексеев, ни тем более генерал Рузский не были. Остается, значит, во всей своей широте, чреватый великой ответственностью, вопрос: почему же не были своевременно предприняты меры для предотвращения начала революционного движения в столице и, в случае необходимости, для успешной борьбы с ним".[332]

А вот еще несколько слов об Алексееве, написанные флигель-адъютантом полковником Мордвиновым:

«...Я убежден, по многим признакам, что Его Величество относился к генералу Алексееву с большей симпатией и любовью, чем к другим... Понимал ли генерал Алексеев Государя настолько, чтобы любить его как человека, был ли предан Ему, как настоящий русский своему настоящему Русскому Царю, вот те вопросы, которые я задавал себе неоднократно тогда и потом и как тогда, так и потом вплоть до настоящего времени, не мог себе с достаточной ясностью на них ответить.

Многое, а после отречения и, судя по искренним рассказам его семьи — очень многое мне говорило "да", но всегда с неизменной во мне прибавкой "вероятно, недостаточно крепко, хотя бы до забвения сплетен".

Генерал Борисов, близкий друг М.В. Алексеева, в частных разговорах со мной уже после отречения неоднократно выражал сожаление, что Государь "не сумел с достаточной силой привязать к себе Михаила Васильевича и мало оказывал ему особенного внимания, недостаточно выделяя его, якобы, из других". "Тогда все было бы, конечно, иначе", — неизменно, с полным убеждением, доказывал мне Борисов.

Все же нельзя сказать, чтобы к генералу Алексееву в те тяжелые и смутные дни свита, находившаяся в Ставке относилась с безусловным доверием и надеждой».[333]

Алексеев и не любил, и не понимал Государя, и абсолютно ничего не предпринял, чтобы предотвратить катастрофу. Разве может человек, который любит своего Государя, говорить так, как говорил он.

"Ну, что можно сделать с этим ребенком! (это так называл Алексеев своего Государя — *В.К.*) Пляшет над пропастью и... спокоен. Государством же правит безумная женщина, а около нее клубок грязных червей: Распутин, Вырубова, Штюрмер,

Раев, Питирим... На днях я говорил с ним, решительно все высказал ему".[334]

Так говорил Алексеев о Государе. О любви к Государю не может быть, конечно, и речи. Но есть вещь похуже. Алексеев не только верил всем сплетням и клевете, но и сочувствовал всем этим государственным преступникам, эти сплетни распространявшим. И был с некоторыми из них в "неофициальных" отношениях. Как начальник штаба Верховного Главнокомандующего он обязан был знать о пропаганде социалистов в воинских частях Петроградского гарнизона, он обязан был заменить их надежными частями, он обязан был назначить на пост Командующего Петроградским Военным Округом не Хабалова, который в прошлом был начальником Московского Юнкерского Училища, а энергичного способного человека. **Он ничего этого не сделал.** Но все это было до начала революционных событий в Петрограде. Во время этих событий Алексеев пошел на открытую измену. Впрочем, измена уже была совершена Алексеевым, когда он не сообщил Государю о предложении, сделанном ему, участвовать в заговоре.

В своих воспоминаниях Сергеевский говорит о пропущенной возможности — назначения Великого Князя Сергея Михайловича с особыми полномочиями вместо Иванова. Соглашаясь вполне, что Иванов никак не подходил к этой роли (об этом будет еще сказано дальше), остановимся на Великом Князе Сергее Михайловиче. Обратимся к характеристике Сергея Михайловича, данной его братом Александром Михайловичем.

«Мой четвертый брат — Великий Князь Сергей Михайлович — радовал сердце моего отца тем, что вышел в артиллерию и в тонкости изучил артиллерийскую науку. ...Его советов никто не слушал, но впоследствии на него указывали в оппозиционных кругах Государственной Думы, как на "человека, ответственного за нашу неподготовленность"... У него была манера на все обижаться, которая дала ему прозвище: "Monsieur Tant — Pis"».*[335]

О нем же пишет Лукомский:

"Русская полевая артиллерия очень многим обязана Великому Князю. Благодаря его знаниям и громадной энергии, с которой он проводил подготовку личного состава, постоянно объезжая и контролируя, наша полевая артиллерия и в Японскую, и в Европейскую войны была на должной высоте.

---

* Monsieur Tant – Pis (*фр.*) – месье "Ничего Не Поделаешь" (*ред.*).

Но как администратор Великий Князь себя ничем не проявил, да и быть генерал-инспектору начальником главного управления совсем не подобало. А фактически так было, и создавалось самое невероятное положение. Начальника Главного артиллерийского управления генерала Кузьмина-Караваева часто бранили Сухомлинов и Поливанов, на него нападали и в Государственной Думе. А он, фактически исполняя указания Великого Князя, не мог это сказать и все удары принимал на себя".[336]

Вряд ли обе характеристики говорили в пользу волевого характера Великого Князя.

А когда Государя и Царскую Семью Керенский отправил в Тобольск, Великий Князь Сергей Михайлович писал своему брату Николаю Михайловичу:

"Самая сенсационная новость это — отправление **полковника** (выделено мною — *В.К.*) со всей семьей в Сибирь. Считаю, что это очень опасный шаг правительства — теперь проснутся все реакционные силы и сделают из него мученика. На этой почве может произойти много беспорядков".

Вот на этого человека "уповал" в своих воспоминаниях Сергеевский. Но несмотря на свое пресмыкательство перед "Керенщиной", оба Великих Князя были расстреляны в январе 1919 г. большевиками.[337] Герцог Орлеанский, он же Филипп Эгалитэ — тип безсмертный.

Руководство подавления мятежа должен был взять на себя сам Алексеев, оставаясь в Ставке. Хан-Гуссейн Нахичеванский или граф Келлер, конечно, справились бы с петроградской рванью. Но Алексеев этой ответственности на себя не взял.

В Петрограде же Хабалов, собрав командиров запасных батальонов, прочел телеграмму Государя и отдал приказание незначительные демонстрации разгонять кавалерией, а с красными флагами рассеивать огнем.

В тот же день вечером на заседании Совета Министров обсуждался вопрос о роспуске Государственной Думы и о безпорядках. Протопопов несвязно говорил, что безпорядки надо подавить силой и распустить Думу. Вызванный Хабалов произвел впечатление насмерть перепуганного обывателя. Он забыл даже доложить о телеграмме Государя. А Протопопов ни разу за все те дни не отправил Государю своего доклада о событиях. В Царском Государыня приняла нового Таврического губернатора. Все казалось спокойным.

На следующий день — 26 февраля, в Воскресенье, события приняли уже угрожающий характер. Газеты не вышли. Всюду

расставлены полицейские заставы и войсковые наряды. Демонстранты, следуя указаниям из своих центров, приняли новую тактику — братанье с солдатами. Ночью полиция арестовала до ста человек из разных партий. К полудню появляются толпы с красными флагами, В три часа начинается стрельба пехотных частей по толпам. Цепи стреляют залпами. Но кто-то стреляет по солдатам сзади. Стрельбе по толпе мешают казаки, смешиваясь с толпой.

В Царском во Дворце царила атмосфера лазарета — особенно худо было Наследнику. Государыня получила успокоительное письмо от Протопопова, в котором тот лгал, сообщая, что к понедельнику все войдет в нормальную колею.

Вечером того же дня Спиридович, который был в те дни в Петрограде, приехав из Ялты по делам, звонил в Ставку своему бывшему начальнику Воейкову, указывая на крайне серьезное положение и настаивал на прибытии в Петроград Государя.

Родзянко же в это время явился к Голицыну и не нашел ничего лучшего, как просить его немедленно выйти в отставку. Голицын отказался, но указав на папку на столе, в которой находился указ о роспуске Думы, просил устроить совещание лидеров фракции, чтобы "столковаться".

В Ставке жизнь шла нормально, только было получено сообщение от Государыни. Это были две телеграммы. В одной было:

"В городе пока спокойно".

А во второй:

"Совсем нехорошо в городе".

Родзянко звонил по телефону также и Хабалову и спрашивал "зачем кровь?". Хабалов ни словом не обмолвился и здесь о телеграмме Государя. Позвонив Беляеву (военному министру), Родзянко посоветовал рассеивать толпу при помощи пожарных. Он также телеграфировал Государю:

"Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю Бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца".

Копии этой телеграммы были разосланы командующим с просьбой поддержать перед Государем обращение Родзянко. Первым ответил Брусилов:

"Вашу телеграмму получил. Свой долг перед родиной и Царем исполнил".

Вторым ответил Рузский:

"Телеграмму получил. Поручение исполнено".

Между тем, в четвертую роту запасного батальона Лейб-гвардии Павловского полка пробрались агитаторы. Они стали жаловаться, что учебная команда Павловцев стреляет по народу. Рота заволновалась. Схватив винтовки, без офицеров, толпой вышли на улицу. Им загородила путь на Екатерининском Канале конная полиция. Началась перестрелка. Вызванный взвод Преображенского полка водворил Павловцев в казармы. Рота образумилась. Было выдано 19 зачинщиков, но 21 человек скрылись с винтовками.

А Протопопов опять послал успокоительную телеграмму Воейкову. Кончалась телеграмма так:

"...Поступили сведения, что 27 февраля часть рабочих намеревается приступить к работе. В Москве спокойно. М.В.Д. Протопопов".

О бунте в Павловском полку не было сказано ни слова. В Совете Министров большинство министров высказалось за роспуск Думы, и Голицын сообщил об этом Родзянко в ночь на 27 число.

О решении распустить Думу Голицын телеграфировал в 1 час 58 минут ночи на 27 февраля Государю.

После стрельбы по демонстрантам настроение в социалистических "главных квартирах" понизилось. Но положение не улучшилось, так как военное начальство никуда не годилось. Не было руководительства, и офицеры открыто бранили высшее начальство.

27 февраля можно считать первым днем настоящей революции. Началось с военного бунта, который потом при явном содействии Государственной Думы перешел в революцию.

В этот день начался мятеж в учебной команде Запасного батальона Лейб-гвардии Волынского полка. Ночью во второй роте команды старший унтер офицер Кирпичников уговаривал своих солдат не выступать завтра против "народа". Было решено заявить об этом завтра командиру 1-ой роты капитану Лашкевичу. Утром агитация велась уже во всех взводах. Кирпичников спросил всех, согласны ли слушаться его приказаний. Все согласились. Когда вошел капитан Лашкевич, унтер офицер Марков заявил, что солдаты решили больше не стрелять в "народ". Когда Лашкевич бросился к нему, он был убит.

Вместо энергичных и быстрых мероприятий офицеры обсуждали вопрос, что делать дальше. Затем происходит что-то невероятное — учебная Команда выходит на улицу, а командир батальона, предложив офицерам разойтись, куда-то уезжает.

Учебная команда во главе с Кирпичниковым отправляется в Преображенский полк. К ним присоединяется 4-ая рота преображенцев. Тут же убивают полковника. К ним присоединяется рота Литовского полка; затем саперы. Присоединившиеся рабочие ведут мятежников вперед. Играет музыка. Офицеры, не принимавшие участия в этом мятеже, прячутся от озверевшей солдатни. Все направились к казармам Московского полка. Часть московцев присоединилась к мятежникам. Офицеры отстреливались из военного собрания. Толпа начала громить полицейские участки. Затем, осадив тюрьму "Кресты", освободила всех арестантов.

После этого толпа солдат и рабочих поджигает здание Окружного Суда. Пожарная команда не допускается к тушению пожара. И затем озверевшая толпа кричит:

"Все в Государственную Думу!"

И лавина человеческого месива плывет в Думу...

Хабалов несколько раз доносил в Ставку, "что среди котла событий" безпорядки продолжаются, и приказаний Его Величества он выполнить не может.

Родзянко нашел у себя на квартире следующий указ:

"На основании статьи 99 Основных Государственных Законов, Повелеваем: занятия Государственной Думы прервать с 26-го февраля сего года и назначить срок их возобновления не позже апреля 1917 года, в зависимости от чрезвычайных обстоятельств. Правительствующий Сенат не оставит к исполнению сего учинить надлежащее распоряжение".

Государственный Совет тоже распускается. Государыня послала Государю телеграмму, которая заканчивалась весьма тревожно:

"Очень безпокоюсь относительно города".

27 февраля утром Родзянко опять послал Государю телеграмму:

"Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и Династии".

Правительство не приняло никаких мер, чтобы в Думу никого не пропускали и чтобы не было никаких демонстраций.

9 Зак. 4013

Поэтому, несмотря на роспуск Думы, утром депутаты стали стекаться в Думу, где в комнате Прогрессивного блока шло совещание. Было решено указу подчиниться, но членам Думы не разъезжаться и собраться на "частное" совещание.

На этом совещании было произнесено много речей — Некрасовым, Чхеидзе, Керенским, Милюковым и другими. Решили выбрать Временный Комитет — "для водворения порядка в столице и для сношений с общественными организациями и учреждениями". В этот комитет вошел состав бюро Прогрессивного блока с Керенским и Чхеидзе, так сказать, в придачу. Это, конечно, было решение в пользу революционного движения. В скором времени в Думу поступили сведения, что к Думе движется вооруженная толпа. Некоторые депутаты поспешили скрыться. Толпа рабочих, солдат, уличной черни и всякого сброда ворвалась в Таврический дворец, оттеснила караул, убила его начальника и запрудила все помещения Думы.

Все шло в думу — и рабочие, и взбунтовавшиеся и убившие своих офицеров солдаты, и журналисты, и только что выпущенные из тюрьмы преступники, и, конечно, социалисты всех мастей.

***"Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?"
(Пушкин "Бесы").***

Да, хоронили.., но только не домового, а Русскую Государственность. Хоронили руками русских людей, одураченных преступным Заговором, десятилетиями мечтавшим разрушить Русское Православное Царство. Но этих похорон никогда бы не было, если бы Высшее Командование Армии во главе с генералом Алексеевым не приняло бы участия в этом величайшем преступлении.

Что же делал в это время Хабалов? Он сформировал небольшой отряд около 1.000 человек и отправил его под начальством полковника Кутепова против мятежных частей. Но этот отряд "застрял" и требовал подкреплений. Подкреплений требовали многие: Голицын — охраны, телефонная станция — небольшого отряда, Мариинский дворец — то же. Между 2-3 часами Хабалов, совершенно растерянный явился к Голицыну. Там же был и военный министр Беляев. Решили собрать "резерв" под командой князя Аргутинского-Долгорукова. Оказалось, что уже нет патронов. Обратились в Кронштадт. Оттуда ответили,

что опасаются за крепость. Беляев, видя полную растерянность Хабалова, приказал начальнику Генерального Штаба Занкевичу вступить в командование гвардейскими запасными частями. Приехал еще и Кирилл Владимирович и "рекомендовал" сместить Протопопова. Это был прерогатива только Государя, но тогда уже началась анархия и в головах очень многих. После этого Беляев отправился в Мариинский дворец (резиденция правительства), где министры "уже ожидали своего ареста".

Не понимая сущности событий, члены кабинета думали, что все происходит из-за нежелания Думы видеть Протопопова министром, и убедили его "сказаться больным", на что Протопопов, этот фанфарон и никчемный министр, совершенно растерявшись, согласился. Когда об этом было сообщено в Ставку Государю, Государь немедленно телеграфировал:

"Перемены в личном составе при данных обстоятельствах считаю недопустимыми".

Государь был совершенно прав – это было только ненужным и безполезным самоунижением. Никакого "непротивления злу" Государь не знал.

А в Думе, в одной из комнат собрался на первое собрание только что организованный Совет рабочих Депутатов. Председателем выбрали Чхеидзе, его заместителем Керенского, в исполнительный комитет Суханова, Стеклова, Соколова и других вожаков-пораженцев.

Оставшиеся верные воинские части сосредоточились на площади Зимнего Дворца. Там были Беляев, Хабалов и Занкевич. Совет Министров объявил осадное положение, но все это уже запоздало. Голицын отправил телеграмму Государю, в которой "дерзал представить предложение" о замене себя другим лицом и составить... ответственное министерство.

Государь отвечает телеграммой Голицыну:

"О главном начальнике для Петрограда мной дано повеление начальнику моего штаба с указанием немедленно прибыть в столицу. То же относительно войск. Лично вам предоставляю все необходимые права по гражданскому управлению. Относительно перемены в личном составе при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми. Николай".

Где же "непротивление злу", о котором так много говорят "хорошо информированные" издатели "Отречения"?

Около 8 часов вечера в Мариинский дворец приехали Родзянко и приехавший в этот день в Петроград по вызову последнего Великий Князь Михаил Александрович. Там Родзян-

ко и Голицын просили Великого Князя объявить себя регентом, принять командование над всеми войсками и поручить князю Львову сформировать правительство. Великий Князь на регентство не согласился, так как понимал, что это нарушение присяги своему Брату, а пойти с войсками против революции не решился из-за своего действительно слабого характера. Великого Князя убедили обратиться к Государю со следующим заявлением:

"Для немедленного успокоения принявшего крупные размеры движения — необходимо уволить весь Совет Министров и поручить образование нового министерства князю Львову как лицу, пользующемуся уважением в широких кругах".

Великий Князь просил также Государя не приезжать в Царское Село.

Через короткое время Алексеев от имени Государя передал ответ. Государь благодарил за сообщение, но не считает возможным отложить свой отъезд и выезжает 28 февраля. Все мероприятия Государь отложил до своего возвращения в Царское Село. В Петроград отправляется генерал-адъютант Иванов как главнокомандующий Петроградским Округом, а с фронта направляются четыре пехотных и четыре кавалерийских полка.

В это время в Мариинский Дворец было сообщено, что ко дворцу двигается вооруженная толпа. Все растерялись и... решили разойтись. Ворвавшаяся чернь (народ, как потом писали) начала разгром дворца.

Царское Правительство перестало существовать, не использовав против революции находившуюся в его распоряжении воинскую силу. Только Беляев продолжал еще короткое время бороться, вплоть до своего ареста. С ним был Занкевич, который фактически командовал не перешедшими к мятежникам частями. Он приказал собраться частям во дворе Зимнего Дворца. Произнес речь о событиях и... все. Никаких приказаний. Настроение понижалось. Когда подошло время ужинать, стали расходиться по казармам, сперва ушли Преображенцы, затем Павловцы. Ушли и не вернулись. Ночью генералы решили перейти в здание Адмиралтейства. Оставалось всего 1.500-2.000 человек. Там оказались, кроме Беляева и Занкевича, Хабалов, Балк и другие. Начальства было много, но... никто не командовал, все чего-то ждали и не знали, что делать. Мороз делал свое дело. Солдаты были одеты налегке. Спрашивали друг у друга, почему не вызываются военные училища. Хабалов лгал, что они получили какое-то другое назначение. Приезжал Кирилл Влади-

мирович и говорил, что положение безнадежно. Приехавший генерал-адъютант Безобразов советовал не оборонять никому не нужное Адмиралтейство, а перейти в наступление.

Но генералы решили, что дело проиграно (по их же вине; вернее, тех "высших генералов", которые все это могли предвидеть) и надо вернуться в Зимний Дворец и оборонять его как символ Царской Власти. Все отправились во главе с горе-генералами к Зимнему Дворцу. И... опять "застыли" и стали ждать. Чего? Они и сами не знали. Солдаты стали расходиться. Ночью приехал Великий Князь Михаил Александрович и заявил, что войска надо увести из Дворца, так как он "не желает, чтобы войска стреляли в народ из дома Романовых". Совершенно сбитые с толку генералы, сделав неудачную попытку связаться с Петропавловской крепостью, ушли опять... к Адмиралтейству. Оставление Дворца по приказанию Великого Князя, брата Государя, произвело удручающее впечатление. (Позже мы увидим, как члены Императорской Фамилии "вообще" себя вели. Это было полное вырождение.) Офицеры не понимали ничего. Да и трудно было понять, когда оставшимся верными долгу и присяге мешали выполнять свой долг.

В городе же победоносная солдатня осаждала казармы еще не присоединившихся к революции частей, нападала на офицеров, громила, что могла. Офицерство разбегалось. Какие-то подозрительные типы руководили всей этой рванью. Дольше всех сопротивлялся Финляндский полк. Потом уступил толпе и он.

Потом все устремилось в Таврический Дворец — Государственную Думу — цитадель революции. В Думе Временный Комитет тоже не знает, что делать. Милюков и другие "лидеры" стали уговаривать Родзянко в том, что "Дума должна взять власть в свои руки".

Позже, в эмиграции, Милюков писал в своей газете, в статье "Первый день".

"Тяжкие четверть часа (размышления Родзянко — *В.К.*). От решения Родзянки зависит слишком много: быть может, зависит весь успех начатого дела. Вожди Армии **с ним в сговоре** (Подчеркнуто мною — *В.К.*) и через него с Государственной Думой".

Наконец, Родзянко "согласился". Временный Комитет объявляет себя властью. Комендантом Петрограда комитет назначает члена Думы отставного полковника Генерального Штаба Энгельгардта.

В 6 часов утра 28-го Родзянко послал Алексееву и главнокомандующим фронтами телеграмму.

"Временный Комитет членов Государственной Думы сообщает Вашему Высокопревосходительству, что ввиду устранения от управления всего состава бывшего Совета Министров правительственная власть перешла в настоящее время к Временному Комитету Государственной Думы".

Во второй телеграмме Родзянко сообщал:

"Временный Комитет, при содействии столичных войск и частей и при сочувствии населения, в ближайшее время водворит спокойствие в тылу и восстановит правильную деятельность правительственных установлений".

Это была сознательная ложь: власть не принадлежала Временному Комитету. Она принадлежала Совету Рабочих и Солдатских Депутатов. Когда Щегловитов был арестован, Керенский сказал ему:

"Господин Щегловитов, от имени народа объявляю вас арестованным. В это время сквозь толпу протискивалась могучая фигура Родзянки.

— Иван Григорьевич, — как радушный хозяин обратился он к Щегловитову, — пожалуйте ко мне в кабинет.

Замешательство разрешил студент, заявивший:

— Нет, бывший министр Щегловитов отправится под арест, он арестован от имени народа.

Керенский и Родзянко несколько минут красноречиво, молча смотрели друг на друга и затем разошлись в разные стороны. Щегловитов был отведен под стражей в знакомый ему министерский павильон Государственной Думы"[338].

Временный Комитет в самом своем зачатии был совершенно безсилен, и "родившееся" от него Временное Правительство никаким правительством не было — оно было нужно для того, чтобы Родзянко ("самый глупый из всех участников заговора") мог легче лгать, а изменники-генералы легче предать Государя Императора и этим самым отдать Россию в вековечное рабство интернациональным заговорщикам, которые так легко овладели нашей Родиной после того, как был убран ненавидимый ими *Удерживающий*. И тут поистине открылась *Тайна беззакония* (2 Фес. 2, 7). Но было уже поздно — новые хозяева крепко держали в руках свою добычу. И держат до сих пор...

Глава XXI

ТЕКСТ ПРИСЯГИ. СОБЫТИЯ В СТАВКЕ. РЕШЕНИЕ ГОСУДАРЯ ЕХАТЬ В ЦАРСКОЕ. АЛЕКСЕЕВ. ПОДГОТОВКА ОТПРАВКИ ВОЙСК С ФРОНТОВ В ПЕТРОГРАД. МИССИЯ ИВАНОВА. БУБЛИКОВ. СУХАНОВ. КЕРЕНСКИЙ. ХАРАКТЕРИСТИКА АЛЕКСЕЕВА. ИЗМЕНА КИРИЛЛА ВЛАДИМИРОВИЧА.

В этой главе я хочу привести текст присяги Государю Императору.

"Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред Святым Его Евангелием, в том, что хощу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилостивейшему Великому Государю Императору Николаю Александровичу, Самодержцу Всероссийскому, и Его Императорского Величества Всероссийского Престола Наследнику, верно и нелицемерно служить, не щадя живота своего, до последней капли крови, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности, исполнять. Его Императорского Величества Государства и земель Его врагов, телом и кровию, в поле и крепостях, водой и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах и штурмах в прочих воинских случаях храброе и сильное чинить сопротивление, и во всем стараться споспешествовать, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но всякими мерами отвращать и не допущать потщуся и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, а предпоставленным надо мной начальникам во всем, что к пользе и службе Государства касаться будет, надлежащим образом чинить послушание, и все по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды против службы и присяги не поступать; от команды и знамя, где принадлежу, хотя в поле, обозе или гарнизоне, никогда не отлучаться, но за оным, пока жив, следовать буду, и во всем так себя вести и поступать, как честному, верному, послушному, храброму и расторопному (офицеру или солдату) надлежит. В чем да поможет мне Господь Бог Всемогущий. В заключение же сей моей клятвы, целую слова и крест Спасителя моего. Аминь".

Вот присяга, которую нарушили все предавшие своего Государя. И некоторые, как Николай Николаевич и Алексеев, еще до революции.

"...Об ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допущать потщуся..."

Объявили ли благовременно и всякими мерами отвратили ли Николай Николаевич во время визита к нему Хатисова, а Алексеев в разговорах со Львовым? Они уже тогда предавали Государя, а потом Алексеев предал Венценосца в руки четырех проходимцев, те — другим, и так до Ипатьевского подвала.

Императрица в этот день 28 февраля телеграфировала Государю трижды: в 11 часов 12 минут дня:

"Революция вчера приняла ужасающие размеры. Знаю, что присоединились и другие части. Известия хуже, чем когда бы то ни было. Алис".

В 1 час 3 минуты:

"Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Много войск перешло на сторону революции. Алис".

В 9 часов 50 минут вечера:

"Лили (Ден — *В.К.*) провела у нас день и ночь — не было ни колясок, ни моторов. Окружной Суд горит. Алис".

В 10 часов вечера генерал Гротен был вызван Беляевым по телефону. Он советовал увезти Царскую Семью из Царского. Возможно вооруженное нападение из Петрограда. Бенкендорф после этого разговора вызвал Могилев и сообщил Воейкову это известие. Когда Государь узнал о положении в Царском, Он повелел приготовить поезд для отъезда Государыни с детьми, с тем чтобы это не было доложено Императрице. Сам Государь предполагал выехать в Царское, чтобы там быть 1 марта. После этого Бенкендорфа вызвал по телефону Хабалов. Он сообщил, что оставшиеся верными войска голодны, так как в Зимнем Дворце нет пищи. Бенкендорф понял, что это агония и что конец не за горами.

О том, что было в это время в Ставке, пишут несколько человек. Вот что пишет Лукомский:

"Дворцовый комендант сказал мне, что Государь приказал немедленно подать литерные поезда и доложить, когда они будут готовы; что Государь хочет сейчас же, как будут готовы поезда, ехать в Царское Село; причем Он хочет выехать из Могилева не позже 11 часов вечера. Я ответил, что подать поезда к 11 часам вечера можно, но отправить их раньше 6 часов

утра невозможно по техническим условиям: надо приготовить свободный пропуск по всему пути и всюду разослать телеграммы.

Затем я сказал генералу Воейкову, что решение Государя ехать в Царское Село может привести к катастрофическим последствиям, что, по моему мнению, Государю необходимо оставаться в Могилеве... Генерал Воейков мне ответил, что принятого решения Государь не отменит, и просил срочно отдать необходимые распоряжения. Я дал по телефону необходимые указания начальнику военных сообщений и пошел к генералу Алексееву, который собирался лечь.

Я опять стал настаивать, чтобы он немедленно пошел к Государю и отговорил его от поездки в Царское Село... Генерал Алексеев пошел к Государю. Пробыв у Государя довольно долго, вернувшись, сказал, что Его Величество страшно безпокоится за Императрицу и за детей и решил ехать в Царское Село".[339]

Бубнов пишет (я об этом писал раньше по другому поводу — *В.К.*):

"...Зная, какое ненормальное положение было в верховном командовании, где **все было в руках Начальника Штаба** (выделено мною — *В.К.*), можно с уверенностью сказать, что останься Государь в Ставке — ход событий от этого бы не изменился".[340]

Воейков пишет следующее:

«Я доложил Государю, что Он может сейчас же ехать ночевать в поезд, что все приготовлено, и что поезд может через несколько часов идти в Царское Село. Затем я прошел к Генералу Алексееву предупредить о предстоящем отъезде Его Величества. Я его застал уже в кровати. Как только я сообщил ему о решении Государя безотлагательно ехать в Царское Село, его хитрое лицо приняло еще более хитрое выражение, и он с ехидной улыбкой слащавым голосом спросил меня: "А как же Он поедет? Разве впереди поезда будет следовать целый батальон, чтобы очищать путь?"

Хотя я никогда и не считал генерала Алексеева образцом преданности Царю, но был ошеломлен как сутью, так и тоном данного им в такую минуту ответа. На мои слова: "Если вы считаете опасным ехать, ваш прямой долг мне об этом заявить", генерал Алексеев ответил: "Нет, я ничего не знаю, это я так говорю". Я его вторично спросил: "После того, что я от вас только что слышал, вы должны мне ясно и определенно сказать, считаете вы опасным Государю ехать или нет?", на что генерал Алексеев дал поразивший меня ответ: "Отчего же? Пускай Государь едет... ничего". После этих слов я сказал Генералу Алек-

сееву, что он должен немедленно сам лично пойти и выяснить Государю положение дел: я думал, что, если Алексеев кривит душой передо мной, у него проснется совесть и не хватит сил слукавить перед лицом самого Царя, от которого он видел так много добра.

От генерала Алексеева я прямо пошел к Государю, чистосердечно передал Ему весь загадочный разговор с Алексеевым и старался разубедить Его Величество ехать при таких обстоятельствах; но встретил со стороны Государя непоколебимое решение во что бы то ни стало вернуться в Царское Село. При первых словах моего рассказа лицо Его Величества выразило удивление, а затем сделалось безконечно грустным. Через несколько минут к Государю явился генерал Алексеев и был принят в кабинете. По окончании разговора с Алексеевым Его Величество сказал мне, что он не изменил своего решения ехать».[341]

Флигель-адъютант Мордвинов пишет:

«На мой вопрос, не наступило ли улучшение в Петрограде, Алексеев только безнадежно махнул рукой: "Какое там, еще хуже. Теперь и моряки начинают и в Царском уже началась стрельба".

"Что же теперь делать?" — спросил я, волнуясь.

"Я только что говорил Государю, — отвечал Алексеев, — теперь остается лишь одно: собрать порядочный отряд где-нибудь примерно около Царского и наступать на бунтующий Петроград. Все распоряжения мной уже сделаны, но, конечно, нужно время... пройдет не менее пяти-шести дней, пока все части смогут собраться. До этого с малыми силами ничего не стоит и предпринимать".

Генерал Алексеев говорил все это таким утомленным голосом, что мне показалось, что он лично сам не особенно верит в успешность и надежность предложенной меры».[342]

А в Царском началось то, что всегда бывает.

"...Понемногу все нас покидали. Одни из боязни за себя, других арестовывали. Уехал граф Апраксин, генерал Ресин, ушли флигель-адъютанты, слуги, офицеры и, наконец, полки. После каждого прощания Государыня возвращалась, обливаясь слезами. Ушли от меня сестра милосердия, санитар Жук, доктор лазарета, спасались все, кто мог. Императрица не теряла голову, всех успокаивала, за всеми ходила, всех ободряла, будучи уверена, что Господь все делает к лучшему. Так учила Она — не словами, а примером глубочайшего смирения и покорности воли

Божией во всех грядущих событиях. Никто не слышал от нее слова ропота... На следующий день (1-го марта — *В.К.*) полки с музыкой и знаменами ушли в Думу. Гвардейский Экипаж под командой Великого Князя Кирилла Владимировича... По дворцу бродили кучки революционных солдат, которые с интересом все рассматривали, спрашивали у оставшихся слуг объяснение. Особенно их интересовал Алексей Николаевич. Они ворвались к нему в игральную, прося, чтобы им Его показали. Императрица продолжала оставаться спокойной и говорила, что опасается только одного: чтобы не произошло кровопролития из-за Их Величеств".[343]

В Адмиралтействе была агония. Беляев, не зная, что Родзянко уже открыто изменил Государю, говорит с ним по телефону. Родзянко советует прекратить сопротивление и распустить войска. Беляев получает сообщение, что Петропавловская крепость перешла на сторону мятежников, что преображенцы готовятся атаковать Адмиралтейство. Откуда-то начали стрелять, ранили несколько лошадей. Занкевич опять собирает офицеров и опять... только говорит. В 8 часов 25 минут Хабалов послал Алексееву телеграмму:

"Число оставшихся верных долгу уменьшилось до 600 человек пехоты и до 500 чел. всадников при 13 пулеметах и 12 орудиях с 80 патронами всего. Положение до чрезвычайности трудное".

Через полчаса Хабалова по телефону вызвал из Могилева Иванов, сообщил о своем назначении и поставил десять вопросов.

На все вопросы Хабалов ответил весьма неутешительно. В них давалось верное изображение тогдашней обстановки. Из отряда стали уходить офицеры. Первый ушел по... болезни. Генералы стали колебаться.

В 12 часов к генералу Хабалову явился офицер от Морского министра Григоровича (правительства уже не существовало — *В.К.*) с требованием... очистить здание от войск.

Беляев разрешил всем разойтись. Через четверть часа войска стали покидать Адмиралтейство. В 1 час 30 минут Беляев телеграфировал Алексееву:

"Около 12 часов дня 28 февраля остатки оставшихся еще верными частей в числе 4 рот, 1 сотни, 2 батарей и пулеметной роты по требованию Морского Министра были выведены из Адмиралтейства, чтобы не подвергнуть разгрому здание. Перевод всех этих войск в другое место не признан соответственным

ввиду неполной их надежности. Части разведены по казармам, причем, во избежание отнятия оружия по пути следования, ружья и пулеметы, а также замки орудий сданы Морскому министерству. 9157. Беляев".

Это был конец. В 4 часа дня вооруженная толпа арестовала в Адмиралтействе Хабалова, Беляева, Балка и др.

Хорош же был морской министр Григорович! Недаром он был так популярен в Думе и многие "советовали" Государю назначить его Председателем Совета Министров. Теперь многое становилось ясным.

В Думе Родзянко приказал вынуть в главном зале из рамы портрет Государя. Солдаты сорвали его штыками. А революционеры разжигают солдат против офицеров. Демагогия растет. Но появляется вокруг Энгельгардта кучка офицеров генерального штаба, которая восторженно приветствует революцию. Это — Туган-Барановский, Якубович, кн. Туманов и... Половцев, начальник штаба "дикой" дивизии, который после Корнилова будет назначен Командующим Петроградским Военным Округом. Они делают распоряжения, чтобы "не пустить" Иванова с его отрядом в Петроград. В Думу стали приводить и привозить видных деятелей царского режима. Вечером сам явился жалкий Протопопов. А на улице толпа зверски расправляется с городовыми.

Но все же все нервничают и боятся. Боятся прихода войск с фронта, боятся возвращения Государя. Во что бы то ни стало стремятся помешать продвижению поездов. Это поручили Бубликову, который стал распоряжаться с большим рвением. Бубликов, как и подавляющее большинство "героев февраля", был масоном. Он выпустил воззвание, полное демагогии, которое начиналось:

"Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет Государственной Думы, взяв в свои руки оборудование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас зависит спасение родины..."

Я не буду продолжать это демагогическое, насквозь лживое заявление. Разруху создала не власть, а революционная рвань, к которой принадлежали как и сам Бубликов, так и его покровитель Родзянко, Прогрессивный блок, социалистические партии, "Земгор" и прочие оппозиционные очаги. Комитет Государственной Думы никакой властью не обладал и, как мы увидим позже, сам Родзянко не имел права сообщаться по

телеграфу без разрешения всех этих Сухановых, Стекловых, Соколовых, Чхеидзе и прочих новых владык взбунтовавшегося Петрограда. Но Бубликов отдавал приказания, и все его слушались. Чувствовалось, что та преступная пропаганда, которая велась все эти годы, давала себя знать. Да и братьев "свободных каменщиков" было повсюду больше, чем достаточно, а они должны были исполнить, что им было приказано. Помните:

"Убью, если будет велено".

Преследуя "темные силы" "реакции и царизма", эти "лучезарные силы" масонов сидели и во Временном Комитете Государственной Думы и в далеко не временном Совете рабочих и солдатских депутатов, находились среди высшего командования Императорской Армии, гвардейских офицеров, дипломатов, профессоров, журналистов, банкиров и прочих "прогрессивных и передовых" изменников нашей Родины. Вместе с Бубликовым активное участие в подлинной разрухе принял участие его родственник инженер Ломоносов. Это они повинны в том, что ни Государь, ни Иванов не смогли пробраться в Петроград. Суханов пишет о реальном положении, создавшемся к тому времени:

«Формально власть принадлежала думскому комитету, который проявлял немалую деятельность, который быстро распределил ведомства и функции между депутатами "Прогрессивного блока"... но, в частности, он не имел никакой реальной силы для очередной "технической" задачи — водворения порядка и нормальной жизни в городе. Если кто-либо располагал для этого средствами, то это был Совет Рабочих Депутатов, который начинал овладевать и располагать рабочими и солдатскими массами. Всем было ясно, что в распоряжении Совета находятся все наличные (какие ни на есть) рабочие организации, что от него зависит пустить в ход стоявшие трамваи, заводы, газеты и даже водворить порядок, избавить обывателя там и сям от эксцессов при помощи формировавшихся дружин.

Несомненно, если "сознательные" буржуазно-интеллигентские группы были всецело на стороне единовластия думского комитета, то нейтральная интеллигентская обывательщина и весь третий элемент тяготел тогда к Совету Депутатов. И представители их, не разбирая никаких прав и норм представительства, ломились в залу заседаний...»[344]

Но, несмотря на хвастливые замечания Суханова, все они, и временные, и не временные, трусили отчаянно, и когда случайно около здания Думы послышались выстрелы, то:

«...Керенский бросился к окну, вскочил на него и, высунув голову в форточку, прокричал осипшим, прерывающимся голосом: "Все по местам!.. Защищайте Государственную Думу! Слышите: это я вам говорю, Керенский... Керенский вам говорит... Защищайте вашу свободу, революцию, защищайте Государственную Думу! Все по местам!.." Но на дворе также была паника, все были заняты выстрелами. Никто, кажется, не слушал Керенского, или слышали очень немногие. Во всяком случае, никто не шел "по местам" и никто не знал их. А неприятель не показывался, никто не нападал, никто никого не пугал, кроме самых испугавшихся...»[345]

Всю эту революционную рвань с Сухановыми, Стекловыми, Керенскими, думскую рвань с Родзянко, Милюковым, Гучковым, Шульгиным и просто уличную рвань можно было уничтожить в два счета. Бубликов, "герой февраля", пишет:

"Достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено".[346]

И только **подавление** бунта могло остановить развал, который тщательно подготовлялся **всеми** "прогрессивными" и "лучезарными" силами. Были ли верные войска, которые могли это сделать? Несомненно. И 3-й конный корпус графа Келлера, и Гвардейская кавалерия, и Лейб-гвардии Преображенский полк (настоящий, а не запасной батальон) под командой полковника Ознобишина, и 1-ая гвардейская дивизия, которой было вначале приказано идти на усмирение в Петроград – все они исполнили бы свой долг. Но победить анархию мог только Государь во главе верных Ему войск, а не "ответственный кабинет" из думских деятелей, находившихся во власти Совета Рабочих и Солдатских Депутатов".[347]

Почему же армия не подавила бунта? Почему приказ Государя подавить безпорядки не был исполнен? Кто мог это сделать, кто должен был это сделать? Руководство Армией и, в первую очередь, Алексеев как фактический руководитель Армии, как с гордостью об этом пишут все эти генералы, протопресвитеры, адмиралы, полковники, подполковники. Все эти господа выставляют какие-то чисто формальные стороны "невозможности" для Алексеева это сделать, приводят подробнейшие часы и минуты "циркулярных", "нециркулярных" и просто телеграмм и упускают из виду одну кардинальную сторону всего этого гнусного времени. Нравственную.

Я хочу сейчас коротко остановиться на Алексееве. В моем труде (Сергеевский и другие поставят его в кавычки. Пусть; Яко-

бий, Позднышев реагировали на все статьи неизменных оппонентов, включая и почтенных, но совсем некомпетентных дам. Мне это все равно.) я уже приводил и биографию Алексеева и его деятельность, но сейчас, перед описанием самого трагического события последних пятидесяти лет, т.е. отречения Государя Императора (его смерть, как и всей Царской Семьи была неизбежным последствием этого акта), я хочу дать духовный облик генерал-адъютанта Михаила Васильевича Алексеева.

Происходя из скромной семьи, живя в провинции, Алексеев не воспитывался в тех консервативных традициях старых военных семей, где имя и правящего Императора, и всех, бывших до Него, считалось священным. Необыкновенно трудолюбивый и усидчивый, он добросовестно учил все, что ему полагалось. В академии прилежно зубрил тактику, стратегию, знал назубок Клаузевица, все походы Наполеона и все, что полагалось прилежному и добросовестному курсанту. Прекрасно знал все уставы с их многочисленными параграфами. Всегда старался делать все сам, вплоть до мелочей. Был аккуратен до педантизма. Человеком был религиозным — часто ходил в церковь. Женился на "левой", как об этом пишут. Когда Алексеев был уже начальником штаба Государя, Анна Николаевна (жена Алексеева) приезжала к мужу только тогда, когда Государь уезжал из Ставки. Государь об этом даже спрашивал самого Алексеева. Скромность? Может быть, а может быть и нет. Дружил с Борисовым, человеком определенно левых убеждений. Борисов не раз говорил о "кухаркиных сынах", имея в виду Алексеева (Кондзеровский), а затем, после отречения Государя, о том, что Государь не сумел привязать к себе Алексеева, его выделить среди других. Сделай Он это, было бы все по-другому (Мордвинов). Алексеев переписывался с заведомым врагом Государя Гучковым, входил в "неофициальные" отношения со Львовым, знал о готовящемся заговоре против Государя, был в секретной переписке с Брусиловым[348], неохотно и "вяло" говорил о подавлении бунта в Петрограде (Мордвинов), знал о состоянии Петроградского Гарнизона и не заменил их надежными частями, верил всяким сплетням и клевете о Государыне, говорил об этом с чинами Ставки (Шавельский, Кондзеровский), вместо того, чтобы в корне пресечь все эти преступные разговоры, сам осмелился говорить об этом со своим Державным Вождем; Государя называл ребенком (Шавельский), во время приездов в Ставку Государыни "заболевал" и не являлся к столу, отказывался от генерал-адъютантства (скро-

мность?) и старался не носить аксельбантов, в трагический момент приготовления к отъезду Государя в Царское осмелился задавать вопросы явно оскорбительные для Государя (Воейков).

По своей должности начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, Алексеев обязан был знать и о пропаганде социалистов в частях Петроградского Гарнизона, и о том, что члены Думы, "Земгора", Военно-промышленного комитета и других организаций безпрепятственно разъезжают по фронту, развозят антиправительственную литературу и ведут революционную пропаганду. Алексеев обязан был знать, что представляет из себя социалистическая пропаганда, обязан был знать, что марксизм готовит социальную революцию. Алексеев обязан был знать, что подготовляемое им решительное весеннее наступление может быть успешным **только** при спокойствии внутри страны. Алексеев обязан был знать, что Государственная Дума ведет клеветническую кампанию против Государыни и Государя, Алексеев обязан был знать, что **все это** не соответствует действительности. Алексеев оставил своим заместителем, вопреки всем правилам старшинства, генерала Гурко, от которого ожидали "решительных действий" против Государя (Бубнов). Наконец, Алексеев был обязан всеми имеющимися в его распоряжении средствами (текст присяги) всецело поддерживать Государя в той злостной, злобной, клеветнической кампании, которая все интенсивнее велась определенными кругами против Священной Особы Государя Императора и Державного Вождя Русской Армии.

Сделал ли Алексеев все, что он **обязан** был сделать и как второй человек после Государя в управлении Армией, и как простой верноподданный? Нет.

Алексеев по своей натуре не был ни человеком широкого кругозора, ни подлинно образованным человеком (кроме того, что он усердно и добросовестно вызубрил в Академии), ни человеком сильной воли, не обладал присутствием духа (вспомним его паническое настроение, когда он еще был Главнокомандующим Северо-Западным фронтом), ни человеком с героическим характером. Скромность? С одной скромностью человек не может выполнить свой долг, как бы тяжел он ни был. Нужна еще решительность, глубочайшая вера и убеждение в правоте своих взглядов. Алексеев не понимал, что только Монархия подлинная, а не декоративная построила нашу Империю, что только Православное Русское Царство может расти и процветать. Он должен был знать, что из себя представляет

вся злобная свора на Западе, которая десятилетиями готовила падение Русского Царства.

Алексеев никогда не был за границей, не владел языками, ни в коем случае не был тем, что называется по-немецки Weltmann, т.е. человеком всесторонне образованным, живым, энергичным. Подлинным талантом он тоже не обладал. Об этом пишут многие. Все бралось усидчивостью. Солдата он тоже не знал, не знал психологии масс. Всю жизнь провел в канцеляриях. Генерал от канцелярии. Генерал в калошах. Но все это пустяки. Алексеев был генералом, не имевшим твердых убеждений. Отсюда только один шаг до открытой измены. Он на нее пошел. Он потушил тот светоч, который освещал всю нашу Родину в ее державной поступи вперед. И маленький огонек, который он пытался зажечь в кромешной тьме, объявшей нашу Родину, несмотря на геройство наших мальчиков (где были "испытанные" зрелые люди?) юнкеров, гимназистов, молодых офицеров и горсточки старших командиров, потух. "И будет там тьма и скрежет зубовный".[349]

В Думу приходили новые и новые части. Михайловское Артиллерийское Училище, представители каких-то полков. Около 4 часов пришел Гвардейский Экипаж с Великим Князем Кириллом Владимировичем. Он отрапортовал Родзянке: "Имею честь явиться Вашему Высокопревосходительству. Я нахожусь в вашем распоряжении, как и весь народ. Я желаю блага России", причем заявил, что Гвардейский Экипаж — в полном распоряжении Государственной Думы.[350] Великий Князь был принят очень любезно, его угощали чаем. Это объяснялось тем, что в Думе узнали, что еще до прибытия его в Думу им были разосланы записки начальникам частей Царскосельского гарнизона следующего содержания.

"Я и вверенный мне Гвардейский Экипаж вполне присоединились к новому правительству. Уверен, что и вы, и вся вверенная вам часть также присоединитесь к нам.

Командир гвардейского Экипажа
Свиты Его Величества
Контр-Адмирал Кирилл".

Так понимал свою присягу Государю его двоюродный брат. Династия хоронила себя заживо...

В своих воспоминаниях даже Родзянко, приложивший столько усилий к совершению переворота в России, писал:

"Прибытие члена Императорского Дома с красным бантом на груди во главе вверенной его командованию части войск зна-

меновало собой явное нарушение присяги Государю Императору и означало полное разложение идеи существующего государственного строя не только в умах общества, но даже среди членов Царствующего Дома".

В Совете рабочих депутатов не спали. Там было вынесено постановление переименовать Совет в Совет рабочих и солдатских депутатов. Там шло науськивание солдат на офицеров, там готовилась социальная революция. Особенно старались Суханов, Соколов и Стеклов. Злобные и торжествующие, они поняли, что пришел их час разрушения ненавистной им России при помощи ими же распропагандированных подонков, числившихся в запасных батальонах Петроградского Гарнизона. Шульгин описывает Суханова (Гиммера):

"Гиммер — худой, тщедушный, бритый с холодной жестокостью в лице до того злобном... У дьявола мог бы быть такой секретарь".

Но эти "секретари дьявола" понимали, что Петроградский гарнизон — это капля в море. Им надо было растлить всю Армию. И ими выпускается знаменитый приказ № 1. Самые интересные это пункты 4 и 5.

"4. Приказы Военной комиссии Государственной Думы следует исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то, винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее должны находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию".

Временный Комитет стал лакеем (как и Временное Правительство) всех этих Сухановых, Стекловых, Чхеидзе и Соколовых. Октябрь становился логической неизбежностью, логическим следствием Февраля-Марта.

Но несмотря на это, Родзянко, понуждаемый Милюковым и другими членами Временного Комитета, продолжает свою преступную роль в деле свержения Царского режима, лжет и убеждает (как легко это было) генералов предать Государя.

Глава XXII

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ЧЛЕНОВ ДИНАСТИИ В ПОЛЬЗУ РЕВОЛЮЦИИ. ГОСУДАРЬ РЕШАЕТ ЕХАТЬ В ПСКОВ. ПРИКАЗ ГОСУДАРЯ ПОДАВИТЬ БЕЗПОРЯДКИ НЕ ИСПОЛНЯЕТСЯ. КИСЛЯКОВ. АЛЕКСЕЕВ ПЕРЕХОДИТ НА СТОРОНУ РЕВОЛЮЦИИ. НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ АЛЕКСЕЕВА С ПЕТРОГРАДОМ 26 ФЕВРАЛЯ – 1 МАРТА. АЛЕКСЕЕВ ОРГАНИЗУЕТ ОТРЕЧЕНИЕ ГОСУДАРЯ. ТЕЛЕГРАММА АЛЕКСЕЕВА ИВАНОВУ. ВОЙСКА ОТЗЫВАЮТСЯ НАЗАД. ВОРОНОВИЧ.

Сергеевский в своем “Отречении 1917 года” пишет, что престарелый генерал Дубенский (кстати, Дубенскому тогда было 64 года, правда, это возраст почтенный, но... есть люди **значительно** старше, и все же пишут воспоминания) дал неудачный совет Государю возложить особые полномочия для подавления смуты на генерала Н.И. Иванова. Совет неудачный, но вот что пишет по этому поводу “злобный клеветник и рамолик” генерал Дубенский:

“Чувствовалось, что от Него указаний и директив не будет, и в эти тяжелые минуты надо было помогать Его Величеству, а не ждать инициативы от измученного Царя. Хотелось верить, что эту законную помощь, верное служение присяге своему Императору даст прежде всего его начальник штаба, его генерал-адъютант Алексеев, все знавший, со всеми сносившийся и пользовавшийся, как я уже говорил, полным доверием Верховного Главнокомандующего. Но этого не случилось (26 февраля)”[351].

Сергеевский описывает все не так. Прежде всего необходимо не забывать, что Сергеевский, занимая сравнительно незначительный пост (начальник службы связи) и будучи только подполковником, не мог, конечно, иметь разговоры с чинами Ставки, занимающими более высокие посты. Часто пост, занимавшийся Сергеевским, смешивается с начальником военных сообщений; это “генеральский” пост и этот пост занимал в то время генерал Тихменев, который тоже написал свои короткие воспоминания.

Вспомним из воспоминаний же Сергеевского, каким тоном с ним говорил Лукомский. Его ответами были только:

"Так точно, ваше превосходительство".

Так вот Сергеевский передает:

«...Обо всем этом шло в эти два дня много разговоров между чинами нашего Управления. Мне запомнилось из этих разговоров следующее: Генерал Алексеев был очень огорчен словами Государя относительно назначения лица с неограниченными полномочиями: **"...но лицо Я изберу сам"**. Из разговоров, тогда слышанных, я вывел заключение, что идея посылки полномочного лица была предложена генералом Алексеевым и, очевидно, Государю был известен и кандидат генерала Алексеева. Поэтому эти слова могли быть поняты генералом Алексеевым как выражение некоторого недоверия».[352]

Разберемся подробно на утверждении Сергеевского. Во-первых, это были разговоры. Разговоры не слишком крупных чинов Ставки, во-вторых. Дальше Сергеевский пишет, что из этих разговоров он вывел заключение, а дальше "очевидно, Государю был известен" и так далее. Все это не только не факты, но даже и не логичные предположения. Кроме Сергеевского, о тех днях писали Лукомский (генерал-квартирмейстер), Кондзеровский (дежурный генерал), Тихомиров (начальник военных сообщений), Дубенский (историограф), В. Пронин (помощник генерал-квартирмейстера), Бубнов (помощник начальника Морского Отдела), Шавельский (протопресвитер), Воейков (Дворцовый Комендант), Мордвинов (флигель-адъютант). **Никто** из них не писал о том, что пишет Сергеевский. Очевидно, это было личное заключение Сергеевского, или он чего-то недопонял, или подзабыл. Это бывает. Когда я штудировал все написанное не только за эти дни, но за многие годы последнего Царствования, я часто находил такие заключения. Часто даже не по злой воле, а по забывчивости, или по личному восприятию слышанного. Мы все только люди. Так что защита Алексеева по этому вопросу отпадает. О Великом Князе Сергее Михайловиче я уже писал. Ничего не вышло бы и с ним. Иванов был, конечно, неудачной кандидатурой, но, как писал Дубенский, Государь был уже "измучен", и подсказанный Иванов назначается на пост, с которым он не мог справиться. Я повторяю еще раз – при той позиции, которой держался Алексеев, **никакая** кандидатура не была бы, не могла быть удачной. Алексеев уже тогда или, вернее, гораздо раньше, был душой с Родзянко и Думы. Но, как человек хитрый, он решил, что, если бы вдруг, неожиданно, революционное движение пошло на убыль, он, конечно, проявил бы столь нуж-

ную инициативу. Это безпроигрышная игра. Но повторяю, душой он был не с Государем. Вся его предыдущая деятельность говорит за это. Это не клевета на "мученика", не злоба, не выдумки, а результат тщательного изучения всех материалов в течение многих лет. И это очень горестное заключение. Это не говорит в пользу русского человека. И Алексеев, к величайшему сожалению, был далеко не одинок в таком поведении. Вот, например, заявление, сделанное Вел. Кн. Павлом Александровичем:

«Преклоняясь перед волей русского народа, всецело присоединяясь к Временному правительству, я все же считаю себя вправе, как и каждый гражданин Великой России, сказать: "Пусть эти великие исторические дни не будут омрачены неправдой"».[353]

В дальнейшем мы еще увидим (в какой уже раз?), как члены династии вели себя в "эти великие исторические дни". Это был сплошной скандал и позор. А генерал-адъютант Иванов, "будучи в Киеве арестован "товарищами", обратился к Гучкову с письмом, в котором вполне выявил свое лицо, заявив, между прочим, "о своей готовности служить и впредь отечеству, ныне усугубляемой сознанием и ожиданием тех благ, которые может дать новый государственный строй".[354]

Чем объяснить все эти письма, заявления, шествия в Думу для выражения верности, и, наконец, открытую измену? Только страхом перед возможной смертью или заключением? Или чем-то, может быть, другим? Праведен гнев Божий, посетивший нашу несчастную Родину.

После 12 часов ночи с понедельника на вторник Государь переехал в поезд, где Он принял Иванова. Разговор продолжался два часа. Затем поезд тронулся. Днем проехали Смоленск, Вязьму. Все было в порядке. Затем в Свитском поезде, который шел впереди поезда Государя, стали получаться тревожные сведения. Стала известна пресловутая телеграмма Бубликова, получены сведения о каком-то новом правительстве. Свита, ехавшая в первом поезде (генерал Цабель, барон Штакельберг, генерал Дубенский, полковник Невдахов и другие) решила предупредить об этих слухах идущий сзади в нескольких прогонах поезд Государя. Было составлено письмо, и один из офицеров остался на станции, чтобы передать письмо Воейкову для доклада Государю.

В Бологом Свитский поезд получил ответную телеграмму от Воейкова:

"Во что бы то ни стало пробраться в Царское Село". Поезд тронулся дальше и в 1 час ночи прибыл на станцию Малая Вишера. На этой станции один из офицеров собственного Его Величества железнодорожного полка доложил своему командиру генералу Цабель, что следующие станции Любань и Тосно заняты революционными войсками. Он (этот офицер) в последнюю минуту уехал на дрезине, чтобы сообщить о положении на этих станциях. Свитский поезд решил ждать на станции Малая Вишера "собственного" поезда для доклада Государю о создавшемся положении.

Через час подошел Царский поезд. Воейкову было доложено о революционных войсках на ближайших станциях, и тогда он пошел с докладом к Государю. Вот что пишет об этом Воейков:

"Я доложил Государю сведения, поступившие от моих подчиненных, и спросил, что Ему угодно решить? Тогда Государь спросил меня:

— А вы что думаете?

Я Ему ответил, что ехать на Тосно, по имеющимся сведениям, считаю безусловно нежелательным. Из Малой же Вишеры можно проехать на Бологое и оттуда попасть в район, близкий к действующей армии, где — нужно предполагать — движение пока еще не нарушено. Государь мне ответил, что хотел бы проехать в ближайший пункт, где имеется аппарат Юза"[355].

Решено было ехать на Бологое — Дно.

В Старой Руссе узнали, что Иванов только в среду 1-го марта прошел станцию Дно. Узнав об этом Государь сказал:

— Отчего он так тихо едет?

Прибыв на станцию Дно, причем на этот раз головным шел Царский поезд, а Свитский позже, там уже застали чиновника с телеграммой на имя Государя от Родзянко, который сообщал, что он приезжает из Петрограда с докладом. Государь приказал узнать, когда приедет Родзянко. Воейков по телеграфу получил ответ, что поезд для Родзянко уже заказан, но сам Родзянко занят (это была ложь — Родзянко не пустили "секретари дьявола", то есть Совет рабочих и солдатских депутатов и, главным образом, старался Суханов) и не знает, когда приедет. Было получено также сообщение, что Виндаво-Рыбинская железная дорога занята революционными частями, и что Иванов остановился со своим поездом в Вырице. Когда это было сообщено Государю, Он решил ехать в Псков, в штаб Северного фронта, где был Юз, и просил сообщить Родзянке, чтобы он прибыл в Псков.

По прибытии в Псков была получена телеграмма за подписью Бубликова с извещением, что Родзянко отменил свой выезд из Петрограда. Его просто не пустили. И Председатель Государственной Думы и Председатель Временного Комитета оказался просто пешкой, которой распоряжались из Совдепа, как хотели. Но он это тщательно скрывал, чтобы проделать свою последнюю и такую страшную миссию – лгать генералам, лгать Государю, лгать, лгать и еще раз лгать. Он забывал, этот "громогласный, массивный и глупый" заговорщик, что отец лжи – дьявол. И дьявол заплатил ему черепками, как это всегда бывает; его вышибли вон сразу после этой предательской миссии. "Мавр сделал свое дело, мавр может уйти".

Есть очень распространенное и разделяемое многими мнение, что войска, которые Государь приказал послать в столицу для подавления революционного восстания, по дороге "разложились". Это совершенно не соответствует действительности. Пользуясь всеми имеющимися в моем распоряжении материалами, я особенное внимание обратил на серию статей А. Тарсаидзе "На Петроград!", появившихся в апреле 1955 года в газете "Россия".[356] Тщательно подобранный материал заставит очень многих пересмотреть и по-новому передумать этот важнейший вопрос в оценке событий февральских и мартовских дней 1917 года.

Помимо статей А. Тарсаидзе, об этом пишет подробно также Спиридович, Мельгунов, Блок и другие. Анализ этого вопроса еще больше говорит о вине Алексеева, который имел полную возможность подавить бунт, а затем революцию в Петрограде. Есть и не менее распространенное мнение, что выезд Государя из Могилева тоже был роковой ошибкой. Мы увидим, что и это не соответствовало действительности. Для подавления революции в Петрограде, которая на глазах перерастала в социальную революцию, нужно было, несмотря на анархию и полное разложение всех и вся в Петрограде, только одно: верность Государю и безпрекословное исполнение его приказов. Высшее командование Армии во главе с Алексеевым предпочло пойти на сговор с Родзянко, который сам не имел никакой власти и, зная об этом, убеждал недостойных генералов пойти на измену. Но на то они и были недостойны, чтобы можно было с ними об этом говорить. Верный присяге, любящий Государя, достаточно сообразительный и честный генерал, зная всю несостоятельность и антигосударственность Государственной Думы, не стал бы просто говорить ни с Родзянко, ни

с Гучковым, ни с кем из этой клики. Они говорили и погубили и Россию, и себя, и всех русских. Они взяли на себя ответственность, за которую ответят перед Господом Богом.

Но 28 февраля, когда Государь продвигался на своем пути в Царское, а затем был вынужден свернуть на Псков, все мероприятия по подавлению анархического восстания в Петрограде проистекали равномерно и безперебойно.

27 февраля были приняты следующие меры: решение отправить головною частью эшелон Георгиевских кавалеров из Ставки с генералом-адъютантом Н.И. Ивановым во главе, а затем переброска войск с фронта.

В 10 часов 25 минут вечера 27 февраля Алексеев отправил телеграмму Данилову (начальнику штаба Рузского):

"...Государь Император повелел генерала-адъютанта Иванова назначить Главнокомандующим Петроградским Военным Округом. Посылаются от войск Северного Фронта в Петроград: два Кавалерийских полка по возможности из резерва 15-ой кавалерийской дивизии (Переяславский, Украинский, Татарский Уланский и 3 Уральский Казачий полки), два пехотных полка из самых прочных, надежных, одна пулеметная команда Кольта для Георгиевского батальона (отряда генерала Иванова), который идет из Ставки. Прочных генералов, смелых помощников. Такой же силы отряд последует с Западного фронта. Минута грозная, и нужно сделать все для ускорения прибытия прочных войск. В этом заключается вопрос нашего дальнейшего будущего".

Все продумано, разумно и логично, когда Алексеев исполняет приказы Государя.

Соответствующие телеграммы были посланы Брусилову (Юго-Западный фронт) и Эверту (Западный фронт). Войсковые части с Западного фронта должны были быть сосредоточены в Царском Селе, а с Северного фронта на станции Александровской, вблизи Царского Села. Всего отряд генерала Иванова насчитывал 13 батальонов, 16 эскадронов и сотен и 4 батареи.

По директиве генерала Алексеева первые эшелоны, из расчета 18 часов в пути, могли прибыть в столицу не ранее рассвета 1-го марта.

В полночь 27-го Данилов сообщил в Ставку:

"67 и 68 пехотные полки (Тарутинский и Бородинский), Командир бригады Листовский, 15 Уланский Татарский, 3 Уральский Казачий под начальством Начальника дивизии генерала Мартынова и Пулеметная команда для Георгиевского батальона

направляются в столицу. Головным будет отправлен из Двинска 67 пехотный полк около 10 часов вечера 28-го, прибудет в Петроград через 18 часов после отправления".

Командир 42 корпуса, генерал Гулькевич сообщал из Финляндии, где находился корпус:

"По Высочайшему повелению из Выборга идет рота с пулеметным взводом для восстановления нарушенного у Финляндского вокзала движения по железной дороге".

В 2 часа 12 минут утра на 28-ое, когда Государь был еще в Могилеве, Алексеев послал телеграммы Рузскому и Эверту:

"Государь повелел сверх положенного послать еще по одной пешей и конной батарее".

Еще за 5 минут до отъезда Государя, в 4 часа 55 минут утра 28-го, Алексеев получил телеграмму от Эверта:

"Минск, 2.12 ночи. 34 Севский, 36 Орловский под началом начальника 9-ой пехотной дивизии генерала Лошунова, 2 гусарский Павлоградский и 2-ой Донской Казачий полки под командой командира бригады, генерала Юрьева, и начальника дивизии генерала князя Трубецкого — выступают. Одновременно для Георгиевского батальона пулеметная команда Кольта из 10-го корпуса. Посадка начнется в полдень 28-го и окончится 2-го марта".

За время отсутствия Государя Ставка продолжала работать по отправлению войск на Петроград.

В 3 часа дня 28-го февраля из Вязьмы было сообщено Императрице:

"Много войск послано с фронта".

Утром и днем 28 февраля приказ Государя по отправлению войск исполнялся безпрекословно и по выработанному плану.

В 12 часов 15 минут дня 28 февраля Алексеев сообщает по телеграфу следующее:

"В дополнение моего сообщения о положении дел в Петрограде уведомляю, что Государь Император изволил выразить желание назначить в распоряжение Генерал-адъютанта Иванова Гвардейские полки: Преображенский, 3 и 4 Гвардии Стрелковые, **отправляя их, как** только представится возможность по условиям железнодорожной перевозки. Прошу Вашего распоряжения о подготовке этих полков в резерве. Не откажите уведомить, когда обстановка позволит **отправить** эти полки. Думаю, что полезно придать одну батарею. Если обстоятельства потребуют дальнейшего усиления в Петрограде вооруженных сил, придется отправить одну из гвардейских кавалерийских дивизий".

Кроме того были отправлены 4 полевых радиостанций.

Брусилов запоздало отвечает Алексееву в 1 час ночи на первое марта:

"Посадка войск может быть начата в Луцке: Гвардии Преображенский и 4-ый Гвардии Стрелковый (Императорской Фамилии) начиная с утра 2-го марта, 3 Гвардии Стрелковый и батарея Гвардии Стрелковой Артиллерийской бригады с утра 3 марта. Подлежит ли эти части отправлять теперь же или по получении особого уведомления. 1 час 10 минут утра 1 марта. Генерал Брусилов".

Через 7 минут получается ответ:

"Отправление войск (Брусилова) должно быть произведено по получении от Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего особого уведомления".

Как известно, "особое уведомление" не было послано и эти войска не были посланы.

В 1 час 21 минуту дня 28-го Алексеев отправляет телеграмму Рузскому, а в 6 часов вечера Эверту следующее сообщение:

"Если необходимо, отправьте остальные полки и батареи 2 и 15 кавалерийских дивизий. От Юго-Западного Фронта (Генерал Брусилов) части гвардейских полков отправляются, когда позволят условия железнодорожного движения".

Не считая Гвардейской Кавалерийской дивизии, было приказано отправить до 40.000 войск.

Спиридович пишет, когда в первый раз Алексеев содействовал революции.

«...Алексеев запросил Беляева о судьбе министра путей сообщения Войновского-Кригера. Беляев правильно ответил, что ни Войновский-Кригер, ни его министерство не могут "правильно и безостановочно выполнять своих функций, почему управление сетью, казалось бы, должно без промедления перейти к товарищу министра на театре военных действий".

По получении этого ответа Алексеев отдал приказание, что он принимает на себя "через товарища министра путей сообщения", т.е. через генерала Кислякова, управление всеми железными дорогами.

Этим мудрым решением, если бы оно было проведено в жизнь, был бы нанесен могучий удар революции. Мы видели, как в это самое время революционный комиссар Бубликов стремился захватить Министерство путей сообщения и овладеть железными дорогами.

К несчастью, генерал Кисляков был одним из изменников в Ставке. Он стоял на стороне революции. Еще не так давно перед тем он старался совратить на сторону заговора одного из видных чинов, причастных к Министерству путей сообщения.

Получив приказание, генерал Кисляков пошел с личным докладом к Алексееву и убедил Алексеева отменить сделанное распоряжение. Несколькими часами спустя железные дороги были уже во власти революционного правительства. То, чего не сделал генерал Алексеев, блестяще выполнил, но только во славу революции, инженер Бубликов. Такова предательская роль генерала Кислякова и первый акт содействия революции со стороны генерала Алексеева, нам известный».[357]

11 часов 45 минут утра 1 марта Ставка получила телеграмму из Пскова:

"Литера А (Императорский поезд) вышел из Старой Руссы в Псков".

Эта телеграмма в Ставке всех ошеломила, но, несмотря на это, распоряжения об отправке войск продолжаются. Всех ли ошеломила эта телеграмма?

Спиридович в этом сомневается. Я не только не сомневаюсь, но уверен, что Алексеев не был ни ошеломлен, ни потрясен. Спиридович пишет:

«Но поздно вечером 28 февраля к генералу Алексееву начинают поступать сведения по прямому проводу из Петрограда непосредственно от Родзянко. Родзянко освещает происходящие в Петрограде события по-своему. Ведь он-то, Родзянко, уже революционер и даже возглавляет революционное правительство (комитет — *В.К.*). Родзянко говорит, что в Петрограде необычайное возбуждение против Государя — лично. Что для спасения положения вообще, для спасения династии и монархии необходимо отречение Государя в пользу Наследника. Что присылка войск для подавления движения пользы не принесет и поведет лишь к кровопролитию и увеличению анархии. Все, что говорит Родзянко, есть логическое продолжение его телеграмм в Ставку Государю. Тон Родзянко горяч и убедителен. Эти переговоры Родзянко с Алексеевым сдвинули Алексеева на сторону революции. Он высказал принципиальное согласие на отречение Государя в пользу Наследника — "Генерал Алексеев примкнул к этому мнению," — так сообщал на следующий день Родзянко про эти переговоры членам Временного Комитета.[358]

И в ночь на 1 марта Алексеев круто меняет свое отношение к происходящей революции. Он начинает помогать ей. Он начи-

нает исполнять то, о чем убеждали его приезжавшие к нему в Севастополь общественные деятели-заговорщики. В час пятнадцать минут ночи на 1 марта Алексеев послал вдогонку генералу Иванову ту проникнутую идиллией, основанной на лживой информации, телеграмму № 1833. Копия этой телеграммы с часу до трех с половиной часов ночи рассылается всем главнокомандующим. Ложь внушается главнокомандующим, и за нее ведется агитация. Те, кто знаком с воинской дисциплиной, поймут хорошо, какое впечатление должна была произвести на главнокомандующих эта телеграмма Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего. К телеграммам Родзянко о захвате власти генералы Ставки относятся спокойно. С главой революционного правительства Алексеев дружески (еще бы! — *В.К.*) беседует по прямому проводу».[359]

А вот текст телеграммы № 1833.

"Частные сведения говорят, что 28 февраля в Петрограде наступило полное спокойствие, войска, примкнув к Временному Правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное Правительство под председательством Родзянко, заседая в Государственной Думе, пригласило командиров воинских частей для получения приказаний по поддержанию порядка. Воззвание к населению, выпущенное Временным Правительством, говорит о необходимости монархического начала в России, о необходимости новых выборов для выбора и назначения Правительства. Ждут с нетерпением приезда Его Величества, чтобы представить Ему все изложенное и просьбу принять это пожелание народа. Если эти сведения верны, то изменяются способы ваших действий; переговоры приведут к умиротворению, дабы избежать позорной междоусобицы, столь желанной нашему врагу, дабы сохранить учреждения, заводы и пустить в ход работу.

Воззвание нового министра путей сообщений Бубликова (даже того, что Бубликов не министр, Алексеев не знает — В.К.) к железнодорожникам, мною полученное кружным путем, зовет к усиленной работе всех, дабы наладить расстроенный транспорт. Доложите Его Величеству все это и убеждение, что дело можно привести мирно к хорошему концу, который укрепит Россию. 1833. 28 февраля 1917 г. Алексеев".[360]

Это, конечно, акт открытой измены. Но проанализируем сперва формальную сторону этой телеграммы. Прежде всего, что значит "частные сведения"? Имеет ли право начальник штаба Верховного Главнокомандующего ссылаться на "частные сведения"? Нет.

Во-вторых, это ложь, самая неприкрытая ложь. "Частные сведения" — это Родзянко.

Дальше. О какой "незыблемости монархического начала в России" говорит Алексеев? Убедился он сам, лично, что такое воззвание выпущено? Нет. Что значит "пожелание народа"? Считал ли Алексеев, что взбунтовавшиеся подонки в запасных батальонах (он-то знал, кто входил в эти части!) — это русский народ? Примкнувшая к ним чернь столицы — тоже народ?

Если Алексеев верил, что это народ, то или это ограниченные умственные способности, или сознательный обман.

Дальше еще лучше: "Если эти сведения верны". Как можно, не будучи вполне уверенным в сообщаемых сведениях, носящих характер первостепенной государственной важности, говорить "если верны". Ведь от подавления этой мерзкой, подлой, отвратительной, враждебной нашей исторической государственности, анархической и социальной революции зависело все! И победа над внешним врагом, и небывалый расцвет и мощь Российской Империи, и гегемония во всем мире!

Это формальная сторона. А сущность заключалась в том, что начальник штаба Верховного Главнокомандующего и Державного Вождя Армии, Государя Императора, генерал-адъютант Алексеев, нарушая присягу и попирая все принципы воинской честности и верности, осмелился вести переговоры с одним из вожаков революции, этим подрывая авторитет Государя, сводя на нет все приказания Государя к подавлению этой самой революции и укрепляя эту революцию, находившуюся в положении, когда войска, посланные с фронта, могли ее уничтожить в самом зародыше, когда полем ее действий был один Петроград.

Это была открытая измена, и все последующие ужасные события были следствием ночного разговора Алексеева, его телеграммы Иванову и копий этой телеграммы, посланных главнокомандующим.

Это он облегчил Рузскому и его разговор по прямому проводу с тем же Родзянко, и изменнические убеждения Государя в необходимости отречения, и открытие *тайны беззакония* (2Фес. 2, 7). Велик грех Алексеева! Что ответит раб Божий Михаил на последнем, нелицеприятном Суде Господа? И мы все уже тоже приближаемся к порогу Вечности, и как ужасно, что даже на этом пороге мы называем "мучеником" человека, от которого зависело все. Или небывалое еще в истории благоденствие нашей Родины, или отдача ее в руки сатаны. *И после сего куска*

вошел в него сатана. Тогда Иисус сказал ему, что делаешь, делай скорее (Иоанн, 13, 27). Алексеев не медлил.

Эта телеграмма передавала совершенно ложные сведения, неправильно освещала положение и сыграла роковую роль в остановке войск, посланных на усмирение, и в конце концов заставила вернуться войска обратно на фронт. Вот что пишет об этом чрезвычайно обстоятельно А. Тарсаидзе:

"Генерал Алексеев, получив сведения о направлении Императорского поезда к Пскову, 1 марта утром уже к 4 часам дня решил послать Ему непосредственно телеграмму (копия генералу Рузскому), разъясняя, что "...подавление беспощадной силой при нынешних условиях опасно и приведет Россию и Армию к гибели". Тут же генерал Алексеев советовал "поставить во главе правительства лицо, которому бы верила Россия..." Эту же точку зрения (то есть остановить войска) доложил и генерал Рузский, который впервые увидел Государя в Пскове 1 марта вечером (7 часов 1 минута). Затем после обеда в 9 часов 40 минут и снова ночью в 12 часов 5 минут. Известно, что генерал Рузский лично и убедил Государя отдать приказ о приостановлении движения войск. Видно это из ночного (3 часа утра) телеграфного переговора генерала с Родзянкой. Вот что говорят ленты переговоров: "Присылка генерала Иванова с Георгиевским батальоном были посланы 3 роты с генералом Пожарским во главе, — говорил Родзянко, — только подлили масло в огонь, и это приведет только к междоусобному сражению... Прекратите присылку войск, так как они действовать против народа не будут"...

"Этот вопрос ликвидируется, — ответил генерал Рузский. — Иванову несколько часов тому назад Государь Император дал указание не предпринимать ничего до личного свидания... Равным образом Государь Император изволил выразить согласие и уже послана телеграмма два часа тому назад вернуть их на фронт — все то, что было на пути". Интересно отметить, что сведения о посылке отряда генерала Иванова создали настоящую "панику" в Петрограде. Уже после революции генерал Рузский пояснил свое отношение к вопросу.

"Не знаю, — говорил генерал, — удалось ли бы мне убедить Государя, не будь телеграммы Алексеева".[361]

Государь под влиянием Алексеева и Рузского послал Иванову телеграмму в 12 часов 20 минут пополуночи на 2 марта:

"Надеюсь, прибыли благополучно. Прошу до моего приезда и доклада Мне ничего не предпринимать. Николай".

Рузский и Ставка "в мгновение ока" стали телеграфировать в соответствующие инстанции для возвращения войск на фронт. Из Ставки Лукомский телеграфирует:

"Вследствие невозможности продвижения эшелонов дальше Луги и Высочайшего соизволения вернуть войска обратно в Двинский район, не отправленные части не грузить, а находящиеся в пути задержать на больших станциях. Дополнительные указания посланы".

Упоминание о Луге – что-то вроде козыря для генералов-изменников. В Луге, дескать, фронтовые части "перешли на сторону народа". Никакого перехода не было, кроме мерзкого поступка Вороновича, бывшего пажа и бывшего офицера Лейб-гвардии Конно-Гренадерского полка. Это тот самый, который писал в "Новом Русском Слове" сантиментальные статейки о "белочках", "орешках" и "кошечках".

Я не буду долго и подробно останавливаться на этой гнусной истории, скажу только, что Воронович "перешел на сторону народа". В Луге находился он после какой-то контузии при какой-то странной части (Пункт слабосильных лошадей). "Доблестные герои безкровной революции", то есть попросту распоясавшаяся солдатня уже успела убить начальника пункта генерала графа Менгдена и еще двух офицеров. В Луге никакой артиллерии не было, было бутафорское учебное орудие. Так вот Воронович совместно с каким-то временным комитетом (завоевание революции), при подходе поезда с Бородинским полком, шедшим на усмирение в Петроград, инсценировал комедию, что "весь 20-тысячный гарнизон Луги примкнул к революции и всякое сопротивление безполезно". На самом деле там было всего каких-то 1.500 "слабосильных" запасных частей. Обезкураженные бородинцы (первые 2 эшелона) позволили себя обезоружить. Печальнее всего, что в этой истории со стороны "слабосильных" участвовало 3 офицера: Воронович, поручик Гуковский и прапорщик Коночадов.

Можно только сказать по поводу этого, что есть "господа офицеры и есть офицерье". Но ловкие дельцы от революции (напр. Шульгин в своих "Днях") писали о "бунтах" частей, отказавшихся идти на Петроград. Так закончилась посылка войск на столицу с целью усмирения.

Глава XXIII

ГОСУДАРЬ В ПСКОВЕ. РОЛЬ РУЗСКОГО. ЕГО ПЕРЕГОВОРЫ С РОДЗЯНКО. РУЗСКИЙ–МАСОН. ИЗМЕНА РУЗСКОГО. РЕШЕНИЕ ОБ ОТРЕЧЕНИИ В ПЕТРОГРАДЕ. ТЕЛЕГРАММА АЛЕКСЕЕВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИМ. ЛУКОМСКИЙ И ДАНИЛОВ. НАСИЛЬСТВЕННОЕ ОТРЕЧЕНИЕ ГОСУДАРЯ. ИЗМЕНА НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА. РУСИН.

О прибытии Государя в Псков есть несколько воспоминаний участников и свидетелей этих позорных дней (1 и 2 марта). Я умышленно пользуюсь материалами личных свидетелей того, что происходило, и прибегаю к таким трудам, как книги Мельгунова, Якобия, Солоневича, Спиридовича и др. только тогда, когда у меня нет какого-либо материала, на который ссылается тот или другой автор монографий или статей по данному вопросу.

Но вот что я иногда вижу у авторов воспоминаний. Одни ссылаются на других. И все те, которые во что бы то ни стало, любой ценой, ценой искажений действительности порой, стремятся возвести Алексеева в ранг "мученика", ссылаются на Мельгунова. И только на него. Почему? Потому что все остальные (Ольденбург, Якобий, Спиридович, Солоневич и др.) совершенно ясно указывают на Алексеева как на главного виновника гибели России. И только Мельгунов этого не делает. Почему?

На этот вопрос я отвечу вопросом. Почему Мельгунов в своем труде "Как большевики захватили власть", труде обширном и хорошо документированном, делает вывод, что до захвата власти большевиками жизнь в России уже налаживалась и входила в нормальную колею? Почему в своем также обширном и хорошо документированном труде "Судьба Императора Николая II после отречения" Мельгунов делает вывод, явно противоречащий действительности, что расстрел Царской Семьи произошел не по инициативе Москвы, а местных уральских властей. Я, когда прочел это, стал чуть ли не зубрить наизусть все, что связано с этим ужасным злодеянием, и ничего не нашел, что подтверждало бы тезис Мельгунова. Правда, почему?

При всей своей добросовестности и стремлении пространно описать какой-либо эпизод из описываемых событий,

Мельгунов все же остается самим собой. Как и Ольденбург, Якобий, Спиридович, Солоневич и др. Другими словами, при описывании событий применяется тот или другой **критерий**, которым пользуется исследователь. Мельгунов, конечно, был "февралистом", точно так же, как все остальные, мной упомянутые, убежденными монархистами. В предлагаемой мной исследовательской работе я тоже пользуюсь критерием нравственного начала (о чем я уже говорил несколько раз), а это нравственное начало коренным образом связано с религиозной основой, в то время как такие понятия, как республика, демократия, социализм, коммунизм не только не связаны с религией, но, наоборот, враждебны ей, а коммунизм и социализм являются понятиями, которые по своей атеистической сущности отрицают возможность существования религиозного мировоззрения, считая это "дурманом", "опиумом" и прочими вымыслами, обычными для большевицкого лексикона. Так что ссылка на Мельгунова, как на единственный источник, в моем понятии, не убедительна и одностороння.

Вот что пишет о приезде в Псков флигель-адъютант Мордвинов:

"Будучи дежурным флигель-адъютантом, я стоял у открытой двери площадки вагона и смотрел на приближающуюся платформу. Она была почти не освещена и совершенно пустынна. Ни военного, ни гражданского начальства (за исключением, кажется, губернатора), всегда задолго и в большом числе собиравшегося для встречи Государя, на ней не было.

Где-то посредине платформы находился, вероятно, дежурный помощник начальника станции, а на отдаленном конце виднелся силуэт караульного солдата.

Поезд остановился. Прошло несколько минут. На платформу вышел какой-то офицер, посмотрел на наш поезд и скрылся. Еще прошло несколько минут, и я увидел, наконец, генерала Рузского, переходящего рельсы и направляющегося в нашу сторону. Рузский шел медленно, как бы нехотя, и, как нам всем невольно показалось, будто нарочно не спеша. Голова его, видимо, в раздумье, была низко опущена. За ним, немного отступя, шли генерал Данилов и еще два-три офицера из его штаба. Сейчас же было доложено, и Государь его принял, а в наш вагон вошли генерал Данилов с другими генералами, расспрашивая об обстоятельствах нашего прибытия в Псков и о дальнейших наших намерениях.

10 Зак. 4013

"Вам все-таки вряд ли удастся скоро проехать в Царское, — сказал Данилов, — вероятно придется здесь выжидать или вернуться в Ставку. По дороге неспокойно и только что получилось известие, что в Луге вспыхнули беспорядки и город во власти бунтующих солдат".

Об отъезде Родзянко в Псков в штабе ничего не было известно; он оставался еще в Петрограде (не пустили "хозяева" — *В.К.*), но были получены от него телеграммы, что в городе началось избиение офицеров (по науськиванию "хозяев" Родзянко — *В.К.*) и возникло, якобы, страшное возбуждение против Государя и, что весь Петроград находится во власти взбунтовавшихся запасных. (Тут-то и надо было послать войска усмирять бунтовщиков и уничтожить творцов приказа № 1 — *В.К.*). Генерал Данилов был мрачен и, как всегда, очень неразговорчив. (Данилов еще задолго до революции был против Государя — *В.К.*).

Рузский недолго оставался у Государя и вскоре пришел к нам, кажется в купе Долгорукова, и, как сейчас помню, в раздраженном утомлении откинулся на спинку дивана.

Граф Фредерикс и мы столпились около него, желая узнать, что происходит по его сведениям в Петрограде и какое его мнение о всем происходящем.

"Теперь уже трудно что-нибудь сделать, — с раздраженной досадой говорил Рузский, — давно настаивали на реформах, которых вся страна требовала... не слушались... голос хлыста Распутина имел больший вес... вот и дошли до Протопопова, до неизвестного премьера Голицына... до всего того, что сейчас... посылать войска в Петроград уже поздно (почему? телеграмма Алексеева повлияла? — *В.К.*), выйдет лишнее кровопролитие (большее будет из-за попустительства Алексеева и "брата" Рузского — *В.К.*) и лишнее раздражение... надо их вернуть" (Измена Рузского под влиянием Алексеева и Родзянко — *В.К.*).

"Меня удивляет, при чем тут Распутин? — спокойно возразил граф Фредерикс. — Какое он мог иметь влияние на дела? Я, например, даже совершенно его не знал".

"О вас, граф, никто не говорит, вы были в стороне", — вставил Рузский.

"Что же по-вашему теперь делать?" — спросили несколько голосов.

"Что делать? — переспросил Рузский. — Теперь придется, быть может, сдаваться на милость победителя".[362]

Я нарочно привел дословно текст очевидца и прибытия в Псков, и разговора Данилова и Рузского со Свитой Государя. Помимо Мордвинова, о том же, почти в тех же выражениях говорит и присутствовавший там же "клеветник и рамолик" Дубенский, и "представитель темных сил реакции" Воейков.

Сейчас проанализируем все сказанное Даниловым и Рузским. Данилов говорит так, как будто он, Данилов, снисходит до Государя и его окружения: "Вам вряд ли удастся, придется выждать",— и прочее. Так не говорит человек, который исполнен решимости все сделать для того, чтобы исполнить волю своего Государя. О Рузском и говорить не приходится. Каждое его слово — позор и для его генерал-адъютантских аксельбантов (эти "аксельбанты" больше всех повинны в национальной катастрофе. И Алексеев, и Рузский, и Николай Николаевич, и Брусилов — все они носили аксельбанты), и для генерала, который обязан был помочь Государю. Рузский был масоном, и для него присяга не имела никакого значения. Он давал другую присягу. Мы помним, какую: "убью, если будет велено". Об этом спрашивали "братья" не только одного Теплова, конечно. Но сколько цинизма, сколько подлости, сколько пошлости, скажу я, в словах генерал-адъютанта Государя Императора, сказавшего: "Надо сдаваться на милость победителя". Победителем этого страшного зверя — взбунтовавшейся черни в мундирах запасных батальонов — сделали вы, господа генерал-адъютанты! Вот тут-то уместен вопрос Милюкова — глупость или измена? Измена, конечно, на первом месте, но и глупость тоже. Умный человек не пойдет на измену своему Императору, не пойдет на уговоры Родзянко, ставшего тоже по непроходимой глупости на сторону революции. Меньше, чем через два года Рузский увидел, что значит измена Родине и Государю. Он не понимал, этот "лучезарный брат", что Родина и Государь — это одно и то же. Понял ли он это в минуту своей страшной смерти? Понимают ли это и те, которые называют предателей "мучениками" и ставят их рядом с нашим умученным Императором, настоящим Царем-Мучеником? Государь прошел настоящий крестный путь со своей Святой Семьей. Прошел как настоящий христианин, прощая всех, и только Рузского Государь не простил. В своем дневнике Государь писал, что он всех прощает, но генерала Рузского простить не может. Мы скоро увидим почему. Рузский позволил себе оскорбить Венценосца в самый тяжелый момент его жизни — перед отречением, когда предатели-генералы заставили нашего чудесного Государя отказаться от Прародительского Престола.

Что мы знаем о генерале Рузском? Он был Главнокомандующим Северо-Западным Фронтом до своей болезни. О нем пишет Брусилов:

"Генерал Рузский, человек умный, знающий, решительный, очень самолюбивый, ловкий и старавшийся выставлять свои деяния в возможно лучшем свете, иногда в ущерб соседям, пользуясь их успехами, которые ему предвзято приписывались".[363]

Пишет о нем и Воейков:

"...Генерал Рузский, будучи по болезни уволен с поста Главнокомандующего Северо-Западным Фронтом, сыпал с Кавказа (где лечился) телеграмму за телеграммой тому же Распутину, прося его молитв о возвращении его на этот фронт"[364].

Алексеев и Рузский терпеть не могли друг. Рузский критиковал Алексеева, когда тот был назначен на пост начальника штаба Государя.

Великий Князь Андрей Владимирович пишет об этом:

"Сегодня Кирилл был у Рузского, который прямо в отчаянии от назначения Алексеева начальником штаба при Государе. Рузский считает Алексеева виновником всех наших неудач, человеком неспособным командовать... Теперь же, в оправдание, он уже обвиняет войска в неустойчивости".[365]

О Рузском пишет и Бубнов:

"Потеряв надежду достигнуть Царского Села, Государь направился в ближайший к Царскому Селу Псков, где находилась штаб-квартира главнокомандующего Северным Фронтом генерала Рузского. Этот болезненный, слабовольный и всегда мрачно настроенный генерал нарисовал Государю самую безотрадную картину положения в столице и выразил опасения за дух войск своего фронта по причине его близости к охваченной революцией столице... Во всяком случае 1 марта войска Северного Фронта далеко еще не были в таком состоянии, чтобы нельзя было бы сформировать из них вполне надежную крупную боевую часть, если и не для завладения столицей, то хотя бы для занятия Царского Села и вывоза Царской Семьи. Но у генерала Рузского воля, как и у большинства высших начальников, была подавлена..."[366]

В общем, как совершенно правильно писал И. Солоневич, "на верхах армии была дыра". И в другом месте он же пишет:

"...Из всех слабых пунктов Российской Государственной конструкции верхи армии представляли самый слабый пункт. И все планы Государя Императора Николая Александровича сорвались именно на этом пункте".[367]

Но эта “дыра”, несмотря на нелюбовь друг к другу, очень быстро столковалась об отречении Государя. Это было только “техническим” выполнением давно подготовленного плана удаления Государя. Только думали тогда эти горе-генералы, что править Россией будут они с их друзьями Родзянко, Львовым и Гучковым. На самом деле вышло иначе.

В Пскове же происходило следующее. Дубенский (“рамолик”) просит своего бывшего сослуживца генерала Данилова повлиять на Рузского.

"Я ничего не могу сделать, меня не послушают. Дело зашло слишком далеко",— ответил Юрий Никифорович".

Дубенский не знал, что этот самый “Юрий Никифорович” терпеть не мог Государя еще в бытность свою генерал-квартирмейстером Ставки при Николае Николаевиче, считался левым и явно сочувствовал событиям в Петрограде. Дубенский дальше пишет:

«Фраза: "Надо сдаваться на милость победителя",— все уясняла и с несомненностью указывала, что не только Дума, Петроград, но и лица высшего командования на фронте действуют в полном согласии и решили произвести переворот. Мы только недоумевали, когда же это произошло (подготовка шла больше года, а окончательное решение было принято во время ночного разговора Алексеева с Родзянко с 28-го февраля на 1-ое марта — *В.К.*).

Прошло менее двух суток, т.е. 28 февраля и день 1 марта, как Государь выехал из Ставки и там остался его генерал-адъютант начальник штаба Алексеев, и он знал, зачем едет Царь в столицу, и оказывается, что все уже сейчас предрешено, и другой генерал Рузский признает "победителей" и советует "сдаваться на их милость"».[368]

Да, Дубенский, как “рамолик” и “клеветник” на необыкновенно верных Государю генералов, этого понять не мог. Дубенский пишет дальше:

«Чувство глубочайшего негодования, оскорбления испытывали все. Более быстрой, более сознательной предательской измены своему Государю представить себе трудно. Думать, что Его Величество сможет поколебать убеждения Рузского и найти в нем опору для своего противодействия начавшемуся уже перевороту едва ли можно было. Ведь Государь очутился отрезанным от всех. Вблизи находились только войска Северного фронта, под командой того же генерала Рузского, признающего "победителей".

Генерал-адъютант К.Д. Нилов был особенно возбужден, и когда я вошел к нему в купе, он, задыхаясь, говорил, что этого предателя-Рузского надо арестовать и убить, что погибнет Государь и вся Россия. "Только самые решительные меры по отношению к Рузскому, может быть, улучшили бы нашу участь, но на решительные действия Государь не пойдет", — сказал Нилов. Он прерывающимся голосом стал говорить мне: "Царь не может согласиться на оставление трона. Это погубит всю Россию, всех нас, весь народ. Государь обязан противодействовать этой подлой измене Ставки и всех предателей генерал-адъютантов. Кучка людей не может этого делать. Есть люди, войска, и не все предатели в России».[369]

Совершенно верно, были и верные войска, и верные генералы. Но Алексеев, Рузский и другие возвращали именем Государя войска назад, а изъявления верности Государю со стороны порядочных и глубоко преданных Государю генералов, как Хан-Гуссейн Нахичеванского и графа Келлера, не передавались. Все это делали "мученик" Алексеев и "лучезарный брат" Рузский.

Во время этих разговоров свитских генералов Рузский был у Государя, а затем он в 12-м часу прямо пошел к себе для переговоров по прямому проводу с Петроградом и Ставкой. Лукомский в своих воспоминаниях пишет, что "находясь в Могилеве, Государь, якобы, не чувствовал твердой опоры в своем начальнике штаба Алексееве и надеялся найти более твердую опору в генерале Рузском в Пскове".[370]

Увы! При наличии в Ставке Алексеева и самого Лукомского, а в Пскове Рузского и Данилова, никакой опоры Государь не мог иметь. Николай Николаевич и Брусилов тоже не были опорой. В общем получается заколдованный круг, ловушка, куда был вовлечен наш несчастный Государь, так веривший в свою Армию и ее высших начальников! И "мученик", и "брат", и "коленопреклоненный", и будущий большевицкий инспектор кавалерии[371] были предателями Родины и Государя! А могло быть все иначе! Присяга не есть только формальная процедура, в присяге заключается мистическая сущность нашей связи с Венценосцем, а через Него с Господом Богом. Нарушение присяги — попрание Божьего закона.

Когда Рузский был у Государя, он передал Ему телеграмму Алексеева:

"Ежеминутная растущая опасность распространения анархии по всей стране, дальнейшего разложения армии и невозможности продолжения войны при создавшейся обстановке настоятельно требуют издания Высочайшего акта, могущего еще успокоить умы, что возможно только путем признания ответственного министерства и поручения составления его председателю Государственной Думы.

Поступающие сведения дают основания надеяться на то, что думские деятели, руководимые Родзянко, еще могут остановить всеобщий развал и что работа с ними может пойти, но утрата всякого часа уменьшает последние шансы на сохранение и восстановление порядка и способствует захвату власти крайними левыми элементами. Ввиду этого усердно умоляю Ваше Императорское Величество соизволить на немедленное опубликование из Ставки нижеследующего манифеста".[372]

Дальше идет текст манифеста о даровании ответственного министерства. Государь велел Воейкову отправить по Юзу телеграмму Родзянко с согласием на опубликование манифеста.

Воейков просил Данилова о предоставлении ему аппарата Юза для передачи телеграммы Государя. Далее Воейков пишет:

"Рузский, который после доклада у Его Величества прошел в купе Министра Двора, услыхав это, вышел в коридор, вмешался в разговор и заявил, что это невозможно. Я ему сказал, что это — повеление Государя, а мое дело — от него потребовать его исполнения. Генерал Рузский вернулся к Министру Двора графу Фредериксу и сказал, что такого "оскорбления" он перенести не может: что он здесь — главнокомандующий генерал-адъютант, что сношения Государя не могут проходить через его штаб помимо него, и что он не считает возможным в такое тревожное время допустить Воейкова пользоваться аппаратом его штаба. Министр Двора, выслушав генерала Рузского, пошел со мной к Его Величеству и доложил Ему о происшедшем столкновении. Государь удивился требованию генерала Рузского, но, желая прекратить всякие недоразумения, взял от меня телеграмму и отдал ее графу Фредериксу с приказанием передать Рузскому для отправки".[373]

Государь был уже пленником Рузского. Единственным связующим элементом Государя с армией был генерал Рузский и его ближайшие подчиненные.

А в Петрограде в ночь под 1 марта представители Временного Комитета решали судьбу Императора, ставшую судьбой

всего монархического строя в России. Мысль об отречении Государя была в умах многих. Эти люди боялись возвращения Государя, боялись со стороны правительства Его Величества возмездия за учиненный переворот. Почти все стояли за отречение в пользу Наследника, при регенте Михаиле Александровиче. Родзянко, который сносился по этому поводу со Ставкой, заявил, что Алексеев примкнул к этому мнению. Всех членов Временного Комитета обрадовало появление в Думе Конвоя Его Величества. Но это была команда из нестроевых чинов без офицеров. Но Временный Комитет в лице, главным образом, Родзянко мог только приветствовать подходившие воинские части, настоящими же хозяевами положения были "товарищи" из Совдепа. Родзянко это знал, видел, испытывал на самом себе, и все же лгал, когда говорил со Ставкой и Псковом, выставляя себя чуть ли ни президентом правительства. Он раз даже сказал в разговоре с Рузским — "Верховный" комитет и, когда тот спросил об этом, заявил, что он "оговорился". Но, "audiatur et altera pars",* посмотрим, что говорит по поводу этих событий сам Рузский, который незадолго до своей смерти передал свои записки генералу Вильчковскому для хранения, и который опубликовал их в 1922 году.

«Н.В. Рузский, как и все либерально мыслящие люди ("братья"? — *В.К.*), считал, что репрессии только обостряют положение и полагал, что дарование ответственного министерства сразу и надолго успокоит Россию, отняв от революционных партий могучее агитационное средство. Поэтому он был против посылки отряда генерал-адъютанта Иванова».[374]

Собственно, что значит, что "**он** был против посылки отряда генерал-адъютанта Иванова"? Была воля Государя Императора, которую надо было без всяких колебаний выполнить. Все решения, что лучше или хуже, должны быть предоставлены **только** Государю и Державному Вождю. И Он, конечно, знал и понимал лучше всех этих Наполеонов в кавычках. Вильчковский пишет:

"Рузский выразил свое согласие поддержать ходатайство Алексеева и Великого Князя (Сергея Михайловича; ходатайство об ответственном министерстве — *В.К.*). Рузский знал, что Государь считает ответственное перед палатами Министерство неподходящим для России порядком управления, и предвидел, что ему нелегко будет доложить Государю о необходимости согла-

* Audiatur et altera pars (*лат.*) – посмотрим с другой стороны (*ред.*).

ситься на предложенный генералом Алексеевым Манифест... Решение действительно огромной исторической важности зависело от того доклада, который предстоял ему сейчас... Из Ставки тоже молчали. Генерал Алексеев был нездоров и лично к аппарату не подходил — он передал дело ему в руки".

Он зашел в купе к Воейкову и спросил, почему тот не доложил Государю о нем. Воейков сказал, что это не его обязанность — докладывать Государю о приходе Рузского. Это было правдой. Дворцовый Комендант не являлся флигель-адъютантом.

«Тогда Рузский окончательно вышел из себя и, подхватив слово "обязанность", чрезвычайно резко высказал Воейкову, что его прямая обязанность заботиться как Дворцовому Коменданту об Особе Государя, а настал момент, когда события таковы, что Государю, может быть, придется "сдаться на милость победителей", если люди, обязанные всю жизнь за Царя положить и своевременно помогать Государю, будут бездействовать, курить сигары и перевешивать картинки. Что еще наговорил при этом Рузский, он не мог себе отдать впоследствии отчета, но помнит, что после слов "милость победителей" Воейков побледнел и они вместе вышли в коридор, а через несколько мгновений Рузский был у Государя».[375]

Почему, Ваше Высокопревосходительство, Воейков должен "жизнь за Царя положить", а Вы нет? Вы, "лучезарный брат", можете быть только предателем, а вот Воейков, которого и Вы, и Вам подобные "либералы" называли "темной силой" и прочим глупым вздором, был сразу арестован тоже "лучезарным" Керенским и препровожден в Петропавловскую Крепость, а Вы оставались Главнокомандующим Фронтом, пока новый Главковерх Алексеев, не забыв вашу критику его действий в бытность его Главнокомандующим Северо-Запад-ным Фронтом и начальником штаба Государя, не вышиб Вас вон. Впрочем, такая же участь ждала и нового Главковерха. Но об этом еще речь впереди.

У Государя "Рузский стал с жаром доказывать Государю необходимость немедленного образования ответственного перед палатами Министерства. Государь возражал спокойно, хладнокровно и с чувством глубокого убеждения... Основная мысль Государя была, что Он для Себя в своих интересах ничего не желает, ни за что не держится, но считает Себя не вправе передать все дело управления Россией в руки людей, которые сего-

дня, будучи у власти, могут нанести величайший вред родине, а завтра умоют руки, "подав с кабинетом в отставку".

"Я ответственен перед Богом и Россией за все, что случилось и случится, — сказал Государь. — Будут ли Министры ответственны перед Думой и Государственным Советом — безразлично. Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается Министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело, не моя ответственность".

Рузский старался доказать Государю, что его мысль ошибочна, что следует принять формулу: "Государь царствует, а правительство управляет".[376]

Сколько благородства, убеждения в своей правоте, чувства ответственности перед Богом за свои поступки; сколько подлинного царственного величия, понимания своего долга, глубочайшей веры в принципы единственно нравственного образа правления — Самодержавия — было высказано Государем!

И каким жалким пошляком казался этот "брат" Рузский со своим убогим убеждением, что Русский Царь должен быть только декорацией, а все эти "лучезарные" проходимцы должны править нашей необъятной Родиной — Российской Империей, которую строили Великие Князья, Цари и Императоры! Наш бедный Государь должен был, наверно, чувствовать физическое отвращение и к этим словам, и к говорившему этот "демократический бред".

Но "Рузский возражал, спорил, доказывал и, наконец, после полутора часов получил от Государя соизволение на объявление через Родзянко, что Государь согласен на ответственное Министерство и предлагает ему формировать первый кабинет".[377]

После этого Рузский получил из Ставки текст Манифеста, предложенный Алексеевым, принес его Государю, и этот текст был принят Государем без возражений. Государь только добавил, что Ему это решение очень тяжело, но раз этого требует благо России (так уверили его обманщики в Ставке и Пскове — *В.К.*), Он на это по чувству долга обязан согласиться. После этого Рузский с Даниловым отправились в город, чтобы быть в два с половиной часа ночи у аппарата для разговора с Родзянко.

Ни Ставка, ни Псков не знали, что Временный Комитет совершенно безсилен перед захватившим всю власть в свои руки Советом Рабочих и Солдатских депутатов. По этому поводу пишет Иван Солоневич:

"Генерал Алексеев ссылается на данные Родзянки. В распоряжении Алексеева, кроме данных Родзянки, должны были быть и данные военной контр-разведки, которая была подчинена Ставке, которая работала действительно скандально плохо, но которая все-таки могла уловить положение в Петрограде — уловил же его пресловутый Бубликов: довольно одной дисциплинированной дивизии, и вся эта охваченная, так сказать, превентивной паникой толпа просто разбежится".[378]

Разговор Рузского с Родзянко начался только в три часа тридцать минут ночи на 2-ое марта. Когда разговор был окончательно передан в Ставку, там сразу решили, что отречение — единственный исход. Это видно из документа № 27. Вот этот документ. Вернее, преступление.

«У аппарата генерал Данилов.

Здравствуй Юрий Никифорович, у аппарата Лукомский.

Генерал Алексеев просит сейчас же доложить главнокомандующему, что необходимо разбудить Государя и сейчас же доложить ему о разговоре генерала Рузского с Родзянко.

Переживаем слишком тяжелый момент, когда решается вопрос не одного Государя, а всего Царствующего Дома и России. Генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать, так как теперь важна каждая минута и всякие этикеты должны быть отброшены.

Генерал Алексеев просит, по выяснении вопроса, немедленно сообщить официально и со стороны высших военных властей сделать необходимое сообщение в армии, ибо неизвестность хуже всего и грозит тем, что начнется анархия в армии.

Это официально, а теперь прошу тебя доложить от меня генералу Рузскому, что, по моему глубокому убеждению, выбора нет и отречение должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится в руках мятежных войск, ибо, по полученным сведениям, дворец в Царском Селе занят войсками, как об этом вчера уже сообщал вам генерал Клембовский. Если не согласятся, то, вероятно, произойдут дальнейшие эксцессы, которые будут угрожать Царским детям, а затем начнется междоусобная война, и Россия погибнет под ударами Германии, и погибнет династия. Мне больно это говорить, но другого выхода нет. Я буду ждать твоего ответа. Лукомский".

"Генерал Рузский через час будет с докладом у Государя и потому я не вижу надобности будить Главнокомандующего, который только что, сию минуту, заснул и через полчаса встанет; вы-

игрыша во времени не будет никакого. Что касается неизвестности, то она, конечно, не только тяжка, но и грозна, однако и ты, и генерал Алексеев отлично знаете характер Государя и трудность получить от него определенное решение; вчера весь вечер, до глубокой ночи, прошел в убеждении поступиться в пользу ответственного министерства. Согласие было дано только к двум часам ночи, но, к глубокому сожалению, оно, как это в сущности и предвидел Главнокомандующий, явилось запоздалым; очень осложнила дело высылка войск генерал-адъютанта Иванова; я убежден, к сожалению, почти в том, что, несмотря на убедительность речей Николая Владимировича и прямоту его, едва ли возможно будет получить определенное решение; время безнадежно будет тянуться, вот та тяжкая картина и та драма, которая происходит здесь.

Между тем, исполнительный комитет государственной думы шлет ряд извещений и заявляет, что остановить поток нет никакой возможности. Два часа тому назад Главнокомандующий вынужден был отдать распоряжение о том, чтобы не препятствовали распространению заявлений, которые клонятся к сохранению спокойствия среди населения и к приливу продовольственных средств; другого исхода не было.

Много горячих доводов высказал генерал Рузский в разговоре с Родзянко в пользу оставления во главе Государя с ответственным перед народом министерством, но, видимо, время упущено и едва ли возможно рассчитывать на такое сохранение.

Вот пока все, что я могу сказать.

Повторяю — от доклада генерала Рузского я не жду определенных решений. Данилов".

"Дай Бог, чтобы генералу Рузскому удалось убедить Государя. В его руках теперь судьба России и Царской Семьи.

Лукомский».[379]

Вот и все. Как будто незначительный, дружеский разговор двух генералов. На самом деле это протокол того преступления, которое уже было обдумано в Ставке, и никакие изменения не могли иметь места. Алексеев уже твердо решил взять в свои руки вопрос об отречении Государя. И уже и язык меняется коренным образом: "необходимо разбудить Государя и сейчас же доложить... все этикеты должны быть отброшены... выбора нет, и отречение должно состояться... генерал Алексеев убедительно просит безотлагательно это сделать".

Помимо Алексеева и Главнокомандующих фронтами вина за преступление 2-го марта ложится также и на двух ближай-

ших помощников Алексеева и Рузского. Это Лукомский и Данилов. Кто они — мы знаем. Лукомский еще за много лет посещал заседания "Военной Ложи" у Гурко, будучи Товарищем военного министра, в заседании Совета Министров позволил себе оскорбительно говорить о Государе (Воспоминания Наумова). О Данилове и говорить нечего. В своих воспоминаниях он говорит о Государе:

"...Император Николай II не обладал ни необходимыми знаниями, ни опытом, ни волею, и что весь его внутренний облик мало соответствовал грандиозному масштабу войны".[380]

Кроме того, он был обижен, что после генерал-квартирмейстерского поста в Ставке Николая Николаевича получил только корпус. В общем обе фигуры представляют собой людей, как узких специалистов военного дела, не понимавших всех особенностей нашей государственности, симпатизировавших и Думе, и "передовой общественности" и не имевших необходимых точных сведений о том, кто является подлинным хозяином и вдохновителем революции в Петрограде. Вообще они были, как и другие генералы, "дырой на верхах армии".

Генерал Вильчковский продолжает:

"Н.В. Рузский, измученный и тоже больной (Отчего во главе Русской Армии стояли старые и больные люди? Что, разве не было более молодых и здоровых? — *В.К.*), в исходе девятого часа утра прилег, велев разбудить его через час, чтобы идти с докладом о своем разговоре к Государю. Он еще надеялся, что Манифест сделает свое дело, но в Ставке решили иначе и требовали, чтобы Рузский ни минуты не медлил идти к Государю — убеждать его отречься и уже писали циркулярную телеграмму Главнокомандующим, предлагая им "просить" согласия Государя на отречение. Между получением в Ставке окончания разговора Рузского с Родзянко и посылкой циркулярной телеграммы прошло 2 часа 45 минут".[381]

В разговоре Родзянко с Рузским Родзянко лжет все время. Лжет, что "только ему верят, только его приказания исполняют". На самом деле Временный Комитет в Думе выставили из занимаемого помещения, куда въехал какой-то орган Совдепа, а "вершителей судьбы" во главе с "громогласным" Родзянко втиснули в две маленькие комнаты. Для того, чтобы пройти на телеграф, Родзянко просил у Совдепа охрану из двух солдат, в противном случае могли избить или даже убить этого самого "вершителя". Родзянко на вопрос Рузского — согласен ли он стать во главе кабинета (все зависело от Совдепа, все до мело-

чей, но Родзянко ничего об этом не сказал) — вместо ответа начинает говорить о том, как он предсказывал революцию, но его не слушали. Начинает обвинять Государыню и, наконец, проговорился, что он, "которого все слушают и приказания исполняют", чувствует себя на волоске от заточения в Петропавловскую крепость. Затем заявляет, что Манифест опоздал, еще не зная какой — все равно опоздал.[382]

Но Рузский не замечает противоречий Родзянко. Он был, как и большинство "высших генералов", подлинной "дырой". А Родзянко (хоть и не генерал, но "дыра" уж совсем законченная) заявляет, что "все решили довести войну до конца, но Государь должен отречься". Кто все? Кто требует отречения? Не те ли, которых боится Родзянко, и которые дают ему охрану из двух солдат? Родзянко говорит, что "сегодня ночью" назначил "Временное Правительство". На самом деле Прогрессивный блок просил униженно Суханова, Стеклова и других "секретарей дьявола" разрешить им "создать правительство". Суханов в своих воспоминаниях по этому поводу пишет:

"Следующее слово было мое. Я отметил, что стихию можем сдержать или мы, или никто. Реальная сила, стало быть, или у нас, или ни у кого. Выход один: согласиться на наши условия и принять их, как правительственную программу".[383]

Суханов, который еще раньше говорил, что первое правительство должно быть сформировано из буржуазии, с тем чтобы оно исполняло все требования Совдепа, т.е. таскало из огня каштаны для "грядущей всемирной социалистической революции", говорил с Родзянко, Милюковым и другими думцами, как с лакеями. Они такими и были, и потому удивляться совсем не приходится, что после Февраля-Марта наступил Октябрь. Это было логично, естественно и последовательно. От Прогрессивного блока, через "прогрессивные" события до приезда в запломбированном вагоне "великого гуманиста" с прогрессивным параличом.

Но генералы всего этого не понимали. Для того чтобы понимать, надо было быть другими людьми. Генералы ими не были. Уже задним числом "Рузский сам себя обвинял, что недостаточно твердо говорил с Родзянко и не отдал себе сразу отчета в его сбивчивых противоречивых словах",[384] а Алексеев будто бы сказал, что "никогда себе не прощу, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграмму главнокомандующим по вопросу отречения Государя от Престола".[385]

Все это ничего не говорящие фразы.

Мы увидим позже, что Алексеев говорил уже после отречения Государя совсем другие вещи.

Генерал Рузский вместо слащавых вопросов Родзянко "должен был бы прервать разговор, указать ему, что он изменник, и двинуться вооруженной силой подавить бунт. Это несомненно бы удалось, ибо гарнизон Петрограда был неспособен к сопротивлению, Советы еще слабы, а прочных войск с фронтов можно было взять достаточно. Все это верно и это признавал впоследствии и Рузский..."[386]

Дальше Вильчковский пишет:

"Как раз в ту минуту, когда Рузский входил в вагон Государя с докладом о ночном разговоре с Родзянко, генерал Алексеев в Ставке подписывал свою циркулярную телеграмму Главнокомандующим. Было 10 часов 15 минут утра 2 марта.

Еще до этого доклада судьба Государя и России была решена генералом Алексеевым. Ему предстояло два решения, для исполнения которых "каждая минута могла стать роковой", как справедливо отмечает он в своей циркулярной телеграмме. Либо сделать "дорогую уступку" — пожертвовать Государем, которому он присягал, коего он был генерал-адъютантом и ближайшим советником по ведению войны и защите России, либо — не колеблясь, вырвать из рук Самочинного Временного Правительства захваченные им железные дороги и подавить бунт толпы и Государственной Думы.

Генерал Алексеев избрал первое решение — без борьбы сдать все самочинным правителям, будто бы для спасения армии и России. Сам изменяя присяге, он думал, что армия не изменит долгу защиты родины".[387]

Вильчковский совершенно прав. Это Алексеев виноват во всем. Ни Рузский, никто из Главнокомандующих не посмел бы выступить с каким-либо заявлением, если бы Алексеев был бы на стороне Государя. Я несколько раз слышал доводы от бывших офицеров, с которыми я вел безчисленные разговоры на эту тему, что Алексеев был определенной посредственностью и что отсутствие глубокого ума и всестороннего образования (кроме узкоспециального) мешало ему правильно подойти к оценке совершавшихся событий. На это можно и должно сказать следующее: если бы Алексеев был бы даже глупее, чем он был, если бы в нем не было бы никакой глубины ума, а было бы ясное, отчетливое и **непоколебимое** представление о своем

долге, если бы он знал, что присяге изменять нельзя, если бы он понимал, что Государь – это олицетворение России, что Государь Особа Священная, то никаких колебаний не было бы, революция была бы сметена в кратчайший срок, Россия выиграла бы войну и была бы самой могущественной страной в мире. Как странно, что некоторые задают вопрос: что мог сделать Алексеев? Этот вопрос совершенно лишен нравственного начала.

Вот что пишет Лукомский, этот верный палладин Алексеева:

"История посылки запроса генералом Алексеевым Главнокомандующим фронтами об отношении их к вопросу отречения Государя от Престола описывается мной со слов генерала Алексеева в смысле оказания давления генералом Рузским на генерала Алексеева относительно отправки этого запроса.

Из имеющихся в моем распоряжении документов этого не видно и скорее получается впечатление, что инициатором возбуждения этого вопроса был сам генерал Алексеев"[388].

Даже Лукомский, принимавший ближайшее участие в этом позорном акте, утверждает, что только Алексеев был инициатором вопроса об отречении. Никто из Главнокомандующих помимо Алексеева на это не пошел бы.

"Генерал Алексеев поручил мне составить телеграмму Главнокомандующим фронтов с подробным изложением всего происходящего в Петрограде, с указанием о том, что ставится вопрос об отречении Государя от Престола в пользу Наследника Цесаревича с назначением регентом Великого Князя Михаила Александровича, и с просьбой, чтобы Главнокомандующие срочно сообщили по последнему вопросу свое мнение. Телеграмма была подписана Алексеевым и по прямому проводу передана всем Главнокомандующим"[389].

Вот текст этого позорнейшего документа, который погубил и Государя, и Россию, и всех нас:

"Его Величество находится во Пскове, где изъявил свое согласие объявить Манифест итти навстречу народному желанию учредить ответственное перед палатами министерство, поручив председателю Государственной Думы образовать кабинет.

По сообщении этого решения Главнокомандующим Северного фронта председателю Государственной Думы, последний, в разговоре по аппарату, в три с половиной часа второго сего марта, ответил, что появление такого Манифеста было бы своевременно 27 февраля; в настоящее же время этот акт является за-

поздалым, что ныне наступила одна из страшных революций; сдерживать народные страсти трудно; войска деморализованы. Председателю Государственной Думы хотя пока и верят, но он опасается, что сдерживать народные страсти будет невозможно. Что теперь династический вопрос поставлен ребром и войну можно продолжать до победоносного конца лишь при исполнении предъявленных требований относительно отречения от Престола в пользу сына при регентстве Михаила Александровича. Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находится фактически в руках Петроградского Временного Правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала; продолжать до конца борьбу с внешним врагом; спасти независимость России и судьбу Династии. Это нужно поставить на первом плане, хотя бы и ценой дорогих уступок. Если вы разделяете этот взгляд, то не благоволите ли телеграфировать весьма спешно свою верноподданническую просьбу Его Величеству через Главкосева, известив меня.

Повторяю, что потеря каждой минуты может стать роковой для существования России и что между высшими начальниками действующей армии нужно установить единство мысли и целей и спасти армию от колебаний и возможных случаев измены долгу. Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, и решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху.

Алексеев,

2 марта 1917 года, 10 часов 15 минут. 1872".[390]

Николай Николаевич отвечает:

"Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывало роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России, и спасение Династии, вызывает принятие сверхмеры.

Я как верноподданный (? — *В.К.*) считаю по долгу присяги и по духу присяги (? — *В.К.*) необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему.

Осенив себя крестным знамением, передайте Ему — Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить Вас.

Генерал-адъютант Николай".

Я не буду приводить текст ответных телеграмм других Главнокомандующих. Они всем известны. Я привел текст только ответа Николая Николаевича. Эта телеграмма Николая Николаевича, все, что я писал раньше о членах Императорской Фамилии и что еще будет сказано в дальнейшем, выносило смертный приговор Династии. Без Государя Императора все они становились никому не нужными.

А вот телеграмма генерал-адъютанта Хан-Нахичеванского, которая **не была доложена Государю**:

"До нас дошли сведения о крупных событиях. Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха.

Генерал-адъютант Хан-Нахичеванский.
2370. 3 марта 1917 г."

Сейчас будет сказано еще о рыцарски честном и преданном Государю военачальнике.

«Уговаривая столь зависимых от Ставки Главнокомандующих воздействовать на Государя с целью добиться "добровольного" отречения, генерал Алексеев пытался привлечь к этому воздействию и начальника Морского штаба при Ставке адмирала Русина, непоколебимого в верности и честности человека, которого очень ценил и уважал Государь.

Не будучи подчинен Алексееву, Русин держал себя в Ставке очень достойно, независимо и самостоятельно.

Утром адмирал Русин был приглашен к генералу Алексееву. Алексеев рассказал, что Государь задержан в пути, находится во Пскове и Ему из Петрограда предъявлены требования.

— Что же требуют? Ответственного Министерства? — спросил адмирал.

— Нет. Больше. Требуют отречения, — ответил Алексеев.

— Какой ужас, какое несчастье! — воскликнул Русин.

Алексеев спокойно и невозмутимо молчал. Разговор оборвался. Собеседники поняли друг друга. Русин встал, попрощался и вышел из кабинета, даже не спросив, для чего, собственно, его приглашал Алексеев.

Так рассказывал об этой сцене автору сам адмирал Русин.

Пришел, наконец, и столь желанный ответ от Великого Князя Николая Николаевича. Стали редактировать общую телеграмму от генерала Алексеева Государю Императору, которая и была передана во Псков в 14 часов 30 минут дня.

Перед отправкой телеграммы под ней предложили подписаться и адмиралу Русину, от чего адмирал Русин с негодованием отказался, считая обращение с подобной просьбой изменой Государю Императору».[391]

Теперь мы увидим, как реагировал на это Алексеев. Мелочный и злопамятный, он, конечно, понял, что Русин считает и его, и Николая Николаевича, и других Главнокомандующих изменниками. Что, конечно, и было. Не забудем, что Алексеев был на "ты" с Николаем Николаевичем. Это было сразу доложено Николаю Николаевичу, когда тот прибыл, думая, что он будет Верховным. Этого, как известно, не случилось. Так вот, еще не зная об этом, Николай Николаевич "указал сместить адмирала Русина с должности Начальника Морского Штаба Верховного Главнокомандующего".[392]

Это смещение не имело силы — Николай Николаевич не был допущен к занятию поста Верховного. Но Русин сам не пожелал служить врагам России и добровольно подал в отставку. Не то, что другие генералы, которые так стремились угодить новому начальству, вплоть до большевиков (Брусилов, Поливанов, Клембовский, Бонч-Бруевич, Балтийский, Гатовский, Сытин, Болдырев и т.д. и т.д. и т.д.).

В 10 часов утра в Пскове Рузский был принят Государем, Рузский доложил о разговоре с Родзянко и "стиснув зубы", как говорил позже, положил перед Государем ленту разговора, наклеенную на листах. Государь внимательно прочел все листы. Затем встал, встал и Рузский. Затем сел и предложил сесть генералу. Государь начал говорить об отречении. Он сказал, что уже вчера понял, что манифест о даровании ответственного министерства не поможет.

"Если надо, чтобы я отошел в сторону, для блага России, я готов, но я опасаюсь, что народ этого не поймет. Мне не простят старообрядцы, что я изменил своей клятве в день священного коронования. Меня обвинят казаки, что я бросил фронт". Рузский предлагал подождать мнения Алексеева, хотя и предупредил о разговоре, который вел Лукомский.

В это время Рузскому подали циркулярную телеграмму Алексеева. Рузский прочел ее вслух. После этого было решено узнать о том, что скажут Главнокомандующие.

Рузский должен был явиться после завтрака. Рузский просил разрешения придти с Даниловым и Савичем. Воейкову Государь повелел переговорить с Рузским на платформе. Рузский говорил о Временном Правительстве, об аресте министров и сказал, что телеграмму Государя об ответственном Министерстве он не послал, так как сейчас "единственный выход из положения – отречение. Это мнение всех Главнокомандующих". Рузский это говорил до получения ответов Главнокомандующих. Они уже знали, все эти "верноподданные", что будут солидарны друг с другом при покровительстве своего шефа Алексеева.

"Когда я вернулся к Его Величеству,– писал позже Воейков,– меня поразило изменение (...) в выражении его лица. Казалось, что Он после громадных переживаний отдался течению и покорился своей тяжелой судьбе".[393]

Государь понимал, что Он попал в ловушку, из которой не было выхода. Но Он страдал не за себя, Он страдал за Россию, понимая, что новые хозяева поведут ее по пути безславия и приведут к гибели.

После завтрака Рузский вновь явился к Государю с докладом. На этот раз он привел с собой Данилова и Саввича.

Данилов, очевидец того, что произошло, пишет следующее:

"Император Николай встретил нас в том же зеленом салоне своего вагона – столовой. Он казался спокойным, но был несколько бледнее обыкновенного: видно было, что Он провел большую часть ночи без сна. Одет он был в той же темно-серой черкеске, с кинжалом в серебряных ножнах на поясе.

Усевшись у небольшого четыреугольного стола, Государь стал внимательно слушать Н.В. Рузского. Последний, сидя против Императора, медленным голосом стал докладывать о всем происшедшем за истекшие часы и, дойдя до телеграммы генерала Алексеева с ответными ходатайствами старших войсковых начальников, просил Государя лично ознакомиться с их содержанием.

Затем Н.В. Рузский, **отчеканивая каждое слово**, стал излагать свое собственное мнение, клонившееся к выводу о невозможности для Государя принять какое-либо иное решение, кроме того, которое подсказывалось советами запрошенных лиц. В

конце своего доклада главнокомандующий просил выслушать и наше мнение.

Мы с генералом Савичем, оставшиеся во все время этой сцены стоя, подтвердили в общем мнение, намеченное председателем Государственной Думы и поддержанное старшими начальниками Действующей Армии.

Наступило гробовое молчание.

Государь, видимо, волновался. Несколько раз Он **безсознательно взглядывал в плотно завешанное окно вагона**. Затем, встав и быстро повернувшись в нашу сторону, перекрестился широким крестом и произнес:

"Я решился... Я решил отказаться от Престола в пользу своего сына Алексея!.. — Благодарю вас всех за доблестную и верную службу. Надеюсь, что она будет продолжаться и при моем сыне"...

Точно камень, давивший нас, свалился с плеч. Минута была глубоко торжественная. Поведение отрекшегося Императора было достойно всякого поклонения"[394].

Вы заметили, что "Он безсознательно взглядывал в плотно завешанное окно вагона". Государь понимал, что это **западня, из которой выхода нет**.

"Он, соединявший в себе двойную и могущественную власть Самодержца и Верховного Главнокомандующего, ясно сознавал, что генерал Рузский не подчинится его приказу, если Он велит подавить мятеж, бушующий в столице. Он чувствовал, что тайная измена опутывала его, как липкая паутина..."[395]

А что значит — "отчеканивая каждое слово, стал излагать свое собственное мнение", — я сейчас поясню.

«Как потом выяснилось, своей настойчивостью в Пскове генерал-адъютант Рузский заставил деликатного, обожавшего Россию Государя отречься от Престола. Он позволил себе даже дерзко говорить: "Ну, решайтесь!"

Эти слова, после отречения, Государь передавал в Ставке Императрице Марии Феодоровне, Которая в Дании рассказывала мне об этом. Источник осведомления безусловно достоверный».[396]

Вот все — самое главное. В эти часы совершалась история перелома России. В эту минуту решилась судьба России и кончилась война. Государь обращает свой взор на армию — в лице второго после себя вождя-Алексеева... Государь видит, что и здесь этот его ближайший помощник — за общество и за Пет-

роградский сброд улицы; узнает, что он против Него и что без его ведома посылаются за мнением Родзянки телеграммы... Без Него — генералы и Дума соглашаются, что продолжать с Ним войны нельзя... Без повеления Царя, без вопроса и приказа Вождя — Главнокомандующие заглазно указывают выход, берутся решать судьбу России. В ночь 2-го марта заговором попрано было все... Командующие, как и депутаты, презирая присягу, дисциплину, историю, боевую славу — смеют вместе с обществом не только судить своего Государя и Вождя, но... советовать, требовать, просить... не все ли равно... отречься и освободить свой Престол и пост, и обезглавить Россию... И за что? — на каких основаниях?..

Мир не слыхал ничего подобного этому правонарушению. Ничего иного после этого, кроме большевизма, не могло и не должно было быть... Русский Царь предан. Предана вся Россия... Предана Армия, и она после этого тоже предаст. Следствием актов Алексеева и главнокомандующих — приказ № 1, безпрекословно выполненный тем же Алексеевым...

С ночи 2-го марта нет армии, нет и России... Ничего иного Государь не мог сделать, как отречься. Государь понял все, и Россия услышит его суд в словах: **"Кругом измена, и трусость и обман"**.

Н. Павлов тоже пишет об этом:

"1-е и 2-е марта 1917 года — важнейшие дни всей истории России, ее "быть или не быть": Самодержавие — или социализм? Единое Царство — или республика? Победа — или поражение? Слава — или позор? Народная свобода при Монархии, или кабала социальная и экономическая? и, наконец: или тысячелетняя независимость России и самодовлеющий ход вперед, — или полная зависимость и... иго — в тысячу крат более тяжкое, чем монгольское, и владычество над страной алчных мировых сил. В те часы Христианская Россия дрогнет, отдавая надолго народ во власть дьявола... Непобежденным останется один Государь...

В час решения Государя совершалось таинство, а не политика, и напрасно летописцы упрощают момент отречения в эпизод.

Таинственность происходящего подтверждается тысячелетней историей страны, связью Царей с Православием и народом и актом помазанничества Богом, в Которого еще по сегодня верит часть человечества. Перед этим прошлым и будущим Государь стоял один. Ни на одного Монарха еще никогда не ложи-

лось бремя подобного решения, т.к. нет более великой и важной страны, как Россия...

В сопоставлении трех сил: Власти, общества и народа выступает яркая картина: велик, ясен и белоснежно чист облик носителя Власти.

Неизменно, преступно и мрачно Общество".[397]

А Архимандрит Константин писал об уходе Царя:

"Теперь с отказом от Царя, Россия отрекалась и от своей души... Забыв о Царе, Россия забыла о войне, забыла о Родине, забыла и о Боге... вообще перестала существовать как некая соборная личность. Осталась рассыпанная храмина, в которой не могло ничего сплотиться достаточно стойкого ни для защиты Царя, ни для защиты Бога, ни для защиты Родины".[398]

Глава XXIV

ГУЧКОВ И ШУЛЬГИН В СТАВКЕ. МАНИФЕСТ ГОСУДАРЯ. ОТРЕЧЕНИЕ В ПОЛЬЗУ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

В этой главе я хочу коснуться того эпизода уже после отречения, который Мельгунов в своих "Мартовских Днях 1917 года" называет "Свитской интригой".[399]

Я назову этот эпизод – последней попыткой (увы! бесплодной) преданных Государю людей помешать переслать телеграмму с текстом отречения Государя в Петроград и тем не допустить отречения.

После заявления об отречении Государь вышел из салона и вернулся в 3 часа и передал две телеграммы: одну в Петроград, на имя председателя Государственной Думы, а другую Алексееву в Ставку. Текст первой гласил:

"Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына с тем, чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия, при регентстве Брата Моего Великого Князя Михаила Александровича. Николай".

Вторая телеграмма была следующего содержания:

"Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына.

Прошу всех служить Ему верно и нелицемерно. Николай".[400]

Телеграмма в Ставку с текстом отречения была следствием **ультиматума** Алексеева, который, препровождая телеграммы главнокомандующих в Псков, закончил своим заключением, в котором были фразы: "...умоляю безотлагательно принять решение", "...соизволите принять решение" и наконец – "ожидаю повелений". Вильчковский пишет, что "последняя фраза телеграммы Алексеева, "ожидаю повелений" вызвала в Государе чувство горечи, которого Он, несмотря на всю свою выдержку, не мог скрыть".[401] Государь понял, что это ультиматум его вероломного начальника штаба.

После получения известия из Петрограда, что в Псков выезжают Гучков и Шульгин, Государь телеграмму Алексееву взял обратно, а телеграмму для Родзянко приказал Рузскому

задержать у себя до прибытия депутатов. После этого Рузский удалился.

Теперь предоставим место тому, что пишет Воейков.

"Меня, как громом, поразило это известие, так как из разговора с Государем я совершенно не мог вывести заключения, что подобное решение уже созрело в помыслах Его Величества. Я побежал в вагон Государя, без доклада вошел в его отделение и спросил:

"Неужели верно то, что говорит граф (Фредерикс — *В.К.*) — что Ваше Величество подписали отречение? Где оно?"

На это Государь ответил мне, передавая лежавшую у Него на столе пачку телеграмм:

"Что Мне оставалось делать, когда все Мне изменили? Первый Николаша... Читайте.

(Я понял, что Государь был очень взволнован, раз Он в разговоре со мной так назвал Великого Князя Николая Николаевича). На мой вторичный вопрос:

"Где же отречение?"

Государь сказал, что отдал его Рузскому для отправки Алексееву, на что я доложил Государю, что, на мой взгляд, никакое окончательное решение принято быть не может, пока Он не выслушает находившихся в пути Гучкова и Шульгина. Государь согласился потребовать свое отречение обратно от Рузского. Он мне сказал:

"Идите к Рузскому и возьмите у него обратно отречение".

Я ответил, что лучше было бы это поручение возложить на генерала Нарышкина (начальник Походной Канцелярии — *В.К.*), так как мои переговоры с Рузским приведут только к новому совершенно ненужному столкновению. Тогда Государь сказал:

"Я вам потом дам прочесть телеграммы, а сейчас вы Мне позовите Нарышкина".

Я пошел за Нарышкиным, которому Государь отдал приказание сходить к Рузскому за подписанным отречением. Рузский жил на вокзале в своем поезде. Генерал Нарышкин через несколько минут вернулся и доложил Государю, что генерал-адъютант Рузский отказался вернуть ему отречение".[402]

Дальше пишет Великий Князь Андрей Владимирович, со слов Рузского:

«...Ко мне пришел один из флигель-адъютантов и попросил вернуть Государю телеграмму. Я ответил, что принесу лично и пошел в Царский поезд и застал Государя и графа Фредерикса.

Я чувствовал, что Государь мне не доверяет и хочет вернуть телеграмму обратно, почему прямо заявил:

"Ваше Величество, я чувствую, Вы мне не доверяете, но позвольте последнюю службу все же сослужить и переговорить до Вас с Гучковым и Шульгиным и выяснить общее положение".

На это Государь сказал:

"Хорошо, пусть останется как было решено"...

Я вернулся к себе в вагон с телеграммой в кармане...»[403]

Все эти генералы все еще боялись, что Государь передумает, а Государь... понимал, что все кончено. Все остальное — и приезд двух таких же предателей, как и генералы, отъезд в Могилев, прощание со Ставкой, арест Государя, его заключение с Семьей в Царском, затем Тобольск, страшный Екатеринбург, все это было длительной агонией, которая окончилась Ипатьевским подвалом. Кто повинен в этой ужасной смерти? Только палачи? Только Советское правительство с Лениным? Только Временное Правительство? Керенский? Совдеп? Нет. И генералы-изменники во главе с Алексеевым. И они больше, чем другие. И Алексеев еще больше, чем другие генералы. Если бы он захотел, вернее смог бы понять, продумать (или быть другим человеком, чего он не мог), то не было бы ни Временного Правительства, ни Керенского, ни Совдепа, ни Советов, ни Ипатьевского подвала.

Между прочим есть мнение, что Мельгунов очень "беспристрастный историк". Во-первых, Мельгунов, конечно, не историк, а автор многочисленных монографий, а во-вторых, Мельгунов совсем не безпристрастный. Это вполне понятно. Советский историк Покровский пишет о тех же событиях совсем не так, как, скажем, Ключевский и Карамзин не так, как Платонов. Но у Мельгунова (народного социалиста по партийной принадлежности) все время встречаются такие фразы: "Запись Вильчковского, проводящего определенную тенденцию реабилитации Рузского в глазах эмигрантских монархистов", или говоря о Шульгине: "Свои эмигрантские переживания он переносит в годы, о которых рассказывает, как мемуарист" и т.д. В общем Мельгунов выставляет себя каким-то судьей, когда приводит те или другие мемуары очевидцев. Никаким судьей он быть, конечно, не может, никаким очевидцем не был, но может порицать или одобрять те или иные события. Лично я скажу, что читать его очень трудно (у меня есть все его книги). Он буквально загромождает свои описания не выдержка-

ми, а своими догадками и предположениями. И выводами, подчас весьма рискованными и совершенно необоснованными. Я на них уже указывал раньше. Я предпочитаю все же очевидцев.

Приехали Гучков и Шульгин в Псков, так сказать, потихоньку от Совдепа, боясь, что их задержат, как задержали раньше Родзянко. Шульгин так и пишет:

"Мы должны ехать вдвоем, в полной тайне".[404]

И вот, сидя в поезде, этот самый Шульгин думает о легализации безпримерного насилия, о том, что Государь "добровольно" отречется, все присягнут новому правительству и все будет в порядке. Он не понимал (если он был глуп) того, что легализация отнимала возможность у людей, которые могли и хотели (Хан-Нахичеванский, Келлер, Русин и много других, — не ошибусь, если скажу, что большинство) бороться и с Совдепом, и Петроградским сбродом. Если же Шульгин не был глуп, то это было еще большим преступлением, чем приказ № 1, и Шульгин был "секретарем дьявола", таким же, как и Суханов.

Вот как мечтал, сидя в вагоне, этот "монархист":

"Государь отречется от Престола по собственному желанию, власть перейдет к Регенту, который назначит новое правительство. Государственная Дума, подчинившаяся указу о роспуске и подхватившая власть только потому, что старые министры разбежались, — передает эту власть новому правительству. Юридически революции не будет".[405]

Нет, он все-таки был и глуп.

Тайком выбравшись, так как Суханов, Стеклов, Соколов и др. могли заставить остаться (значит, подлинная власть), этот господин думает, что Совдеп согласится на какого-то Регента, на его назначение какого-то правительства и т.д.

Гучков и Шульгин прибыли после 10 часов вечера.

Еще до их прибытия Государь имел продолжительную беседу с лейб-хирургом профессором Федоровым. Государь спрашивал Федорова о болезни Наследника. Тот ответил Государю, что болезнь его сына неизлечима, и как долго можно с ней прожить неизвестно. Эта беседа заставила Государя позже, после приезда депутатов изменить свое решение о передаче Престола. Государь решил передать Престол вместо сына Брату.

"Федоров удивлялся на Государя, на его силу воли, на страшную выдержку и способность по внешности быть ровным, спокойным.

Прислуга, солдаты, офицеры — все с какой-то болезненной тревогой смотрели на Его Величество. Все не хотели верить, что близится время, когда у них не будет любимого Государя Николая II".[406]

"Когда поезд с Гучковым и Шульгиным подошел к станции Псков, Государем был прислан дежурный флигель-адъютант Мордвинов передать им, что Его Величество их ждет. Мордвинов провел их прямо с поезда в салон-вагон Государя, где они были встречены Министром Двора. Гучков, здороваясь с Министром Двора, сказал ему: "В Петрограде стало спокойнее, граф. Но ваш дом совершенно разграблен; а что сталось с вашей семьей — неизвестно". Оба прибывшие к Его Величеству представителя народа производили впечатление людей не мытых, не бритых, были они в грязном крахмальном белье.

Во время приема Государем депутатов — Гучкова и Шульгина — сопровождавшие их занимались раздачей на вокзале всевозможных революционных листовок и вели с публикой возбуждающие беседы. Его Величество, выйдя в салон, поздоровался с депутатами, предложил им сесть и спросил, что они имеют Ему передать".[407]

А Мордвинов пишет об этом:

"Оба они были, видимо, очень подавлены, волновались, руки их дрожали, когда они здоровались со мной, и оба имели не столько усталый, сколько растерянный вид.

"Что делается в Петрограде?" — спросил я их.

Ответил Шульгин. Гучков все время молчал...

"В Петрограде творится что-то невообразимое, — говорил, волнуясь, Шульгин. — Мы находимся всецело в их руках и нас, наверно, арестуют, когда мы вернемся".

"Хороши же вы, народные избранники, облеченные всеобщим доверием, — как сейчас помню, нехорошо шевельнулось в душе при этих словах. — Не прошло и двух дней, как вам приходится уже дрожать перед этим "народом"; хорош и сам "народ", так относящийся к своим избранникам".

"Что же вы теперь думаете делать, с каким поручением приехали, на что надеетесь?" — спросил я, волнуясь, шедшего рядом Шульгина.

Он с какой-то смутившей меня не то неопределенностью, не то с безнадежностью от собственного бессилия и, как-то тоскливо и смущенно понизив голос, почти шепотом, сказал:

"Знаете, мы надеемся только на то, что, быть может, Государь нам поможет..."[408]

Мы знаем, о какой "помощи" говорил Шульгин. Он, наверно, так же говорил и с "дорогим Никитой Сергеевичем".

А в вагоне Шульгин так описывает встречу с Государем:

"Государь сидел, опершись слегка о шелковую стену, и смотрел перед Собой. Лицо Его было совершенно спокойно и непроницаемо. Он изменился сильно с тех пор... Похудел... но не в этом было дело... А дело было в том, что вокруг голубоватых глаз кожа была коричневая и вся разрисованная белыми черточками морщин... Государь смотрел прямо перед собой, спокойно, совершенно непроницаемо. Гучков говорил о том, что происходит в Петрограде. Что делалось в России, мы не знали. Нас раздавил Петроград, а не Россия... Мне казалось, можно было угадать в лице Государя:

— Эта длинная речь — лишняя..."[409]

А Рузский в это время торопливо подымался на входную площадку вагона. Он раздраженно говорил:

«"Всегда будет путаница, когда не исполняют приказаний. Ведь было ясно сказано — направить депутацию раньше ко мне. Отчего этого не сделали, вечно не слушаются".

Я хотел его предупредить, что Его Величество занят приемом, но Рузский, торопливо скинув пальто, решительно сам открыл дверь и вошел в салон».[410]

А Рузский угодливо спрашивал Шульгина:

«"По шоссе из Петрограда движутся сюда вооруженные грузовики... Неужели же ваши? Из Государственной Думы?

Меня это предположение оскорбило. Я ответил шепотом, но резко:

— Как это вам могло придти в голову?

Он понял.

— Ну, слава Богу — простите...

Гучков продолжал говорить об отречении...

Генерал Рузский прошептал мне:

— Это дело решенное... Вчера был трудный день...

— ...И помолясь Богу... — говорил Гучков...

При этих словах по лицу Государя впервые пробежало что-то... Он повернул голову и посмотрел на Гучкова с таким видом, который как бы выражал:

— Этого можно было бы и не говорить.

Гучков кончил. Государь ответил. После взволнованных слов Александра Ивановича голос его звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немножко чужой, — гвардейский:

— Я принял решение отречься от Престола. До трех часов сегодняшнего дня Я думал, что могу отречься в пользу сына Алексея... Но к этому времени Я переменил решение в пользу брата Михаила... Надеюсь, вы поймете чувства отца...

Последнюю фразу Он сказал тише... Через некоторое время Государь вошел снова, Он протянул Гучкову бумагу, сказав:

— Вот текст...

...И так почувствовалось, что Он так же, как и мы, а может быть гораздо больше, любит Россию..."[411]

Какой все же омерзительный был этот "брат" Рузский, как угодливо, низко шептал он такому же, как и он, предателю! Шульгин, человек без больших этических начал, и тот заметил, как царственно спокойно, с каким достоинством держался Император среди этой кучки предателей — Гучкова, который годами расшатывал устои русской государственности, масона с долголетним стажем; Рузского, которого Государь до смерти не простил за его наглое поведение при вымогании отречения и самого Шульгина, достойного только презрения...

Позже Государь еще писал о каких-то назначениях... Николая Николаевича, Корнилова, Львова...

"...Государь писал у другого столика и спросил:

— Кого вы думаете?

Мы сказали:

— Князя Львова...

Государь сказал как-то особой интонацией — я не могу этого передать:

— Ах, Львов? Хорошо — Львова..."[412]

Государь видел, что Россия попала в руки никчемных, негодных людей, которые приведут ее к гибели. Так это и вышло. Еще при его жизни, вернее — том крестном пути, который начался после его отречения. По этому крестному пути пошла вместе с Государем и Россия.

Акт об отречении Императора Николая II-го гласил:

"В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуют доведения войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы и уже близок час, когда доблестная армия наша совместно со славными нашими союзниками сможет окончательно сломить врага.

В эти решительные дни в жизни России, почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и в согласии с Государственною Думою признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины призываем всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним повиновением ЦАРЮ в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России!

Николай
2 марта 15 часов 1917 г.
Министр Императорского Двора
генерал-адъютант граф Фредерикс".[413]

В два часа ночи Императорский поезд отбыл из Пскова в Могилев. Перед отъездом Государь послал следующую телеграмму:

"Его Императорскому Величеству Михаилу.

Петроград.

События последних дней вынудили меня решиться безповоротно на этот крайний шаг.

Прости меня, если огорчил Тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь Тебе и твоей Родине. Ники".

"Как только поезд двинулся со станции, — пишет Воейков, — я пришел в купе Государя, которое было освещено одной горевшей перед иконой лампадою. После всех переживаний этого тяжелого дня, Государь, всегда отличавшийся громадным самообладанием, не был в силах сдержаться: Он обнял меня и зарыдал...

Сердце мое разрывалось на части при виде столь незаслуженных страданий, выпавших на долю благороднейшего и доб-

рейшего из Царей. Только что пережив трагедию отречения от Престола за Себя и сына из-за измены и подлости отрекшихся от Него облагодетельствованных Им людей, Он, оторванный от любимой Семьи, все ниспосылаемые Ему несчастия переносил со смирением подвижника... Образ Государя с заплаканными глазами в полуосвещенном купе до конца жизни не изгладится из моей памяти.

Я просил Государя разрешить мне оставаться безотлучно при нем, в каких бы условиях Он и Его Семья ни находилась, что Государь мне обещал.

В этот день Государь занес в свой дневник:

"В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого... Кругом измена, и трусость, и обман".[414]

Глава XXV

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОГИЛЕВ. СЛУЧАЙ НА ОДНОЙ СТАНЦИИ. ПРИЕЗД В МОГИЛЕВ. ПРИЕЗД ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ. РОЛЬ АЛЕКСЕЕВА В УДАЛЕНИИ ФРЕДЕРИКСА И ВОЕЙКОВА. ОТКАЗ ОТ ПРЕСТОЛА МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА. МАНИФЕСТ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА. МОГИЛЕВ В ДНИ ПРЕБЫВАНИЯ ГОСУДАРЯ. АРЕСТ ГОСУДАРЯ. ЕГО ОТЪЕЗД. АЛЕКСЕЕВ СООБЩАЕТ ОБ АРЕСТЕ. ОБРАЩЕНИЕ ГОСУДАРЯ К ВОЙСКАМ НЕ ОПУБЛИКОВЫВАЕТСЯ.

Поезда (Императорский и Свитский) шли на Могилев. Дубенский пишет об одном очень интересном эпизоде.

«На одной какой-то станции уже к вечеру наш "Свитский" поезд остановился: я вышел из вагона и направился к вокзалу... В самом вокзале, в зале первого класса, совершенно пустом, ко мне подошел какой-то человек, лет за 40, по виду, одежде и разговору торговый человек или состоятельный крестьянин.

Он поклонился, затем очень тихо спросил меня:

"Простите, позвольте узнать, неужели это Государя провезли?"

Я ответил, что да, это проследовал Его Величество в Могилев в Ставку.

"Да ведь у нас здесь читали, что его отрешила Дума и теперь сама хочет управлять".

Я дал ему разъяснение, но он остался неудовлетворенным и с грустью сказал:

"Как же это так. Не спросясь народа, сразу Царя Русского Помазанника Божия и отменить и заменить новым".

И человек отошел от меня.

Я задумался над этими простыми, но ясными словами. Точно нарочно этот русский случайный человек передал мне в первый же день, когда у нас уже не было Государя Императора Николая II, голос толпы, голос того русского народа, который сотни лет так свято чтил имя Православного Царя».[415]

Дубенский продолжает свои записи:

«Утром 3-го марта я зашел в купе барона Штакельберга. Он сидел еще не одетый, и все лицо его было красно от слез.

"Меня возмущает обстановка, при которой совершен переворот. Готовили все это давно. Воспользовались только волне-

ниями в Петрограде. Ставка по отъезде Государя в один день снеслась со всеми Главнокомандующими фронтов от севера России до Румынии и Малой Азии. Установилась полная связь между Алексеевым, Родзянко и всеми высшими генералами. Английский посол Бьюкенен принимал давно горячее участие во всех интригах и происках. Решили, что надо сменить "шофера", и тогда Россия помчится быстрее к победе и реформам. И начальник штаба Государя, его генерал-адъютант, прощается с Его Величеством 27 февраля, провожая Государя в Царское для создания "ответственного министерства", а час спустя начинает осуществлять смену шофера. Вот что меня особо удивляет и возмущает. Ведь это измена и предательство".

Я ответил Штакельбергу, что мне трудно понять поведение Алексеева, тем более, что лично давно его знаю. Я Алексеева помню еще на академической скамье. Он товарищ моего брата по академии. Все считали его простым, искренним и чистым человеком. Некоторые увлекались им, находили его даже особо даровитым, чуть ли не государственным человеком. Я лично никогда не разделял этого взгляда. Мы целый год писали вместе с Алексеевым книгу о Суворове, и пришлось узнать его хорошо. Михаил Васильевич средний человек, но необычайно упорный и трудолюбивый. Он без особой воли и склонный подпадать под влияние. Алексеев всегда выбирал в сотрудники себе недаровитых людей, ему нужны были исполнители, он работал всегда единолично. Но все-таки я не могу понять, как Алексеев мог осуществить это величайшее предательство. Как этот действительно религиозный человек мог изменить своему Царю, будучи самым доверенным у Него лицом».[416]

Чтобы не быть заподозренным в неправильной передаче приезда Государя в Могилев, привожу воспоминания В.М. Пронина:

«Вагоны тихо проходят мимо меня; я стою "смирно" и держу руку у козырька... Поезд тихо остановился... Я оказался против второй площадки Царского вагона.

Глядя на вагон, в трех шагах от меня находившийся, я был поражен большим на нем количеством каких-то царапин и изъянов. Покраска местами как бы потрескалась и большими слоями пооттваливалась — "будто следы от попавших в него мелких осколков снарядов" — мелькнула мысль.

С площадки вагона соскочили два казака и стали по бокам выхода на перрон.

Спустя несколько минут вышел Государь в сопровождении Министра Двора Барона (ошибка — графа — *В.К.*) Фредерикса. Государь подошел к генералу Алексееву, обнял его и расцеловался с ним; затем, что-то сказав ему, медленно пошел вдоль фронта офицеров, молча здороваясь, глядя каждому в глаза и пожимая руку. "Бодрится"... промелькнула у меня мысль, когда я заметил, что Государь все время вскидывает вверх головой и поводит, как бы вздрагивая, плечами.

Пожав руку правее меня стоявшему Генерального Штаба Полковнику Киященко, Государь подошел ко мне. В этот момент Киященко, видимо глубоко взволнованный переживаемым моментом, зарыдал. Император повернул в его сторону голову. Свет, падавший от фонаря, освещал Императора, и я увидел его полное скорби лицо и крупные слезы, катившиеся по его щекам... Резким движением левой руки Он смахнул слезы и, повернувшись ко мне лицом, глядя прямо в глаза, протянул и пожал мне руку».[417]

Пронин пишет дальше:

"4 марта. Подходя сегодня утром к штабу, мне бросились в глаза два огромных красных флага, примерно в две сажени длиной, висевшие по обе стороны главного входа в здание городской думы..."

И дальше:

"Начальник Конвоя, генерал граф Граббе явился к генералу Алексееву с просьбой разрешить снять вензеля и переименовать "Конвой Его Величества" в конвой Ставки Верховного Главнокомандующего".

И дальше.

"Отмечу один гнусный факт, вызвавший негодование: придворный парикмахер отказался брить Императора; пришлось вызывать частного парикмахера из города".[418]

Дежурный генерал Ставки Кондзеровский пишет:

«...Люди действительно приближенные показали себя по отношению к Государю в эту трудную минуту часто ничуть не лучше лакеев. И вот Федоров (лейб-хирург, профессор — *В.К.*) сказал несколько таких фраз, которые, должен сказать прямо, больно резанули меня по сердцу. Почему-то, говоря о Государе, он не назвал его ни "Государь", ни "Его Величество", а говорил "он".

И это "он" было ужасно!..

Ну, а затем и то, что было сказано профессором, навсегда оттолкнуло меня от него. Он стал говорить, что совершенно не

знает, кто из докторов будет сопровождать Государя за границу, ибо прежде это было просто: "Он" пожелает, чтобы ехал такой-то, ну и едет; теперь же другое дело. Бросать семью, все дела и ехать с "ним" за границу — это не так просто. Я никак не ожидал от профессора Федорова такого цинично-житейского разговора».[419]

4-го марта Государь в последний раз принимал доклад Алексеева о положении на фронте. Об этом пишет Клембовский, бывший вместе с Лукомским на этом докладе.

«Сколько должно было быть силы воли у Государя, чтобы полтора часа слушать последний раз доклад о великой войне. Ведь Государь, нечего скрывать, относился к боевым операциям не только сознательно, но Он ими руководил и давал определенные указания Михаилу Васильевичу. И все это оборвать, кончить, помимо своей воли, отлично понимая, что от этого, наверно, дела наши пойдут хуже. Я даже задавал себе вопрос: что это — равнодушие или ясно осознанная необходимость порядком кончить свою роль перед своим штабом? Только перед тем, как оставить всех нас, Государь как будто заволновался и голосом более тихим, чем всегда, и более сердечным сказал, что Ему "тяжело расставаться с нами и грустно последний раз быть на докладе, но, видно, Воля Божия сильнее моей воли"».

Очень многие писали и были уверены, что Воейков сам покинул Государя. Меня вообще поражает, как повсюду лгали на Воейкова. Лгал Дмитрий Павлович, Бубнов, Рузский, Пуришкевич и целый ряд других. Приписывали ему совершенно фантастические вещи, какое-то необыкновенное влияние, самовольное оставление Государя, влияние в назначениях министров и прочий вздор. Ничего этого, конечно, не было. А вот как Воейков вынужденно оставил Могилев.

"Среди свиты и штабных шли разговоры, что будто бы в гарнизоне Ставки между нижними чинами начались брожения, были митинги и вынесено заявление, переданное генералу Алексееву, что солдаты требуют удаления из Могилева графа Фредерикса и дворцового коменданта генерала Воейкова. Солдаты, будто, не доверяют этим лицам, и если их желание не будет немедленно исполнено, то волнение может угрожать и Его Величеству. Генерал Алексеев доложил уже о сем Государю и с разрешения Его Величества передал министру Двора графу Фредериксу и генералу Воейкову указания, что они должны ныне же оставить Ставку. Сообщение это всех очень удивило и многих возмутило,

ясно, что басне, сплетне сразу придали значение и поспешили удовлетворить наглое требование заволновавшихся солдат. Генерал Алексеев отлично знал, что и граф Фредерикс, и генерал Воейков неповинны, однако не посмел отказать солдатам, генерал Алексеев превосходно понимал, что, удаляя принудительно министра Двора и дворцового коменданта из Ставки, он тем самым оскорблял Его Величество и как бы подтверждал вздорные слухи о предательстве и измене России этих ближайших лиц Государя".[420]

Об этом пишет и сам Воейков.

«Еще до прибытия Императрицы Марии Феодоровны генерал-адъютант Алексеев сказал мне, что ему нужно со мной переговорить по очень важному делу, касающемуся меня и графа Фредерикса, и спросил, не могу ли я сегодня к нему зайти в штаб в 4 часа?

В 4 часа я отправился к генералу Алексееву. В передней дворца скороход Климов с усмешкой сказал мне, что генерал находится в городе, на базарной площади, где под его председательством происходит первый солдатский митинг. Вскоре он вернулся. Я вошел. Вид у генерал-адъютанта после непосредственного контакта с освобожденными солдатами был менее самоуверенный, чем утром. Из нашего довольно длинного разговора особенно врезались мне в память сказанные им слова: "Вы понимаете, что в такое революционное время, которое мы переживаем, народу нужны жертвы. Переговоривши с Родзянко и Гучковым, мы пришли к выводу, что граф и вы должны быть этими жертвами". После этих слов мне стало ясно, что граф и я должны быть теми козлами отпущения, на которых в настоящую минуту профессиональным демагогам нужно было натравить революционный поток. На мой вопрос, каким образом оформить это жертвоприношение, он ответил, что нам с графом необходимо как можно скорее уехать от Государя куда угодно, только не в Петроград и при этом не вместе, а в разных направлениях... Я сказал, что сам этого не сделаю, а, если Государю будет угодно, исполню его повеление. Выйдя от генерала Алексеева, я поставил в известность обо всем от него слышанном Государя и графа Фредерикса. Мое сообщение, видимо, поразило Его Величество. Через полчаса после моего ухода от Алексеева последний явился во Дворец с докладом... По уходе генерала Алексеева камердинер доложил мне: "Его Величество вас просит". Когда я пришел, Государь мне сказал, что Ему очень больно и тяжело принять такое решение; но, принимая во внимание доклад Алексеева, Он находит жела-

тельным, чтобы граф и я уехали, так как наше присутствие в Ставке почему-то всех раздражает. В воскресенье, 5 марта, в 6 часов вечера, я последний раз в жизни видел своего Государя».[421]

В Петрограде происходит другое, но такое же гнусное "действо". Это "отказ" Великого Князя Михаила Александровича от предложенного ему Престола. Между прочим, телеграмму Государя к брату Временное Правительство не доставило. Шульгин, участник этого "действа", описывает еще одно "добровольное" отречение.

"Посредине, в большом кресле, сидел офицер, моложавый, с длинным худым лицом. Это был Великий Князь Михаил Александрович. Вправо и влево от него на диванах и креслах — полукругом, как два крыла, были все, кто должны были быть его окружением: вправо — Родзянко, Милюков и другие, влево — кн. Львов, Керенский, Некрасов и др. Эти другие были: Ефремов, Ржевский, Бубликов, Шидловский, Терещенко, Гучков и я сидели напротив (почти сплошь все масоны — *В.К.*)".[422]

Два министра уговаривали Великого Князя принять корону: Милюков и Гучков. Так сказать, Его Величество, милостью масонскою... Никитин, который заведывал тогда контрразведкой, пишет:

"Напротив, Родзянко, князь Львов и все остальные стремились добиться его отказа от Престола, указывали, что в противном случае все офицеры и члены Дома Романовых будут немедленно вырезаны в Петрограде".[423]

Шульгин же главную роль отводит Керенскому:

«Ваше Высочество... Мои убеждения — республиканские. Я против Монархии. П.Н. Милюков ошибается. Приняв Престол, Вы не спасете России! Наоборот... Сейчас резкое недовольство направлено именно против Монархии. Умоляю Вас во имя России принести эту жертву! Во всяком случае, я не ручаюсь за жизнь Вашего Высочества!

Великий Князь встал. Все поднялись. "Я хочу подумать полчаса..." Великий Князь вышел в соседнюю комнату... Великий Князь вошел... Это было около двенадцати часов дня... Мы поняли, что настала минута. Он сказал: "При этих условиях не могу принять Престола, потому что..."

Он не договорил, потому что... заплакал.

Скоро вызвали Набокова и Нольде (оба масоны). Они собственно и обработали более или менее записку Некрасова. Великий Князь так и понимал. Он сказал мне:

"Мне очень тяжело... Меня мучает, что я не мог посоветоваться со своими. Ведь Брат отрекся за себя... Я, я, выходит так, что отрекаюсь за всех..."»[424]

Так была ликвидирована Монархия в России.

Все, конечно, лгали Государю, когда говорили о Регенте, об отречении в пользу сына и т.д. В душе все понимали, что они "предатели не только Государя, но и Монархии", а все разговоры Милюкова и Гучкова, это только пустые фразы. Заговор желал другого, заговору нужно было уничтожить Монархию. И, конечно, никто не осмелился протестовать. Все было, как писал Шульгин, "легализовано", все было ложью, клеветой.

"Кругом измена, и трусость, и обман".

Дом Романовых начался Царем Михаилом и кончился не царствовавшим Императором Михаилом... Начался в Ипатьевском монастыре и кончился в Ипатьевском подвале...

И никаких двух революций не было. Была одна – **февральская**. Одни начинали, другие кончили. Одни свергнут, арестуют; другие – убьют. Палачи – все. И народ, потеряв Царя, ринется по пути позора и безчестия. А затем – страшное рабство, разрушение святынь, изменение коренное всей жизни, быта... Власть, сперва сифилитика с подручными, затем садиста палача, затем шута, затем "дипломированных полуинтеллигентов"!.. И превращение Дома Богородицы в дом сатаны.

Вот текст отречения Великого Князя Михаила:

Тяжкое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину безпримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение, в том лишь случае восприять Верховную власть, если такова будет воля Великого Народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через представителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского.

Посему, призывая благословение Божие, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

Михаил.
3 марта 1917 г. Петроград".

Этот манифест был вынужденным. Как и все, начиная с первых дней волнений в Петрограде, этот документ основан на совершенно ложном предположении, что Великий Князь "одушевлен мыслию", что Он хочет "восприять" власть через Учредительное Собрание", все, буквально все пронизано ложью. Это не удивительно. Весь Февраль-Март был основан на лжи. Лгали все — министры, генералы, Родзянко, члены Думы, Совдеп, великие князья, все, кроме одного человека — Государя Императора. Ему лгали и его оболгали. А в Ставке старый граф Фредерикс говорил:

«60 лет я честно служил Царю и Родине. Полвека находился при Государях, готов был всегда отдать жизнь свою в их распоряжение, а сейчас оставлять Его Величество я считаю для себя недопустимым и, если делаю это, то только по настоянию генерала Алексеева, который этого требует и говорит, что, если я и Воейков останемся в Ставке, он не ручается за спокойствие Его Величества. Это меня глубоко потрясло, я так предан всему Царскому Дому". И старый граф зарыдал».[425]

Бедный старик! Он не понимал, что Алексеев давно на стороне революции, что как раз его преданность Государю, как и Воейкова, и есть та причина, по которой они удаляются от Государя. Государя должны отныне окружать только соглядатаи нового режима, только "приявшие" революцию. 4-го же марта приехала в Могилев Вдовствующая Императрица Мария Феодоровна и Великий Князь Александр Михайлович. Великий Князь пишет об этом времени.

"По приезде в Могилев, поезд наш поставили на "императорском пути"... Через минуту к станции подъехал автомобиль Никки... Государь остался наедине с матерью в течение двух часов... Когда меня вызвали к ним (в деревянный барак на станции — *В.К.*), Мария Феодоровна сидела и плакала навзрыд, Он же неподвижно стоял, глядя себе под ноги, и, конечно, курил. Мы обнялись... Он показал мне пачку телеграмм, полученных от Главнокомандующих разными фронтами в ответ на его запрос. За исключением генерала Гурко (его никто не запрашивал — *В.К.*), все они и между ними генералы Брусилов, Алексеев и Рузский советовали Государю немедленно отречься от Престола. Он никогда не был высокого мнения об этих военноначальниках и оставил без внимания их предательство. Но вот в глубине пакета Он нашел еще одну телеграмму с советом немедленно отречься, и она была подписана Великим Князем Николаем Николаевичем.

— Даже он! — сказал Никки и впервые его голос дрогнул".

Великий Князь продолжает свои записки.

"Генерал Алексеев просит нас присягнуть Временному Правительству. Он, по-видимому, в восторге: новые владыки, в воздаяние его заслут перед революцией, обещают назначить его Верховным Главнокомандующим... Мы стоим за генералом Алексеевым. Я не знаю, как чувствуют себя остальные, но я лично не могу понять, как можно давать клятву верности группе интриганов, которые только что изменили данной присяге". И дальше описывает прощание с Государем. "Мы встаем из-за стола. Он осыпает поцелуями лицо матери (Он больше никогда Ее не увидит — *В.К.*). Потом он поворачивается ко мне, и мы обнимаемся... Члены Думы, прибывшие в Ставку, чтобы конвоировать Никки до Петрограда и в то же время шпионить за его приближенными, пожимают руку генералу Алексееву. Они дружелюбно раскланиваются. Я не сомневаюсь, что у них есть основания быть благодарными Алексееву".[427]

О пребывании в Могилеве Государя и об его отъезде пишут многие. Я передам некоторые из них.

"В храме стояла удивительная тишина... Все понимали, что в церковь прибыл последний раз Государь, еще два дня тому назад Самодержец величайшей Российской Империи и Верховный Главнокомандующий великой Русской армии, с матерью своей Императрицей, приехавшей проститься с сыном, бывшим Русским Православным Царем. А на ектиниях поминали уже не Самодержавнейшего Великого Государя Нашего Императора Николая Александровича, а просто Государя Николая Александровича... Многие плакали. Генерал Алексеев, вообще очень религиозный и верующий человек, усердно молился и подолгу стоял на коленях. Я невольно смотрел на него и думал, как он в своей молитве объясняет свои поступки и действия по отношению к Государю, которому он не только присягал, но у которого он был ближайшим сотрудником и помощником в эту страшную войну за последние полтора года. Я не мог решить, о чем молится Алексеев".[428]

Дальше Дубенский вспоминал:

«Как случилось, что Царь ушел и вся громадная Россия переходит во власть ничтожных людей, ничем себя не заявивших, кроме упорной, безумной интриги против Главы государства в разгар войны, когда чувствовался уже перелом в нашу сторону. И верилось мне в возможность таких речей, о которых

шел слух среди лиц, стремившихся к перевороту: "Только теперь возможно свержение Царя, а потом, после победы над немцами, о перевороте в России не придется думать, и власть Государя надолго упрочится у нас"».[429]

Дубенский пишет дальше.

«Приехали агитаторы, появились газеты, радостно сообщавшие о "безкровных днях" переворота, наконец ясный переход генерала Алексеева на сторону Временного правительства, все это сделало то, что и войска Царской Ставки начали организовывать митинги и собрания... Утром стало известно, что на базаре соберутся войска Ставки и будет какой-то митинг... Генерал Цабель (командир Собственного Его Величества Железнодорожного полка — *В.К.*) не знал, надо ли быть в погонах с вензелями Государя, или их надо снять, как этого хотел генерал Алексеев... Он стал внимать вензеля с пальто, но дело не ладилось и генерал обратился к стоявшему здесь же старому преображенцу, курьеру Михайлову:

"Михайлов, помоги мне, сними с погон вензеля".

"Никак нет, не могу, увольте. Никогда это делать не согласен, не дай Бог и смотреть", и он, потупившись, отошел.

Генерал Цабель замолчал, нахмурился и стал сам ковырять что-то на погонах. Но совершенно неожиданно вышло на самом митинге. Оказалось, все солдаты собственного Его Величества полка были в вензелях, кроме явившихся без вензелей командира полка генерала Цабеля и его адъютанта, поручика барона Нольде».[430]

Заражали русский народ сверху. Старались и социалисты, и Государственная Дума, а потом Совдеп и... господа офицеры ("младотурки", окружение Гучкова, а когда его вышибли, его преемника Керенского — Барановский, князь Туманов, Якубович, Половцев, Энгельгардт и др.).

О миссии Иванова я долго говорить не буду. Сбитый с толку телеграммами Алексеева и телеграммой Государя, посланной под сильнейшим давлением Рузского, обманутый разговорами по телеграфу с ловкими Бубликовым и Ломоносовым, старый и недалекий от природы, генерал Иванов прибыл в Царское, был у Государыни, которая спокойно его выслушала и высказала мысль, что Иванову надо вернуться назад, так как помочь делу было уже поздно. Он недолго простоял в Царском со своим отрядом и затем вернулся в Могилев. В Могилеве он часто беседовал с Дубенским. Последний записал эти разговоры.

«"Самое величайшее бедствие — это отказ Царя от царства. Алексеева знаю хорошо, он ведь мой начальник штаба; Алексеев человек с малой волей, и величайшее его преступление перед Россией — его участие в совершенном перевороте. Откажись Алексеев осуществлять планы Государственной Думы, Родзянко, Гучкова и других, я глубоко убежден, что побороть революцию было бы можно, тем более, что войска на фронтах стояли и теперь стоят спокойно, и никаких брожений не было. Да и Главнокомандующие не могли и не решились бы согласиться с Думой без Алексеева". Этот разговор я записал немедленно по уходе Николая Иудовича».[431]

Есть много версий об аресте Государя. Многие утверждают, что Алексеев узнал об этом в последнюю минуту от приехавших четырех членов Думы во главе с Бубликовым. Воспоминания генерала Тихменева это категорически опровергают.

«По взволнованному и недоумевающему лицу К. (Кислякова, Товарища Министра Путей сообщений, прикомандированного в Ставке, ставшего сразу на сторону революции, это его не спасло и он был впоследствии "растерзан большевицкой толпой в Полтаве" — *В.К.*), я увидел, что случилось что-то особенное. "Я пришел к Вам по-дружески за советом, — сказал он мне, — вот я только что получил шифрованную телеграмму от Некрасова с известием, что завтра утром приедут в Могилев четыре члена Государственной Думы для того, чтобы арестовать Государя и отвести в Петроград. Мне воспрещается осведомлять кого-либо об этом и приказано приготовить секретно поезда и паровозы". "Видите ли, — ответил я ему, — или Вы должны были уж держать все это в секрете и никому не говорить, или раз Вы пришли ко мне за советом, то вот Вам мой ответ: вот у поезда стоит мой автомобиль, садитесь в него и немедленно поезжайте к Алексееву". К. уехал к Алексееву».[432]

Таким образом, мы видим, что Алексеев знал о предстоящем аресте Государя еще накануне и ничего не предпринял. Не сообщил об этом Государю и не протестовал в Петроград. Отныне Алексеев будет верным исполнителем всех директив своего нового начальства — Временного Правительства и Военного Министра Гучкова, а затем Керенского.

В день отъезда 8 марта Государь, еще ничего не зная о своем предстоящем аресте, пожелал попрощаться со всеми чинами штаба. Об этом пишет Лукомский:

"Государь вошел и, сделав общий поклон, обратился к нам с короткой речью, в которой сказал, что благо Родины, необхо-

димость предотвратить ужасы междоусобицы и гражданской войны, а также создать возможность напрячь все силы для продолжения борьбы на фронте — заставили его решиться отречься от Престола в пользу своего брата Великого Князя Михаила Александровича; что Великий Князь, в свою очередь, отрекся от Престола.

Государь обратился к нам с призывом повиноваться Временному правительству и приложить все усилия, чтобы война продолжалась до победного конца.

Затем, пожелав всем всего лучшего и поцеловав генерала Алексеева, Государь стал всех обходить, останавливаясь и разговаривая с некоторыми. Напряжение было очень большое; некоторые не могли сдержаться и громко рыдали. У двух произошел истерический припадок. Несколько человек во весь рост рухнули в обморок... Государь не выдержал; оборвал свой обход, поклонился и, вытирая глаза, быстро вышел из зала".[433]

Дальше описывают отъезд Дубенский и Мордвинов.

«Сейчас по своем прибытии Бубликов передал распоряжение Временного правительства о запрещении адмиралу Нилову следовать с Государем и приказание остаться в Ставке. "Что же, я арестован?" — спросил мрачно Нилов. "Нет, но Вы должны остаться здесь", — ответил Бубликов. Нилов гневно отошел, и я, стоявший с ним рядом, искренно ожидал, что адмирал как-либо оскорбит депутата.

После переговоров Бубликова с генералом Алексеевым оказалось, что Государь должен считать себя арестованным и лишенным уже свободы. Это распоряжение произвело крайне тяжелое впечатление на всех и вызвало большое волнение и негодование среди свиты и некоторых других лиц Ставки.

"Как, почему, с какой стати, какие основания, неужели Алексеев решится передать это заявление Его Величеству", — говорили многие. Оказалось, однако, что генерал Алексеев передал Государю: "Ваше Величество должны себя считать как бы арестованным". Я не был при этом разговоре, но слышал, что Государь ничего не ответил, побледнел и отвернулся от Алексеева. Прошло еще минут 10-15. Мы все напряженно стояли у вагонов при полной тишине... Отворилась вагонная дверь, и Государь стал спускаться по ступенькам на рельсы. Тут плотным кольцом окружили Его Величество провожавшие... Большинство со слезами целовали руки Царя... Затем Государь поднялся в свой вагон и подошел к окну, стараясь его протереть...

Наконец поезд тронулся. В окне вагона виднелось бледное лицо Императора с его печальными глазами. Генерал Алексеев отдал честь Его Величеству.

Последний вагон Царского поезда был с думскими депутатами; когда он проходил мимо генерала Алексеева, то тот снял шапку и низко поклонился. Помню этот поклон депутатам, которые увозили Царя "как бы арестованным", тяжело лег на сердце и окончательно пошатнул мое мнение об Алексееве».

Дальше Дубенский пишет:

"Сдача Великим Князем (его не допустили до верховного командования, несмотря на его заслуги в деле отречения Государя — *В.К.*) верховного командования генералу Алексееву повергла всех в уныние, и стало ясно, что революция теперь не остановится и скорая погибель армии, а с ней и России, неизбежны. Ставка при этом хорошо понимала, что генерал Алексеев Верховным Главнокомандующим ни по своему характеру, ни по своим способностям, ни по системе своего труда, при котором он стремился одинаково внимательно разрешать и крупные и мелкие вопросы, быть не может".[434]

А вот что пишет Мордвинов:

«"Вот до чего мы дожили", — вырвалось у меня в обращении к генералу Алексееву, пришедшему проводить Государя и стоявшему рядом со мной в коридоре вагона Его Величества...

— Это все равно должно было случиться, — после краткого раздумия, но уверенно возразил он мне, — если не теперь, то случилось бы потом не позднее, как через два года.

Что этим он хотел сказать?.. Почему упомянул об этом сроке? Я глядел на собравшуюся кругом поезда, еще с утра, громадную толпу людей, сосредоточенно молчаливую, почтительную, в большинстве грустную, подавленную.

Я видел слезы у многих.

Я чувствовал, что они пришли проводить не низложенного врага-Монарха, а покидавшего их своего природного, чтимого Царя... Этот русский народ не понимал всего совершившегося; он думал иначе, чем его Думские представители и "русские" генералы. Он думал: "Нет, так не должно было бы быть ни теперь, ни потом"».[435]

И виновнее всех, хуже всех был генерал Алексеев. Этот "мученик", как хотят его выставить. Напрасно, надо знать правду, как бы она не была неприятна. Надо, чтобы поколения, которые будут жить после нас, знали, как погибло Рус-

ское Православное Царство и кто был повинен в этом. *Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным* (Лк. 8, 17).

Между прочим, Соколов, который вел следствие об убийстве Царской Семьи, писал в своей книге:

"Лишение Царя свободы было поистине вернейшим залогом смерти его и его Семьи, ибо оно сделало невозможным отъезд Их за границу".

И в другом месте:

"В общем ходе мировых событий смерть Царя, как прямое последствие лишения его свободы, была неизбежной, и в июле месяце 1918 года уже не было силы, которая могла бы предотвратить ее".[436]

Генерал Алексеев, передавший государю, что Он арестован, несет такую же ответственность за смерть Императора, как и Временное Правительство, Совдеп и Советское Правительство. Правительства Великобритании и Германии, которые могли предпринять тогда шаги для спасения Государя и его Семьи, тоже несут эту ответственность.

Предположение же Мельгунова, что инициатива убийства Царской Семьи принадлежала местной власти Уральского Исполкома, категорически опровергается Соколовым. Мельгунов пишет:

«Первый следователь, ведший сибирское расследование, член екатеринбургского окружного суда Сергеев, **на мой взгляд** (выделено мною — *В.К.*), занял правильную позицию: "убийство задумано заранее и выполнено по выработанному плану" — главное руководство принадлежало местным большевицким деятелям».[437]

Соколов пишет:

"Нельзя думать, что Екатеринбург самовольно не подчинился Москве и сам задержал Государя. (...) Задержала Царя в Екатеринбурге, конечно, Москва. Свердлов обманывал немцев, ссылаясь на мнимый предлог неповиновения Екатеринбурга".[438]

Мельгунов слишком часто высказывает свои собственные взгляды.

Перед своим отъездом из Могилева Государь обратился к войскам со следующим прощальным словом:

"В последний раз обращаюсь к Вам, горячо любимые мной войска. После отречения Мною за себя и за Сына Моего от Престола Российского, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет

Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет Вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его – тот изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же Ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь Ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в Ваших сердцах беспредельная любовь к Нашей Великой Родине. Да благословит Вас Господь Бог и да ведет Вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий.

Николай.

8-го Марта 1917 года.
Ставка.

Подписал: Начальник Штаба
Генерал Алексеев".

После того, как Государь подписал это прощальное слово, Алексеев по прямому проводу счел необходимым протелеграфировать в Петроград. После этого в Ставке была получена телеграмма от Гучкова как военного министра с воспрещением распространять этот приказ и печатать его. Этому распоряжению подчинился сразу Алексеев, не подчиненный вообще военному министру, и, таким образом, о существовании прощального слова Государя к войскам не было известно даже некоторым командующим армиями.

Глава XXVI

АРЕСТ ГОСУДАРЫНИ КОРНИЛОВЫМ. ПРИЕЗД ГОСУДАРЯ В ЦАРСКОЕ. ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА ОХРАНЫ. ИНСТРУКЦИЯ КОРНИЛОВА. ПОВЕДЕНИЕ ВЕЛИКИХ КНЯЗЕЙ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ. КЕРЕНСКИЙ – ТЮРЕМЩИК ЦАРСКОЙ СЕМЬИ. АЛЕКСЕЕВ – ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ. УВОЛЬНЕНИЕ АЛЕКСЕЕВА. КОРНИЛОВ. АЛЕКСЕЕВ – НАЧАЛЬНИК ШТАБА КЕРЕНСКОГО. ОКТЯБРЬ. ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМИЯ. ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА. КОНЕЦ ШТЮРМЕРА. ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ В ТОБОЛЬСКЕ. ОТЪЕЗД В ЕКАТЕРИНБУРГ. ГОСУДАРЫНЯ. ЕЕ ПИСЬМА. "ДОМ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ". ГОЛГОФА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ. УБИЙСТВО ЦАРСКОЙ СЕМЬИ. ПЛАНЫ АЛЕКСЕЕВА. ЕГО СМЕРТЬ.

Что же в это время происходило в Царском Селе? Императрица была арестована по распоряжению Временного Правительства. Арестовал Государыню по распоряжению того же Правительства вновь назначенный Командующий Петроградским Военным Округом генерал Л. Корнилов. Об этом пишет очевидец, присутствовавший при аресте – поручик Лейб-гвардии 4-го стрелкового Императорской Фамилии полка, Константин Николаевич Кологривов. Он состоял тогда в Собственном Его Величества полку.

Привожу с некоторыми сокращениями его рассказ.

«Между часом и двумя пополуночи наше внимание привлек необычный шум, происходивший в вестибюле, и вслед за тем нам сообщили, что приехали Военный Министр и Главнокомандующий с какой-то депутацией и что наружные часовые, стоявшие у подъезда, не хотели их пустить во Дворец.

Когда я вошел в освещенный вестибюль, то увидел в нем главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала Корнилова, Военного Министра Временного Правительства Гучкова и группу приехавших с ними.

Корнилов и Гучков были с огромными красными бантами на груди...

Корнилов находился впереди всей группы, а Гучков все время держался несколько позади Корнилова, как бы подталкивая его.

Я вошел в вестибюль как раз в то время, когда Корнилов громким голосом и в грубой форме потребовал видеть "бывшую Царицу". Это были его подлинные слова.

На это ему сказали, что Ее Величество в столь поздний час, вероятно, уже почивает, и что все дети больны. "Теперь не время спать, — ответил Корнилов, — разбудите Ее".

Государыня приказала ответить, что примет депутацию в Собственной Ее Величества гостиной, так называемой "Липовой", куда и направились все приехавшие.

Я при этом приеме присутствовал.

Когда Корнилов, шедший впереди всей группы, вошел в гостиную, а Гучков приостановился на пороге, то как раз в эту минуту показалась из противоположной двери Императрица.

Она была в пеньюаре.

Подойдя к Корнилову и не подавая ему руки, Государыня спросила: "Что Вам нужно, генерал?"

На это Корнилов вытянулся и затем в крайне почтительном тоне, что резко противоречило всей его предшествующей манере держать себя, прерывающимся голосом сказал: "Ваше Императорское Величество... Вам неизвестно, что происходит в Петрограде и в Царском... мне очень тяжело и неприятно Вам докладывать... но для Вашей безопасности я принужден Вас..." и замялся.

На это Государыня, перебив его, сказала: "Мне все очень хорошо известно. Вы пришли меня арестовать?" Тот смешался еще более и, наконец, пролепетал: "Так точно".

"Больше ничего?" — спросила его Императрица. — "Ничего", — сказал Корнилов.

Государыня, не подавая ему руки, повернулась и удалилась в свои покои.

Сцена эта произвела на всех нас присутствовавших — офицеров, дворцовую прислугу и солдат (внутренних часовых и казаков конвоя Его Величества) невыразимо тяжелое впечатление».[439]

Дальше пишет Жильяр:

"В 10 $^1/_2$ утра (8/21 марта) Ее Величество зовет меня и говорит, что генерал Корнилов пришел сообщить Ей, что Государь и Она считаются арестованными и тот, кто не желает признать состояния ареста, должен покинуть дворец до четырех часов. Я ответил о своем решении остаться".

Боже, как стыдно читать эти строки! Швейцарец, республиканец по своим убеждениям, Жильяр добровольно идет на положение арестованного. А русские генералы Алексеев и

Корнилов арестовывают по приказу какого-то правительства, которое всецело находится в руках социалистического сброда, Императора и Императрицу, этим предрекая их страшный конец! И Алексеев еще более виновен, чем Корнилов, так как всецело способствовал совершению переворота. И вопрос, что мог сделать Алексеев, поражает отсутствием какого-либо этического элемента. Ответ один (я думаю, что военнослужащим любого ранга это должно быть само собой разумеющимся) — исполнить волю Монарха. Этого сделано не было. Было нарушение воли Монарха и, как следствие этого, гибель Империи.

Жильяр пишет дальше:

«"Государь возвращается завтра (9/22 марта), надо предупредить Алексея, необходимо все Ему сказать... Хотите вы это сделать? Я пойду говорить с девочками", — сказала мне Императрица.

Видно, как сильно Она страдает при мысли о том горе, которое Она причинит больным Великим Княжнам, сообщая об отречении Их Отца, — горе, которое может осложнить Их болезнь.

Я отправляюсь к Алексею Николаевичу и сообщаю Ему, что Государь приезжает завтра из Могилева и что Он туда больше не вернется.

"Почему?" — восклицает Цесаревич.

"Потому что Ваш отец не желает больше быть Верховным Главнокомандующим".

Несколько времени спустя я прибавил:

"Знаете, Алексей Николаевич, Ваш Отец не желает больше быть Императором".

"Как так? Почему?" — говорит Алексей Николаевич. Цесаревич посмотрел на меня с удивлением, стараясь прочесть на моем лице то, что происходит.

"Потому что он очень утомлен и потому что у Него много затруднений за последнее время".

"Ах да! Мама сказала мне, что его поезд остановили, когда Он хотел приехать сюда. Но Отец опять будет Императором впоследствии?"

Я объяснил ему...

"В таком случае, кто же будет Императором?" — спросил Цесаревич.

"Не знаю, теперь никто"...

Ни слова о себе, ни единого намека на свои права как Наследника. Он сильно покраснел и взволновался... Еще раз я

поражен скромностью этого ребенка, скромностью, которая равна его доброте».[440]

О приезде Государя в Царское пишет Вырубова.

«Я лежала еще больная в постели, доктор Боткин только что посетил меня, как дверь быстро отворилась, и в комнату влетела Ден, вся раскрасневшаяся от волнения. "Он вернулся!" — воскликнула она и, запыхавшись, начала мне описывать приезд Государя, без обычной охраны, но в сопровождении вооруженных солдат. Государыня находилась в это время у Алексея Николаевича. Когда мотор подъехал к дворцу, Она, по словам Ден, радостная выбежала навстречу Царю; как пятнадцатилетняя девочка, быстро спустилась с лестницы, бежала по длинным коридорам. В эту первую минуту радостного свидания, казалось, было позабыто все пережитое и неизвестное будущее... Но потом, как я впоследствии узнала, когда Их Величества остались одни, Государь, всеми оставленный и со всех сторон окруженный изменой, не мог не дать волю своему горю и своему волнению и, как ребенок, рыдал перед своей женой.

Только в 4 часа дня пришла Государыня, и я тотчас поняла по ее бледному лицу и сдержанному выражению, все, что Она в эти часы вынесла... "Он теперь успокоился, — сказала Она, — и гуляет в саду; посмотри в окно!" Она подвела меня к окну. Я никогда не забуду того, что увидела, когда мы обе, прижавшись друг к другу, в горе и смущении выглянули в окно. Мы были готовы сгореть от стыда за нашу бедную родину. В саду, около самого Дворца, стоял Царь всея Руси и с ним преданный друг его, князь Долгорукий. Их окружали шесть солдат, вернее, шесть вооруженных хулиганов, которые все время толкали Государя, то кулаками, то прикладами, как будто бы Он был какой-то преступник, приказывая: "Туда нельзя ходить, г. полковник, вернитесь, когда вам говорят!" Государь совершенно спокойно на них посмотрел и вернулся во Дворец».

Вырубова рассказывает дальше:

«...Они оба пришли после обеда вместе с Лили Ден.

...Государь сел около меня и начал мне рассказывать... Слезы звучали в его голосе, когда Он говорил о своих друзьях и родных, которым Он больше всех доверял и которые оказались соучастниками в низвержении его с Престола. Он показал мне телеграммы Брусилова, Алексеева и других генералов, членов его Семьи, в том числе и от Николая Николаевича... "Жена и дети — это все, что у меня осталось! Их злость направлена про-

тив Государыни, но Ее никто не тронет, разве только перешагнув мой труп" ...На минуту, дав волю своему горю, Государь тихо проговорил: "Нет правосудия среди людей"».[441]

А 19 марта, когда больную еще Вырубову везли в кресле мимо комнаты Наследника, она увидела следующую сцену:

"...Я увидела матроса Деревенко, как он сидел, развалившись на кресле, и приказывал Наследнику подать ему то то, то другое. Алексей Николаевич с грустными и удивленными глазами бегал, исполняя его приказания. Этот Деревенко пользовался любовью Их Величеств: столько лет они баловали его и семью его, засыпая их подарками. Мне стало почти дурно; я умоляла, чтобы скорее меня увезли".[442]

Это подтверждает и Соколов.

"Старый дядька Наследника Цесаревича боцман Деревенко, тот самый, среди детей которого протекли первые годы жизни Наследника, кто носил его на руках во время болезни, в первые же дни переворота проявил злобу к нему и оказался большевиком и вором".[443]

Россия погружалась во тьму. Социалисты всех мастей — и большевики, и меньшевики, и "правые", и левые эсеры, и интернационалисты, и прочий сброд, часто не русские, натравливали простых людей на своих начальников, будили в них злые чувства, вызывали "зверя из бездны" в душах этих одураченных людей, заявляя, что они "свободны", поощряли всякие хулиганские выходки и таким способом растлевали русский народ. Всюду торжествовало хамство, потому что революция в своей основе — это восстание первого бунтаря против Бога. "Будьте как боги", — шептал первый соблазнитель; "да здравствует свобода!" — кричали заправилы интернационального заговора. "Грабь награбленное!" — закричал приехавший "гуманист". И, как у Достоевского, — "какой я штабс-капитан, если Бога нет", так и русский народ, увидя, что Царя нет, что Царь низложен своими же генералами, арестован своими же генералами и заключен ими же, не захотел слушаться этих же генералов. Бунт, начавшийся подонками, распропагандированными злобными изуверами-социалистами, перешедший в революцию из-за поддержки заговорщиков из Думы, и государственный переворот, совершенный генералами во главе с Алексеевым — давал свои плоды: Хам торжествовал.

2 Марта в момент насилия, совершенного генералами над Императором ("добровольное отречение"), перевернулась страница не только Русской Истории, но Истории всего мира.

Зло торжествовало. Сперва прикрываясь осторожными фразами, используя поначалу предателей-генералов, министров (Поливанов), думцев, общественников; затем постепенно выбрасывая за борт, как ненужный балласт, и "неторгующего купца", в два месяца совершенно изменившего облик русской армии, и профессора, так мечтавшего путем клеветы и лжи добраться до управления внешней политикой, а затем и самого генерала Алексеева, который покорно выполнял все распоряжения чрезвычайно временного не-правительства (правили другие). На сцену выскочил никому неизвестный до тех пор третьеклассный адвокат, явный неврастеник с манерами провинциального опереточного актера, отправивший Государя в Сибирь, разлагая уже окончательно то, что раньше было доблестной армией, объявивший себя Верховным Главнокомандующим после последней попытки катиться под откос, сделанной Ставкой, и, переодевшись в костюм сестры милосердия, бежавший от тех, кого всячески укреплял, оставив на расправу с озверелыми хамами несчастных девушек и юношей, поверивших фигляру. В мире есть только причины и последствия.

Но что же делали в это время члены Императорской Фамилии? Как они отнеслись к тому, что произошло? Сейчас увидим.

О. Добровольская, жена последнего министра Юстиции Царского Правительства, пишет:

"Муж мой, Министр Юстиции Н.А. Добровольский, был арестован в первый же день переворота, 27 февраля, и затем заключен в Петропавловскую Крепость. Мы жили в доме Министерства Юстиции.

На третий, кажется, день приехал Керенский. Он очень вежливо представился мне, сказал, чтобы я не беспокоилась за участь мужа... и затем просил меня остаться в квартире, так как он займет для себя только рабочий кабинет и комнату рядом как спальню... От множества посетителей, большинство которых были солдаты и рабочие, приемные комнаты квартиры чрезвычайно быстро пришли в невыразимо грязный вид; в них постоянно стояли столбы дыма и сильный специфический запах, а полы были заплеваны, покрыты окурками и шелухой от семечек. Но посреди этой простонародной толпы бывали и элегантно одетые посетители. Самыми элегантными и самыми постоянными из этих посетителей были двое. Первый из них — граф Орлов-Давыдов (масон — *В.К.*), известный огромным состоянием...

Вторым постоянным и еще более знатным посетителем Керенского был, как это ни странно, Великий Князь Николай Михайлович, ежедневно терпеливо высиживавший часами в приемной в ожидании ухода последнего посетителя, после чего он входил в кабинет Керенского... Граф Орлов-Давыдов привозил с собой своего повара с большим запасом провизии, так как на нашей кухне под личным наблюдением графа приготовлялись те блюда, которые любил Керенский, а затем, когда Керенский освобождался от посетителей, уже поздно вечером Керенский, Великий Князь Николай Михайлович и граф Орлов-Давыдов садились за обед, за которым выпивали немало вина".[444]

А Вырубова, заключенная тоже в Петропавловскую крепость и прошедшая подлинный крестный путь, невероятные страдания и издевательства, и временами освобождавшаяся, а затем опять заключавшаяся в разные тюрьмы, пишет следующее:

"Я переехала к зятю в его дом на Морской. В верхнем этаже жил некий Манташев (нефтяник-миллионер — *В.К.*), и там каждую ночь происходили кутежи, которые кончались часов в семь утра. Вино лилось рекой. Бывали там Их Высочества Борис Владимирович, Мария Павловна и другие. Я тяжело заболела разлитием желчи, ночами не могла спать от шума и музыки... Зять мой тоже целыми ночами пропадал у них наверху".[445]

Так, все в порядке. Остается только пересчитать все, что было сделано членами династии до и после революции, чтобы понять Государя в его моральном одиночестве среди своих родственников и сделать очень печальные выводы: династия после отречения Государя становилась никому не нужной.

От этого не умаляется никак Монархическая Государственность. Идея подлинной Монархии, Монархии Самодержавной (каковая была только в России, и не надо ни в коем случае смешивать **два совершенно разных вида** Монархии — Самодержавие и Абсолютизм) заключается прежде всего в ее религиозной основе. Самодержцем Монарх становится через Помазание и ответственен перед Богом. Власть — бремя, которое со смирением несет Монарх. И Идея это вечная и не зависит ни от династий, ни от "мятежного человеческого хотения".

Необходимо сказать несколько слов о том режиме, который был установлен в Александровском Дворце в Царском Селе сперва "инструкцией" Корнилова, а затем правилами "самого" Керенского. Вот некоторые параграфы инструкции Корнилова:

"4. Допускать выход отрекшегося Императора и бывшей Императрицы на большой балкон дворца и в часть парка, непосредственно прилегающую к дворцу, в часы по их желанию, в промежутках между 8 часами утра и 6 часами вечера. В означенные часы дежурному офицеру находиться при отрекшемся Императоре и бывшей Императрице и распоряжением караульного начальника усиливать внешнюю охрану дворца.

5. Все лица бывшей свиты, означенные в прилагаемом списке и пожелавшие по своей воле временно остаться в Александровском Дворце, не имеют права выхода из дворца, подчиняясь в отношении выхода в парк правилам, установленным настоящей инструкцией.

6. Без разрешения моего никаких свиданий с лицами, содержащимися в Александровском Дворце, не допускать.

7. Письменные сношения со всеми лицами, находящимися во дворце, допускать только через штаб-ротмистра Коцебу, которому надлежит подвергать строгому просмотру все письма, записки и телеграммы, пропуская из них самостоятельно необходимые сношения хозяйственного характера и сообщения о здоровье, медицинской помощи и т.п. Все остальное подлежит представлению в штаб.

8. Телефон, находящийся во внутренних покоях дворца, снять, телефонные сношения допускать только по телефону в комнате дежурного офицера в присутствии последнего или штаб-ротмистра Коцебу.

9. В случае необходимости вызова врача-специалиста из Царского Села и Петрограда таковых следует допускать во дворец при постоянном сопровождении дежурного офицера.

10. Все продукты, доставляемые во дворец, должны быть передаваемы оставшейся во дворце прислуге в присутствии дежурного офицера и штаб-ротмистра Коцебу, на обязанности которых является не допускать никаких разговоров относительно внутренних лиц дворца".

Как видим, Корнилов установил тюремный режим для Государя, Царской Семьи и всех преданных людей, оставшихся во дворце.

Часто говорят и пишут, что генералы, мол, должны были это делать, так как все, включая воинские части, были "настроены враждебно к Царю и монархии вообще". Это ложь. По корниловской инструкции караул во дворце впредь должны были занимать по очереди все запасные полки и батальоны

гарнизона. От бывшего Собственного Конвоя должны были назначаться только конные дозоры для охраны Царского Села и его ближайших окрестностей, посты от дворцовой полиции немедленно снимались.

«Это распоряжение, по-видимому, прошло не совсем гладко, так как представитель Исполнительного Комитета, совершивший через день вооруженный рейд в Царское Село, рассказал в воспоминаниях, со слов царскосельских стрелков, что они "чуть не с боя заняли караул", так как "сводный гвардейский полк ни за что не хотел сменяться". Кологривов рассказывал, что "сводный батальон готовился встретить ожидавшегося Царя с подобающими почестями, но был сменен за четыре часа до приезда Государя". "Батальон, — рассказывал Кологривов, — как один человек, отказался впустить их (новую охрану, назначенную Корниловым — *В.К.*) за решетку дворца и... выкатил пулеметы. Но Царица попросила к себе полковника Лазарева (сменившего арестованного генерала Рескина) и... пришлось преклониться перед судьбой: "Не повторяйте климата французской революции, защищая мраморную лестницу дворца...»[446]

О придирках и безобразном поведении Керенского, этого "наилучезарнейшего" из Временного правительства, пишет Жильяр:

«25 марта. После обедни Керенский объявляет Государю, что он принужден разлучить его с Императрицей, что Он должен будет жить отдельно и может видеть Императрицу лишь во время завтрака и обеда, при условии, чтобы разговор велся исключительно по-русски. Чай Они тоже могут пить вместе, но в присутствии офицера, так как в это время нет прислуги.

Императрица, очень взволнованная, подходит несколько позднее ко мне и говорит: "Поступать таким образом в отношении Государя, сделать Ему эту гадость, после того как Он пожертвовал собой и отрекся от Престола, дабы избежать гражданской войны, как это мелочно, как это низко! Государь не хотел, чтобы капля крови, хотя бы единого Русского, была пролита из-за Него. Он всегда был готов отказаться от всего, если был убежден, что это было на благо России". Несколько минут спустя, Она прибавила: "По-видимому, придется перенести и эту ужасную обиду"».[447]

О визитах Керенского в Царское пишет Соколов. Он допрашивал некоторых лиц, окружавших Царскую Семью. Теглева (няня Цесаревича — *В.К.*) показала:

«Я видела лицо Керенского, когда он один шел к Их Величествам: препротивное лицо: бледно-зеленое, надменное, голос искусственный, металлический. Государь ему сказал первый: "Вот моя семья. Вот мой сын и две старшие дочери. Остальные больны: в постели. Если Вы хотите, их можно видеть". Керенский ответил: "Нет, нет. Я не хочу безпокоить"... Я видела лицо Керенского, когда он уходил: важности нет, сконфуженный, красный; он шел и вытирал пот с лица... Он приезжал потом. Дети высказывали мне Их общее впечатление о приездах Керенского. Они говорили, что Керенский изменился в обращении с Ними».

А сам Соколов пишет:

«Сам Керенский показал:

"Я заявляю, что с того момента, когда Государь отдал Себя и свою Семью под покровительство Временного Правительства, я считал себя обязанным по долгу чести перед Временным Правительством оградить неприкосновенность Семьи и гарантировать Ей в обращении с Ней черты джентльменства".

Найдена ли истина?

Я бы охотно поверил в джентльменство Керенского — ведь об этом говорит не только сам он, но и свидетели — если бы не существовало иных фактов.

С гордо поднятой головой вошел в жилище Царя Керенский. Он нес в себе уверенность в виновности Царя перед Россией. Ею проникнута та инструкция, которую он сам лично составил для Царственных узников. Керенский вдавался в ней в большие и совершенно излишние подробности. Указывая, какие блюда может кушать семья, он требовал, чтобы заключенный Царь был скромен, чтобы его семья впредь "воздерживалась употреблять горячие закуски"...

Своей инструкцией, чуждой, конечно, и тени джентльменства, начал Керенский общение с Царем.

Как он его закончил?..

Не подлежит сомнению, что, будучи любезным и внимательным к Царю, как о том говорят (...) свидетели, Керенский ни на одну минуту не был искренен с Ним».[448]

А вот как вела себя "охрана", поставленная Корниловым и Керенским.

"Один из офицеров, студент университета, неизвестный мне по фамилии, особенно старался проявить свою бдительность по охране и обыкновенно ни на шаг не отходил от семьи во время

прогулок в парке. Идя однажды сзади Государя, он буквально стал наступать Ему на пятки. Взмахом трости назад Государь был вынужден охладить пыл революционера-охранника.

Подобное поведение некоторых офицеров, а иногда и прямая агитация, (...) развращали солдат. Они также старались проявить собственную инициативу в деле охраны и переходили границы всякой пристойности. Во время прогулок они не отходили от Семьи, подсаживались к Императрице, разваливались в непринужденных позах, курили и вели неприятные для Нее речи".[449]

Генералы, министры Временного правительства, офицеры и солдаты, все старались перещеголять друг друга в желании как можно больнее оскорбить, унизить, ввести тюремный режим для Государя и его Семьи. Хамами были все — от генералов до солдат.

А что же делал в это время генерал Алексеев? Нам поможет в этом Деникин в своих воспоминаниях. Начинает Деникин очень самоуверенно:

"...В Петрограде, в Царском Селе ткалась липкая паутина грязи, распутства, преступлений. Правда, переплетенная с вымыслом, проникала в самые отдаленные уголки страны и армии, вызывая где боль, где злорадство".[450]

Это Деникин пишет о Царской Семье, пишет по слухам и той клевете, которая ловко распространялась теми, кому это было нужно. На эти фразы, совершенно безответственные, хорошо отвечает Мордвинов, флигель-адъютант Государя, хорошо знавший всю Семью Государя.

«Если бы генерал Деникин и другие, совсем не знавшие Государя, побывали действительно лично сами и не раз в том "Царском Селе", где, по их утверждению, "плелась липкая паутина грязи, распутства и преступлений", он, наверно, взял бы и эти свои слова назад и заменил бы их фразой, более подходившей к тогдашней действительности: "Вокруг чистого, беспредельно преданного России Царского Села плелась эта липкая паутина грязи, распутства, преступлений, предательства".

В настоящем, а не воображаемом Царском Селе царствовала лишь чистая, строгая, почти монашеская жизнь, полная глубокой любви к родине и горячих стремлений к человечности, к счастью всего народа».[451]

Мордвинов, этот скромный, честный и верный долгу офицер дал достойную отповедь генералу, который после революции стал начальником штаба у первого революционного Главковерха генерала Алексеева.

Деникин пишет, что был назначен на свой пост Временным правительством без предупреждения об этом Алексеева.

«25 марта я приехал в Ставку и тотчас был принят Алексеевым. Алексеев, конечно, обиделся: "Ну что же, раз приказано..." Тем не менее, такой полупринудительный способ назначения Верховному Главнокомандующему ближайшего помощника не прошел бесследно: между генералом Алексеевым и мной легла некоторая тень и только к концу его командования она рассеялась. Генерал Алексеев в моем назначении увидел опеку правительства».[452]

Деникин пишет дальше:

«Алексеев уволил Главнокомандующего Рузского и командующего армией Радко-Дмитриева за слабость военной власти и оппортунизм. Он съездил на Северный Фронт и, вынеся отрицательное впечатление о деятельности Рузского и Радко-Дмитриева, деликатно поставил вопрос об их "переутомлении"».[453]

Алексеев сводил счеты с Рузским. Спелись оба генерала только по одному вопросу — отречения Государя. И до, и после этого они оставались врагами. Теперь Алексеев, став Главковерхом, вспомнил критику Рузского его действий, когда он был Главнокомандующим Северо-Западным Фронтом. Алексеев был злопамятным человеком.

Деникин также рассказывает, что он как-то задал вопрос Алексееву об Императрице в связи с Ее "изменой".

«...Генерал Алексеев, которому я задал этот мучительный вопрос весной 1917 года, ответил мне как-то неопределенно и нехотя:

"При разборе бумаг Императрицы нашли у Нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась только в двух экземплярах — для меня и для Государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею..."»[454]

На это косвенное, но тяжкое обвинение Алексеевым Государыни отвечает Мельгунов.

«Слова генерала Деникина, конечно, многократно цитируются. Мы имели случай убедится на довольно ярком примере, что автор "Очерков Русской Смуты" не всегда точно воспринимал в воспоминаниях слова Алексеева (См. главу "Творимые легенды" в книге "Мартовские дни", "Возрождение", тетрадь II). Ведь надо предположить, что Алексеев допускал, что "секретная" карта без его ведома была воспроизведена специ-

ально для Императрицы — эта копия и была в революционные дни найдена в бумагах Александры Феодоровны. Вероятно ли это? Если бы перед Ней была подробная карта, Она не смущалась бы подчас некоторыми географическими названиями — например Белоозеро: "уже не знаю, где это такое..." До Алексеева могли дойти не совсем точные сведения. Не шла ли речь о карте секретных маршрутов Царского поезда по фронту, о чем упоминается еще в переписке 3 ноября 1915 года?»[455]

В общем, кто-то из этих двух генералов соврал. Но соврал злобно, с явной инсинуацией клеветы. Не будем этому удивляться, в 1917 году генералы делали дела и похуже. Не будем забывать, что говорили генералы в то время. Деникин пишет о Брусилове:

«Наивно было, например, верить заявлениям генерала Брусилова, что он с молодых лет "социалист и республиканец". (При получении генерал-адъютантских аксельбантов Брусилов поцеловал руку Государю — *В.К.*).

Русское кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и в массе своей было во всяком случае лояльно».

А на странице 151 того же труда Деникин говорит уже совсем другое:

"Да, революцию отменить нельзя было. Я скажу более: то многочисленное русское офицерство, с которым **я был единомышленен**, и не хотело отнюдь отмены революции".[456]

Да, несомненно одно — Деникин был республиканцем со всеми вытекающими отсюда последствиями. К нему, конечно, примыкал по своим убеждениям и генерал Л. Корнилов.

А вот что пишет Деникин о том, как был уволен первый революционный Главковерх Алексеев:

"В ночь на 22 мая получена была телеграмма об увольнении генерала Алексеева от должности с назначением в распоряжение Временного Правительства и о замене его генералом Брусиловым. Уснувшего Верховного разбудил генерал-квартирмейстер Юзефович и вручил ему телеграмму. Старый вождь был потрясен до глубины души, и из глаз его потекли слезы. Генерал Алексеев потом в разговоре со мной обронил такую фразу:

— Пошляки! Рассчитали, как прислугу.

Со сцены временно сошел крупный государственный и военный деятель, в числе добродетелей или недостатков которого была безупречная лояльность в отношении Временного Правительства".[457]

Деникин, наверно, и не подозревает, какой обвинительный приговор выносит он Алексееву, этому "крупному государственному и военному деятелю". Безупречная лояльность Временному Правительству означала полное содействие тому развалу, который учинило это "правительство" по приказу настоящего правительства, находившегося в Совдепе. Этот развал касался прежде всего армии. Наша доблестная Русская Армия, в течение веков бывшая гордостью Российской Империи, после переворота в феврале и выпуска приказа № 1 превратилась в полчища разнузданной, озверевшей, охамевшей солдатни, в трусливое стадо, показавшее себя в июне 1917 года как людей без всякой чести, мужества и дисциплины.

И среди этой подлинной сволочи (употребляю это слово в его филологическом значении) — несчастные мученики офицеры, которых эта мерзкая солдатня преследовала, над которыми издевалась, часто била и убивала. Как же можно было быть лояльным к такому правительству? Уже Гучков при помощи Поливанова и "младотурок" обезглавил армию, удалив наиболее приличных и верных своему долгу генералов. Когда же военным министром стал Керенский, армия как таковая перестала существовать. Ведь тот же Деникин писал:

«Еще более искренним был Иосиф Гольденберг, член Совета рабочих и солдатских депутатов и редактор "Новой Жизни". Он говорил французскому писателю Claude Anet* :

"Приказ № 1 — не ошибка, а необходимость. Его редактировал не Соколов; он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы "сделали революцию", мы поняли, что, если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство"».[458]

Если Гольденбергам нужно было развалить русскую армию, то этому удивляться нечего, но генералам, и в особенности Алексееву, приходится не удивляться, а поражаться той слепоте, которая их обуяла еще до революции, когда они не понимали, что поддакивая всякой рвани из Думы, из всяких "Земгоров" и комитетов, идя на измену, соглашаясь на заговоры, они совершали преступление перед Родиной, они на долгие десятки лет обрекали Родину на безпросветное рабство,

---

* Claude Anet (*фр.*) – Клод Ане (*ред.*).

они отдавали Родину интернационалу на полный произвол. Алексеев называл царское правительство "сумасшедшими куклами". Какими куклами были Гучков и Керенский? Он не смог и слова сказать против них.

"Старый вождь был потрясен до глубины души, и из глаз его потекли слезы", — пишет Деникин об Алексееве. А думал ли этот "вождь" о том, что должен был чувствовать подлинный Державный Вождь и Государь Император, когда он, не исполнив Монаршей Воли подавить бунт, подготовленный будущими авторами приказа № 1, предал своего Государя и перекинулся на сторону революции, предварительно убедив последовать за ним и других военачальников? "Рассчитали, как прислугу", — жаловался Алексеев. А вы все, генерал-адъютанты, как поступили с Государем? "Ожидаю повелений", — осмелились вы, генерал, послать этот ультиматум Императору! Вы встречались со Львовым, переписывались с Гучковым, обливали грязью свою Государыню, давали согласие на участие в заговоре, а затем, воспользовавшись удобным для вас случаем, когда Государь, встревоженный участью своей Семьи, уехал, вместо исполнения приказа направить войска для подавления бунта вы ночью сговариваетесь с предателем Родзянко о перевороте! Уже 8-го марта, когда вы знали, генерал, кто является подлинным хозяином положения в Петрограде, вы осмелились передать отрекшемуся Императору приказ об его аресте, зная о ненависти Совдепа к Монарху и возможных последствиях лишения его Свободы! Уже приказ № 1 был объявлен, и вы не посмели протестовать против него, когда войска на фронте еще были не тронуты заразой, шедшей из Петрограда! Вы не понимали, что вы губите Родину и что все ваши рассуждения, что армия не должна быть втянутой в гражданскую войну, не имели никакого логического обоснования. Вы же и начали гражданскую войну. Кровь доблестных юношей, будь то офицеры, юнкера, гимназисты или добровольцы потекла в борьбе против ненавистников России. На чьей совести эта кровь? Я преклоняюсь перед героями Белого движения, я горжусь этими беззаветно храбрыми и доблестными людьми, которые умирали за свою Родину. Вы начали эту борьбу, генерал, и в этом частичное оправдание вашего безмерного преступления, совершенного вами в феврале 1917 года. Но замолчать это преступление, забыть о нем нельзя. Следствием вашей измены, генерал, были замученные миллионы в Чека, Г.П.У., Н.К.В.Д., К.Г.Б., миллионы, погибшие от голода, в лагерях и подвалах.

Развал армии при Брусилове принял такие размеры, что через два с небольшим месяца он был заменен на посту Главковерха генералом Корниловым. О нем пишет адмирал Бубнов:

«Помимо своих выдающихся воинских качеств, генерал Корнилов не обладал ни дальновидностью, ни "эластичностью" мысли искусного политика и не отдавал себе отчета в трудностях и даже опасностях, с которыми сопряжена должность Верховного Главнокомандующего».[459]

В августе месяце Керенский спровоцировал Корнилова, обвинив его в контрреволюции.

Арестовать Корнилова в Ставке было затруднительно, так как там находились Корниловский полк и Текинский дивизион, которые решили воспротивиться этому силой.

Тогда Временное Правительство во главе с Керенским поручило привести в исполнение свое постановление ареста Корнилова и возглавителей его штаба (начальник штаба — Лукомский, генерал-квартирмейстер — Романовский) генералу Алексееву, который находился не у дел "в распоряжении Временного Правительства". Алексеев это предложение принял. Лукомский пишет об этом:

«1/14 сентября генерал Алексеев прибыл в Ставку; сначала он прошел к генералу Корнилову, а затем пришел ко мне.

Он мне сказал, что согласился принять должность начальника штаба Верховного Главнокомандующего при непременном условии немедленного проведения в жизнь всех требований Корнилова. Что Керенский обещал и что он будет идти по пути, начертанному Корниловым и надеется спасти армию и добиться возможности продолжать войну.

Я на это сказал:

"Неужели, Михаил Васильевич, вы верите Керенскому?.."

Генерал Корнилов, которому генерал Алексеев также оптимистически высказался относительно будущего, сказал ему:

"Вам трудно будет выйти с честью из создавшегося положения. Вам придется идти по грани, которая отделяет честного человека от бесчестного. Малейшая Ваша уступка Керенскому — толкнет вас на бесчестный поступок... В лучшем случае — или вы сами уйдете, или вас попросят уйти".

Генерал Алексеев пришел ко мне и сказал, что он получил приказание от Временного правительства немедленно арестовать Корнилова, меня, Романовского и других участников выступления. Что он просит меня оставаться на квартире, считаясь арестованным.

Через два дня Корнилову и мне было объявлено, что всех арестованных приказано перевести в гостиницу "Метрополь", а наши помещения очистить к ожидаемому приезду в Ставку нового Верховного Главнокомандующего — Керенского».[460]

Вскоре Алексеев оставил пост начальника штаба Главковерха Керенского. "Октябрь" стоял уже у порога.

А могилевские узники были переведены в Быхов, где их так же, как и в Могилеве, охранял текинский дивизион.

После большевицкой революции Корнилов и его помощники покинули свою тюрьму при помощи верных текинцев и отправились на Дон, где в Новочеркасске Алексеев начал формирование Добровольческой Армии.

Началась гражданская война.

Формирование Добровольческой Армии было уже начато Алексеевым, когда в Новочеркасск приехал Корнилов. Роли распределились так: Алексеев заведовал финансами и внешней и внутренней политикой, а Корнилов формировал армию и фактически был Командующим этими формированиями. Каледин формировал в это же время Донскую армию.

Вскоре начались столкновения между Алексеевым и Корниловым. Вокруг Алексеева появились старые знакомцы — Милюков, Савинков, Федоров, Струве. Помимо формирования Армии, которое шло довольно медленно, появились партизанские отряды, которые первыми начали борьбу против большевиков.

Особенно известен стал отряд Чернецова, который смело совершал набеги на районы, занятые большевиками. В одном из них Чернецов погиб геройской смертью.

В январе 1918 года штаб Добровольческой Армии перешел в Ростов. Добровольческая Армия вела тяжелые бои с во много крат превосходящими силами большевиков.

Между прочим часто приходилось читать, что если бы Корнилов выбросил монархический лозунг, то Добровольческая Армия имела бы гораздо больший успех, причем обыкновенно в этом случае ссылаются на Троцкого, который заявил, что лозунг "кулацкого Царя" дал бы несомненную победу "белогвардейцам".

Во-первых, ссылка на Троцкого совершенно не основательна. Ссылаться можно на человека, прогнозы которого вески и убедительны. Сам же Троцкий вряд ли мог предполагать, что через 10 лет будет выброшен вон из пределов России (тогда

уже С.С.С.Р.) "чудесным грузином", а через 15 лет после высылки убит подосланным убийцей.

Что же касается самого монархического лозунга, то после отречения Государя это стало безцельным. Кого можно было провозгласить Царем? Николая Николаевича? Человека, который задолго до революции интриговал со своими черногорками против Государя и Государыни, а затем принял участие в перевороте, "коленопреклоненно" изменяя своему Императору? Александра Михайловича? Человека, осмелившегося обвинять открыто Супругу Императора в "каком-то управлении Государством", укрепляя клевету подготовителей переворота? Кирилла Владимировича? Человека, который за сутки до отречения Государя открыто изменил своему Императору, перейдя на сторону революции? Дмитрия Павловича? Человека, который принял участие в отвратительном убийстве, а затем лгал, отрицая свое участие в нем? Об остальных не приходится и говорить — все это было совсем уж незначительно.

Никто из членов Династии, ни по своему уму, ни по своему опыту, ни по своему нравственному облику, не мог заменить Государя. Говорившие об этом не понимали того, что с отречением Государя все было кончено. Рухнули те устои, на которых стояло Русское Православное Царство. С уходом Государя ушла и Россия, та Россия, которая была Святой Русью, а потом блистательной Империей. И никакие лозунги, никакие имена не могли спасти нашей Родины от той Голгофы, которая уже давно была по плану мирового заговора ей уготовлена восторжествовавшим Злом. Это не мистика, а очень тяжелая и мрачная действительность и того ужасного времени и... наших дней. Я никогда не разделял республиканских взглядов и песню корниловцев "Царь нам не кумир", распевавших ее еще тогда, когда наш Царь Мученик томился со своей Семьей в заключении, считаю кощунством и оскорблением нашего чудесного прошлого, но должен сказать, что и наш прекрасный Гимн — Боже, Царя Храни — без Государя терял свою обаятельную силу.

А народ... потеряв Царя, потеряет и голову и окажется еще более диким и страшным, чем во времена Пугачева, Разина и Тушина. Еще Достоевский говорил, что для русского заманчиво "право на безчестие". Все стало позорным, невыносимым и окаянным!

Хочется несколько слов сказать о Чрезвычайной Следственной Комиссии, учрежденной Временным правительством со

вхождением туда членов Совдепа для "расследования действий Государя, Государыни, Министров и других высших должностных лиц". Есть свидетельства двух членов этой Комиссии. Вот что они пишут:

"...При рассмотрении дела бывшего Министра Юстиции Н.А. Добровольского, обвинявшегося во взяточничестве, все выдвигавшиеся против него улики на следствии решительным образом опровергнуты".[461]

А. Романов пишет дальше:

«Не скрою, что, входя в состав Следственной Комиссии, я сам находился под влиянием слухов, захвативших всех, и был предубежден против личности Государя. Утверждаю, однако, что не я один, на основании изучения матерьялов, пришел к совершенно противоположным выводам. Еврей, социалист-революционер, присяжный поверенный, которому было поручено Муравьевым (председателем Комиссии – *В.К.*) обследование деятельности Царя, после нескольких недель работы с недоумением и тревогой в голосе сказал мне: "Что мне делать, я начинаю любить Царя"».[462]

О Распутине Романов пишет:

"Распутин держал себя во дворце совсем не так, как в других местах. Он не был там ни пьян, ни распутен. Там он говорил о Боге и о нуждах народных".

И о Вырубовой:

"Но надо было видеть эту женщину, поговорить с ней, знать, с каким христианским смирением она переносила в Петропавловской крепости невероятные издевательства гарнизонных солдат, чтобы совершенно потерять доверие ко всему, что о ней рассказывали".

"Равным образом не дало никаких указаний на государственную измену и расследование о заграничной поездке Протопопова, деятельности в этом направлении Манасевича-Мануйлова и т.п. Если бы в этом отношении было обнаружено хоть что-либо, похожее на улику, то, зная рвение Керенского, Муравьева и Соколова, можно с достоверностью утверждать, что они привлекли бы в качестве обвиняемых в государственной измене и Штюрмера, и Протопопова, и многих других, а между тем этого не было и Комиссии приходилось выискивать суррогаты обвинения... Итак, никакой государственной измены не было, что должны были признать и революционные деятели Комиссии".

Далее А. Романов пишет о том, как вели себя на заседаниях, во время допросов бывшие министры и "февралисты".

"Вообще надо отметить, что большинство представителей старой власти на допросах держали себя с большим достоинством и часто своими остроумными ответами ставили Муравьева в весьма смешное положение".

"Напротив того, поведение на допросе, например, Председателя Государственной Думы Родзянко произвело тяжелое впечатление, так как Родзянко все время подделывался под тон Муравьева и выдвигал на вид свою революционность. Почти с хвастовством он рассказывал, как он не подал во дворце руки Протопопову и тому подобное, и все время старался смешить Муравьева своими юмористическими отзывами о деятелях Старого режима".[463]

Итак, сами господа "февралисты" признанием отсутствия вины за Государем, Государыней и Царским Правительством, выносили обвинительный приговор самим себе, своей клеветнической кампании против Государыни и правительства. Но это также обвинительный приговор и тем генералам, которые, поверив грязной клевете, пошли на измену своему Царю. И в первую очередь — приговор Алексееву.

Я сейчас расскажу о революционном правосудии. Не о большевицком, нет, а о правосудии "лучезарного февраля".

«Больной, истощенный старик, страдающий хронической болезнью почек, Штюрмер попал в сырую, холодную камеру Трубецкого Бастиона, где в полном одиночестве, терпя постоянный, мучительный голод, в самых отвратительных условиях лишения элементарнейших требований комфорта, он был обречен неизбежно на мучительную, долгую агонию, при которой оставалось только мечтать о смерти, надеяться на нее и ждать ее, как желанную избавительницу. Обращение с заключенным было ужасное: ему приходилось переносить не только самые грубые издевательства и оскорбления, но и побои.

Об ужасном положении Штюрмера знал и тогдашний министр юстиции, Керенский, и последующие за ним министры того же ведомства, и все вообще "начальствующие лица" из бывших подпольных проходимцев: родственники и друзья заключенных осаждали их всех просьбами умилостивиться и оказать содействие к облегчению страданий их жертв злобного торжества... на все просьбы они отвечали злорадными отговорками, а то и прямо насмешками.

Но все приедается быстро: развлечение, доставленное глумлением и издевательством над умиравшим, находившимся в полной их власти стариком, на которого сыпались площадные ругательства, толчки, пинки и побои (его много били по щекам), все это удовольствие надоело — хотелось чего-либо более пикантного... И вот люди, одетые в мундиры бывших доблестных русских воинов, но волей, работой и стараниями друзей и единомышленников, возглавителей революционной рвани, превращенные в "сознательных товарищей", "спасающих революцию", придумали новый способ развлечения: поочередно, "справа по одному", они стали подходить к Штюрмеру и мочиться на его лицо. Когда он был уже в агонии и умирал, жена и другие хотели войти в комнату, их задержали караульные и объявили, что никого не пропустят. "Никого не пропустим! Пускай околевает при нас и только при нас. Много чести ему прощаться еще с родственниками!"»[464]

И есть еще весьма "полупочтенные" субъекты, которые лепечут что-то о "светлых, радостных днях февраля"!

А Царская Семья по воле Керенского была переведена в Тобольск. Еще в начале пребывания Царской Семьи в Царском Селе Бьюкенен передал Временному правительству сообщение своего правительства, что оно больше "не настаивает" на приезде Царской Семьи в Англию. Это был, конечно, отказ. Как мы увидим позже, правительство Вильгельма II тоже не спасло Царской Семьи, хотя имело к этому полную возможность. Таким образом, и Англия, и Германия ответственны так же, как и многие другие, за смерть Государя и его Семьи.

В Тобольске положение Царственных Узников все время ухудшалось. Соколов пишет:

«Когда Керенский отправлял Семью в Тобольск, он говорил Кобылинскому: "Не забывайте, что это бывший Император. Его Семья ни в чем не должна нуждаться".

Почему же слово его разошлось с делом?..

В показании Кобылинского значится: "...Все эти истории были мне тяжелы. Это была не жизнь, а сущий ад. Нервы были натянуты до последней крайности. Тяжело ведь было искать и выпрашивать деньги для содержания Царской Семьи. И вот, когда солдаты вынесли постановление о снятии нами, офицерами, погонов, я не выдержал. Я понял, что больше нет у меня власти, и почувствовал полное свое безсилие. Я пошел в дом и попросил Теглеву доложить Государю, что мне нужно его ви-

деть. Государь принял меня в ее комнате. Я сказал Ему: "Ваше Величество, власть выскальзывает из моих рук. С нас сняли погоны. Я не могу больше Вам быть полезным. Если Вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу". Государь обнял меня одной рукой. На глазах у Него навернулись слезы. Он сказал мне: "Евгений Степанович, от Себя, жены и детей Я вас прошу остаться. **Вы видите, что мы все терпим** (выделено мною — *В.К.*). Надо и вам потерпеть". Потом Он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил терпеть».[465]

Государь и Его Святая Семья шли по своему крестному пути.

Ограничения и ухудшения положения в Тобольске продолжались. 1-го марта 1918 года пришла телеграмма:

"Николай Романов и его семья должны быть зачислены на солдатский паек".[466]

Солдатский комитет постановил разрушить ледяную гору, которую построили для развлечения детей Жильяр и Долгоруков. Жильяр в своем дневнике отмечает:

«4/17 марта. Дерзость солдат превосходит всякое воображение. Те, которые уехали, заменены молодежью, отвратительной внешности.

Их Величества, несмотря на увеличивающееся со дня на день уныние, надеются, что среди верных Им людей все же найдется несколько человек, которые постараются их освободить.

6/19 марта. После завтрака говорили о Брест-Литовском договоре, который только что подписан. Государь был несказанно огорчен этим обстоятельством.

"Это такой позор для России, — сказал Он, — это позор, равносильный самоубийству. Я никогда бы не поверил, что Император Вильгельм и германское правительство могут унизиться до того, чтобы пожать руку этим мерзавцам, которые предали свою страну. Но Я убежден, что это не принесет им счастья: не это поможет им спастись от разгрома!»[467]

Как прав был Государь! Уже через 8 месяцев трусливый и жалкий Вильгельм, этот "фельдфебель на троне", убежал в Голландию, оставив Германию на произвол судьбы. Германия, которая так виновата перед Россией, получила то, что она заслужила. Это Германия, не понимая, куда ее толкает международный Заговор, начала войну, оплачивала всех проходимцев в России, готовивших революцию, снабдила Лени-

на миллионами и пропустила в запломбированном вагоне в Россию, поддерживала большевиков, заключила "похабный" мир в Брест-Литовске, устроила "германскую" авантюру на Украине, не спасла Царской Семьи, имея к этому полную возможность, нарушила все нравственные законы и... развалилась, как карточный домик. И уже через четверть века другой властитель Германии имел полную возможность уничтожить большевизм, прийдя на помощь русскому народу; но он предпочел раздел, грабеж, безчеловечное отношение к пленным, издевательство над населением и полное пренебрежение к нравственным законам. Результат — тот же. Раздел Германии, перманентная оккупация и, несмотря на "Wirtschaftswunder", переход на положение вассала, в одной части С.С.С.Р., а в другой С.Ш.А.

Скажу несколько слов по поводу диссертации П. Германа, которую он озаглавил "Положение Русской Эмиграции". В этой работе он приводит слова Керенского:

"Русская эмиграция мертва, она перестала существовать".

И сам добавляет:

"К этому вряд ли можно что-либо прибавить".

О Русской Эмиграции я буду говорить в своем послесловии, теперь же задам вопрос только, как этот П. Герман назвал бы настоящее положение Германии? Не назовет ли он Германию "бывшей Великой Державой"? Не назовет ли он Германию (вернее две Германии) зависимой от других Держав страной? Я думаю, что к этому действительно "вряд ли можно что-либо прибавить".[468]

Все, что лишено нравственного начала, раньше или позже получит свое возмездие. В мире, в котором Зло старается завладеть и душой и телом человека, идет видимый всеми процесс технического "прогресса" и явный провал всех нравственных законов. Бог попустил Злу за безконечные грехи человечества. Но... дьявол платит черепками.

От того же числа (6/19 марта) Жильяр пишет:

«Когда князь Долгоруков несколько позже сказал, что в газетах появилось сведение о требовании Германии выдать ей Царскую Семью целой и невредимой, Государь воскликнул:

"Если это не маневр, чтобы Меня дискредитировать, то, во всяком случае, это оскорбление, которое Мне наносят!"

А Императрица вполголоса прибавила:

"После того, что они сделали с Государем, Я предпочитаю умереть в России, чем быть спасенной немцами!"»

3/16 апреля:

"Полковник Кобылинский, офицер охраны и несколько солдат пришли сделать обыск в доме. У Государя отняли кинжал, который Он носил при черкеске".

12/25 апреля:

"За несколько минут до 3-х часов я встретил двух человек прислуги, которые рыдали. Они сказали мне, что Яковлев пришел объявить Государю, что он его увозит".

Далее Жильяр пишет, что его вызвала к себе Императрица. Она сказала, что поедет вместе с Государем. В то время Алексей Николаевич был сильно болен – у Него опять был сильный припадок гемофилии.

«Заметно было, как Императрица мучилась и страдала от своей нерешительности. Она ходила по комнате, Она продолжала говорить, обращаясь скорее сама к себе, чем к нам. В конце концов Она подошла ко мне и сказала:

"Да, так лучше. Я поеду с Государем, поручаю вам Алексея..."

Вся Семья провела день после полудня около постели Алексея Николаевича».[469]

Государь, Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна уехали.

20 апреля/3 мая:

"Полковник Кобылинский получил телеграмму, что Их Величества остановили в Екатеринбурге. Что же случилось?"

24 апреля:

"Дети, наконец, получили письмо из Екатеринбурга о том, что все здоровы, но без объяснения причин, почему Они остановились в этом городе. Сколько тревоги чувствуется между строк!"

28 апреля:

"Полковник Кобылинский устранен от должности, и мы зависим теперь от Тобольского Совета".

6/19 мая:

"День рождения Государя... Наш отъезд назначен на завтра. Комиссар отказывается разрешить приход священника; он запрещает Великим Княжнам запирать на ночь свою дверь".

10/23 мая:

"Утром мы прибываем в Тюмень и, несколько часов спустя, уезжаем по железной дороге в Екатеринбург..."[470]

Я хочу привести выдержки из писем Государыни к Вырубовой. Я хочу показать, как эта необыкновенная женщина, на

которую было возведено столько ужасных обвинений, клеветы, как эта подлинная Царица и по внешнему виду и по своим внутренним переживаниям переносила все ужасы своего заключения, какой подлинной христианкой Она была, прощая все и готовясь перейти в лучший мир.

21 октября 1917 г. Тобольск:

"...Бог милостив и долготерпелив и Своих не забудет... Чем больше здесь страданья, тем ярче будет там на том светлом берегу, где так много дорогих нас ждут... Мы надеемся завтра приобщиться Святых Таин — сегодня и вчера не позволили быть в Церкви... последнее время не выхожу, так как сердце себя нехорошо ведет. Сколько утешений в чтении Библии".

24 ноября 1917 г. Тобольск:

"...И ты одна в страданьи и одиночестве. Но ты знаешь, где искать успокоения и силу, и Бог тебя никогда не оставит — его любовь выше всего... Бог не оставляет тех, кто его любят и верят в его безграничное милосердие, и, когда мы меньше всего ожидаем, Он нам поможет и спасет эту несчастную страну. Терпение, вера и правда".

8 декабря 1917 г. Тобольск:

"...Буду теперь с удовольствием Творения Григория Нисского читать, их раньше не имела. Последнее время читала Тихона Задонского. Все-таки привезла из моих любимых книг с собой. Ты Библию читаешь? которую я тебе дала, но знаешь, есть гораздо полнее, и я всем детям подарила и для себя теперь большую достала, там чудные вещи — Иисуса Сираха, Премудрости Соломона и т.д. Я ищу все другие подходящие места — живешь в этом — и псалмы так утешают... Да, прошлое кончено, благодарю Бога за все, что было, что получила, и буду жить воспоминаниями, которые никто от меня не отнимет. 6-го был молебен, не позволили идти в Церковь (боялись чего-то)".

15/XII-1917 г. Тобольск:

"Вяжу маленькому теперь чулки, он попросил пару, его в дырах, а мои толстые и теплые... У Папы брюки страшно заштопаны тоже, рубашки у дочек в дырах... У меня масса седых волос... За упокой дала записочку в нашей церкви и чувствовала таким образом — соединюсь со всеми..."

18/XII-1917 г. Тобольск:

"...Какая я стала старая, но чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь,

что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает Мое сердце, но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию!.. Страданье со всех сторон. Сколько времени никаких известий от моих родных. А здесь разлука с дорогими, с тобой. Но удивительный душевный мир, безконечная вера, данная Господом, и потому всегда надеюсь. Дорогое Мое дитя... Мы все простили и только любим. Я временами нетерпеливая, но сержусь, когда люди нечестны и обижают и оскорбляют тех, кого люблю... Целую, благословляю, молюсь без конца"[471].

Сто двадцать пять лет тому назад другая женщина, королева Мария-Антуанетта переживала свои нестерпимые муки с таким же христианским смирением, как и Государыня.

"Как и Людовик XVI, Мария-Антуанетта никогда не вышла из христианского смирения. Этому отдали должное даже Ее враги. Она увидит вокруг Себя тени смерти и Она дойдет до пределов отчаяния".[472]

Протопресвитер Г. Шавельский, обвиняя Государыню во всех смертных грехах, повторяя за всеми клевету и ложные слухи, помещает во втором томе своих воспоминаний главу XI "Царь и Царица в заточении". И тут тон Шавельского совершенно меняется. Он пишет о Государыне совсем другое.

"В моем собственном сознании образ Императрицы Александры Феодоровны двоится, представляясь в двух совершенно различных очертаниях. Царица Александра Феодоровна на троне и Она же в заточении, в изгнании — это как бы две разные фигуры, во многих отношениях не похожие друг на друга. Царица на троне — властная, настойчивая и непреклонная, Царица в изгнании — смиренная и кроткая, незлобивая и покорная. Даже вера в Бога и Его святой Промысел у заточенной Царицы становится иною — более спокойной, проникновенной и глубокой, нежной и чистой".[473]

Возможно ли это? Так ли это? Нет. И здесь неправда. Государыня Императрица Александра Феодоровна всегда была властной и на троне, и в заточении (я приведу об этом свидетельства), всегда была и глубокой, и чистой, всегда любила Россию, всегда была подлинной христианкой, подлинной Царицей Православного Царства. Всегда была примерной женой и матерью, скромной, даже застенчивой и исполнявшей свой долг.

А вы все, отец протопресвитер и генералы во главе с вашим любимцем Алексеевым, и "либеральные" министры, и Николай Николаевич, и другие Великие Князья, и всякие "прогрессивные" и "передовые" деятели, обливали грязью эту необыкновенную и по уму, и по силе воли женщину, свою Государыню, и клеветали, и плели всякий вздор, делали то, что нужно было врагам России для ускорения гибели нашей Родины, и брали большой грех на свою душу. И только когда пришла эта ужасная, мерзкая, отвратительная, вонючая революция, вами всеми же вызванная к жизни, тогда вы все испугались. И увидели все в другом свете. Не лучше ли, не проще ли, не благороднее ли сознаться в своем ужасном грехе и молить Господа Бога о прощении и своего греха, и нашего всех общего перед преданным Венценосцем и его Супругой, его Семьей, пред загубленной Родиной, перед поруганными святынями, перед нашим Тысячелетним Прошлым? Да, это был страшный грех, и его последствия мы все явственно ощущаем. Но конец ли это уже или нет? Боюсь, что нет. Еще не изверглись до конца хляби гнева Господня на всех нас!

Государя, Государыню и Великую Княжну Марию Николаевну привезли в Екатеринбурге в дом Ипатьева, который уже был обнесен высоким забором. Один из будущих палачей Шая Голощекин (самый злобный и мерзкий) сказал Государю:

"Гражданин Романов, Вы можете войти"[474].

Так же прошли в дом Государыня, Великая Княжна и несколько человек прислуги. «Когда Государь был привезен к дому, около дома стал собираться народ, Голощекин крикнул:

"Чрезвычайка, чего вы смотрите!"

Народ был разогнан».[539]

Приезд детей описывает Жильяр:

"...Поезд остановился между вокзалами. Шел мелкий дождь. Было грязно... Вышли Княжны. Татьяна Николаевна имела на одной руке свою любимую собаку. Другой рукой она тащила чемодан, с трудом волоча его. К ней подошел Нагорный и хотел ей помочь. Его грубо оттолкнули... Я хотел выйти из вагона и проститься с ними. Меня не пустил часовой".[539]

Голощекин, Юровский и Заславский были теми людьми, которые проявляли власть над Царской Семьей с первого момента прибытия Ее в Екатеринбург.

С Царской Семьей оставались доктор Боткин, повар Харитонов, лакей Трупп и комнатная девушка Демидова. Начина-

лась последняя страница жизни Царственных Узников. Это была Голгофа.

Режим в Ипатьевском доме был установлен крайне тяжелый, а отношение охраны было возмутительное. Но и Государь, и Государыня относились ко всему окружающему спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. Как это было трудно, и какие нервы, какую выдержку нужно было иметь, чтобы вести себя так! Распорядок дня был следующий: утром пили чай с черным хлебом, в 2 часа был обед. До приезда детей и прислуги обед присылали из местного Совдепа. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка раз в день на 15-20 минут в саду. Все было оцеплено караулом.

Чемодуров, камердинер Государя, которому удалось избежать участи Царской Семьи, говорит, что день и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев, у наружной входной двери, в вестибюле и около уборной.

"Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение".

Он же рассказывал и о следующем.

«Обедали они все вместе. Во время обеда подходил какой-нибудь красноармеец, лез ложкой в миску с супом и говорил: "Вас все-таки еще ничего кормят"...

Когда Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом Ипатьева, их обыскали. Обыскивали хамски, грубо. Государь вышел из себя и сделал замечание. На это ему было в грубой форме указано, что он арестованный... Княжны спали на полу, так как кроватей у них не было. Устраивалась перекличка. Когда Княжны шли в уборную, красноармейцы, якобы для караула, шли за ними...»[475]

Жильяр рассказывает со слов того же Чемодурова:

"Чемодуров говорил, что вместе с Царской Семьей за одним столом обедали и прислуга, и большевицкие комиссары, которые находились в доме. Однажды Авдеев (начальник караула — *В.К.*), присутствуя за таким обедом, сидел в фуражке, без кителя, куря папиросу. Когда ели битки, он взял свою тарелку и, протянув руку между Их Величествами, стал брать в свою тарелку битки. Положив их на тарелку, он согнул локоть и ударил локтем Государя в лицо".[476]

А Седнев и Нагорный, которые были расстреляны отдельно, рассказывали князю Львову, который сидел с ними в одной тюрьме:

"Они (охранники) начали воровать первым делом. Сначала воровали золото, серебро. Потом стали таскать белье, обувь. Царь не вытерпел и вспылил: сделал замечание. Ему в грубой форме ответили, что Он арестант и распоряжаться больше не может. Самое обращение с Ними вообще было грубое".[477]

Это рассказал Львов в своих показаниях Соколову. И становилось в доме Ипатьева все хуже и хуже.

Пьяные, разнузданные эти хамы находили удовольствие мучить несчастных Узников: во все горло пели отвратительные революционные песни, выкрикивали неприличные слова. Дом в самое короткое время стал грязным, заплеванным. Все эти охранники и красноармейцы были пешками в руках трех мерзавцев — Голощекина, Юровского и сперва Заславского, а потом Войкова (Вайнера). Г. Шавельский говорит в своих воспоминаниях, что Государыня на троне была одной, а в заточении другой. Вот показания одного из охранников Якимова:

"Царь был уже не молодой. В бороде у Него пошла седина... Глаза были у Него хорошие, добрые... Вообще, Он на меня производил впечатление как человек добрый, простой... Царица была, как по Ней заметно было, совсем на Него непохожая. Взгляд у Нее был строгий, фигура и манеры Ее были, как у женщины гордой, важной. Мы, бывало, в своей компании разговаривали про Них и все мы думали, что Николай Александрович простой человек, а Она не простая и, как есть, похожа на Царицу".[478]

Но даже это отребье, эти разнузданные хамы стали с течением времени относиться к Царской Семье лучше, приличнее. Это заметили их начальники-изуверы. Их отстранили, вернее попросту выгнали. Семью же окружили чекистами. Это было приготовлением к убийству.

За три дня до убийства Юровский, который стал комендантом "дома особого назначения", позволил, по просьбе Государя, отслужить в доме обедницу. Пришли служить священник (Сторожев) и диакон (Буймиров). Оба вошли в комендантскую, где был Юровский. Там они облачились, и, когда было принесено кадило, Юровский повел их в зал для служения. Из других дверей в зал вошел Государь и двумя дочерьми. В зале, за аркой стояла уже Государыня и две дочери. Алексей Николаевич сидел в кресле. Дальше передает сам священник:

«Мне показалось, что как Николай Александрович, так и все его дочери на этот раз были — я не скажу: в угнетении ду-

ха, но все же производили впечатление как бы утомленных... По чину обедницы положено в определенном месте прочесть молитву "Со святыми упокой". Почему-то на этот раз диакон, вместо прочтения, запел эту молитву, стал петь и я, несколько смущенный таким отступлением от устава, но едва мы запели, как я услышал, что стоявшие позади меня члены семьи Романовых опустились на колена...

Когда я выходил и шел очень близко от... Великих Княжен, мне послышалось едва уловимое слово: "Благодарю", — не думаю, чтобы это мне только показалось...

Молча мы дошли с о. дьяконом до здания Художественной Школы и здесь вдруг дьякон сказал мне: "Знаете, о. протоиерей, у Них там что-то случилось..." Я спросил, почему он так думает. — "Да, так, — говорит дьякон, — они все какие-то другие точно, даже и не поет никто". А надо сказать, что, действительно, за богослужением 1/14 июля впервые никто из семьи Романовых не пел вместе с нами».[479]

Царская Семья чувствовала, что смерть не за горами. Смерть уже вошла в этот дом страданий последнего Русского Царя и его Святой Семьи. Она ждала еще три неполных дня.

О самом убийстве Царской Семьи пишет в своей книге "Как погибла Царская Семья" И. Мейер, бывший австрийский военнопленный, ставший членом Уральского Областного Исполнительного Комитета. Книга была написана на немецком языке. Переведена графом П.А. Коновницыным.

«Я могу рассказать о расстреле Царской Семьи только по сообщению, сделанному Юровским вечером 19 июля перед Уральским Советом и революционным Комитетом, а также на основании отдельных рассказов, которые мне сообщили Хорват и другие члены экзекуционного (исполнительного — *В.К.*) комитета.

Юровский разбудил сперва Царя. Он объяснил, что в городе произошли безпорядки и что он ответственен за безопасность семьи...

Когда все собрались, Юровский сам повел ничего не подозревающих людей вниз в сутерен (подвал — *В.К.*). Медведев, Никулин и Ваганов были при этом, причем Ваганов держал лампу, чтобы освещать узкую и темную лестницу.

Впереди шел Царь. Он держал Наследника на руках. Нога у Наследника была перевязана толстым бинтом и при каждом шаге Он тихо стонал. За Ним шла Царица, сопровождаемая четырьмя дочерьми.

Анастасия несла на руках собаку своей сестры Татьяны, маленькую собаку японской породы Чин, которую называли Джеми.

За Великими Княжнами шел доктор Боткин, затем слуга Трупп, который предусмотрительно нес под рукой одеяло. Демидова несла две подушки. Последним следовал повар Харитонов. Когда заключенные пришли в темный, только одной слабой матовой лампочкой освещенный подвал и при том совершенно пустой, Царь удивился и безпомощно озирался несколько раз вокруг. Царица потребовала стулья прежде всего для Наследника, которому невозможно было стоять на ногах. Юровский дал распоряжение Ваганову, и этот принес три стула из соседнего помещения.

На один стул сел Царь, направо села Царица, а между ними прислонился стонущий Наследник. Дочери стали за стульями своих родителей. Налево от Царя стал доктор Боткин, который внимательно и с недоверием наблюдал за жуткой сценой. Он, должно быть, был единственным, которому предчувствие подсказывало, что сейчас должно произойти что-то решающее. Около левой боковой стены, то есть в правом углу от Царской Семьи, стояла прислуга. Ближе всего Трупп, который завернул Наследника в свое одеяло. Затем Демидова, которая держала свои две подушки. Последним был Харитонов, который появился в домашних туфлях. Вот имена 11 людей, которые в эту ночь в доме Ипатьева расстреляли Царскую Семью: Юровский, Медведев, Никулин, Ваганов, Хорват, Фишер, Эдельштейн, Фекете, Надь, Гринфельд, Вергази. Каждый из них имел револьвер Наган...

Это было точно 1 час 15 минут утром 17-го июля 1918 года, когда Юровский с командой вошел в помещение; доктор Боткин был первым, который понял серьезное положение. В течение нескольких секунд казалось, что великан хочет броситься на вошедших солдат. Овладев собой с трудом, он спросил:

"Что это значит?"

"Молчите!" — приказал Юровский и первый вынул револьвер. Он повернулся к еще не подозревающему Царю.

"По распоряжению революционного штаба, — сказал он и вынул бумагу, которая содержала решение комитета, — мы должны расстрелять Вас и Вашу Семью!"

Казалось, что Царь еще не понимал. Он приподнялся немного со своего сидения.

"Как так?" — произнес Он еще.

В этот момент в Него попала первая пуля из револьвера Юровского. В тот же момент остальная команда начала стрелять. Каждый сначала выбрал себе цель.

Доктор Боткин должен был сделать еще шаг вперед, раньше чем пуля Хорвата в него попала, так как он лежал свесившись вперед лицом на полу. Его поднятая правая рука почти касалась головы Государя. Царь сам также упал вперед и вплотную лежал к своему стулу. Царица упала налево от стула. Оба лица не были повреждены. Наследник, который между ними сидел, должен был раз повернуться вокруг своей оси (себя — *В.К.*), так как, когда я вошел в комнату, Он лежал на спине. На шее был след одного выстрела. Дочери упали под выстрелами позади своих родителей. Они повалили некоторые стулья (из стульев — *В.К.*) и лежали вместе, как будто они держали друг друга за руки. Между ними лежала маленькая собака, которую Великая Княжна Анастасия до последнего момента прижимала к себе.

Демидова, которая по рассказу Юровского, страшно кричала, имела еще обе подушки в руках, которые она, как бы защищаясь, держала перед собой. Она лежала вплотную около стены, куда она была отброшена после первого выстрела. Около нее лежал Трупп, который должен был сделать полшага назад. Харитонов лежал лицом наверх, лицом вплотную к ногам Великих Княжен».[480]

Так был убит Государь Император, его Семья и верные до конца врач и слуги. Оправдана ли эта ужасная смерть лучшего из Царей Романовых чем-нибудь? Кто несет ответственность за это злодеяние? Как могла быть допущена эта Голгофа и страшная смерть Помазанника Божия и его чистой, праведной Семьи? А ведь тот страшный Заговор, который привел к этому ужасному преступлению, знал это заранее. Государя "берегли", на Него не делалось покушений, Он сохранялся для этого жертвоприношения Злу. Шаг за шагом, с Запада шла к нам зараза, кропотливая работа по внедрению в русские головы и сердца яда заведомого обмана, отступничества от Бога, вселения зависти, вражды, злобы, лжи, клеветы, поругания всего святого, осмеяния нашего великого прошлого, нашей обособленности от растленного уже Запада, нашего, такого отличного от этого Запада, быта, нашего церковного уклада жизни. Нам преподносили заведомо ложные теории под видом "научных" концепций, нам предлагали фикции нигде не существующего в действительности народоправства с тем, чтобы мы отказались

от освященного нащей Церковью и веками Священного Самодержавия. Все высмеивалось, все попиралось, все отрицалось! Во имя чего? Какой-то казарменной жизни, без радости, без подлинной свободы, без красоты, без всякого смысла!

Понимал ли кто-нибудь это, предупреждал ли нас? Да. И Достоевский, и Леонтьев, и Победоносцев, и другие. Но ведь это были силы реакции, "темные силы", "черносотенцы", ретрограды! А растлевавшие наши души были "прогрессивными" силами, "передовыми", "лучезарными", "братьями", строящими храм Свободы для всего человечества!

Просмотрите нашу литературу, публицистику, историю, поэзию, живопись. Всюду обличение, осмеяние, "гражданская" скорбь, отход от Церкви ("поповщина"), упадок, надлом, надрыв. А затем в последнее Царствование, когда на Престол взошел добрейший, благочестивейший, беззаветно любящий свою Родину, честнейший и поведший Государственный Корабль к небывалому расцвету Государь Николай Александрович, вся эта мерзкая свора "лучезарных братьев" дала сигнал к атаке, понимая, что еще немного — и эта свора вынуждена будет опять залезть в свои щели, где, притаившись, сидит, чтобы в удобный для себя момент вылезти и заразить еще не зараженные пространства. И все пошло по плану. Сперва левейшие, какие-то темные проходимцы и по происхождению, и по роду деятельности, потом передовое Земство, профессура, "передовые" люди, потом "Дума" — это необходимое место, "куда может скопиться вся эта публика", потом либеральные министры, "все знали и понимали", кроме того, что они были просто одурачены, потом члены Династии, потом генералы, заговор, измена Государю, трусость генералов и обман их всех.

Потом подчинение злейшим врагам и Церкви, и русской Государственности, выдача им своего Царя и его Семьи на поругание, страдания и ужасную смерть. Как смели мы все это сделать? Многие говорят, что это сделали социалисты, масоны, еврейство, Германия, Англия, международный капитал. Хорошо, пусть будет так. Но они все это делали в **своих** интересах, они были правы **со своей** точки зрения. А мы, были мы или нет? Имели мы влияние и власть? Имели мы свободу, славу и могучую Родину? Нет, слагать вину на других нечего. Все на нас. Мы обязаны были все предвидеть, обязаны были защитить свободу и честь. Государь до последнего часа защищал Россию и нас. А мы? Мы выдали его на смерть. Кто первый пробил брешь в нашем государственном корабле? Кто первый нарушил

порядок и не исполнил Монаршей воли в подавлении грязного, мерзкого бунта, который уже в зародыше был зачумлен бациллами сатанинского разрушения? Кто первый пошел на измену, выказав трусость и совершая обман? Генерал-адъютант Императора М.В. Алексеев.

И есть еще люди, которые смеют его называть "мучеником" и ставить рядом с умученным, по его вине, нашим Царем и, верю, будущим Святым.

Остается еще сказать несколько слов об Алексееве. Назвав себя "Верховным руководителем Добровольческой Армии", он по-прежнему ведал только политическими и финансовыми вопросами. После смерти Генерала Корнилова Командующим стал генерал Деникин.

Лукомский пишет, что, несмотря на безукоризненно хорошие отношения между Алексеевым и Деникиным – "чувствовалось, что во главе всего дела должен стоять один человек".

Алексеев это сознавал и решил, передав все дело на Юге России Деникину, самому ехать в Сибирь. Отъезд в Сибирь генерала Алексеева задержался вследствие болезни генерала Алексеева. Он не поправился и 25 сентября /8 октября 1918 года скончался.

На этом я кончу. Скажу только, что несмотря на все ошибки Белого Движения, на все промахи вождей этого движения, на все досадные явления, которые имели место в тылу, это движение спасло честь России. В особенности это относится уже к последнему периоду борьбы с большевизмом, когда Главнокомандующим стал генерал барон П.Н. Врангель. Это был подлинный вождь и по внешности, и по своему горению, и по той вере в борьбу, которую он сумел зажечь в сердцах своих соратников. Но все уже было поздно. Но было поздно не только для генерала Врангеля. Было поздно уже и тогда, когда Алексеев пытался зажечь "огонек". Все было поздно после страшного 2-го марта 1917 года. Отречение Государя, вернее насилие, учиненное над Ним генералами в этот день – это победа Зла над Добром, это уход Удерживающего... тайна беззакония стала явной...

Понимают ли это все? Или хотя бы те, которые должны были бы это понять? Понимаем ли мы все, что кровь Царя и его Семьи на нас и на детях наших? Понимаем ли мы, что можно быть или с Господом или с сатаной? Будем стойки, примем бремя совершенного греха на себя, но не пойдем на поклон торжествующему пока Злу. *Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых* (Пс. 1, 1).

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В своем послесловии я хочу прежде всего коснуться вопроса о судьбе тех документов и ящика с останками (женский палец, по всей вероятности Государыни и др.), которые были вывезены генералом Жанен (Janin) по просьбе Соколова в Европу. Б.К. Ганусовский, будучи в концлагере на дальнем Севере, повстречался там с князем Чавчавадзе, который, как "советский патриот", уехал после войны из Парижа и, конечно, был отправлен в концлагерь. (Так и хочется сказать таким господам — туда вам и дорога!) Как-то, собравшись без соглядатаев начальства, несколько заключенных, в том числе Чавчавадзе и Ганусовский, начали беседу об убийстве Царской Семьи. Чавчавадзе рассказал следующее. Приехав в Европу, Жанен хотел передать три ящика (два со следственным материалом и один с останками Царской Семьи) Николаю Николаевичу. Тот отказался. Еще одно доказательство "благородства" этого члена Династии. Тогда Жанен передал этот чемодан Гирсу (бывшему послу в Италии), проживавшему в Париже. Лет через 10 после этого два короля — Дании и Югославии — предложили монархистам-легитимистам принять Царские смертные останки для временного упокоения в Дании или Сербии. Когда делегация легитимистов явилась к Гирсу, прося выдать останки, тот наотрез отказался. Повторный визит имел такой же успех. Один из родственников Чавчавадзе, будучи масоном, заявил ему, что Гирс, который был также масоном какого-то крупного ранга, не мог выдать останков, по приказу этих же "братьев".[481]

Так вот в 1968 году в Париже на французском языке вышла книга "La Fin Des Romanov"* какого-то Виктора Александрова, который именует себя историком. Весь тон книги както не говорит за то, что "историк" русский. Не то это псевдоним, не то русский, оторвавшийся от русской культуры. Но не в этом дело. Дело в том, что в 1950 году в Париже в зале Drouot

* La Fin Des Romanov (*фр.*) – "Конец Романовых" (*ред.*).

продавалось оставшееся наследство покойного князя Н. Орлова (им подписано предисловие к книге Соколова "Убийство Царской Семьи"). Как пишет В. Александров, "русский антиквар и библиофил И. Гурвич" купил это наследство и, не рассмотрев как следует, отправил на свой чердак.

В 1962 году В. Александров, ища какой-то матерьял для своих работ, пришел к Гурвичу, который повел его на чердак, и там среди других вещей были найдены 2 ящика со следственным матерьялом Соколова. Третьего ящика с останками не было. Александров говорит, что русские старожилы Парижа уверяли его, что ящик с останками, который находился до войны в одном из парижских банков, во время оккупации немцев был вскрыт Гестапо, а сейчас, якобы, находится в Нью-Йорке, в одном из банков в Манхаттане...

Раз заговорили о масонах, будем говорить дальше. В 1932 году Н. Свитковым (Степановым), известным исследователем масонства, был опубликован интересный документ "Масонство в Русской Эмиграции" (к 1 января 1932 г.). Этот документ, совершенно исчезнувший с книжного рынка, был переиздан в 1964 году с исправлениями и дополнениями и очень интересным предисловием В.Д. Мержеевского. Эта книга была мне известна сразу после выхода в 1932 году. Кроме перечисления русских масонских лож во всех странах, там помещен список русских масонов (чрезвычайно неполный). И тут вы увидите трогательное единение русских, поляков, евреев, грузин, армян и других! Царские министры, генералы, дипломаты, офицеры лучших гвардейских полков, рюриковичи, гедеминовичи, аферисты, банкиры, жулики, кадеты, большевики, меньшевики, всякие там эс-эры, коммерсанты и профессионалы по "мокрому делу". Как все это умилительно! Вот уж, можно сказать, настоящее сосуществование! Тут и брат Рузский, так усердно поработавший в Пскове в 1917 году, тут и Временное правительство всех составов и сам "великий гуманист" Владимир Ильич Ульянов (Ленин), и не меньшие гуманисты Троцкий, Зиновьев, Каменев; офицеры Лейб-гвардии Конного, Гусарского Его Величества полка, Кавалергардского, Лейб-гвардии Гренадерского, Лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка, Лейб-гвардии Преображенского, гвардии конной артиллерии, Собственного Его Величества Конвоя, Лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка.

Так. Все становилось понятнее. В 1917 году помогали друг другу, так сказать, по-братски. Есть очень, к сожалению, рас-

пространенное мнение, что масоны занимаются философскими вопросами и благотворительностью. Вы представляете себе, например, кавалергардов и лейб-гусар, занимающихся философией, и Рузского, Савинкова и Ленина, отдающих свое время благотворительности? Да, к сожалению, все становилось понятным, и временами просто не хочется жить, видя весь этот позор и мерзость.

А совсем недавно в газете "Новое Русское Слово" от 6-го июня 1969 года было помещено следующее объявление:

"В пятницу, 6 июня, в отеле Шератон-Мейфлауэр, в Акроне, Охойо, соберется свыше шестисот православных масонов на свою 6-ю ежегодную конференцию-банкет-бал. Конференции придают очень большое значение.

Представителями всех национальных православных юрисдикций будут миряне, духовные руководители (!— *В.К.*), правительственные и военные лица. Американский Сквер-Клуб, связанный с самой обширной и старой братской организацией в мире — свободным масонством, более чем удвоил число своих членов. Требуется быть членом и посещать церковь-храм... Конференция закончится присутствием всего ее состава на божественной литургии".

Просто плакать хочется от умиления! Как это все чудесно, прогрессивно и экуменично! Теперь скажу несколько слов о нашей Русской Эмиграции, Советском Союзе и так называемом Свободном Мире.

Начну с последнего. В Свободном Мире видны явная растерянность и крайнее разочарование. Как же это так? Так долго и старательно работали по удалению "этой отсталой формы правления в России", этой "тюрьмы народов", где томились под ужасным игом "проклятого Царизма" и казакийцы и идель-уральцы, и тверцы, и новгородцы, и киевляне, и одесситы, и даже петербуржцы (Петербург построен на оккупированной, со старой и глубокой культурой, Чухони), так много помогали для проведения "интересного эксперимента" коммунизма, посылали и инженеров, и необходимые матерьялы, во время войны давали все, что нужно, чтобы "чудесный старый Джо" помог совместными усилиями навести порядок после войны в Европе, выдавали всех, кого потребовали, и вдруг скандал. Железный занавес, берлинская стена, а перед этим берлинская блокада, Корея, Вьетнам. Флот в Средиземном море, и водородные бомбы, и интерконтинентальные ракеты, а потом и "доктрина Брежнева"...

А старый Альбион, который уж так старался, чтобы не было нигде конкурентов, в особенности эта Царская Россия, вышибается отовсюду и превращается в третьеклассную "державу".

Германия, которая так много сделала зла России при всех своих режимах, разделена, оккупирована и не знает, что с ней будет завтра.

А Римская Курия? Уж так надеялась, что после революции для нее откроется широкое поле действия для обращения "отдельных братьев" и вдруг — жесточайший кризис внутри этой мощной организации, который грозит изменить весь облик этой старейшей и богатейшей мировой организации. О других уж и не приходится и говорить. Как-то все попритихли. Не того все ждали. Да, господа, не смейтесь над несчастьем других, не ройте яму для других, неровен час и самим можно упасть туда же.

А Советский Союз? Уж очень многие говорили, что там "что-то начинается", "лед, дескать, тронулся", "оттепель" и прочее. Указывали на Пастернака, на Синявского, Даниэля. Устроена была шумиха с "приездом" Тарсиса, указывали на протесты Гинзбурга, Галанскова, Богораз, Литвинова, Якира (имена-то все какие, просто плакать от умиления хочется!)

Другие говорили, что нет, это все ерунда, вот Солоухин...

Хочется спросить — а читали вы, например, Синявского, Даниэля, Тарсиса? "Синюю муху", скажем? Нет? Напрасно, прочтите, любопытно. В общем, довольно гаерничать. Все это не то, что нами ожидается. Не наши чаяния. Это все что-то вроде "титоизма", "дубчекизма". Коммунизм "с моральным лицом". А "доктрины Брежнева" вам не хочется? А Мао вам не нравится? Мысли великого Мао?

Нет. Это еще хуже, чем явный коммунизм. Это обман. За ними стоит тот же "князь мира сего". Тот же атеизм. То же отступничество. Когда я читаю "Черные доски" Солоухина, я испытываю омерзение к этому Солоухину. Атеист, интересующийся иконами только ради их художественной ценности, он всячески уговаривает несчастных, забытых, нищих и безправных, но верующих людей, отдать ему их последние святыни. Ведь люди молятся перед иконами, просят Господа об избавлении от этого ужасного режима, а этот "коллекционер" хочет отнять от них их последнее утешение! Тяжело даже читать об этом. Нет, просвета там не видно. Враг рода человеческого крепко держит добычу в своих руках. Она ему досталась так легко в 1917 году! Генералы постарались при этой передаче!

Ну, а теперь у нас в руках и церковь с Никодимом, и литература с лауреатом Шолоховым, и вообще все! Чего смотрели раньше? А Западу хочется и "навести мосты" и иметь "интересы" с Востоком. Ведь даже и теперь, несмотря на угрозу и атомной атаки, и ракетного нападения, Запад предпочитает коммунизм Исторической России. Это, конечно, понятно. Много общего "братского" и здесь, и там. Сосуществовать можно со всеми. Ведь истины нет. Истина во всеобщем единстве. И зла, и добра. И не видят той черной тучи, которая уже вплотную нависла над человечеством.

...Но не слышит земная челядь,
Что уже распаялась ось:
Что-то мерит, и что-то делит,
Что-то оптом, и что-то врозь...
(И. Елагин).

Да, именно "земная челядь". И не слышит и не видит.

А "...уже отдаленный ангел
Над тобой в вышине трубит".
(Оттуда же).

Мне не хочется говорить в эсхатологических тонах, но назревает что-то решающее.

А Эмиграция? В начале были и большие люди, и стремления, и большие надежды. Был Митрополит Антоний, был генерал Врангель, профессор Иван Ильин, Бунин, Шмелев, был Шаляпин, Павлова, целый ряд книгоиздательств, учебные заведения, высшие и средние, талантливые журналисты, профессора, ученые, опера, балет, драматические театры в Париже, Риге...

Были и некоторые "случаи". Так, например, некоторые исстрадавшиеся и морально и физически русские бывшие офицеры били по "ланитам" "неторгующего купца", так много сделавшего для развала нашей когда-то доблестной Армии. Я не сторонник физической расправы, но в этом случае я на стороне офицеров. А "наилучезарнейшего", окончательно развалившего Армию били так часто, что он стал называться "тот, кто получает пощечины".

Но время шло. Между прочим из "темных сил" чудом спаслась несчастная Вырубова, Воейков и Сухомлинов. Все "светлые либеральные" министры спаслись. Щегловитов же, Хвостов, Протопопов были расстреляны. Штюрмер замучен в тюрьме. Все "лучезарные братья" из Временного правительства благополучно перебрались на берега Сены, Темзы и разные

другие. Когда начался церковный раскол, "светлые и либеральные" приложили к этому много усилий. В особенности постарался Коковцев. За границу благополучно прибыли in corpore* господа из Вольной Академии Духовной Культуры. Учреждали братство Св. Софии, писали "Свет Невечерний" и "Неопалимую Купину". Устроили Экзархат, теперь появилась уж совсем загадочная Архиепископия. Да, но корень-то один и тот же. Старый. Знакомый.

Но время шло. Ушли в могилу и большие люди, и все те, которые так много сделали зла нашей Родине. Не раскаялись нисколько, писали мемуары, доказывали, что Февраль был "лучезарен". Что наша тысячелетняя государственность была отсталой, не "прогрессивной". Винили Государя. Винили Государыню. Даже после Ипатьевского подвала. Превозносили изменников и, в первую очередь, Алексеева. И сейчас вышло "Отречение" Сергеевского. Картина все та же. Какие-то ссылки (очень невежественные, кстати) на юридические нормы, какие-то пустые разговоры. Полное отсутствие нравственного сознания, сознания греховности происшедшего. "От Издательства" этой же брошюры возмутительно и поведет к новым распрям.

Назвать Алексеева "мучеником" и поставить рядом с подлинным мучеником Государем — это вызов, который не может, не должен остаться без достойного ответа. Самое печальное во всем этом, что все уже весьма преклонного возраста, стоят уже на пороге Вечности, а все нет раскаяния, которое только одно может всех примирить, всех объединить.

Говорят и пишут часто, что мы будем достойны возрождения нашей Родины только тогда, когда появится просветление общее, пробуждение совести и сознания нашей общей вины перед замученной и поруганной Родиной.

Не скоро настанет это. Что мы видим кругом. Есть несколько жертвенных людей, которые незаметно делают в трудных условиях большое дело: один издает книги, которые не издал бы никто другой, другие переиздают книги, которые както "исчезли", третий широко помогает своими средствами и Церкви, и старикам, и молодежи, издают, наконец, в каторжных условиях газеты и журналы. Но это все единицы.

В политических же "секторах" эмиграции нам предлагаются заведомые фальсификации и подделки (со ссылкой на за-

---

* In corpore (*лат.*) – все вместе (*ред.*).

конность), которые мы должны принимать за чистую монету. Но все это так жалко, так убого, что не имеет никакого значения сейчас и не будет иметь значения и в будущем. Всюду распри, недоброжелательство. В газетах и журналах помещаются личные выпады одних против других, которые всем надоели и ведут к тому, что интерес к этим печатным изданиям падает. Упадет и тираж. Есть, наконец, журнал, который уж просто пишет стилем совсем "подзаборным". Поносятся люди выражениями какой-то воровской шайки, говорится о чем-то совершенно невероятном. Впечатление, что пишет или пишут, что человек или люди, явно ненормальные. И это просветление? В церковной ограде тоже не всегда благополучно. Вспомним Сан-Франциско, Лос-Анжелос. А ведь Церковь нашу Зарубежную надо беречь, как зеницу ока. Без Церкви мы все рассеемся, разбредемся, распылимся. В особенности теперь, когда экуменизм совращает не только иноверцев, не только "советскую" Церковь, но и православных русских здесь за рубежом.

Есть, конечно, и отрадные явления. Наши монастыри в Джорданвилле и Ново-Дивеево, наши храмы, где совершаются службы Божии без всех новшеств других Юрисдикций. Без ряда скамеек, как у католиков или протестантов, без пения не на церковно-славянском языке.

Радуют церковно-приходские школы, где детям преподают Закон Божий, русский язык, историю. Приучают говорить по-русски. Отвлекают от ужасного окружения всех этих хиппи, битников, отвлекают от увлечения музыкой без мелодии, безобразными танцами, всей этой грязи и мерзости нашего безвременья.

Есть еще одна опасность. Большая. Нет замены духовенству. Мне пишут друзья из большого города в Северной Африке. Уехал священник, а нового не будет. Нет священников. А есть прекрасная Церковь, большой дом для священника. Наши многие пастыри уже в преклонных летах, а замены нет или недостаточно. Неужели будет, как на Афоне? Да не будет сего! Без Церкви все рушится.

Да, всюду какая-то унылая пошлость, какое-то безрадостное существование. Ожидание чего-то. Действительно ли надвигается конец? Или наступит, быть может, и очень нескоро, а все же подлинное радостное просветление, освобождение от ига Зла, того Зла, которое было освобождено 2-го марта 1917 года, когда произошло величайшее преступление, когда этому

Злу руками генералов был предан Русский Православный Царь на заклание.

Будем верить, что Господь простит нам этот грех, что умученный Государь вымолит у Господа нам прощение этого страшного преступления. Будем молиться об этом Господу!

P.S. Уже приготовляя свою рукопись к печати, я прочел в "Новом Русском Слове" следующее "Открытое письмо". Помещаю его полностью. 28 июня 1969 года.

Воспоминания генерала Тимановского

"Многоуважаемый Марк Ефимович!

В дополнение к моему письму в Новое Русское Слово от 19.6.69 г. сообщаю:

Позднею осенью 1919 года Марковская дивизия отходила от Касторной к Донбассу. На одной из дневок я по делам службы явился к генералу Тимановскому, начальнику дивизии. По окончании доклада генерал совершенно неожиданно для меня заговорил о генерале Алексееве, начальнике штаба Ставки Государя Императора.

— Вы ведь знаете, что я командовал Георгиевским батальоном при Ставке. Генерал Алексеев очень любил и ценил меня, не забывал и на Кубани. При редких встречах со мной он в откровенной беседе изливал мне свою наболевшую душу, — рассказывал генерал Тимановский.

Затем генерал придвинул свой стул ближе ко мне и продолжал:

— Однажды вечером генерал Алексеев и я сидели на скамейке под окном дома, в одной из станиц на Кубани. Мы погрузились в свои думы. Генерал Алексеев поднял голову, тяжело вздохнул и промолвил: "Николай Степанович! Если бы я мог предвидеть, что революция выявится в таких формах, я бы поступил иначе".

И генерал Тимановский добавил от себя:

— Старик не предвидел возможности гражданской войны, а теперь предчувствовал ее катастрофический исход.

В несвязанном разговоре, генерал Тимановский проронил слова:

— Старика мучили угрызения совести, он жалел.

Какие угрызения совести мучили генерала Алексеева, о чем он жалел, генерал Тимановский не сказал. С моей стороны было бы безтактным расспрашивать генерала. Меня удивила только

откровенность моего начальника дивизии; он не принадлежал к категории болтливых людей.

В то время я не обратил внимания на слова генерала Тимановского. Не до того было. Ныне мне приходит в голову мысль: генерал Тимановский инстинктивно предчувствовал близкую смерть и затеял весь разговор с целью передать слова генерала Алексеева кому-то другому, чтобы они не исчезли безследно.

С уважением А. Битенбиндер."

Прочитав это письмо, я не сразу вспомнил, где я читал о таких же угрызениях совести. И потом вспомнил.

В Евангелие от Матфея.

ПРИМЕЧАНИЯ И КОММЕНТАРИИ

Книга Виктора Кобылина "Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев" (Всеславянское издательство, Нью-Йорк, 1970) имеет уже довольно давнюю историю распространения в коренной России. Известный русский патриот-правозащитник В.Н. Осипов свидетельствует, что еще до так называемой "перестройки", в 70-80-е годы, работа В. Кобылина распространялась в немногочисленных ксерокопиях среди правоконсервативной русской интеллигенции. В 1989-1990 гг. Московское братство Святого Благоверного Царя-Мученика Николая растиражировало книгу В. Кобылина в нескольких десятках экземпляров, которые, в свою очередь, копировались патриотами по всей России. Этот суммарный тираж, возможно, даже превышает нью-йоркское издание книги, однако является безусловно недостаточным для русского народа.

Идея издать исследование русского патриота-эмигранта официально и в достаточном для нашего Отечества количестве зрела в те же годы, но первый решительный шаг в этом направлении был сделан лишь осенью 1992 года. Тогда инициативная группа создания информационно-исследовательской службы "Царское Дело" обратилась к Его Высокопреосвященству Митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому Иоанну с просьбой об официальной церковной поддержке прежде маргинального и самодеятельного движения русских монархистов. В сентябре того года, благодаря содействию супруги Тихона Николаевича Куликовского-Романова (внука Императора-Миротворца Александра III) – Ольги Николаевны и председателя Союза Православных братств Санкт-Петербурга К.Ю. Душенова мы, московские монархисты, 2 октября обратились к Старцу-Архипастырю со следующим письмом на бланке Петербургского союза братств.

"Его Высокопреосвященству,
Высокопреосвященнейшему ИОАННУ,
Митрополиту Санкт-Петербургскому и Ладожскому.
2 октября 1992 г.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!
Ваше Высокопреосвященство!

С сыновним почтением представляю на Ваше благорассмотрение тематический план подбора документально-справочных материалов, связанных с вопросами канонизации Новомучеников Российских: Царской Семьи и Их верных слуг.

1. Мученическая кончина Царской Семьи и Их верных слуг в свете канонического и исторического церковного опыта.

2. Отречение Государя Императора Николая II в свете канонов Православной Церкви, ее нравственного учения и исторического предания.

3. Царская Семья на жизненном пути — образец спасения для русских православных людей в последние времена.

4. Русская Православная Церковь в годы царствования Императора Николая Второго: церковно-государственное строительство, прославление святых ("Саровская Пасха"), подвижники благочестия — современники и сподвижники Царя-Мученика.

Ваше Высокопреосвященство! Покорнейше прошу Вашего Архипастырского благословения на проведение по указанным темам исследовательской работы с последующим предоставлением Вам ее результатов.

Храни Вас Бог Молитвами Пречистыя Матери Своея и всех Новомучеников Российских. Аминь.

Леонид Болотин".

Тогда же вверху нашего письма Владыка своей рукой начертал: "Благословляю. 3/X – 92. Митр. Иоанн".

Ровно через два месяца мы с В.В. Архиповым прибыли в Санкт-Петербург на аудиенцию с Владыкой для передачи первоначальных материалов наших изысканий. Первая историческая справка была посвящена проблеме так называемых Екатеринбургских останков, которые определенные политические и мистические силы тогда же грозились захоронить в Царской усыпальнице Собора Петра и Павла в Санкт-Петербурге. Вторая справка была посвящена вопросу возможной церковной оценки Акта отречения от Всероссийского Престола Государя Императора Николая Александровича 2 марта 1917 года. Считаем необходимым привести эти документы целиком.

Историческая справка №1

Ваше Высокопреосвященство! Для наглядного и аргументированного обоснования суждений, изложенных в справке, к ней прилагаются статьи, интервью, репортажи и информационные сообщения, опубликованные российской и зарубежной прессой с апреля 1989 года по день сегодняшний: практически все, что было в печати по интересующей нас теме*.

---

* Ввиду весьма значительного объема приложений здесь они опущены.

На основании этого материала и по выступлениям радио и телевидения можно сделать однозначный вывод, что в проводимых на протяжении полутора лет экспертизах останков, найденных под лесной дорогой Екатеринбург-Коптяки, над научной объективностью и принципиальностью явно преобладает активное и злонамеренное манипулирование общественным российским сознанием, манипулирование, основанное на социально-психологических законах так называемой "спецпропаганды", с помощью которых ведутся психологические войны.

До сих пор нет *ни одной публикации* со стороны экспертов, где бы излагались научные факты хотя бы одной из многочисленных экспертиз. Но с начала 1992 года ряд экспертов однозначно и безответственно высказывались в пользу того, что найденные останки все-таки принадлежат Царской Семье, причем, характерно, что наиболее категоричные утверждения делаются на радио и по телевидению с расчетом на широкую публику и с меньшей ответственностью, так как получить завизированный текст выступления из этих организаций в настоящее время практически невозможно (выступали Плаксин, Абрамов, а также был ряд дикторских анонимных заявлений). Из одного этого можно сделать вывод, что привлеченные специалисты не ищут истину, а хотят непременно получить "положительный результат".

С 30 июля 1918 года по январь 1920 года в Екатеринбурге, на Урале и в Сибири проводилось официальное расследование убийства Царской Семьи и Их близких по поручению коалиционного Сибирского правительства, а затем под властью Верховного Правителя адмирала А.В. Колчака — следователями Наметкиным, Сергеевым и после Соколовым, надзор над ведением следствия осуществляли прокурор Магницкий и генерал-лейтенант Дитерихс, при наличии официальных наблюдателей от Англии и Франции.

По объективным причинам ведение расследования было прервано, но к тому времени уже были собраны тысячи документальных и вещественных доказательств, проведены сотни допросов, очных ставок, для сбора этого материала были задействованы десятки оперативных агентов, использовались воинские части и добровольцы из местного населения (для сбора вещественных доказательств в Коптяковском лесу). Материалы этого официального расследования составили 15 объемистых томов.

В результате этой грандиозной, высокопрофессиональной и *строго законной работы* (**"В пределах права я старался сделать все возможное, чтобы найти истину и соблюсти ее для будущих поколений"** — *Н.А. Соколов*) было установлено следующее. В ночь с 16

на 17 июля в Екатеринбурге, в доме инженера Ипатьева зверски была убита Царская Семья и четверо верных царских слуг — всего одиннадцать человек. 17 и 18 июля тела убитых, отвезенные в ночь убийства в Коптяковский лес, были разрублены на части и сожжены на двух больших кострах. Остатки костей уничтожены с помощью 178 литров концентрированной серной кислоты.

Отделенные перед этой страшной операцией головы убитых были помещены в спиртовой раствор и, предположительно, отвезены Исааком Голощекиным в Москву для предъявления членам большевистского правительства. Из этого ясно следует, что сам факт существования некоего могильника с останками Царской Семьи относится к разряду злонамеренной мистификации. Это скажет всякий, кто внимательно и непредвзято знакомился с опубликованными материалами следствия. Они известны по следующим книгам: Роберт Вильтон "Последние дни Романовых", 1921 г.; Михаил Дитерихс "Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале", 1922 г.; Николай Соколов "Убийство Царской Семьи", 1925 г.; Павел Пагануцци "Правда об убийстве Царской Семьи", 1981 г.; Николай Росс "Гибель Царской Семьи", 1987 г.

Заявление, что в некоем могильнике были обнаружены останки Царской Семьи, основывается на документе весьма сомнительного свойства — так называемой "Записке Юровского" (Центральный Архив Октябрьской Революции СССР, фонд 601, опись 2, единица хранения 35, листы 31-34). Поскольку о существовании "Записки" знали только специалисты-историки, для начала пропагандистской кампании вокруг могильника необходимо было "легализовать" эту "Записку" в общественном сознании.

По всем правилам спецпропаганды, согласованно, но якобы независимо друг от друга выступили писатели-драматурги Гелий Рябов и Эдвард Радзинский. Первый в журнале "Родина" с очерком "Принуждены вас расстрелять..." (№№ 4-5 за 1989 год). Второй — в "Огоньке" с опусом "Расстрел в Екатеринбурге" (№ 21, май 1989 г.). При этом Г. Рябов тогда же дал интервью на радио, по телевидению, выступил с несколькими вечерами перед широкой аудиторией, а также беседа с ним была опубликована в газете "Московские новости" от 16 апреля 1989 года.

Цель этих "независимых" акций была одна: внушить неподготовленной публике (тогда в России еще не были переизданы книги Н. Соколова и М. Дитерихса, широкий читатель был знаком с судьбой Царской Семьи лишь по пасквильному писанию Марка Касвинова "Двадцать три ступеньки вниз") мысль о том, что выводы следст-

венной комиссии Соколова-Дитерихса ошибочны, но все происходило так, как изложено в "Записке Юровского", которую оба драматурга воспроизвели в своих статьях.

На несколько месяцев в представлении рядовых российских граждан Г. Рябов — Э. Радзинский стали чуть ли не главными специалистами — знатоками обстоятельств смерти Царской Семьи. Всякие попытки опровергнуть ложный образ представителями русской эмиграции и отечественными исследователями на страницах центральной прессы всячески пресекались: принцип большевистской цензуры — распределения: кому позволено по какой теме выступать, а кому нет, — тогда был еще в полной силе. Так, уральский историк Игорь Непеин предлагал свой очерк с критикой версии Рябова-Радзинского и в "Родину", и в "Огонек", и в другие центральные издания, и везде получил отказ в публикации. То же самое произошло и с репликой исследователя из США профессора Павла Николаевича Пагануцци, присланной в "Огонек", — ему ответили письмом-отпиской. Зато в январе 1990 года "Огонек" вновь предоставил свои страницы для измышлений Э. Радзинского, напечатав продолжение его очерка "Расстрел в Екатеринбурге", где пресловутая "Записка Юровского" опять фигурировала как подлинный исторический документ.

Что же она из себя представляет? Четыре листа машинописи, в тексте есть рукописные карандашные пометки, обведенные потом чернилами, и приписка, сделанная чернилами и явно другим почерком — в ней сокращенными словами и цифрами невразумительно указаны координаты могильника (из которых ясно только то, что он находится прямо на дороге в Коптяки). Сам Я.М. Юровский в ней назван не иначе как "ком.", что означает — комендант Дома Особого Назначения" — то есть дома Ипатьева, и этот "ком." упоминается в "Записке" только в третьем лице.

"Записка" представляет из себя в лучшем случае рабочую копию показаний некоего лица, якобы как-то связанного с убийством Царской Семьи и знакомого с некоторыми фактами расследования Н. Соколова. Ничего более на основании этой машинописи с пометками утверждать невозможно, так как она лишена каких-либо реквизитов, по которым можно было бы судить о степени ее официальности: отсутствуют название документа, подпись автора или лица, снимавшего показания, точная дата и четкая адресовка. Для того, чтобы вводить данный документ в научно-исторический или юридический оборот, необходимо совершить специальное исследование, чтобы на основании дополнительных данных подтвердить его достоверность, либо обосновать его сфабрикованность.

Во всей научной и публицистической литературе, кроме голословных утверждений Г. Рябова и Э. Радзинского, а также доктора исторических наук Генриха Иоффе (его статья комментирует очерк Рябова в журнале "Родина"), сведения о подобном исследовании, подтвердившем подлинность "Записки", отсутствуют. Анализу же подложного характера этой "Записки" целиком посвящен очерк Валерия Родикова "Легенда о Царской голове", выпущенная отдельной книгой в 1991 году, и моя статья "Подлог" (переработанный вариант которой за подписью "В. Демин" был опубликован в сборнике "Царь-Колоколъ" № 2 за 1990 г.).

Доктор исторических наук Юрий Алексеевич Буранов, разработавший оригинальную методику выявления исторических фальсификаций, занимающийся архивными изысканиями о судьбе Царской Семьи с конца пятидесятых годов, 27 ноября нынешнего года в телефонном разговоре с составителем настоящей справки также подтвердил суждение, что так называемая "Записка Юровского" в строго историческом смысле документом не является и не может служить источником достоверной информации.

В двух словах, резюмируя эти выводы, можно сказать, что на основании сравнения официального, строго документированного следственного материала об убийстве Царской Семьи очевидно, что в "Записке" содержится ряд фактических неточностей, а заключительная ее часть представляет собой злонамеренный, тенденциозный вымысел.

Во второй половине 1990 года сенсационный шум вокруг "находки" Г. Рябова поутих, но с весны 1991 года пропагандистская кампания вышла на новый качественный виток. Теперь на передний план выдвинулась группа екатеринбургских энтузиастов во главе с А. Авдониным, который был компаньоном Г. Рябова в "тайных" предварительных раскопках 1979 года. После ряда подготовительных заметок в местной и центральной прессе А. Авдонин потребовал от Екатеринбургских (тогда еще Свердловских) властей "гарантий" для проведения уже "гласных" раскопок могильника, а также срочную регистрацию его фонда с многозначительным названием "Обретение", которое недвусмысленно указывает на строго церковную церемонию — обретение мощей святых. Но кроме слова "обретение" ничего церковного ни в самом фонде, ни в его действиях не содержится: обыкновенная коммерческая структура, которых расплодилось в перестроечной России сотни тысяч.

11 июля 1991 года разрешение на раскопки с участием местной прокуратуры было получено, в тот же день зарегистрировали и фонд,

а 12-го приступили к делу. Юридическую сторону этой акции центральная пресса обрисовала крайне упрощенно:

"Расследование по делу о найденных останках принадлежит прокуратуре. Если версия о том, что могила хранила тайну преступления, совершенного в 1918 году, подтвердится, то есть *по сроку давности* правоохранительные органы смогут уже не интересоваться обстоятельствами дела, прокуратура пропустит вперед ученых" ("Известия" 15 августа 1991 г.).

Правда, журналист лукавил, при таком условии прокуратуре вовсе нет нужды доказывать, что могильник относится именно к 1918 году, достаточно доказать, что он сделан более 15 лет назад, например, в 1975 году, и прокуратура может умывать руки. Такой порядок действия был согласован главой Свердловского облисполкома Э. Росселем с президентом Российской Федерации Б. Ельциным ("Известия" 30 июня 1992 г.).

Убийство Царской Семьи, а Екатеринбургская находка *в любом случае имеет отношение к данному преступлению*, безусловно, не является рядовым преступлением по целому ряду признаков, преступлением, к которому не следует применять общий закон об истечении срока давности для возбуждения уголовного расследования.

Очевидно, это умышленное, заранее — за несколько лет — спланированное убийство Главы Российского Государства и Его законных наследников — Цесаревича Алексия, Императрицы Александры Феодоровны, Царевен Ольги, Татианы, Марии и Анастасии (по Закону Российской Империи о престолонаследовании и по прецедентам Русской Истории *все они* в *разной* степени могут рассматриваться как преемники Российского Престола) — это убийство вызвало такие катастрофические последствия и в России, и во всем мире, которые сказываются и сегодня ничуть не меньше, чем семьдесят четыре года назад: десятки миллионов невинных жертв русского народа в прошлом и всеобщий кризис в настоящем, вследствие которого русский народ стал *вымирать*: уже два года смертность среди русских превышает прирост рождаемости.

Явный результат Екатеринбургского преступления, завязка которому была 2-го марта 1917 года, — это семидесятипятилетняя нелегитимность российских властей. Тогда, в марте семнадцатого, был нарушен основополагающий принцип законопреемственности Верховной Власти, который осуществлялся на Руси на протяжении 1055 лет, за исключением нескольких относительно непродолжительных смутных безгосударных лет.

13 Зак. 4013

Восстановить законопреемственность власти было бы возможно, если бы на высшем правительственном уровне было проведено расследование убийства Царской Семьи, которое было прервано на территории России в январе 1920 года, а за границею — со смертью следователя по особо важным делам Н.А. Соколова 23 ноября 1924 года, тем более, следствие это не было официально прекращено.

История человечества знает классический пример восстановления легитимности власти на земном, Богом утвержденном престоле через 290 лет(!), когда в 326 году Римский Император и Кесарь Константин, расследовав убийство Иисуса Назорея Царя Иудейского, воспринял титул Царя-Богопомазанника. Церковь празднует это событие в Воздвиженье Креста Господня*.

Нынешние власти безответственно пренебрегли такой возможностью, отдав на откуп общественным неофициальным организациям дело общегосударственной значимости. Подобную безответственность проявили и прежние власти СССР, когда позволили в августе 1990 года продать с молотка на английском аукционе "Сотби" неотъемлемую часть русского достояния — значительную часть подлинника следственного дела Наметкина-Сергеева-Соколова, которая сейчас находится в чьих-то частных руках.

Вместо централизованного ответственного расследования всей совокупности обстоятельств и фактов, связанных с убийством Царя-Мученика Николая и Его Семьи, расследования, в рамки которого органично бы вошла и экспертиза останков, найденных в могильнике под Екатеринбургом, дело оборачивается крупномасштабной международной авантюрой, унизительной для национального достоинства граждан Российской Федерации, для всех честных русских людей. И эту безответственную авантюру средства массовой информации пытаются выдать за поиск исторической истины.

---

* Святой Равноапостольный Константин, проведя расследование убийства Господа нашего Иисуса Христа – Сына Давидова, законного наследника Богоустановленного ветхозаветного престола, взял на себя титул Царя и подвиг Удерживающего мировые силы зла. Духовное наследие этого церковно-государственного служения после падения Православной Византии – Второго Рима – со времен Государя Московского Иоанна Васильевича Грозного приняли на себя Цари Третьего Рима – Москвы и верно соблюдали его вплоть до 3 марта 1917 года, когда обманом и предательством врагами Православия был получен отказ Великого Князя Михаила Александровича взойти на Российский Престол. Россия в своей истории имеет опыт восстановления законопреемственности, легитимности власти, нарушенной Смутой: яркий пример тому Всероссийский Земский Собор 1613 года. Нынешние власти по духовной слепоте пока относятся равнодушно к реальной возможности восстановить законную преемственность.

Следствие 1918-1919 годов характерно не только строгой процедурной законностью, но и четко обозначенной официальной личной ответственностью за его результат и выводы. Перед законами Российской Империи, перед своим народом и перед всей историей за подлинность и точность содержания следствия лично отвечали — следователь по особо важным делам Николай Алексеевич Соколов, его куратор генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс и Верховный Правитель Урала и Сибири адмирал Александр Васильевич Колчак.

Что же мы имеем сегодня?

Изучая приведенные в приложении публикации, задаешься вопросом, кто из представителей отечественной юриспруденции и криминалистики несет официальную ответственность за результаты "комиссионно-судебно-медицинской экспертизы" найденных останков? Кинодраматург Г. Рябов? Геолог А. Авдонин? Главный судмедэксперт Российской Федерации В. Плаксин, его помощники П. Иванов, С. Абрамов, В. Тюшевский, С. Никитин? Может быть, вице-предводитель российского дворянского собрания врач В. Лопухин?

Между тем свои "авторитетные" мнения уже высказали по этому поводу и английский эксперт Питер Гилл, официально назначенный на участие в экспертизе руководством МВД Великобритании (английская Королева Елизавета II лично интересуется его работой), и флоридский профессор Уильям Мейплз, уже опознавший останки конкистадора Писарро, и бывший госсекретарь США Дж. Бейкер, и японская ворожея Айко Гибо.

Нет, напрасно мы будем перебирать любопытный список из более чем тридцати лиц, имеющих отношение к экспертизе, все равно официальность выше координатора вроде Александра Блохина — то есть выше уровня областной самодеятельности — не поднимается. И президент Б.Н. Ельцин, и глава екатеринбургской администрации Э.Э. Россель, и помощник областного прокурора В.А. Волков дают "добро" разрозненным группкам специалистов и энтузиастов, несущих лишь корпоративную неофициальную ответственность на уровне личной *репутации* за каждый отдельный участок, отдельное направление многопрофильного исследования, но скороспелые "глобальные" выводы уже делаются на каждом направлении в пользу идентичности останков Царской Семьи.

По характеру и свойству вся эта деятельность разительно похожа на пресловутую "Записку Юровского" — в нужный момент она рассматривается как подлинный документ, а возникает иная нужда — ее можно легко отвергнуть как пустую бумажку — никто за нее не отвечает, ведь даже подписи на ней нет.

Подлинная — строго научная и строго официальная экспертиза, как всякое объективное исследование, должна свидетельствовать о себе сама: фактологическая ценность такого дела гарантируется возможностью проверять и перепроверять, как, например, действие закона всемирного тяготения, открытого Ньютоном.

В данном же случае уже на пропагандистском уровне создается образ крамольности даже самой мысли о перепроверке данных: во-первых, сами данные никак не обнародуются, держатся почему-то в секрете; во-вторых, на все лады утверждается миф о безумной дороговизне всех экспертных исследований; в-третьих, навязывается ложное представление, что будто бы в экспертизе задействованы практически все существующие в данных областях науки и криминалистики лучшие специалисты, а голоса скептиков раздаются лишь со стороны невежественных "профанов".

На деле же все обстоит иначе. Известны случаи, когда опытные специалисты отодвигаются от совместной работы, как только они начинают явно сомневаться в объективности исследований. Так получилось с доктором исторических наук Юрием Булановым, так произошло с профессором Виктором Звягиным, который представлял в Екатеринбурге НИИ судебной медицины Минздрава СССР; зона отчуждения возникла сразу вокруг заявления профессора Вячеслава Попова — руководителя кафедры судебной медицины Санкт-Петербургской Военно-медицинской Академии; не допустили к экспертной документации историка из Челябинска Игоря Непеина; безуспешными в этом направлении оказались попытки юриста из Сухуми Анатолия Гряника. Для действия, носящего *неофициальный, общественный характер*, такая метода организации исследований, когда затыкается рот всякому сомневающемуся, ничего общего с поиском исторической истины не имеет.

Новое препятствие для проверки результатов комплексной экспертизы возникнет вскоре после "триумфального" завершения пропагандистской псевдонаучной кампании, когда неизвестно чьи останки будут *захоронены* с царскими почестями — на этот раз в присутствии вполне официальных лиц на высшем государственном уровне. Кому же после того позволят покуситься на "кощунственную" эксгумацию?! Таков очевидный научный и юридический план этого "полуофициального" — безответственного действа.

Но план этот, однако, содержит весьма существенный изъян. И участникам экспертного действа, и нынешним российским властям все же придется отвечать за попущенное беззаконие. Если даже предположить, что в наличии останки именно Царской Семьи, их

эксгумация и сомнительное экспериментирование с ними на уровне общественной затеи — сущее беззаконие без официального согласия ближайших родственников Царской Семьи, среди которых первый — родной племянник Императора Николая II — Тихон Николаевич Куликовский-Романов. Доподлинно известно, что с просьбой о разрешении на все это к нему никто не обращался ни от гражданских властей, ни от общественных организаций. И гражданские законы, и Православная Церковь оценивают подобное действие как варварское и циничное глумление. Чего стоит, например, способ транспортировки части останков в Лондон исследователем Павлом Ивановым — "в синей спортивной сумке" или грубо-натуралистическое описание вскрытия могильника А. Авдониным, многомиллионно растиражированное "Известиями".

Во все времена следователи на путях поиска виновного спрашивали: кому это выгодно?

Царская Семья была прославлена в сонме Святых Новомучеников Российских Русской Зарубежной Церковью 1 ноября 1981 года. Сейчас множеством верующих ставится вопрос об Их прославлении на Родине*.

Конечно, это хорошо известно и закулисным устроителям пропагандистской шумихи вокруг Екатеринбургской находки. Они хотят поставить Русскую Православную Церковь перед дьявольской головоломкой, повергнуть христиан в "лютые недоумения" последних времен.

В случае канонизации Св. Царственных Мучеников в России необходимым представится церковное почитание "опознанных" останков как святых мощей Августейших Страстотерпцев. Допустим, такое почитание будет канонически оформлено. Через несколько лет не менее авторитетные, чем нынешние, экспертные

* Начиная с Прощеного Воскресения 1991 г. Предсоборным Совещанием по подготовке Всероссийского Земского Собора было начато проведение всероссийских церковных застав по сбору подписей под Воззванием о канонизации Святых Царственных Мучеников. Было собрано несколько тысяч подписей мирян и священнослужителей. При этом на заставы приходили не только рядовые граждане, но видные ученые, государственные деятели, деятели культуры – под воззванием подписался вице-президент Российской Федерации Александр Владимирович Руцкой, видный юрист и философ профессор Игорь Михайлович Лузгин, преподаватель Московской Духовной Академии протоиерей Артемий Владимиров, директор НИИ Косметологии профессор Михаил Филиппович Писаренко, популярная певица Жанна Бичевская, исполнительница народных русских народных песен Татьяна Петрова, рок-музыкант Игорь Тальков, руководитель хора духовной музыки Анатолий Гринденко. Это только те немногие из многих известных лиц, кто мне запомнился...

комиссии затеют перепроверку выводов сегодняшних "комиссионеров", которая приведет к опровержению прежних заключений.

Налицо разорительный для Церкви конфуз, смятение. Если же, из-за опасения подобного конфуза, наши Церковные Власти не признают найденных останков мощами, возникнет повод для внутрицерковного разделения и брожения по этому вопросу. Да и сама по себе неопределенность с церковной точки зрения относительно данных останков явно мешает и тормозит процесс подготовки канонизации, так как для ее противников, а они существуют, всегда есть повод сказать: давайте дождемся, когда разберутся ученые.

Ускорителям этой провокации совершенно очевидна природа этого явления, один из них так прямо и пишет: "Для эмигрантской церкви, для громадной части русского зарубежья случившееся 12 июля под Свердловском не что иное, как обретение святых мощей. Для нас же простое изъятие останков".

И этот кощунственный гробокопатель чувствует себя спокойно и уверенно в стране с тысячелетней христианской историей! В стране, где ребенок знает, что святые мощи *обретаются* епископами Церкви и священнослужителями, только специально благословленными на это руководством Поместной Церкви.

Почему же, если заранее было известно, что будет извлечение предполагаемых останков **Царской Семьи**, не последовало официальное приглашение представителей, полномочных представителей Русской Православной Церкви — от Московской ли Патриархии или Зарубежного Синода? Ведь у Церкви многотысячелетний, ее еще с ветхозаветных времен, опыт обретения святых мощей. Такой практикой не обладает ни одна криминалистическая служба.

Кто за это отвечает? Да, по видимости, опять — никто!

Во время встречи Его Святейшества Патриарха Московского и Всея Руси Алексия Второго с Ольгой Николаевной Куликовской-Романовой (супругой Т.Н. Куликовского-Романова) 20 октября 1992 года высокая гостья спросила Первоиерарха Русской Церкви, почему Церковные Власти не участвуют в непосредственном расследовании подлинности останков, найденных под Екатеринбургом? Патриарх вынужден был ответить: "А нас спросили? Нет!"

Инициаторы вскрытия могильника, представители Москвы и Екатеринбурга, если они уважают Русскую историю, русский народ, его обычаи, просто обязаны были прежде всего обратиться к церковному руководству на официальном уровне (иное участие Церкви в таком деле — невозможно, Церковь не может участвовать в пропагандистских шоу, демонстрирующих чудеса новейших технологий).

Чьими бы ни были останки из Коптяковского леса — ясно, что это останки некогда живших русских людей, христиан, и если их могила описана в пресловутой "Записке", то убиты они были неслучайно, они пострадали за Царя Православного, за Святую Русь. То есть, это останки святых мучеников — пока безымянных, и бесчинство по отношению к ним преступно не только в юридическом смысле, но, самое главное, в духовном: это изощренное глумление и над останками несчастных жертв, и издевательство над самой памятью народной о Семье Царственных Мучеников.

Все вышеизложенное дает основание для однозначного вывода. Если гражданские власти духовно ослепли и попускают длиться такому беззаконию, то необходима строгая церковная оценка кощунственному действию, вредящему самой душе народной. Необходимо официальное обращение Церковных Властей к властям гражданским о немедленном прекращении безответственного "общественного" расследования и о переводе расследования в строго официальное русло с персональной ответственностью на уровне Президента Российской Федерации, на уровне Верховного Совета.

Может быть, имеет смысл Вашему Высокопреосвященству обратиться по этому поводу к Съезду Народных Депутатов Российской Федерации, который открывается 1 декабря в Москве. Ведь дело о предполагаемых останках Царской Семьи непосредственно касается ведения Вашей Санкт-Петербургской Епархии: один из составных элементов этой пропагандистской затеи — захоронение неизвестных останков в Царской Усыпальнице в Петропавловском Соборе "по христианскому обряду", как неизменно подчеркивают инициаторы сомнительного шоу. Поэтому был бы уместен именно Ваш запрос к высшей законодательной инстанции.

Необходимо авторитетное пастырское слово и ко всему Русскому Народу, поскольку дело об убийстве Царской Семьи касается его непосредственно, даже если значительная часть русских людей пока не осознает этого. Восстановление исторической справедливости, установление истины о государственной жизни России за семидесятипятилетний период духовного пленения в свете пленения и убийства Царской Семьи — необходимый этап возрождения подлинной законности и природного порядка на Русской Земле, этап восстановления полноценной духовной жизни русского народа. Именно так поставить вопрос во всей полноте позволяют сегодняшние обстоятельства, связанные с обнаружением останков неизвестных русских мучеников в Коптяковском лесу под Екатеринбургом.

28 ноября 1992 года.

Второй документ был еще более близок к теме настоящего издания.

Историческая справка №2.

Приступая к рассмотрению вопроса о возможности церковного прославления Государя Императора Николая II и Царской Семьи, нам представляется необходимым определить основные методологические принципы данной работы.

План подбора справочно-документальных материалов, связанных с вопросами канонизации должен, по нашему мнению, включать в себя два главных раздела. Содержание одного из них должно ответить на вопрос: есть ли в жизни и деятельности последнего русского Царя и Его Семьи что-либо, что может рассматриваться с церковной точки зрения как препятствие к прославлению? Материалы второго раздела должны, напротив, обосновать правомерность и благовременность канонизации. Аргументация в обоих случаях должна опираться на Священное Писание, Священное Предание, каноны Православной Церкви, Ее нравственное учение и исторический опыт.

Говоря о возможных препятствиях на пути прославления Николая II и Его Семьи, часто приводят следующий довод: отречение Государя 2 марта 1917 года от Российского Престола означало и отречение Царя от своего Царского служения, запечатленного Церковью в Таинстве Миропомазания.

Деянию Императора Николая II дается крайне отрицательная оценка, его поступок осуждается, как совершенный по малодушию и безответственно, потому что за этим последовала революция и смутное безгосударственное время, принесшее многомиллионные жертвы русскому народу.

Критики, близкие к церковным кругам, усматривают в действиях Николая II и преступление против Церкви, так как первый христианский Самодержец Святой Равноапостольный Император Константин определил царское служение, как служение *внешнего епископа Церкви*, а потому будто бы и вина Императора Николая II должна определяться по правилам, относящимся к церковному суду над епископами.

Авторитетный церковный ученый профессор М.В. Зызыкин в своем труде "Царская власть" достаточно полно освещает каноническое основание царского служения как внешнего епископа. Царское служение Богу церковными канонами не определено как тождественное епископскому, но помазанники Божии во время особо торжественных церковных служб благословляли молящихся трикирием, кадили в алтаре, могли носить наперсный крест, входить через Царские Врата и причащаться в двух видах, как архиереи.

Полностью отождествлять царское служение и служение епископа каноны Церкви не позволяют. В соответствии с этим и следует рассматривать событие 2 марта 1917 года, однако, если и допустить, что мера ответственности Царя, оставляющего престол, сопоставима с мерой ответственности епископа, оставляющего кафедру, нужно рассмотреть, какие преступления ставятся в вину церковным епископам Правилами Церкви. В обстоятельном труде сербского епископа Никодима "Православное Церковное Право" (СПб, 1897 г.) в параграфе 29 "Преступления со стороны духовных лиц" указано на два вида преступлений, определения по которым нас могут заинтересовать в данном случае:

"Когда епископ, пресвитер или диакон самовольно оставит свое место служения в Церкви *и займет другое*, без ведома и согласия на то подлежащей церковной власти (Апостольские каноны 4, 15, 16, 1 Вселенский Собор, каноны 15 и 16, IV Вселенский Собор, каноны 5, 12 и 20, Трулльский Собор, каноны 17, 18 и 20, Антиохийский Собор, каноны 2 и 21, Сардикский Собор, канон 1 и Карфагенский Собор, канон 64, Номоканон — правила 1, 26, Св. Афанасий Синаит, правила 1, 63-65)".

Все эти каноны усматривают преступление в оставлении своего места ради иного места, и к нашему случаю косвенно может относиться лишь правило 18 VI Вселенского Трулльского Собора, рассматривающее причину оставления места служения не из прихоти, но по опасности:

"Клирикам, по причине нашествия варваров, или по иному какому обстоятельству, оставившим свои места, повелеваем, когда обстоятельства, или варварския нашествия, бывшия причиною удаления их, прекратятся, паки в свои церкви возвращатися, и оных не оставляти надолго без причины. Аще же кто пребудет в отсутствии, несогласно с настоящим правилом: да будет отлучен, доколе не возвратится к своей церкви. Тому же самому да повергается и епископ, его удерживающий".

И следующий пункт:

"Когда епархиальный епископ оставит свою епархию и долгое время пребывает в каком другом месте вне границ своей епархии (Антиохийский Собор, канон 17, Сардикийский Собор, канон 12, Карфагенский Собор, канон 71, Первый-Второй Собор, канон 16)".

И хотя это преступление также никак не может быть инкриминировано Императору Николаю II, отдаленно с данным случаем ассоциируется канон Антиохийского Собора, который гласит:

"Аще который епископ, прияв рукоположение во епископа, и быв определен начальствовати над людьми, не примет служения, и не согласится пойти во врученную ему церковь: таковый да будет отлучен от общения церковнаго, доколе быв понужден, не приимет служения, или доколе не постановит о нем какого-либо определения совершенный Собор епископов тоя области".

На основании вышеизложенного видно, что факт отречения от царского престола как подобного престолу архиерейскому правилами Церкви не рассматривается как *каноническое преступление*.

События 2 марта 1917 года стали возможными не по стечению роковых обстоятельств, но в результате четко спланированного заговора политиков и военных, в который были вовлечены думские деятели — Родзянко, Гучков, Шульгин, Маклаков, Керенский, князь Львов, военачальники, не хранившие верность царской присяге, приносимой на Кресте и Евангелии, Великий Князь Николай Николаевич, Великий Князь Кирилл Владимирович (этот не только открыто перешел на сторону восставших вместе со своей воинской частью еще 1 марта, но и призвал следовать его примеру других командиров), генералы Алексеев, Рузский, Данилов, Лукомский, Брусилов, военный министр Поливанов, протопресвитер Армии и Флота о. Г. Шавельский и другие.

Начиная с 23 февраля Государь Николай II пребывал в состоянии информационной блокады и злонамеренной дезинформации со стороны предателей-военных.

1-2 марта Он был обманным путем заманен в ставку Северо-Западного фронта, которым командовал генерал Рузский, и никак не смог быть в Петрограде или Царском Селе, где находилась тогда Царская Семья. Из высших командиров только лютеранин генерал Келлер и магометанин генерал Хан-Нахичеванский изъявили готовность быть верными до конца.

Так, последний телеграфировал в Царскую Ставку генералу Алексееву:

"Прошу Вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха. Генерал-адъютант Хан-Нахичеванский".

Но эти искренние слова поддержки так и не дошли до Императора усилиями генерала-предателя Алексеева.

Обстоятельства отречения запротоколированы официальными телеграфными переговорами и стенограммами, которые хранятся в ЦГАОРе в фонде 601 опись 1 и в фонде Чрезвычайной Следственной

Комиссии Временного Правительства. Все эти документы однозначно свидетельствуют о саботаже со стороны генералитета в дни волнений в Петрограде, устроенных заговорщиками с 23 февраля. Заговор этот имел международный масштаб: правительства союзников — Англии и Франции — уже 1 марта признали Временный Думский Комитет (возникший вопреки воле Царя) как новое *Правительство России*.

События конца февраля — начала марта 1917 года подробно описаны в десятках воспоминаний, им посвящено множество исторических исследований, из которых можно было бы составить целую библиотечку, но в этом своде особо выделяется труд Виктора Кобылина "Государь Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев" (Нью-Йорк, 1970 г.). Эта книга написана на основании наибольшего числа исторических источников, она дает анализ объективной картины происшедшего, в ней рассмотрены практически все точки зрения на обстоятельства отречения в свете глубоко христианской нравственности.

Вывод В. Кобылина можно резюмировать следующим образом: невозможно исполнять Царского служения Богу, если у подчиненных лиц нет желания и воли сослужить Царю. Ведь не может епископ насилием заставлять сослужить себе клириков.

Именно поэтому и участники Всероссийского Собора 1917-1918 годов даже не предприняли попыток церковно осудить отрекшегося Императора, потому что даже среди высшей иерархии, кроме Санкт-Петербургского митрополита Питирима и Московского митрополита Макария, не нашлось лиц, открыто осудивших действия революционеров и временного незаконного правительства, хотя они должны были своей властью отлучить заговорщиков от Церкви, как этого требует чин Торжества Православия для дерзнувших на измену царской власти.

Со стороны Государя налицо было не добровольное отречение, но акт, который, если бы это относилось к епископу, по правилу Св. Кирилла Александрийского имеет следующую оценку:

"Правило 3. Рукописание же отречения дал он, как сказует, не по собственному произволению, но по нужде, по страху и по угрозам от некоторых. Но и кроме сего, с церковными постановлениями не сообразно, яко некие священнодействователи представляют рукописания отречения. Ибо аще достойный служити, да пребывает в сем: аще же не достойный, да удаляться от служения не отречением, но паче осуждением по делам, противу коих может кто либо вознести великий вопль, яко происходящих вне всякого порядка".

С этим церковным правилом согласны и Основные Законы Российской Империи, которые вообще не рассматривают возможность отречения царствующего Императора.

Государь Император Николай II отрекся от прародительского престола не упраздняя его, но в пользу Своего брата Великого Князя Михаила, по Своим человеческим силам разумея, что тот примет сей Крест и взойдет на Престол. Уже находясь в заточении, Император Николай II весьма сожалел о поступке Брата, говоря, что никогда не написал бы и не подписал бы отречения, предвидя такое развитие событий: примеру Великого Князя Михаила последовали все члены Императорской Фамилии — под угрозой революционеров выдавшие Временному Правительству расписки в том, что они не претендуют на занятие Российского Престола до созыва совершенно нелегитимного, по Российским гражданским и по церковным законам, а также и по державным обычаям, Учредительного Собрания.

Отречение Императора Николая II, таким образом, не обрело силу Российского законодательного акта, поскольку Манифест обретает силу закона лишь в случае *опубликования*, которое может совершить только царствующий Император (то есть, появление текста отречения в прессе не есть автоматическое узаконивание его), а Великий Князь Михаил Александрович таковым никогда не был — ни одной минуты. Таким образом, отказ Императора Николая II от Царского служения не является отказом от Своей паствы, Он ее не покинул и до смерти своей пребывал в месте своего служения — в России, а потому нельзя ставить Ему в вину оставление паствы. За период с 23 февраля по 2 марта Государь Император Николай II со своей стороны предпринял **все** возможные попытки для восстановления законности и порядка в стране. То, что они не возымели действия, вина не Его, но подданных.

Критики Николая II заявляют, что Он должен был не отрекаться и принять мученический венец тогда же — 2 марта, дескать, это освободило бы Его от личной вины за происходящее. Но в том-то и дело, что тогда Государь думал в первую очередь не о себе и своих близких, но о русском народе, который при таком развитии событий напрямую был бы повинен в страшном грехе цареубийства и подпал бы под клятву Собора 1613 года, то есть, весь народ по этой клятве был бы лишен спасения для вечной жизни.

Церковь ставит в вину отказ от мученического венца только в одном случае — когда христианин под угрозой смерти отрекается от Христа. Усматривать же в вынужденном отречении от царского служения отречение от Христа возможно только с позиции фарисея,

талмудиста, но подобное истолкование этого действия никак не вяжется с духом Евангелия, с заповедями любви и неосуждения.

Таким образом, на основании канонического разбора действий Императора Николая II 2 марта 1917 года можно сделать вывод, что в них не содержится ничего противоцерковного, преступного и явно греховного. Более того, осуждение Его за это само по себе было бы сопоставимо с грехом Хамским, поскольку таковое осуждение относится к Отцу Отечества. История Православной Церкви не знает ни одного случая церковного суда над христианским Царем.

В заключение скажем, что события 2 марта 1917 года можно рассматривать в совершенно ином свете — в свете христианского подвига самоотречения и самоумаления, в свете исполнения евангельской заповеди — полагай *душу за други своя*.

Но это до́лжно рассматривать в специальном исследовании. Здесь же еще хотелось бы привести одно свидетельство о нравственном облике Николая II, сделанное святым праведным Иоанном Кронштадтским, которого никто не может обвинить в лицеприятии и человекоугодничестве. Слово это было сказано в 1905 году, когда уже многие обезумевшие россияне называли своего Царя Николаем "Кровавым":

"Царь у нас праведной и благочестивой жизни. Богом послан Ему тяжелый крест страданий, как Своему Избраннику и любимому чаду, как сказано Тайновидцем судеб Божиих: "*Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю*" (Апок. 3, 19). Если не будет покаяния у русского народа, конец миру близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких самозваных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами".

30 ноября 1992 года.

Оба документа* были сопровождены обширными приложениями. К справке № 2 были приложены пространные цитаты из книги В. Кобылина и богословско-исторического исследования М.В. Зызыкина "Царская Власть и Закон о престолонаследовании в России". При встрече, состоявшейся 1 ноября 1992 года, Владыка Иоанн самым внимательным образом ознакомился с содержанием предоставленных справок и просмотрел приложения к ним. В конце продолжительной беседы он предложил нам издать в России и книгу В. Кобылина, и труд М. Зызыкина,

* Эти справки вместе с приложениями были переданы Владыкой Иоанном в Священный Синод Русской Православной Церкви. Впервые опубликованы в книге Л. Болотина "Царское Дело. Материалы к расследованию убийства Царской Семьи". М., 1996.

а также откомментированно переиздать корпус работ, посвященных расследованию Убийства Царской Семьи – Н.А. Соколова, М.К. Дитерихса, Роберта Вильтона и других. На этот счет было специально указано К.Ю. Душенову позаботиться об этом издательском направлении. Однако занятость делами, связанными с функционированием пресс-службы Митрополита Иоанна, а также чисто материальные препоны долгое время не позволяли исполнить благословение Его Высокопреосвященства Высокопреосвященнейшего Иоанна на практике. В частности, много сил было потрачено на проведение двух научно-практических и богословских конференций "Государственная Легитимность" по проблемам дорасследования убийства Царской Семьи в свете криминалистики, государственного права, исторической истины и Евангельского вероучения, которые по благословению Владыки успешно прошли в марте 1993 и октябре 1994 года.

Несколько раз еще при жизни Владыки Иоанна складывались ситуации, когда должны были появиться средства на благословенные им издания. Замиравшая было работа по набору и комментированию этих книг возобновлялась, но "вдруг" появлялись непреодолимые препятствия. После блаженной кончины Всероссийского Старца был наиболее резкий порыв исполнить его завет, но жизнь, точнее, промысел Божий брали свое. Дело откладывалось. Последняя попытка выпустить книгу В. Кобылина к 80-й годовщине отречения Государя – весной 1997 года – также оказалась безуспешной. Однако молитвами Петербургского Праведника его дело возымело неожиданное продолжение, когда некий благочестивый раб Божий предложил К.Ю. Душенову осуществить почин данного проекта.

Таким образом в начале 1998 года санкт-петербургское издательство "Царское Дело" осуществило выпуск первого издания книги "Анатомия измены".

В данном издании текст книги В. Кобылина "Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев" был подвергнут незначительной стилистической редактуре, совершенно не искажающей содержания работы. Главная проблема текстологической подготовки к современному изданию заключалась в том, что сам В. Кобылин, видимо, завершал свою работу, пользуясь не первоисточниками (во время Второй Мировой Войны его библиотека погибла под бомбежкой), а собственными конспектами. Поэтому целый ряд цитат не удалось сверить, поскольку в авторских примечаниях не везде были даны постраничные ссылки. Однако мы постарались в меру своих сил с Божией помощью значительную часть цитат уточнить, а кроме того позволили себе откомментировать ряд положений этого замечательного, но не лишенного историографических недостатков труда собственными комментариями в свете современных

исторических данных, которые не были доступны замечательному и мужественному писателю-эмигранту.

Помимо примечаний и комментариев, издание снабжено поисковым ключом источников. Надеемся, что такие усовершенствования послужат дельным подспорьем в исследовательской работе наших коллег. В примечаниях мы активно использовали труды наших единомышленников и соратников О.А. Платонова, М.В. Назарова и С.В. Фомина, за что приносим им искреннюю благодарность.

В. Кобылин
"Император Николай II и Генерал-адъютант М.В. Алексеев"

От Всеславянского Издательства

1. Святой Благоверный Царь-Мученик Николай, Святые Царственные Мученики Дома Российского были прославлены в Сонме Святых Новомучеников Русской Православной Церковью Заграницей 1 ноября 1981 года. В августе 2000 года на Юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церковью Московского Патриархата при участии Первоиерархов и духовно полномочных представителей всех Поместных Православных Церквей Святые Царственные Мученики были прославлены в лике Страстотерпцев в сонме Святых Новомучеников и Исповедников Российских.
Нам неизвестен источник речи и имя старосты храма Казанской Божией Матери в Сантьяго-де-Чили.
2. Это мнение Издателя – Сергея Владимировича Завалишина – о том, что будто бы Святой Благоверный Царь-Мученик Николай Александрович перед лицом Своей смерти не простил генерала Рузского разделяет и автор книги – Виктор Сергеевич Кобылин, о чем он неоднократно говорит в своем исследовании. Однако такое мнение не находит документального подтверждения в Дневнике Государя Императора, на который ссылается В. Кобылин. Напротив, Августейшее Духовное Завещание, переданное миру через Святую Царевну-Мученицу Ольгу, однозначно свидетельствует о том, что Государь всех простил, то есть всех без исключения. Поэтому вряд ли есть духовная и психологическая причина умалять высоту христоподражательного подвига нашего Государя.

Глава I

3. В. Кобылин кратко пересказывает события по "Монархической государственности" Л. Тихомирова, СПб, 1992, сс. 229-235. Мученическая кончина Святого Благоверного Великого Князя Андрея Боголюбского, последовавшая 4 июля (ст.ст.) и отмечаемая Церковью ежегодно, стала прообразом мученичества Царской Семьи буквально.
4. Тихомиров Л. Указ. соч., с. 239. У Тихомирова отсылка – Соловьев С.М. История России, т. V, с. 1408.
5. Византийское наследие в Русском Царстве означало не только политическое или мистическое преемство с одной лишь Империей Восточного Нового Рима, но означало включение в мировую традицию, которая вела свое преемство от царственного венца творения Адама, от "царя" послепотопного человечества Ноя, через богоутвержденную династию Царя-Пророка Давида до Самого Христа Спасителя. Римский Император Константин, отвергшись языческого бесчестия, после Первого Вселенского Собора предпринял в 326 году полномасштабное расследование убийства Царя царей Иисуса Христа, которое мы празднуем как Воздвижение Креста Господня. Тем самым Святой Константин обличил тайну беззакония иерусалимских Врат Адовых (Синедриона), утвердил *христианскую* законность в масштабах Вселенской Державы,

Римской Империи. Именно так он восприял наследство в племя Иафетово от богоустановленного Престола Иудейского. От Святого Равноапостольного Царя Константина Великого наследие преемственно передавалось до последнего византийского Императора Константина Палеолога, погибшего на стенах Царьграда. От него дед первого русского Царя Иоанна Грозного через брак с Зоей-Софией Палеолог (племянницей последнего Константина) и восприял наследство Константина Великого и наследство Царя царей, то есть подвиг Вселенского *удерживающего.* От Рюриковичей это служение через всероссийское соборное призвание в наследие приняли Романовы вплоть до Святого Царя-Мученика Николая. Таким образом, только подлинное расследование вселенского преступления – отстранения от власти русского Императора и затем убийства Царской Семьи – становится ключом к восстановлению мистической функции *удерживающего* силы зла на грешной земле.

6. Тихомиров Л. Указ. соч., с. 243.
7. Там же, с. 244.
8. Там же.
9. Там же.
10. Там же, с. 251.
11. Там же, с. 256.
12. Там же, с. 256 – ссылка без указания страниц на книгу Беляева "Крестьяне на Руси", М., 1860.
13. В. Кобылин в хронологии Земских Соборов опирается на исследование Л. Тихомирова "Монархическая государственность", сс. 257-260. Для более полного ознакомления с вопросом рекомендуем обратиться к книге И. Латкина "Земские Соборы Древней Руси, их история, организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями" (СПб, 1885, ч. I, II) и труду приснопамятного Иоанна (Снычева), Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского "Русь Соборная" (СПб, 1995).
14. Тихомиров Л. Указ. соч., с. 273.
15. Соловьев В. История и будущность теократии. Собрание сочинений, том IV, с. 215.
16. Тихомиров Л. Указ. соч., сс. 295-297, 299.
17. Государственное учение Филарета, Митрополита Московского, СПб, 1993, сс. 9-10 (сделано по изданию М. Каткова 1883 года).
18. Тихомиров Л. Указ. соч., с. 245.
19. Тихомиров Л. Указ. соч., с. 308.
20. Катков М.Н. "Московские Ведомости", 1884, № 12 по: Тихомиров Л. Указ. соч., с. 312.
21. Тихомиров Л. Указ. соч., с. 457.
22. Романович-Славатинский. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб, 1870, с. 117 по: Тихомиров Л. Указ. соч., с. 359.
23. "Увенчание здания", то есть масонской пирамиды – это такой же информационный вербальный "вирус", как "перестройка", "гласность"; либеральная интеллигенция по наущению своих кукловодов начинает безумолку, как

попугаи, повторять эти "магические формулы", совершенно не понимая реальных их целей, но тем самым неуклонно подвигая общественное сознание методом внушения к "необходимости" осуществления на практике этих "народных" чаяний.

24. Тихомиров Л. Указ. соч., с. 380.
25. Достоевский Ф.М. Дневник писателя – 1876 г., сс. 63, 66.
26. Достоевский Ф.М. Дневник писателя – 1877 г., с. 381.
27. Парафраз – Мф. 22, 39; Втор. 6, 5.

Глава II

28. Всем памятен медальон с пятью профилями казненных декабристов в альманахе "Полярная Звезда". В литературе высказывалось соображение, что молодых масонов-декабристов судили их старшие собратья-руководители, более засекреченные, которые, собственно, и спланировали декабрьский путч. Поэтому выбор именно пяти казнимых был не случаен, а символичен. Символ этот – пятиконечная масонская звезда пламенеющего разума – был нацелен в революционное будущее России. Законная казнь таким образом в их тайном плане превращалась в ритуальную жертву, к которой, конечно же, не имела никакого отношения законная русская власть. Мы не исключаем, что и в процессе над убийцами Императора Александра II участвовали аналогичные "символисты". Из значительного числа преступников, заслуживающих смерти по законам Империи, повешено было только пять. Вновь пятиконечная звезда!
29. Победоносцев К. Московский Сборник. 1896, с. 27.
30. Там же, сс. 48, 49.
31. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. СПб, 1991, с. 47.
32. Там же, с. 164.
33. Солоневич И. Великая фальшивка февраля. Буэнос-Айрес, 1954, сс. 29-31.
34. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 76.

Глава III

35. Зызыкин М. Царская Власть и закон о престолонаследии в России. София, 1924, с. 167.
36. Там же, с. 168. Здесь и далее В. Кобылин вместо сана "Патриарх", как у Зызыкина, писал "венчающий иерарх", мы же восстановили цитаты по тексту М. Зызыкина.
37. Там же, сс. 169-170.
38. Там же, с. 170.
39. Там же, с. 176.
40. Известное выражение короля Франции Людовика XIV: "Государство – это я". С его правлением историки отождествляют эпоху французского абсолютизма.
41. Архимандрит Константин (Зайцев). Памяти последнего Царя. Джорданвилл, 1968, сс. 5, 11.

42. Ольденбург С.С. Указ. соч., сс. 107-108. "Красный Архив" № 52.

43. Там же, с. 213.

44. Ремаркой в скобках В. Кобылин напоминает читателю о романе про боевую организацию эсеров "Генерал БО" ("Азеф" в более позднем издании) известного в эмиграции беллетриста и масона Романа Гуля.

45. Ольденбург С.С. Указ. соч., сс. 261-262. Б. Савинков цитируется по: "Былое", 1917, № 3. О "сношениях Циллиакуса с японским полковником Акаши, который вручил ему значительные суммы денег на закупку оружия для восстаний в Петербурге и на Кавказе", упоминается в воспоминаниях П.Н. Милюкова ("Русские Записки", 1938 г., июнь).

46. Командующим Санкт-Петербургским Военным округом был Великий Князь Владимир Александрович. Есть основания полагать, что он завидовал своему брату Императору Александру III, а потом Его Наследнику Императору Николаю II. Историческое предание в среде потомков Императорской Фамилии сохранило саркастическое выражение Государя Александра Третьего после крушения Царского поезда в Борках 17 октября 1888 года: "То-то Владимир расстроится", – разумея реакцию брата, когда он узнает, что Царская Семья избегла смерти. Император, уверенный в силе своей власти и, видимо, не желая того, чтобы следствие по делу об этом крушении в конце концов вышло на причастность к нему своей ближайшей родни, распорядился поручить расследование комиссии, возглавляемой заведомым либералом А.Ф. Кони, который в силу своих убеждений не стал бы докапываться до истины об этом преступлении. Однако Великий Князь Владимир, а всего более его супруга Великая Княгиня Мария Павловна не теряли надежды на то, чтобы занять Российский Престол и при Императоре Николае II, если бы "вдруг" разбушевавшаяся народная стихия уничтожила бы всю Царствующую Семью. Все действия войск Петербургского округа по пресечению заведомо подготовляемых революционерами во главе с Максимом Горьким безпорядков в начале января 1905 года носили столь же запланированный провокационный характер. На усмирение разбушевавшейся толпы намеренно были направлены армейские и гвардейские части, не имевшие никакого опыта по безкровному умиротворению городских волнений. При этом казачьи части, такой опыт имевшие, от этого дела были устранены.

Замысел революционеров был прост: несколько колонн спровоцированных рабочих-демонстрантов должны были подойти с вызывающей петицией к Зимнему Дворцу для передачи документа лично Государю. Другие колонны не должны были быть допущены на Дворцовую площадь, а расстреляны на подходах к центру города, что подогрело бы возмущение собравшегося у Дворца народа. В момент, когда Государь появился бы на балконе Зимнего с умиротворяющим призывом, снайпер должен был совершить убийство Императора. Дальше – возбужденная кровью народная стихия завершила бы дело уничтожения Царствующей Семьи. Именно это было главной причиной того, что Великий Князь Владимир распорядился о привлечении армейских частей для наведения порядка. Сразу же после событий он был отстранен

от должности и отправлен в отставку. Естественно, расследование против члена Императорской Фамилии не велось вовсе.

Этот проект не удался. Однако после того, как на Петроградской стороне из толпы раздались провокационные выстрелы в голову одной из колонн демонстрантов, то войска предприняли ответные меры: вслед за предупредительными залпами в воздух был сделан залп по людям. Были погибшие и раненые с обеих сторон, но их число едва ли превышало несколько десятков. Сохранились донесения командиров армейских частей от 9 января, не объединенных еще в обезличенную сводку, где описывались конкретные действия солдат и офицеров. Русских офицеров того времени вряд ли можно было бы обвинить в какой бы то ни было лжи, а тем более во лжи коллективной. Из этих донесений явствует, что наибольшее число жертв с обеих сторон принесли не усмирение демонстрантов в первой половине дня, а перестрелки с погромщиками на Васильевском острове, когда боевики пытались захватить один из арсеналов и местные оружейные магазины. В этих перестрелках погибло несколько человек. Однако в городе уже в пятом часу вечера появились листовки о расстреле "мирной демонстрации" на Дворцовой площади. Именно в этих листовках и сообщалось, что воинскими частями убито более тысячи демонстрантов. Очевидно, что эти листовки были отпечатаны заранее, поскольку ни одна из колонн демонстрантов вообще не дошла до центра города. Но сами по себе стрельба в городе, шествие колонн и передвижение войсковых частей в обывательском сознании создавали более чем тревожное настроение, которое легко согласилось с заведомой ложью возмутительных прокламаций. Именно по этим прокламациям и публиковали свои сообщения на следующий день все петербургские газеты. Так в историю вошел мистический подлог о Николае "Кровавом".

47. Суворин А. Дневник. М.-Пг., 1923, с. 25.

48. Тогда П. Милюков был всего лишь приват-доцентом, но ему нравилось, когда его называли профессором. Об этом пишет Мельгунов.

49. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 289.

50. Там же, сс. 289-290.

51. Там же, с. 240.

52. Там же, с. 290.

53. Там же, сс. 292-293.

54. Там же, с. 286.

55. Там же, сс. 297-298.

56. Там же, с. 311.

57. Основателем в 1905 году и первым редактором "Известий" был Лейба Давидович Бронштейн, более известный как Троцкий.

58. Неточная цитата из дневника Государя от 17 октября 1905 года. В этой записи отсутствуют слова: "Это страшное решение, которое Я принял тем не менее совершенно сознательно". В "Дневнике Императора Николая II. 1890-1906 годы", выпущенном в 1923 году И.В. Гессеном в парижском издательстве "Лев" (этим изданием, видимо, и пользовался В. Кобылин), явно тенденциозно искажены слова дневниковой записи (переиздание Дневника – М., "Полистар",

1991, с. 239). В подлиннике определенно написано: "Господи, помоги нам, **спаси и умири** Россию" (ЦГАОР, фонд 601, опись 1).
Изданный ЦГАОРом Дневник Государя также дает верное прочтение этих слов ("Дневник Императора Николая II". М., "Orbita", 1991, с. 285), однако новоявленный "историк" Эдвард Радзинский слова "Господи, **спаси и усмири** Россию" вынес в заглавие своей книги о Государе, хотя неоднократно заявлял с экранов TV, что работая над книгой, обращался к оригиналам документов.

59. Ольденбург С.С. Указ. соч., сс. 314-315.

60. В Дневнике Государя за октябрь 1905 года такая фраза отсутствует. Ее В. Кобылин взял, очевидно, у С. Ольденбурга (Указ. соч., с. 320), но там не сказано, что эти слова из Дневника.

61. Слова Бальмонта взяты из книги С. Ольденбурга. Указ. соч., с. 322.

62. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 323.

63. Там же, с. 324. Письмо Государя матери от 10 ноября 1905 года.

64. Цитируется по книге: Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 324 – С.Е. Крыжановский. Воспоминания. Берлин, 1937.

65. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 337.

66. Это было 16 февраля 1906 года. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 339.

67. От 2 ноября 1906 года. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 343.

68. Там же.

ГЛАВА V

69. Крыжановский С.Е. Воспоминания. Берлин, 1937.

70. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 349.

71. Там же, с. 351.

72. Там же, с. 355.

73. "Новое Время" от 1 июля 1906 года. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 359.

74. "Новое Время" от 24 июня 1906 года. Ольденбург С.С. Указ. соч., сс. 359-360.

75. Это слова из официального Правительственного сообщения от 25 августа 1906 года. Возможно, они и принадлежат Столыпину, который тогда уже возглавлял Правительство, но опубликованы они были без ссылки на чье-либо имя. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 366.

76. Речь от 6 марта 1907 года. Ольденбург С.С. Указ. соч., сс. 377-378.

77. Речь от 10 мая 1907 года. Ольденбург С.С. Указ. соч., сс. 378-379.

78. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 383.

ГЛАВА VI

79. Речь 16 ноября 1907 года. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 400.

80. Там же.

81. Речь 5 декабря 1908 года. Там же, с. 418.

82. В. Кобылин ошибся, это было выступление графа С.Ю. Витте 23 февраля 1909 года, который неожиданно поддержал П.Н. Дурново, сказавшего: "Такие вмешательства, как бы мало значительны они ни были, создают опасные для руководства обороной государства прецеденты и в результате тихо и медленно, зато безошибочно, расшатывают те устои, на которых покоится у нас в России военное могущество государства". Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 432.

83. Это слова из беседы П.А. Столыпина с редактором саратовской газеты "Волга". Беседа была перепечатана "Новым Временем" 3 октября 1909 года. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 436.

84. В венской газете "Neue Freie Presse" от 1 января 1910 года. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 437.

85. Речь Гучкова от 12 марта 1910 года. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 449.

Глава VII

86. Великий Князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991, с. 141.

87. Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч.

88. Гурко Вл. Царь и Царица. Париж, 1927, с. 66.

89. Там же, с. 67.

90. Там же, с. 68.

91. Дитерихс М.К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 1991, ч. II, с. 34.

92. Роберт Мэсси. Николай и Александра. М., 1990, сс. 7, 131-135, в русском издании диаграмма не воспроизводится.

93. Жильяр П. Царская Семья. Воспоминания. "Русская Летопись", т. I, сс. 89, 90. Есть другое, более доступное в России издание с иным переводом: "Император Николай II и Его Семья". Вена, 1921 – репринт М., 1991, сс. 8, 9, 16, 17. Однако, по утверждению знатоков, в последнем переводе есть искажения текста и смысловые купюры.

94. Жильяр П. Царская Семья. Воспоминания. "Русская Летопись", т. I, с. 91; М., 1991, с. 23.

95. Дитерихс М.К. Указ. соч., с. 413.

96. Там же, с. 411.

97. Там же.

98. Танеева (Вырубова) А.А. Страницы моей жизни. Русская Летопись. Париж, 1922, кн. IV, сс. 58, 59.

Глава VIII

99. Ольденбург С.С. Указ. соч., сс. 465-466.

100. В ГАРФе в Царских фондах хранится заключение Владыки Алексия, епископа Тобольского и Сибирского, лично расследовавшего духовное устроение Г.Е. Распутина.

Протокол Тобольской Духовной консистории от 29 ноября 1912 года гласит:
"Принимая во внимание, что вопрос о принадлежности крестьянина слободы Покровской Григория Распутина-Нового к секте хлыстов внимательно рассмотрен Его Преосвященством Алексием, Епископом Тобольским и Сибирским, по данным следственного дела, на основании личного наблюдения кр. Григория и на основании сведений, полученных о нем от людей, хорошо его знающих, и что по таковом личном обследовании этого дела Его Преосвященство считает кр. Григория Распутина-Нового православным христианином, человеком духовно настроенным и ищущим правды Христовой, – дело о кр. сл. Покровской Григории Распутине-Новом дальнейшим производством прекратить и причислить оконченным".
В 1912 же году вышла брошюра М.А. Новоселова "Григорий Распутин и мистическое распутство". Ей была дана оценка известного сектоведа: "Многое из сообщенного в брошюре, по тщательной проверке, оказалось ложью, многое крайне преувеличено. Вл. Бонч-Бруевич. СПб. 17 августа 1912 г." (Амальрик А. Распутин. Документальная повесть. М., 1992, с. 151).
Познакомившись по просьбе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства со всеми следственными материалами, профессор по кафедре сектологии Московской Духовной Академии протоиерей Илия Громогласов не установил за Распутиным "никаких признаков хлыстовства".
Свидетельство Вл. Бонч-Бруевича, помещенное в журнале "Современник" (№ 3, 1912, с. 356), произвело значительное впечатление не только на общественность, но и на епископат. В архиве генерала Спиридовича (Йельский университет, США) сохранилась запись его разговора с митрополитом Евлогием (Георгиевским), который рассказывал, что Бонч-Бруевич лично его убеждал в том, что Распутин с сектантами не связан (Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1984, с. 218).
В "Современнике" было написано следующее:
"Познакомившись с Г.Е. Распутиным-Новым и проведя много времени в ходе семи исчерпывающих с ним разговоров, считаю своим моральным долгом высказать свое мнение по вопросу, является ли Распутин сектантом, тем более, что этот вопрос был затронут, хотя и не прямо, в интерпелляции в Государственной Думе и в некоторых выступлениях депутатов при обсуждении бюджета Святейшего Синода. Строго ограничиваясь упомянутым выше вопросом, я заявляю, что Григорий Ефимович Распутин-Новый является типом православного крестьянина из далекой и отсталой, провинциальной России и не имеет ничего общего ни с каким сектантством. Будучи более осведомленным о догматической стороне доктрины Православия, чем это наблюдается среди крестьян, и зная Библию и Евангелие значительно хуже, чем большинство сектантов, Григорий Ефимович признает все таинства, ритуалы и догмы Православной Церкви именно так, как они толкуются в православии, без малейших отклонений или критики. Он считает, что было бы чрезвычайно грешно и безнравственно даже обсуждать такие вопросы, ибо, как он сказал мне, "нечего мирянину обсуждать

вопросы, установленные Самим Господом"... Исходя из широких личных наблюдений над сектантами и из обстоятельств знакомства с их методами мышления, методами рассуждения, толкования веры, обдумывания и из ряда почти неопределимых подробностей, основываясь на тщательном изучении всего, что до сих пор написано о Г.Е. Распутине-Новом, включая последнюю брошюру Новоселова, исходя, наконец, из длительных личных собеседований с Распутиным, которые велись в присутствии свидетелей, равно как и строго конфиденциально, при которых я умышленно пытался добиться полной ясности и точности в отношении его религиозных верований, я считаю своим долгом открыто заявить, что Г.Е. Распутин-Новый является полностью и совершенно убежденным православным христианином, а не сектантом".

Но, несмотря на столь очевидные и публичные свидетельства, Гучков продолжал лгать и после революции. В опубликованных посмертно воспоминаниях Гучков утверждает, что именно он свел Бонч-Бруевича с Распутиным (при посредничестве некой дамы – как выяснилось, баронессы В.И. Икскуль). Гучков сообщал, что через несколько недель Бонч-Бруевич написал ему письмо, "в котором он сообщал мне, что пришел к заключению, что Распутин не просто проходимец, нацепивший маску сектанта, а несомненный сектант, что, конечно, не мешает ему быть одновременно и проходимцем. По духу своего учения он близок к секте хлыстов, но не принадлежит к ней и является сектантом одиночкой" (Катков Г.М. Февральская революция. Париж, 1988, с.210).

Это примечание составлено целиком по материалам С.В. Фомина в комментариях к книге Игумена Серафима (Кузнецова) "Православный Царь-Мученик" М., 1997, с. 532-634. Справедливости ради хотелось бы добавить личное свидетельство о возникновении Распутинской темы в конце 80-х годов.

Вопрос о Г.Е. Распутине как о человеке праведном, но оболганном врагами Царя, был поднят в докладе московского журналиста А.А. Щедрина на Царском вечере 16 июля 1989 года, устроенном обществом "Радонеж" в доме Телешева. Вскоре этот доклад опубликовал О.А. Красовский в альманахе "Вече", далее А.А. Щедрин развивал эту тему (правда, в несколько экзальтированном ключе) в ряде "самиздатовских" публикаций и в сборнике "К свету", которые он подписывал псевдонимом Н. Козлов. Эти публикации первое время имели горячую популярность в сугубо церковной среде, и можно прямо сказать, что они "пробили" этот вопрос на современном этапе и подготовили почву для восприятия более фундаментальных исследований О.А. Платонова. Поскольку современный подготовленный читатель хорошо знаком с этой литературой, вряд ли имеет смысл комментировать каждое неловкое замечание о старце Г.Е. Распутине-Новом, которые есть в работе В. Кобылина. Всем все ясно и так. А неподготовленного читателя прямо отсылаем к книге доктора экономических наук О.А. Платонова "Терновый венец России. Заговор Цареубийц", М., "Родник", 1996.

101. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 472.

102. В. Кобылин ссылается в этой цитате на: Ольденбурга С.С. Указ. соч., Мюнхен, 1949, ч. II, но в имеющемся у нас издании эта цитата не была найдена.

103. Лукомский А. Воспоминания генерала. Берлин, 1922, т. I, с. 29.

104. Свитков Н. Военная Ложа. "Владимирский Вестник" № 85, с. 10.

105. Тальберг Н.Д., см. "Владимирский Вестник" № 21.

106. Свитков Н. Указ. соч., с. 11.

107. Там же, с. 12.

108. О деле Мясоедова и о роли Гучкова в нем см. комментарий 149.

109. Ольденбург С.С. Указ. соч., сс. 473-474.

Глава IX

110. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 477.

111. Павлов Н. Его Величество Государь Николай II. Париж, 1927, с.75.

112. Там же, с. 61.

113. Манифест 21-го февраля 1913 г. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 482.

114. Коковцев В. Из моего прошлого. Париж, 1933.

115. Павлов Н. Указ. соч., сс. 124, 125.

116. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 489.

117. Edmond Thery. "La Transformation economique de la Russie", Janvier 1914. Предисловие, из которого взяты эти строки, помечено январем 1914 г. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 499.

118. Ольденбург С. Указ. соч., с. 507. Статья написана в конце 1913 года.

119. Там же, с. 512. Написано в феврале 1914 г.

120. Там же, с. 516. Записка была опубликована в мюнхенском русско-немецком журнале "Ауфбау" в 1921 г. и советском журнале "Красная Новь" в 1922 г.

121. Павлов Н. Указ. соч., сс. 82-85.

122. 11 июля сербский королевич-регент Александр в телеграмме на имя Государя писал:

"Мы не можем защищаться. Посему молим Ваше Величество оказать нам помощь возможно скорее... Мы твердо надеемся, что этот призыв найдет отклик в Его славянском и благородном сердце".

Государь на это ответил 14 июля:

"Пока есть малейшая надежда избежать кровопролития, все наши усилия должны быть направлены к этой цели. Если же, вопреки нашим искренним желаниям, мы в этом не успеем, Ваше Высочество может быть уверенным в том, что ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии".

Телеграмма эта была получена как раз в тот день, когда Австрия объявила Сербии войну, и произвела огромное впечатление.

Ольденбург С. Указ. соч., с. 531.

123. Бьюкенен М. Крушение Великой Империи. Париж, 1933, с. 91.

124. Там же, с. 100.

125. Шавельский Г. Воспоминания. Т. I, Нью-Йорк, 1954, с. 78.

126. "Часовой", № 353.

127. Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч., кн. IV, сс. 64, 65.

128. Великий Князь Александр Михайлович. Указ. соч., сс. 208-209.

129. Ольденбург С.С. Указ. соч., с. 536.

130. "Санкт-Петербургский Курьер" – 17 июля 1914 г.

131. "Русское Слово" – 17 июля 1914 г.

Глава X

132. В сентябре 1914 года русским войскам было явление Божией Матери в небе на фоне Креста под Августово. Митрополит Макарий Московский распорядился писать иконы с этим явлением, которые иногда встречаются в наших храмах. Это последний по отношению к нашему времени Богородичный иконописный канон в России, который был официально утвержден церковными властями.

133. Парафраз не из Евангелия, но из Апокалипсиса – обращение к Лаодикийской Церкви: "*...Знаю твои дела; ты не холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден или горяч! Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих*" (3, 15-16).

134. Великий Князь Александр Михайлович. Указ. соч., сс. 119-121.

135. Бубнов А. В Царской Ставке. Нью-Йорк, 1955, с. 35.

136. Там же, с. 190.

137. Шавельский Г. Указ. соч., сс. 125, 129, 137, 138.

138. Там же, сс. 300, 301.

139. Там же, сс. 292, 293.

140. Данилов Ю. Великий Князь Николай Николаевич. Париж, 1930, сс. 5, 7, 8.

141. Там же, с. 14.

142. Сухомлинов В. Великий Князь Николай Николаевич (младший). Берлин, 1925, сс. 48, 49. Недавно вышла книга "Царственная Инокиня" (Одесса, Свято-Архангело-Михайловский женский монастырь, 1995), посвященная матушке-основательнице Киевского Покровского монастыря Великой Инокине Анастасии, в миру Великой Княгини Александры Петровны (†13 апреля 1900 г.).

143. Сухомлинов В. Указ. соч., сс. 51, 52, 98.

144. Цитату разыскать не удалось.

145. Цитату разыскать не удалось.

146. Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957, сс. 46, 47.

147. Кондзеровский П.К. В Ставке Верховного, сс. 22, 23, 68.

148. Шавельский Г. Указ. соч., сс. 114, 115.

149. Генерал Спиридович А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914-1917 гг. Вселавянское изд-во, т. I-III. Цитату уточнить не удалось – неизвестно, на страницы какого тома ссылается В. Кобылин: сс. 103, 109, 110.
О деле Мясоедова есть материал в "Архиве русской революции" т. XIV. Еще об этом деле довольно подробно пишет советский историк Яковлев Н.Н. в книге "1 августа 1914" (издание третье, М., Москвитянин, 1993,

с.152-160). Поскольку его описание отличается "советской" эмоциональностью, предлагаем сокращенное изложение этой истории:

До войны полковник Н.С. Мясоедов был старшим жандармским офицером на пограничной станции Вержбилово. Его лично знал Император Николай II, а император Вильгельм II приглашал русского полковника в свое охотничье имение, находившееся поблизости от русской границы, и даже подарил свой портрет с автографом.

Однажды он разоблачил политическую провокацию, связанную с контрабандой, из-за чего тень пала на охранное отделение. Скандал рассматривался в суде, где Н.С. Мясоедов выступал свидетелем. Однако Мясоедова отправили в отставку. Жена Мясоедова была знакома с супругой военного министра Сухомлинова, и осенью 1911 года Сухомлинов добился у Государя разрешения взять Мясоедова к себе на службу. Полковник был восстановлен в корпусе жандармов, и министр поручил ему учредить нечто вроде личной контрразведки в армии. Через полгода в военное министерство пришло письмо от министра внутренних дел о Мясоедове, который через цепочку фирм будто бы связан с кем-то, замеченным в шпионаже. Письмо попало в руки помощника Сухомлинова – масона генерала Поливанова, уже тогда метившего на место своего шефа. Он поделился с Гучковым материалом против военного министра. Вместе с редактором "Вечернего Времени" Б. Сувориным Гучков в апреле 1912 года пустил в русскую печать разоблачительные статьи под броскими заголовками: "Кошмар", "Кто заведует в России военной контрразведкой".

Конечно, для Гучкова Мясоедов был поводом, он целил в военного министра, сделав 3 мая сенсационное заявление:

"Циничная безпринципность, глубокое нравственное безразличие, ветреное легкомыслие, в связи с материальной стесненностью, необходимостью прибегать к нечистоплотным услугам разных проходимцев и, наконец, женское влияние, которое цепко держало Сухомлинова в рабстве, – все это делало его легкой добычей ловких людей... Русский военный министр – в руках банды проходимцев и шпионов... Я решил бороться и довести дело до конца."

Мясоедов вызвал на дуэль Суворина, тот отказался. Полковник отпустил ему несколько увесистых затрещин и с тем же предложением отправился к Гучкову. Они стрелялись. Гучков получил царапину и великую славу: когда он с рукой на перевязи появился в Таврическом дворце, Дума устроила ему бурную овацию. Мясоедову пришлось уйти в отставку. Он взывал о справедливости, требовал отмести клевету, подал на Гучкова и Суворина в суд. Дело замяли, в газетах прошли опровержения, а расследования военно-судного управления и министерства Внутренних Дел доказали, что на Мясоедова возведен поклеп, о чем официально объявили в Думе. С Сухомлиновым Мясоедов рассорился, полагая, что министр не сделал всего необходимого для его защиты.

С началом войны Мясоедов обычным порядком (Сухомлинов тут не при чем) пошел в армию и оказался в знакомых местах – он занимался войсковой разведкой в Восточной Пруссии. Вокруг него снова завязался клубок

интриг. Приятель Гучкова Ренненкампф, подозревая в чем-то полковника, приставил к нему агентов. В феврале 1915 года случилось несчастье – гибель XX корпуса в Августовских лесах, отход 10-й армии. Стали искать виновных.

В это время из немецкого плена явился некий подпоручик Колаковский. Он согласился быть немецким шпионом, чтобы добиться освобождения. Подпоручик нес несуразицу, которой не придали бы значения, если бы в его показаниях не мелькнуло имя Мясоедова (по воле Колаковского или по внушению – неизвестно). Об этом доложили Верховному Главнокомандующему Великому Князю Николаю Николаевичу, и он немедленно распорядился судить Мясоедова. Арестовали полковника и еще 19 человек, в том числе и жену Мясоедова, и стремительно развернули дело о "шпионаже", которое ничем не подтверждалось. Когда 18 марта 1915 года в Варшавской цитадели собрался суд, исход был предрешен. Верховный Главнокомандующий уже распорядился – "повесить". Мясоедову голословно инкриминировалась передача в течение многих лет до войны "самых секретных сведений" германским агентам. Судей не заботило, что не было названо ни одного имени, как и то, что все это было признано клеветой еще до войны. На суде фигурировала справка о расположении частей 10-й армии в январе 1915 года. Она была выдана Мясоедову официально перед поездкой по фронтовой линии, что он и объяснил. Подсудимый, естественно, не признал себя виновным в предъявленном обвинении в "шпионаже", согласившись только с одним пунктом обвинительного акта – мародерством, пояснив, что брал с ведома начальства и не один – "все берут". Был вынесен приговор повесить, привести в исполнение через два часа. Полковник не был трусом, сохранил присутствие духа, набросал телеграмму жене и дочери: "Клянусь, что невиновен, умоляй Сухомлиновых спасти, просите Государя Императора помиловать". В туалете он сломал пенсне и нанес стеклом глубокий порез в области сонной артерии. Вероятно, он надеялся протянуть время. Но палачи торопились. Нарушив элементарные законы в суде, они не стали возиться с раненым, истекающим кровью. Мясоедова на руках отнесли в камеру, кое-как перевязали, подтащили к виселице и привели приговор в исполнение. И только после этого послали его на утверждение Великому Князю Николаю Николаевичу.

Максимальную выгоду из этого извлек Гучков. Он торжествовал, заявляя, что в 1912 году оказался "прав". Сухомлинов под прессом обвинений в срыве снабжения армии не разглядел, что "дело" Мясоедова – бомба замедленного действия, подложенная под него самого. Он пальцем не пошевелил, чтобы разобраться в обвинениях, предъявленных Мясоедову, а узнав о казни, с облегчением пометил в дневнике: "Бог наказал этого негодяя за шантаж и всякие гадости, которые он пытался мне устроить за то, что я его не поддержал".

Верховная следственная комиссия, занявшаяся делами бывшего военного министра, была создана в августе 1915 года "для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов военного снаряжения".

В рассмотрение дела быстро вмешалась думская политика. Формула обвинения звучала так:

"Противозаконное бездействие, превышение власти, подлоги по службе, лихоимство и государственная измена".

Последние два слова заслонили все, только так и говорили о заточенном в Петропавловской крепости военном министре.

По ту сторону фронта истерическая кампания в России вызывала величайшее удовлетворение, на глазах подрывался моральный дух противника. Руководитель австрийской разведки М. Ронге спустя много лет по окончании войны писал:

"Русское шпионоискательство принимало своеобразные формы. Лица, которые были ими арестованы и осуждены, как, например, жандармский полковник Мясоедов, Альтшуллер, Розенберг, председатель ревельской военной судостроительной верфи статс-секретарь Шпан, военный министр Сухомлинов и другие, не имели связи ни с нашей, ни с германской разведывательной службой. Чем хуже было положение русских на фронте, тем чаще и громче раздавался в армии крик – предательство!"

Руководитель германской разведки полковник В. Николаи называл в своей книге, вышедшей в 1925 году, "дело" Мясоедова и все сопряженное с ним "необъяснимым", ибо "Мясоедов никогда не оказывал никаких услуг Германии". Бывший подчиненный Николаи лейтенант Бауермайстер, заочно приговоренный к смерти вместе с Мясоедовым, подтвердил, что обвинение в шпионаже русского жандармского полковника – выдумка. Хотя в делах такого рода возможна ложь, в данном случае трудно заподозрить в ней немецких разведчиков. Они писали в то время, когда Германия готовила реванш и все ее достижения в Первую мировую войну поднимались на щит.

В парижской эмигрантской газете "Последние Новости" осенью 1936 года, сразу после смерти Гучкова, были опубликованы его воспоминания. В них он именовал Мясоедова "шпионом", имея в виду, что в 1912 году Сухомлинов держал его, жандарма, для проверки благонадежности офицеров и для разгрома "Военной Ложи", действовавшей прямо в Генеральном Штабе.

Но откуда враг узнавал военные тайны Русской армии? Конечно, о "шпионах" где-то в правительстве говорить смешно, дело обстояло много проще. Австрийский разведчик М. Ронге писал об этом:

"Нашу осведомленность русские объясняли предательством высших офицеров, близко стоящих к Царю и высшему армейскому командованию. Они не догадывались, что мы читали их шифры. В общей сложности нам пришлось раскрыть 16 русских шифров. Когда русские догадались, что их радиограммы их предают, они подумали, что мы купили их шифры".

Радиоболтовня, стоившая России 2-й армии Самсонова, продолжалась практически всю войну...

В начале 1916 года А.А. Мосолов, начальник канцелярии министерства Императорского Двора и уделов, предупреждал правительство:

"Суд над Сухомлиновым неминуемо разрастется в суд над правительством. Эхо происходящего в суде неминуемо разрастется преувеличенно в кулуарах Думы, откуда в чудовищных размерах разольется на улицу и проникнет

в искаженном виде в народ и армию – пятная все, что ненавистно народу. – полагаю при этом, что правительство, несмотря на все принятые меры, не будет иметь полной уверенности оградить Верховную Власть от брызг той грязи, которую взбаламутит этот суд. Наконец, является вопрос – допустимо ли признать гласно измену военного министра Российской Империи?"

Явилась мысль уничтожить гласность, предав Сухомлинова военно-полевому суду. Мосолов, не предрешая порядка привлечения его к ответственности, заключил:

"Во всяком случае напряженность ожидания решения вопроса о Сухомлинове теперь так велика, что для правильного течения дел государственных необходимо возможно безотлагательно принять то или иное решение".

Министр иностранных дел Англии лорд Грей брезгливо бросил Думской делегации в Лондоне:

"Ну и храброе у вас правительство, раз оно решается во время войны судить за измену военного министра".

По болезни в конце 1916 года Сухомлинова выпустили из крепости, взяв подписку о невыезде. Вопли об "измене" удесятерились, открыто говорили, что "немцы" добились своего, "изменник" снова на свободе.

С приходом к власти Временного правительства Сухомлинов вновь был арестован. 27 сентября 1917 года он был приговорен к высшей мере наказания – бессрочной каторге. Ему вменялось в вину, помимо прочего, что он сообщал военные сведения "Мясоедову, заведомо, для него, Сухомлинова, состоявшего германским агентом", "оказал содействие вступлению Мясоедова в действующую армию и продолжению его изменнической деятельности и тем заведомо благоприятствовал Германии в ее военных действиях против России". Таково было правосудие Временного правительства, где Гучков был первым военным министром, а Поливанов председательствовал в комиссии по демократизации армии. По амнистии, объявленной советской властью 1 мая 1918 года, Сухомлинов был освобожден и уехал в эмиграцию, где умер в 1926 году.

150. В комментариях С.В. Фомина к книге Игумена Серафима (Кузнецова) "Православный Царь-Мученик" подобран исчерпывающий материал по этому вопросу:

«Духовник Императрицы Александры Феодоровны епископ Феофан (Быстров) заявил официальным представителям Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства:

"У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений (между Царской Семьей и Распутиным – *С.Ф.*). Я официально об этом заявляю, как бывший духовник Государыни. Все отношения у Нее сложились и поддерживались исключительно только тем, что Григорий Ефимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого Сына, Наследника Цесаревича, в то время как современная научная медицина была безсильна помочь. И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это ложь, говорящая только о самой толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Феодоровне..." (Бэттс Р., Марченко В. Духовник

Царской Семьи Святитель Феофан Полтавский (1874-1940). М., 1994, с. 46).

В 1910 г. духовник Императрицы епископ Феофан "доложил Царице, что ему на исповеди такая-то открывала нехорошее по отношению поведения Григория. Каково же было глубоко верующей Императрице слышать от Своего духовника то, что ему было открыто на исповеди!... Царице было известно каноническое постановление о строжайшем наказании духовников, которые дерзают нарушить тайну исповеди включительно до низведения подобных духовников в первобытное состояние. Этим своим поступком, недопустимым для духовника, он решительно оттолкнул от себя так преданную доселе духовную Дочь-Царицу...» (Игумен Серафим. Православный Царь-Мученик. Пекин, 1920, с. 67). К тому же, впоследствии женщина, сообщившая вл. Феофану что-то плохое о Распутине, отказалась от своих слов. Сам епископ Феофан так вспоминал об этой встрече, состоявшейся весной 1910 г. Он решил "поведать все бывшему Императору... Однако принял меня не Император, а Его Супруга Александра Феодоровна в присутствии фрейлины Вырубовой. Я говорил вполголоса и доказывал, что Распутин находится в состоянии "духовной прелести". Бывшая Императрица возражала мне, волновалась, говорила из книг богословских, причем видно было, что Ее кто-то, скорее всего Распутин, научил так говорить" (Амальрик А. Распутин. М., 1992, с. 115). Позже вл. Феофан так оценивал личность Распутина следователям Чрезвычайной следственной комиссии:

"Он не был ни лицемером, ни негодяем. Он был истинным человеком Божиим, явившимся из простого народа. Но под влиянием высшего общества, которое не могло понять этого простого человека, произошла ужасная духовная катастрофа, и он пал" (Бэттс Р., Марченко В. Духовник Царской Семьи Святитель Феофан Полтавский (1874-1940). М., 1994, с. 47. В книге "Православный Царь-Мученик". М., 1997, сс. 519, 521-522).

Либо, добавим от себя, юродствуя Христа ради, Распутин изобразил такое падение, дабы спасти душу и помочь Тем, Кто искал его духовной поддержки.

151. Гиппиус З. Синяя книга. Петербургский дневник 1914-18 г.

152. Морис Палеолог. Царская Россия во время Великой Войны. Париж, 1922, т. I, сс. 190, 249.

153. Шаховской В. Sic transit gloria mundi.* Париж, 1951, с. 188.

154. Навроцкий А. Перед портретом Царя-Мученика. "Наша Страна", № 402.

155. Сухомлинов В. Указ. соч., сс. 57 и 58.

156. Б. Фай, сс. 303, 304. Здесь и далее В. Кобылин не указывает, на какую книгу о Французской революции Б. Фая он ссылается.

157. Там же, с. 305.

158. Шавельский Г. Указ. соч., т. I, сс. 190 и 191.

159. Б. Фай, с. 307.

---

* Sic transit gloria mundi (*лат.*) – так проходит слава мира.

160. о. Г. Шавельский. Указ. соч., сс. 279, 280 и 294.

Глава XI

161. С.В. Фомин, готовя комментарии к книге Игумена Серафима (Кузнецова) "Православный Царь-Мученик", разыскал любопытный материал, имеющий касательство к происхождению М.В. Алексеева.

"Имеются небезынтересные сведения о происхождении генерала Алексеева из кантонистской семьи. В 1827-1856 гг. действовали правила отбывания евреями рекрутской повинности натурой. Кого сдать в рекруты, предоставлялось решать общинам (сдавали, как правило, бедных, не имевших возможности заплатить выкуп, или пойманных безпаспортных единоверцев, не обладавших никакими связями). Как неспособных, как правило, носить оружие, этих еврейских мальчиков чуть старше 13 лет, не спрашивая их согласия, переводили в Православие. Это были т.н. *кантонисты*, общее число которых за 29 лет составило около 50 тысяч человек. Многие из них сделали неплохую карьеру как на военной, так и на гражданской службе. Вступая в брак с русскими, они полностью обрусели и для еврейства были потеряны" (Дикий А. Евреи в России и в СССР. Исторический очерк. Нью-Йорк, 1967, с.93).

Но так ли это? Известный израильский ученый С. Дудаков приводит отрывок из романа писателя Н.П. Вагнера "Темное дело" (1882). Выступающий в 1850-х гг. перед соплеменниками за кулисами театрально-циркового балагана в одном из провинциальных городков раввин говорит:

"Братья божией семьи! Страдания, гонения, скитания – удел наш, но всемогущий когда-нибудь выведет народ свой из неволи и приведет в землю обетованную. Враг восстал на нас с мечом, но положили золото на чашу гнева божия, да умилостивится! Враг силен своими полчищами, но у нас есть чем купить их. Он сосет кровь из нас и чад наших. Мы сосем из него золото. Он сделал кантонистами детей наших. Но это маленькие львята, которые вырастут, посеют раздор в полках его и растерзают его внутренности. У него сила, у нас хитрость. Мы лисы Самсона и пожжем хвостами своими пажити филистимлян. Глада и разорения выпьют они полную чашу. Матери и жены их проклянут свою плодоносную жилу, видя, как чада их у ног их будут умирать с голода. Мы, тощие кравы, пожрем жирных крав, но сперва выдоим все сосцы их. Смерть филистимлянам! Смерть врагам народа божьего!"

Внешне израильский профессор недоумевает:

"Что имел в виду Вагнер, сказать трудно".

Но тем не менее дает к этому месту комментарий:

"Еще в 1910 году генерал А.А. Поливанов сделал запись в своем дневнике о масонских связях генералов А.Н. Куропаткина, Я.Г. Жилинского, Д.И. Субботича, а также о цели евреев проникнуть в армию, в частности в Генеральный штаб, в котором уже и так были представлены они под русскими фамилиями. В последнем случае мы видим ясный намек на генерала М.В. Грулева (см.: Поливанов А.А. Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907-1916. М., 1924, т. 1, с. 94). Кто из упомянутых или

не упомянутых генералов был выходцем из кантонистской семьи – сказать трудно, но есть несколько лиц безусловно кантонистского происхождения: Иванов Николай Иудович, генерал-лейтенант, командующий Юго-Западным фронтом, генерал Василий Федорович Новицкий, генерал Александр Панфомирович Николаев. Последние двое перешли на сторону советской власти. Более того, попавший в плен к Юденичу генерал Николаев "отказался покаяться" и со словами: "Да здравствует III Интернационал и мировая революция!" – был казнен белогвардейцами. Имеются сведения, что и генерал М.В. Алексеев происходил из кантонистской семьи... Вышеупомянутый генерал М.В. Грулев, временно исполнявший в 1909 году должность военного министра, был крещеным евреем... Что же до проникновения в Генеральный штаб, то А.И. Деникин в своих мемуарах писал о семи своих товарищах – евреях-выкрестах, учившихся вместе с ним в Академии Генерального штаба, шесть из которых в Первой мировой войне были генералами (см.: Деникин А.И. Путь русского офицера. Нью-Йорк, 1953, с. 283)" (Дудаков С.Ю. История одного мифа. Очерки русской литературы XIX-XX вв. М., Наука, 1993, сс. 246, 259).

Конечно, для более основательных утверждений необходимы специальные архивные розыскания, но на настоящий момент и этой информации более чем достаточно.

162. Лукомский А. Указ. соч., сс. 22 ,23.

163. Спиридович А.И. Указ. соч., том не уточнен, с. 201.

164. Палицын Ф. В штабе Северо-Западного фронта. "Военный Вестник". Книги 3-5 (год и место издания не уточнены).

165. Людендорф Э. Мои военные воспоминания 1914-1918 гг. Кришко-Югославия, (год издания не уточнен), с. 129.

166. Андрей Владимирович, Великий Князь. Дневник 1915 г. М., 1925, сс. 21-22, 45-49, 52-53, 57, 61, 63, 65.

167. Спиридович А.И. Указ. соч., том не уточнен, сс. 173, 174.

168. Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч., кн. IV, сс. 75-77.

169. Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч., с. 15.

170. Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960, т. III, с. 552.

171. Наумов А. Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1955, т. II, с. 422. Наумов был масоном.

172. Шаховской В. Указ. соч., с. 197.

173. Солоневич И. Указ. соч., с. 19.

174. Мельгунов С.П. Указ. соч., с. 73.

175. Спиридович А.И. Указ. соч., т. I, с. 179.

176. Там же, том не уточнен, сс. 162, 163.

177. Там же, том не уточнен, с. 198.

178. Шавельский Г. Воспоминания. Нью-Йорк, 1954, т. I, сс. 312, 314.

179. Андрей Владимирович, Великий Князь. Указ. соч., сс. 80, 107.

180. Бубнов А. В. Указ. соч., с. 30.

181. Там же, сс. 168-171.

14 Зак. 4013

182. Кондзеровский П.К. Указ. соч., сс. 76, 86, 87.
183. Спиридович А.И. Указ. соч., т. I, с. 202.
184. Алексеева А. Ответ... "Перекличка" №№ 69-70, июль-август 1957 г. Место издания и страницы не уточнены.
185. Брусилов А. Мои воспоминания. Рига, 1924, с. 67.
186. Там же, с. 261.
187. Шавельский Г. Указ. соч., т. I, сс. 326, 327.
188. Там же, с. 395.

Глава XII

189. В 1965 году В.В. Шульгин снялся в фильме режиссера Ф. Эрмлера "Перед судом истории". Советская справочная литература дает такую характеристику этому произведению: "...Историко-документальный фильм, построенный как развернутое интервью бывшего белоэмигранта В. Шульгина, вынужденного признать полный крах своих идей" (Кино. Энциклопедический словарь. М., 1986, сс. 511-512). Думается, эта характеристика говорит сама за себя.
190. Шульгин В.В. Дни. Белград, 1925, с. 61.
191. Там же, с. 63.
192. Там же, с. 67.
193. Там же, с. 70.
194. Там же, с. 72.
195. Там же, с. 81.
196. Там же, с. 82.
197. Там же, с. 85.
198. Там же, с. 74.
199. Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч., с. 13.
200. Ольденбург С. Указ. соч. Белград, 1939, Мюнхен, 1949, т. II, с. 182.
201. Андрей Владимирович, Великий Князь. Указ. соч., страница не уточнена.
202. Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996, с. 246.

Глава XIII

203. Записи о совещаниях блока П. Милюкова. "Красный Архив", т. I, сс. 50-52.

Глава XIV

204. Шаховской В. Указ. соч., сс. 115-118.
205. Наумов А. Указ. соч., т. II, сс. 432-434.
206. Шаховской В. Указ. соч., с. 181.
207. Спиридович А.И. Указ. соч., т. II, сс. 185, 186.
208. Романов А.Ф. Император Николай II и Его Правительство. "Русская Летопись", 1922, т. II (страница не уточнена).
209. Павлов Н.А. Указ. соч., сс. 120, 121.
210. Наумов А. Указ. соч., т. II, сс. 361, 362.
211. Шаховской В. Указ. соч., с. 168.

212. Платонов О.А. Указ. соч., сс. 213-214, 406.
213. Шаховской В. Указ. соч., сс. 151, 152, 153, 154, 160.
214. Наумов А. Указ. соч., т. II, сс. 360, 361.
215. Там же, т. II, с. 421.
216. Шаховской В. Указ. соч., с. 77.
217. Там же, с. 102.
218. W.Churchill. The unknown war, 1932.

Глава XV

219. Стихотворение М.Ю. Лермонтова "Предсказание" впервые опубликовано без последних двух стихов в "Стихотворениях Михаила Юрьевича Лермонтова, не вошедших в последнее издание его сочинений" (Берлин, 1862, с. 19). Датируется 1830 г. по нахождению тетради № 6. В автографе рядом с заглавием – приписка Лермонтова в скобках "Это мечта". Стихотворение написано под впечатлением крестьянских восстаний, которые участились в связи с эпидемией холеры.

Предсказание

Настанет год. России черный год.
Когда царей корона упадет;
Забудет чернь к ним прежнюю любовь.
И пища многих будет смерть и кровь;
Когда детей, когда невинных жен
Низвергнутый не защитит закон;
Когда чума от смрадных мертвых тел
Начнет бродить среди печальных сел,
Чтобы платком из хижин вызывать,
И станет глад сей бедный край терзать
И зарево окрасит волны рек:
В тот день явится мощный человек,
И ты его узнаешь – и поймешь,
Зачем в его руке булатный нож:
И горе для тебя! – твой плач, твой стон
Ему тогда покажется смешон;
И будет всё ужасно, мрачно в нем,
Как плащ его с возвышенным челом.

220. Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч., с. 24.
221. Спиридович А.И. Указ. соч., т. II, с. 76.
222. Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч., кн. IV, с. 85.
223. Бубнов А. Указ. соч., сс. 168-171.
224. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Париж, 1922, т. 1, с. 35.
225. Мельгунов С.П. На путях к Дворцовому перевороту. Париж, 1931, с. 94.
226. Российский Красный Крест, видимо, инициировал появление в Петрограде и Царском Селе в конце 1916 – начале 1917 г. представителей Американ-

ского Красного Креста; я писал об этом в статье "Кто является наследниками цареубийц сегодня?" (Болотин Л. Царское Дело. М., 1996, сс. 58-59).

227. Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч., т. III, сс. 268, 269.

228. Брусилов А. Указ. соч., сс. 209, 228.

229. Шаховской В. Указ. соч., сс. 182, 183.

230. Там же, с. 186.

231. Кондзеровский П. В. Указ. соч., с. 100.

232. Шавельский Г. Указ. соч., т. II, с. 13.

233. Оболенский А.В. Мои воспоминания. "Возрождение" № 48, сс. 101, 102, 103.

234. Платонов О.А. Указ. соч., с. 558.

235. Там же, с. 561.

236. Там же, сс. 563, 566. Вторая цитата из письма Государыни от 22 сентября 1916 года.

237. Там же, сс. 596-597.

238. Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957, с. 121.

239. Деникин А.И. Указ. соч., т. I (вып. первый), с. 142.

240. Бубнов А. В. Указ. соч., с. 378.

241. Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч., кн. IV, с. 86.

242. Платонов О.А. Указ. соч., с. 355.

243. Там же, с. 621.

244. Деникин А.И. Указ. соч., т. I, вып. первый, сс. 37-39.

245. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931, сс. 94-102.

246. «Мы знаем теперь, что генералы Алексеев, Рузский, Крымов, Теплов и, может быть, другие были с помощью Гучкова посвящены в масоны. Они немедленно включились в его "заговорщицкие планы". Все эти люди, как это ни странно, возлагали большие надежды на регентство (при малолетнем царевиче Алексее) Великого Князя Михаила Александровича, брата Царя» (Н. Берберова. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. "Вопросы литературы" № 1, 1990, с. 173).

«...У него (В.А. Маклакова – *Л.Б.*) были отношения с генералом М.В. Алексеевым, который участвовал в гучковских планах свержения царя. Еще летом 1916 г. Маклаков и Алексеев беседовали о положении в России. Об этом и о левизне Алексеева имеется его собственноручная запись в его архиве» (18 ящиков; Гуверовский архив). (Н. Берберова. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. "Вопросы литературы" № 6, 1990, с. 178).

«По рассказу самого Гучкова, заговорщики прорабатывали несколько вариантов захвата власти ("Вопросы истории", 1991, №№ 7-8, сс. 204-207). Первый вариант предусматривал захват Царя в Царском Селе или Петергофе... Второй вариант рассматривал возможность провести эту операцию в Ставке, но для этого заговорщики должны были привлечь к делу членов Военной масонской ложи, в частности генералов Алексеева и Рузского. Однако Гучков и его соратники понимали, что участие высшего генералитета в акции

государственной измены вызовет раскол в армии и приведет к потере ее боеспособности. Решено было держать высших военных изменников в тени, чтобы не возбуждать общественное мнение. В конце концов они больше могли сделать для заговора, влияя на события косвенным путем, не давая возможности верным военным частям прийти на помощь Государю (что в дальнейшем и произошло). С генералом Алексеевым, сыгравшим роковую роль в отречении Государя, Гучков был хорошо знаком с Русско-японской войны, еще ближе они сошлись, когда генерал командовал Северо-Западным фронтом. Сам Гучков считал Алексеева человеком большого ума, но недостаточно развитой воли, разменивающим свой ум и талант на мелочную канцелярскую работу ("Вопросы истории", с. 200). В этой оценке Гучков был, безусловно, прав, она подтверждается воспоминаниями сотрудников генерала, именно Гучков ввел Алексеева в Военную масонскую ложу. Через Алексеева Гучков пытается оказывать и оказывает влияние на военные действия. Он пишет письма со своими советами и тайно передает их Алексееву. Некоторые из этих писем становятся достоянием гласности и приобретают скандальную известность. В них Гучков клеветнически фальсифицирует события. Алексеев получал также письма от Г.Е. Львова и встречался с ним. Князь Львов рассказывает Милюкову, что вел переговоры с Алексеевым осенью 1916 года. У Алексеева был план ареста Царицы в Ставке и заточения Ее в монастырь. План не был осуществлен, потому что Алексеев заболел и уехал в Крым» (Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990, сс. 92-93). Цитируется по: Платонов О.А. Терновый венец России. История масонства 1731-1995. М., 1995, с. 239.

247. Бубнов А. Указ. соч., сс. 318, 319, 320, 321.

248. Солоневич И. Указ. соч., сс. 69, 71, 76, 77.

249. Бубнов А. Указ. соч., сс. 303, 304.

250. "Наша Страна" № 373, 1955.

251. Бубнов А. Указ. соч., с. 310.

252. Протопопов А.Д. Предсмертная записка. "Голос минувшего на чужбине" № 2, 1926.

253. Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч., т. III, с. 284.

Глава XVI

254. Данилов Ю. Указ. соч., сс. 316, 317, 318.

255. Наумов А. Указ. соч., т. II, сс. 448, 449.

256. Достоевский Ф.М. Дневник писателя – 1876 г.

257. Павлов Н.А. Указ. соч., сс. 90, 97, 100.

Глава XVII

258. Родзянко М. Государственная Дума и февральская 1917 года революция. "Архив Русской Революции", т. VI, с. 50.

259. Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч., кн. IV, сс. 87, 88.

260. Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996, сс. 213-214.

261. Там же, с. 638.
262. Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957, сс. 286, 287.
263. Там же, с. 301.
264. Родзянко М. Указ. соч., т. VI, с. 52.
265. Пуришкевич В. Дневник члена Государственной Думы. Рига, 1924, с. 6.
266. Там же, сс. 26-28.
267. Там же, с. 39.
268. Там же, с. 50.
269. Там же, с. 53.

Глава XVIII

270. Юсупов Ф. Воспоминания.
В России выходили воспоминания князя Ф. Юсупова "Конец Распутина", они публиковались в книге Андрея Амальрика "Распутин". М, 1992, сс. 238-351. Но у Ф. Юсупова было два варианта воспоминаний. Найти для сверки цитат книгу "Воспоминания" нам не удалось.
271. Там же.
272. Там же, с. 22.
273. Там же, с. 35.
274. Там же, сс. 97, 99, 111, 116.
275. Там же, сс. 73, 80.
276. Там же, с. 159.
277. Там же, с. 171.
278. Там же, с. 190.
279. Спиридович А. Указ. соч., т. II, с. 205.
280. Там же, сс. 209, 210.
281. Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч., т. III, сс. 276, 277.
282. Платонов О.А. Терновый венец России. Заговор цареубийц. М., 1996, с. 253. Платонов отсылает на архивный подлинник – ГАРФ ДО, ф. 102 1916, оп. 246, д. 357А, л. 4.
283. Спиридович А. Указ. соч., т. II, с. 228.
284. Бьюкенен М. Указ. соч., т. II, с. 31.
285. Ольденбург С.С. Указ. соч., Белград, 1939, Мюнхен, 1949, т. III, с. 233.
286. Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч., кн. IV, сс. 117, 118.
287. Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч., т. III, с. 278.

Глава XIX

288. Родзянко М. Государственная Дума и февральская революция. "Архив русской революции", т. IV, с. 34.
289. Там же.
290. Шавельский Г. Указ. соч., т. I, с. 26.
291. Там же, с. 27.
292. Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931, с. 9.
293. Там же, сс. 180, 181.

294. Там же, с. 185.

295. Там же, с. 187.

296. Там же, с. 201.

297. Там же, сс. 154, 155.

298. Там же. с. 150.

299. Там же, с. 187.

300. Там же, сс. 192, 195.

301. Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч., т. II, сс. 175, 176.

302. Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч., с. 30.

303. Бубнов А. Указ. соч., с. 174.

304. Дубенский Д. Как произошел переворот в России. "Русская Летопись", 1921, т. III, с. 75.

305. Спиридович А.И. Указ. соч., т. II, с. 179.

306. Дубенский Д. Указ. соч., с. 33.

307. Блок А.А. Последние дни старого режима. "Архив Русской Революции", М., 1991, т. IV, сс. 13, 14, 15, 16, 20.

308. Спиридович А.И. Указ. соч., т. III, с. 69.

309. Там же, сс. 63, 64.

310. Там же, сс. 72, 73.

311. Родзянко М. Указ. соч., т. IV, с. 54.

312. "Новое Русское Слово" 23 августа 1953 г.

313. "Русская Жизнь" 1 мая 1969 г.

314. Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч., с. 24.

315. Родзянко М. Указ. соч., т. IV, с. 76.

316. Виктор Кобылин, конечно же, мог подозревать Алексеева в причастности масонству, но как честный исследователь даже не посмел догадку выставлять среди выверенных фактов. Теперь доподлинно известно, что генерал М.В. Алексеев состоял в масонской "Военной Ложе" (см. примечание 246 настоящего издания).

317. Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957, с. 121.

318. Спиридович А.И. Указ. соч., с.65, 67.

319. Архиепископ Аверкий. Зависть – изобретение дьявола. "Православная Русь" № 13 (918), с. 3.

320. Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч., т. III, сс. 279, 280, 281.

321. Там же, с. 282.

322. Солоневич И. Миф о Николае II. Буэнос-Айрес, 1954, с. 128.
Конечно, здесь налицо и у В. Кобылина, и у И. Солоневича некоторое публицистическое упрощение, которое наглядно обнаруживается при одной попытке осмысления задач Православного Самодержавного Государя как Удерживающего мировые силы зла – в этом масштабе публицистические замечания об "ошибках" и "неправоте" Государя столь же безсмысленны, как и упреки прямых и косвенных противников Императора Николая II,

духовному взору которого с Его высокой позиции, конечно же, открывалась вся бездна зла, уготованного миру в XX веке. Только так видно, что ни сохранение квалифицированных кадров, ни законное наказание нескольких сот российских политиков и администраторов-предателей, ни следование справедливым, по существу, советам Государыни, кардинально решить вопрос предотвращения тотального мирового переворота, реальной мировой революции, осуществленных в 1914-1918 годах, не могли. Человеческими усилиями было невозможно предотвратить попущение Божие. Мировая революция произошла: сейчас это ясно видно непредвзятому – открытому взгляду на исторический процесс XX века.

Вот где коренился эсхатологический "пессимизм" Государя на "оптимистические" проекты и действия замечательного русского премьер-министра П.А. Столыпина. Отсюда и Его сдержанность, странная неотзывчивость на порывы русских патриотов-государственников изничтожить с корнем вражескую нечисть. Нечисть укоренилась в самом сердце народном, освобождение России стало возможным лишь искуплением грехов, лишь христианской жертвой...

При всей религиозности позиции В.С. Кобылина этот важнейший порог Русской Истории рассматривается им не в православной эсхатологической, а лишь в душевной, политической перспективе. Но не нам судить замечательного исследователя и борца за истину: не желанием суда над Государем, но искренней попыткой понять, как победить зло, вызваны эти рассуждения В. Кобылина.

323. Шавельский Г. Указ. соч., т. II, сс. 283, 284.

324. Там же, сс. 284, 285.

325. Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1957, с. 159.

Глава XX

326. Суханов Н. Записки о революции. Берлин, 1922, т. I, с. 35.

327. Там же, с. 20.

328. Там же, с. 23.

329. Там же, с. 43.

330. Соответственно – Гучкова, Милюкова и князя Львова.

331. Дубенский Д. Указ. соч., т. III, с. 29.

332. Бубнов А. Указ. соч., сс. 315, 316, 317.

333. Мордвинов А. Отрывки из воспоминаний. "Русская Летопись", 1923, т. V, сс. 87, 88.

334. Шавельский Г. Указ. соч., т. II, с. 201.

335. Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч., т. II, сс. 150, 151.

336. Лукомский А. Указ. соч., т. I, сс. 42, 43.

337. В. Кобылин тут, видимо ошибается, Великий Князь Сергей Михайлович был убит в Алапаевске 18 июля 1918 года.

338. Суханов Н. Указ. соч., т. I, сс. 110, 111.

Глава XXI

339. Лукомский А. Указ. соч., т. I, сс. 129, 130.

340. Бубнов А. Указ. соч., с. 310.

341. Воейков В. С Царем и без Царя. Гельсингфорс, 1936, сс. 201, 202.

342. Мордвинов А. Указ. соч., т. V, 1923, с. 94.

343. Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч., т. IV, 1922, сс. 119, 120.

344. Суханов Н. Указ. соч., т. I, сс. 187, 188.

345. Там же, с. 201.

346. Ольденбург С.С. Указ. соч., Белград, 1939, Мюнхен, 1949, т. III, с. 251.

347. Там же.

348. Брусилов А. Указ. соч., с. 209.

349. Парафраз из Евангелия Мф. 8, 12: "*Сыны царства извержены будут во тьму внешнюю, и там будет плач и скрежет зубовный*".

350. "Биржевые Ведомости". Хроника – 5 марта 1917 г.

Глава XXII

351. Дубенский Д. Указ. соч., с. 32.

352. Сергиевский Б. Отречение 1917. Нью-Йорк, 1969, с. 11.

353. "Новое Время", 21 марта 1917 г.

354. Воейков В. Указ. соч., с. 250.

355. Там же, с. 205.

356. Тарсаидзе А. На Петроград! "Россия" – 2, 5, 6 и 7 апреля 1955 г. (Нью-Йорк).

357. Спиридович А.И. Указ. соч., т. III. сс. 240, 241.

358. Шульгин В.В. Указ. соч.

359. Спиридович А.И. Указ. соч., т. III, сс. 241, 242.

360. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. Изд. 2-е, дополненное, Л., 1927, М., 1990 (репринт), сс. 228-229.

361. Тарсаидзе А. Указ. соч.

Глава XXIII

362. Мордвинов А. Указ. соч., т. V, 1923, сс. 105-106.

363. Брусилов А. Указ. соч., с. 68.

364. Воейков В. Указ. соч., с. 207.

365. Андрей Владимирович, Великий Князь. Указ. соч., с. 73.

366. Бубнов А. Указ. соч., сс. 311, 312.

367. Солоневич И. Указ. соч., сс. 24, 25.

368. Дубенский Д. Указ. соч., т. III, 1922, с. 48.

369. Там же, сс. 48, 49.

370. Лукомский А. Указ. соч., т. I и II, страницы не уточнены.

371. Генерал Алексеев, генерал Рузский, Великий Князь Николай Николаевич и генерал Брусилов.

372. Отречение Николая II. Указ. соч., сс. 230-231.
373. Воейков В. Указ. соч., сс. 208, 209.
374. Вильчковский С. По рассказу генерал-адъютанта Н. Рузского "Пребывание Государя Императора в Пскове 1 и 2 марта 1917 года". "Русская Летопись", т. III, 1922, сс. 163, 169.
375. Там же, сс. 168, 169.
376. Там же, сс. 169, 170.
377. Там же, с. 170.
378. Солоневич И. Указ. соч., с. 83.
379. Отречение Николая II. Указ. соч., сс. 235-236.
380. Лукомский А. Указ. соч., т. I и II, страницы не уточнены.
381. Вильчковский С. Указ. соч., т. III, страницы не уточнены.
382. Отречение Николая II. Указ. соч., сс. 242-244.
383. Суханов Н. Указ. соч., т. I, с. 281.
384. Вильчковский С. Указ. соч., т. III, с. 175.
385. Лукомский А. Указ. соч., т. I и II, с. 231.
386. Вильчковский С. Указ. соч., т. III, с. 176.
387. Там же, с. 177.
388. Лукомский А. Указ. соч., т. I, с. 136.
389. Там же, сс. 136, 137.
390. Отречение Николая II. Указ. соч., с. 237.
391. Спиридович А.И. Указ. соч., т. III, сс. 282, 283.

В книге, подготовленной С.В. Фоминым, есть дополнительные подробности о двух случаях проявления верноподданности к Государю среди царских генералов:

«Против отречения открыто высказались лишь генерал-лейтенант граф Феодор Артурович Келлер (1857-1918), командир 3-го кавалерийского корпуса и генерал-адъютант Хан-Гуссейн Нахичеванский (1813-1919), командир отдельного Гвардейского кавалерийского корпуса. К сожалению, до Государя их верноподданнические телеграммы так и не дошли.

"До нас дошли сведения о крупных событиях; прошу вас не отказать повергнуть к стопам Его Величества безграничную преданность Гвардейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого Монарха. Генерал-адъютант Хан Нахичеванский. № 2370".

"Мне в точности известно, – писал генерал Н.А. Епанчин, – что эту телеграмму отправил Государю не Хан Нахичеванский, а начальник его штаба полковник А.Г. Винекен, за отсутствием Хана; по закону, начальник штаба имел право, в случаях, не терпящих отлагательства, принимать именем своего начальника решения, а затем докладывать о них. Винекен, за отсутствием Хана Нахичеванского, решил немедленно послать приведенную выше депешу, но когда Винекен доложил эту депешу Хану, то последний настолько ее не одобрил, что Винекен, после доклада ее, ушел в свою комнату и застрелился" (По другой версии скончался в результате криза 29.3.1917 – *С.Ф.*; *Епанчин Н.А.* На службе трех Императоров. Воспоминания.

М., 1996, с. 458). Как бы там ни было, Хан Нахичеванский, вместе с Великими Князьями заключенный в Петропавловскую крепость, был расстрелян большевиками.

Генерал Келлер, собрав представителей от каждой сотни и эскадрона вверенных ему частей, сказал им: "Я получил депешу об отречении Государя и о каком-то временном правительстве. Я, ваш старый командир, деливший с вами и лишения, и горести, и радости, не верю, чтобы Государь Император в такой момент мог добровольно бросить на гибель армию и Россию. Вот телеграмма, которую я послал Царю (цитирую по памяти): "3-й конный корпус не верит, что Ты, Государь, добровольно отрекся от Престола. Прикажи, Царь, придем и защитим Тебя"". А.Г. Шкуро вспоминает: "Ура, ура! – закричали драгуны, казаки, гусары. – Поддержим все, не дадим в обиду Императора". – Подъем был колоссальный. Все хотели спешить на выручку плененного, как нам казалось, Государя". Испуганные генералы-изменники отрядили в штаб 3-го конного корпуса, стоявшего в Оргееве, начальника 12-й кавалерийской дивизии генерала-лейтенанта барона К. Маннергейма. На все уговоры этого генерала-предателя "пожертвовать личными политическими убеждениями для блага армии" Феодор Артурович твердо отвечал: "Я христианин. И думаю, что грешно менять присягу". Вскоре под угрозой объявления бунтовщиком генерал Келлер был отстранен от командования корпусом. Подчинившись, он прощался с проходившими мимо него войсками под звуки Русского Народного Гимна "Боже, Царя храни". После создания Добровольческой армии, отказавшись от сомнительной "чести" служить в ней, он в июне 1918 г. писал генералу Алексееву: "Объединение России великое дело, но такой лозунг слишком неопределенный, и каждый даже Ваш доброволец чувствует в нем что-то недосказанное, так как каждый человек понимает, что собрать и объединить рассыпавшихся можно только к одному определенному месту или лицу. Вы же об этом лице, которым может быть только прирожденный, законный Государь, умалчиваете..." Тем не менее, по словам хорошо знавшего генерала Келлера генерал-лейтенанта П.И. Залесского, граф "принять активное участие в борьбе с большевиками... очень хотел, но только при условии, чтобы эта борьба велась открыто именем Самодержавного Царя всея Руси". Возможность такая ему будто бы представилась. Еще будучи в Харькове, он приступил к формированию Северо-Западной Псковской монархической армии. В выпущенном "Призыве старого солдата" генерал Келлер писал: "Во время трех лет войны, сражаясь вместе с вами на полях Галиции, в Буковине, на Карпатских горах, в Венгрии и Румынии, я принимал часто рискованные решения, но на авантюры я вас не вел никогда. Теперь настала пора, когда я вновь зову вас за собою, а сам уезжаю с первым отходящим поездом в Киев, а оттуда в Псков... За Веру, Царя и Отечество мы присягали сложить свои головы – настало время исполнить свой долг... Время терять некогда – каждая минута дорога! Вспомните и прочтите молитву перед боем – ту молитву, которую мы читали перед славными нашими победами, осените себя крестным знамением и с Божьей помощью вперед за Веру, за Царя и за целую неделимую нашу родину Россию". В Киеве

за несколько дней до планируемого отъезда во Псков митрополит Антоний (Храповицкий) отслужил в Киево-Печерской Лавре молебен, давая графу Келлеру свое благословение. Благословил его и Патриарх Тихон. Но генералу не суждено было исполнить свое намерение – "через два месяца поднять Императорский Штандарт над Священным Кремлем". В 4 часа утра 8 декабря 1918 года он был убит выстрелом в спину петлюровцами на Софийской площади в Киеве, у памятника Богдану Хмельницкому. См.: *Кручинин А.* Христианский рыцарь. "Военная быль". М., 1993, № 3, с. 18-25.

Верность Государю в марте 1917 г. выказали генерал-адъютант граф В.Б. Фредерикс, генерал-майор В.Н. Воейков, генерал-адъютант, адмирал К.Д. Нилов, адмирал А.И. Русин, генерал-лейтенант А.Д. Нечволодов» (*Игумен Серафим (Кузнецов).* Православный Царь-Мученик. *Сост. С.В. Фомин.* М., 1997).

392. Кондзеровский П.В. Указ. соч., с. 116.

393. Воейков В. Указ. соч., страницы не уточнены.

394. Данилов Ю. Указ. соч., сс. 307, 308.

395. Якобий И. Император Николай II и революция. 1938 (страницы не уточнены).

396. Шаховской В. Указ. соч., с. 201.

397. Павлов Н.А. Указ. соч., сс. 151, 152.

398. Архимандрит Константин (Зайцев). Указ. соч., с. 34.

Глава XXIV

399. Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917-го года. Париж, 1954, ч. I, страницы не уточнены.

400. Отречение Николая II. Указ. соч., с. 240.

401. Вильчковский С. Указ. соч., т. III. 1922, с. 179.

402. Воейков В. Указ. соч., сс. 212, 213, 219.

403. Андрей Владимирович. Великий Князь. Указ. соч., страницы не определены.

404. Шульгин В.В. Указ. соч., с. 240.

405. Там же.

406. Дубенский Д. Указ. соч., т. III, с. 57.

407. Воейков В. Указ. соч., с. 223.

408. Мордвинов А. Указ. соч., т. V, с. 118.

409. Шульгин В.В. Указ. соч., сс. 267, 268.

410. Мордвинов А. Указ. соч., т. V, с. 120.

411. Шульгин В.В. Указ. соч., сс. 269, 273, 275.

412. Там же, с. 277.

413. Отречение Николая II. Указ. соч. На 4-й странице обложки – факсимильное воспроизведение Акта.

В. Кобылин при цитировании этого важнейшего документа, как, впрочем, и многие другие исследователи, пропускает его заголовок, точнее – адрес: "Ставка. Начальнику Штаба". Это весьма важная юридическая характеристика Акта, который и революционеры-февралисты, и затем большевики лукаво называли Манифестом. При этом в мартовских газетах 1917 года Акт был опубликован со сфальсифицированной шапкой: "Манифест. Мы,

Божией Милостию, Николай Вторый...", как это было принято действительно в Императорских Манифестах. Почему исследователи не обращали внимания на эту весьма существенную деталь до сих пор? Явление не поддается логическому объяснению. Здесь можно говорить только о своего рода *наваждении*, то есть о явлении мистическом. Ведь странно, что В. Кобылин, посвятивший свою книгу взаимоотношениям Императора и Начальника Штаба генерал-адъютанта М.В. Алексеева, ни словом не обмолвился о том, что Акт об отречении обращен только к тому самому генерал-предателю Алексееву, а не к подданным Российской Империи. Вопрос о государственно-легитимном, о юридическом значении этого Акта, убежден, будет когда-то поставлен на высшем государственном властном уровне России, и тогда будет рассмотрена вся цепочка нелегитимных, неправопреемственных смен власти, начиная со 2 марта 1917 г. и по 12 декабря 1993 г. Однако разрешение этого вопроса невозможно в одном только лишь юридическом плане, но необходимо и в церковном, поскольку это есть преодоление общегосударственного *наваждения*.

414. Воейков В. Указ. соч., сс. 229, 230. Дневник Императора Николая II, М., Orbita, с. 625.

Ровно через год Государь писал в Своем Дневнике:

"2/15 марта. Пятница.

Вспоминаю эти дни в прошлом году в Пскове и в поезде!

Сколько времени еще будет наша несчастная Родина терзаема и раздираема внешними и внутренними врагами? Кажется иногда, что дольше терпеть нет сил, даже не знаешь, на что надеяться, чего желать?

А все-таки никто как Бог!

Да будет воля Его Святая!"

(Дневник Императора Николая II. М., Orbita, с. 669).

Как же понимали верные Императору и Самодержавной России этот страшный шаг Царя-Мученика на пути к Своей Голгофе? Вот что пишет церковный историк и писатель Николай Дмитриевич Тальберг:

"В 1917 году, в марте месяце, трагическом в жизни Императоров Павла I, Александра II и Николая II, в древнем Пскове, вписавшем немало славных страниц в историю России, посланцы революционного комитета, создавшегося в Таврическом дворце из членов печальной памяти русского парламента, поддержанные телеграммами главнокомандующих, отняли от России ее Царя. Государь, отдавшись всецело борьбе с сильным внешним врагом, создавший к началу 1917 года мощную военную силу, способную в ближайшее время сообща с союзниками раздавить неприятеля и дать любимой Отчизне победу, должен был бы для решительного подавления смуты произвести смену высших начальствующих лиц, снять с фронта части. Это не могло пройти незамеченным во вражеском стане, агенты которого с развитием революции скоро и выявили себя наружу. Победа была для Него важнее личной судьбы. Он жертвовал Собою, отрекаясь в пользу Брата, пользовавшегося известной популярностью в общественных кругах и в армии известный Своей доблестью во время войны". (*Н.Д. Тальберг.*

Светлой памяти возлюбленного Государя. В кн.: *Николай Тальберг.* Неизвестная Россия. *Сост. С.В. Фомин.* М., 1995, с. 233-234).

Глава XXV

415. Дубенский Д. Указ. соч., т. III, 1922, с. 63.
416. Там же, с. 65.
417. Пронин В.М. Последние дни Царской Ставки. Белград, 1930, сс. 48, 49.
418. Там же, сс. 50, 51, 62.
419. Кондзеровский П. В. Указ. соч., сс. 110, 111.
420. Дубенский Д. Указ. соч., т. III, с. 71.
421. Воейков В. Указ. соч., сс. 242, 243, 244, 255.
422. Шульгин В.В.. Указ. соч., с. 296.
423. Никитин Б. Роковые Годы. Париж, 1937, с. 203.
424. Шульгин В.В.. Указ. соч., сс. 299, 300, 301, 302,304, 307.
426. Дубенский Д. Указ. соч., т. III, с. 75.
427. Александр Михайлович, Великий Князь. Указ. соч., т. III, сс. 285-289.
428. Дубенский Д. Указ. соч., т. III, 1922, с. 80.
429. Там же, сс. 86, 87.
430. Там же, сс. 93, 94.
431. Там же, с. 95.
432. Тихменев Н. Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке. Ницца, 1925, сс. 27, 28.
433. Лукомский А. Указ. соч., т. I, с. 143.
434. Дубенский Д. Указ. соч., т. III, 1922, сс. 100-102, 110.
435. Мордвинов А. Указ. соч., т. V, 1923, сс. 150, 151.
436. Соколов Н.А. Убийство Царской Семьи. Берлин, 1925, сс. 267, 272.
437. Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1957, с. 405.
438. Соколов Н.А. Указ. соч., с. 109.

Глава XXVI

439. Кологривов К. Арест Государыни Императрицы Александры Феодоровны и Августейших Детей Их Величеств. "Русская Летопись", т. III, 1922, с. 1, 2, 3.
440. Жильяр П. Указ. соч., т. I, сс. 107, 108.
441. Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч., кн. IV, сс. 123, 124, 125.
442. Там же, с. 127.
443. Соколов Н.А. Указ. соч., с. 17.
444. Добровольская О. Из воспоминаний о первых днях революции. "Русская Летопись", т. III, 1922, сс. 1-3 (Так у В. Кобылина, хотя в примечании 439 при отсылке на работу Кологривова даются те же страницы).
445. Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч., кн. IV, с. 154.
446. Мельгунов С.П. Судьба Императора Николая II после отречения. Париж, 1957, с. 35.

447. Жильяр П. Указ. соч., т. I, с. 111.
448. Соколов Н.А. Указ. соч., сс. 20-24.
449. Там же. с 15.
450. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. т. I (вып. I, II), Париж, 1922, с. 16.
451. Мордвинов А. Указ. соч., т. V, 1923, с. 167.
452. Деникин А.И. Указ. соч., т. I, сс. 78, 79.
453. Там же. с. 9.
454. Там же, с. 17.
455. Мельгунов С.П. Легенда о сепаратном мире. Париж, 1957, с. 99.
456. Деникин А.И. Указ. соч., т. I, сс. 11, 151.
457. Там же, с. 147.
458. Там же, с. 66.
459. Бубнов А.В. Указ. соч., с. 350.
460. Лукомский А. Указ. соч., сс. 254, 255.
461. Романов А. Указ. соч., т. II, 1922, с. 9.
462. Там же, с. 16.
463. Там же, сс. 18, 23, 27, 29, 30.
464. Винберг Ф. – за подписью "Ф.В." Берлинские письма. "Луч Света", т. III, 1920, сс. 65, 67, 69.
465. Соколов Н.А. Указ. соч., с. 37.
466. Соколов Н.А. Указ. соч., сс. 37-38:
«23 февраля 1918 года полковник Кобылинский получил от комиссара по Министерству Двора Карелина телеграмму. В ней говорилось, что "у народа нет средств содержать Царскую Семью". Она должна жить на свои средства. Советская же власть дает ей квартиру, отопление, освещение и солдатский паек».
467. Жильяр П. Указ. соч., т. I, сс. 128, 129.
468. Герман П. Положение Русской Эмиграции, диссертация. Выходные данные не уточнены.
469. Жильяр П. Указ. соч., т. I, сс. 129, 131.
470. Там же, сс. 134, 135.
471. Танеева (Вырубова) А.А. Указ. соч., кн. IV (страницы не уточнены).
472. Alfred Leroy. Marie-Antoinette. Paris, 1946, p. 348.
473. Шавельский Г. Указ. соч., т. II, с. 293.
474. Соколов Н.А. Указ. соч., с. 115.
475. Там же, сс. 128-129.
476. Жильяр П. Указ. соч., т. I. с. 76; Соколов Н.А. Указ. соч., с. 129.
477. Соколов Н.А. Указ. соч., с. 129.
478. Там же, с. 141.
479. Там же, сс. 147, 148.
480. Мейер И. Как погибла Царская Семья. "Согласие", страницы, год и место издания не уточнены.

481. Ганусовский Е. Судьба Останков Царской Семьи. "Знамя России" № 147, 1956 г.

Судьба останков Царской Семьи, точнее так называемых Екатеринбургских останков, найденных Г.Т. Рябовым и А.Н. Авдониным в 1979 году, которые они пытаются выдать за Царские, будоражит общественное мнение и политические круги России с весны 1989 года. Этой теме посвящена обширная литература, но среди многочисленных изданий необходимо выделить книгу О.Н. Куликовской-Романовой "Неравный поединок" (М., 1995) и сборник "Государственная Легитимность" с материалами научно-практической и богословской конференции 1993 года (Выпуск 1, М., 1994).

КЛЮЧ ИСТОЧНИКОВ

Аверкий (Таушев), Архиепископ. **Зависть – изобретение дьявола.** "Православная Русь", № 13(918) – с. 238; прим. 319.

"Акация" – с. 75.

Акт временного отказа от престола Великого Князя Михаила Александровича – с. 327.

Акт отречения Государя Императора Николая II от Престола 2 марта 1917 года – с. 318; прим. 360, 372, 379, 382, 390, 400, 413.

Александр Михайлович, Великий Князь. **Книга воспоминаний.** М.,1991 – сс. 62, 88, 94, 141, 168, 186, 212, 214, 223, 239, 240, 253, 329; прим. 86, 128, 134, 227, 253, 281, 287, 301, 320, 321, 335, 427.

Александр Михайлович, Великий Князь. **Книга воспоминаний.** Париж, т. I-III, 1933-1934.

Александра Феодоровна, Императрица. **Письма к Императору Николаю II.** Берлин.

Алексеев М.В. **Общий план действий** (Записка на съезде командующих военными округами и начальников штабов в 1912 г.) – с. 116.

Алексеева А. **Ответ...** "Перекличка" №№ 69-70, 1957 – сс. 135-136; прим. 184.

Амальрик А. **Распутин.** М., 1992 – прим. 100, 150, 270.

Андрей Владимирович, Великий Князь. **Дневник 1915 года.** М.,1925 – сс. 121, 132, 143, 292, 314; прим. 166, 179, 201, 365, 403.

Аронсон Г. **Масоны в русской политике.** "Новое Русское Слово" от 8, 9, 10 и 12 октября 1959 г.

"Архив Русской Революции" – сс. 7, 193, 215, 228; прим. 149, 258, 264, 288, 289, 307, 311, 315.

Аскольдов К. **Адмирал Бубнов – "В Царской Ставке".** "Наша Страна" № 373 – с.185.

Alexandrov V. **La Fin des Romanov.** Paris, 1968 – с. 370.

Башилов Б. **Пламя в снегах.** "Русь", Аргентина.

Бельденинов С. **Место гнева Божия.** "Россия", 21 июня 1955 г.

Беляев. **Крестьяне на Руси** – с.15; прим. 12.

Берберова Н. **Люди и ложи. Русские масоны XX столетия.** "Вопросы литературы" № 1, 1990 – прим. 246.

БИБЛИЯ (Священное Писание)

Ветхий Завет:

Левит – с. 24.

Второзаконие – с. 24.

Первая Книга Паралипоменона – с. 114.

Премудрости Иисуса, сына Сирахова – с. 360.

Премудрости Соломона – с. 360.

Псалтирь – с. 369.

Новый Завет:
Евангелие от Матфея – сс. 24, 65, 111, 237, 349, 378; прим. 27, 349.
Евангелие от Луки – с. 334.
Евангелие от Иоанна – с. 397.
2-е послание Фессаллоникийцам – сс. 7, 285.
Откровение Иоанна Богослова – с. 93; прим. 133.
"Биржевые Ведомости" – сс. 209, 273; прим. 350.
Битенбиндер А. **Письма в редакцию.** "Новое Русское Слово" от 28 июня 1969 г. – с. 378.
Блок А. **Последние дни старого режима.** "Архив Русской Революции" т. IV. М., 1991 – с. 228; прим. 307.
Болотин Л.Е. **Царское Дело.** М., 1996 – прим. 226.
Брусилов А. **Мои воспоминания.** Рига, 1924 – сс. 136, 169, 271, 292, прим. 185, 186, 228, 348, 363.
Бубликов А. **Русская революция.** Нью-Йорк, 1918.
Бубнов А. **В Царской Ставке.** Нью-Йорк, 1955 – сс. 95, 132, 134, 167, 176, 182, 184, 186, 205, 252, 265, 292, 351; прим. 135, 136, 180, 181, 223, 240, 247, 249, 251, 303, 332, 340, 366, 459.
Булгаков о. Сергий. **Свет Невечерний** – с. 375.
Булгаков о. Сергий. **Неопалимая Купина** – с. 375.
Былов Н. **Предфевральские настроения.** "Наша Страна" № 326.
"Былое" – с. 101; прим. 145.
Бьюкенен Дж. **Моя миссия в России.** Берлин, 1924.
Бьюкенен Мириэль. **Крушение Великой Империи.** Т. I, II, Париж, 1933 – сс. 86, 213; прим. 123, 124, 284.
Бэттс Р., Марченко В. **Духовник Царской Семьи Святитель Феофан Полтавский (1874-1940).** М., 1994 – прим. 150.

Вагнер Н.П. **Темное дело.** 1882 – прим. 161.
Верный X. **Подпись Сатаны.** "Голос России" № 73, 1958.
Вильтон Роберт. **Последние дни Романовых.** Берлин, 1923 – с. 382.
Вильчковский С. **Пребывание Государя Императора в Пскове 1 и 2 марта 1917 года.** "Русская Летопись", т. III, 1922 – сс. 296-298, 301-303, 312; прим. 374-377, 384, 386, 387, 401.
Винберг Ф. – за подписью Ф.В. **Берлинские письма.** "Луч Света", т. III, 1920 – с. 356; прим. 464.
Витте С. **Воспоминания.** Т. I, II и III, М., 1960 – с. 128; прим. 170.
Витте С. **Самодержавие и земство.**
"Владимирский Вестник" – с. 75; прим. 104-107.
Воейков В. **С Царем и без Царя.** Гельсингфорс, 1936 – сс. 266, 277, 278, 292, 295, 308, 313, 316, 326; прим. 341, 354, 355, 364, 373, 393, 402, 407, 414, 421.
"Военный Вестник" – с. 232; прим. 164.
"Военный Голос" – с. 75.

"Возрождение" – с. 347; прим. 233.

"Волга" –с. 59, прим. 83.

Гавриил Константинович, Князь Императорской Крови. **В Мраморном Дворце.** Нью-Йорк, 1955.

Галушкин Н. **Конвой Его Величества.** "Знамя России" № 160.

Ганусовский Б.К. **Судьба останков Царской Семьи.** "Знамя России" № 147 – с. 370; прим. 481.

Герман П. **Положение Русской Эмиграции,** диссертация – с. 358; прим. 468.

Гиппиус З. **Синяя книга. Петербургский дневник 1914-1918 гг.** – с. 107; прим. 151.

Головин Н.Н. **Галицийская битва** – с. 116.

Гуль Роман. **Генерал БО.** Берлин, 1920 (**Азеф.** Нью-Йорк, 1959; М., 1991) – с. 41.

Государь Император Николай II Александрович. Сборник памяти 100-летия со дня рождения. (Редактор-составитель Сергей Завалишин). Нью-Йорк, 1968.

Государственная легитимность. Материалы научно-практической и богословской конференции 1993 г. М., 1994 – прим. 481.

Государственное учение Филарета, Митрополита Московского. СПб, 1993 – с. 19; прим. 17.

Гурко Вл. **Царь и Царица.** Париж, 1927 – с. 64; прим. 88.

Данилов Ю. **Великий Князь Николай Николаевич.** Париж, 1930 – сс. 99, 100, 188, 309, 332; прим. 140, 141, 254, 394.

Данилов Ю. **Россия в мировой войне** – сс. 116, 117.

Деникин А.И. **Очерки Русской Смуты.** Т. I (вып. I и II), Париж, 1922 –сс. 167, 176, 180, 346-349; прим. 224, 239, 244, 450, 452-454, 456-458.

Деникин А.И. **Путь русского офицера.** Нью-Йорк, 1953 – прим. 161.

Деникина К. **Об одной полемике.** "Русская Мысль", 30 марта 1955.

Дикий А. **Евреи в России и в СССР.** Исторический очерк. Нью-Йорк, 1967 – прим. 161.

Дилон. **Закат России** – с. 41.

Дитерихс М.К. **Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале.** Ч. I и II, Владивосток, 1922.

Дитерихс М.К. **Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале.** Ч.I и II, М.,1991 – сс. 65, 69-70, 382; прим. 91, 95-97.

Дневник Императора Николая II. М., "Полистар", 1991 – прим. 58.

Дневник Императора Николая II. М. "Orbita", 1991 – сс. 45, 320; прим. 2, 58, 414.

Добровольская О. **Из воспоминаний о первых днях революции.** "Русская Летопись", т. III, 1922 – с. 342; прим. 444.

Достоевский Ф.М. **Дневник писателя 1876-1877** – сс. 23, 191; прим. 25, 26, 256.

Дубенский Д. **Как произошел переворот в России.** "Русская Летопись", т. III, 1921 – сс. 225, 251, 275, 293, 294, 316, 321, 322, 325, 329-331, 333; прим. 304, 306, 331, 351, 368, 369, 406, 415, 416, 420, 426, 428-431, 434.

Дудаков С.Ю. **История одного мифа.** Очерки русской литературы XIX-XX вв. М., Наука, 1993 – прим. 161.

Дурново П.Н. **Записка Императору Николаю II о возможности войны с Германией.** Февраль 1914 г. – с. 81.

Духовный регламент Петра I – с. 18.

"Der Bund" – с. 196.

Елагин Иван. **Стихи** – с. 374.

Епанчин Н.А. **На службе трех Императоров. Воспоминания.** М., 1996 – сс. 431; прим. 391.

"Economiste Europeen" – с. 80.

Жевахов Н. **Воспоминания.** Т. I, Мюнхен, 1923.

Жильяр П. **Император Николай II и Его Семья.** Вена, 1921, репринт, М.,1991.

Жильяр П. **Царская Семья.** "Русская Летопись", т. I, 1921 – сс. 67, 68, 338, 339, 340, 344, 357, 359, 363; прим. 93, 94, 440, 447, 467, 469, 470, 476.

"Знамя России" – с. 370; прим. 481.

Зызыкин М. **Царская Власть и закон о престолонаследии в Российской Империи.** София, 1924 – сс. 34, 35, 36, 393, 397; прим. 35-39.

"Известия" Главного Комитета Всероссийского Земского Союза – с. 177.

"Известия Совета рабочих депутатов" – сс. 45, 46.

Карамзин Н.М. **Записка Императору Александру I о древней и новой России, о ее политическом и гражданском устройстве** – с. 19.

Катков Г.М. **Февральская революция.** Париж, 1988 – прим. 100.

Керенский А.Ф. **Дело Корнилова.** "Новое Русское Слово" 21 октября 1956.

Керенский А.Ф. **Письмо в редакцию.** "Русская Мысль" № 912, 1956.

Керенский А.Ф. **Россия на историческом повороте.**

Киреевский И.В. Исторические труды.

Ключевский В.О. Исторические труды.

Кобылин В.С. **За право и правду.** "Россия" от 19 января 1960 г.

Кобылин В.С. **Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев.** Нью-Йорк, 1970 – сс. 6, 379, 395, 398, 399.

Коковцев В. **Из моего прошлого.** Париж, 1933 – с. 79; прим. 114.

Кологривов К. **Арест Государыни Императрицы.** "Русская Летопись" т. III, 1922 – с. 337; прим. 439, 444.

Кондзеровский П. **В Ставке Верховного.** Париж, 1967 – сс. 102, 135, 170, 307, 324; прим. 147, 182, 231, 392, 419.

Константин (Зайцев), Архимандрит. **Памяти последнего Царя.** Джорданвилл, 1968 – сс. 9-10, 37, 38, 63, 64, 126, 142, 166, 224, 233, 311; прим. 41, 87, 169, 199, 220, 302, 314, 398.

Корабчевский Н. **Что глаза мои видели.** Т.II, Берлин, 1921.

"Красная Новь" – прим. 120.

"Красный Архив" – сс. 7, 39, 40, 145; прим. 42, 203.

Кручинин А. **Христианский рыцарь.** "Военная быль", М., № 3 – прим. 391.

Крыжановский С. **Воспоминания.** Берлин, 1937 – сс. 47, 51; прим. 64, 69.

Куликовская-Романова О.Н. **Неравный поединок.** М., 1995 – прим. 481.

Курлов П. **Гибель Императорской России.** Берлин, 1923.

Кусаков Н. **Свидетель против себя.** "Православная Русь", Джорданвилл, 1956.

фон Лампе А. **Приказ Р.О.В.С. № 7.** "Часовой" № 380, 1957.

Латкин И. **Земские Соборы Древней Руси, их история, организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями.** СПб. 1885, ч. I, II – прим. 13.

Лемке М. **250 дней в Царской Ставке.** Петроград, 1920 – сс. 178, 179.

Леонтьев К. Исторические и философские труды.

Лермонтов М.Ю. **Предсказание** (стихотворение) в книге: Стихотворения Михаила Юрьевича Лермонтова, не вошедшие в последнее издание его сочинений. Берлин, 1862 – с. 166; прим. 219.

Ломоносов Ю. **Воспоминания о мартовской революции 1917 года.** Стокгольм-Берлин, 1919.

Лукомский А. **Из воспоминаний.** Т. II, III "Архив Русской Революции".

Лукомский А. **Воспоминания генерала.** Т. I и II, Берлин, 1922 – сс. 74, 117, 254, 265, 294, 301, 302, 304, 332, 352; прим. 103, 162, 336, 339, 370, 380, 385, 388, 433, 460.

"Луч Света" – с. 356; прим. 464.

Людендорф Э. **Мои военные воспоминания 1914-1918 года.** Кришко – Югославия – с. 118; прим. 165.

Leroy Alfred. **Marie Antoinette.** Paris, 1946 – с. 361; прим. 472.

Маклаков В. **Безумный шофер** (статья) – с. 195.

Манифест 17 октября 1905 года – с. 45.

Манифест 21 февраля 1913 года – прим. 113.

Маргулиес М.С. **Масонство в России за последние 25 лет.** "Акация" № 16 – с. 75.

Марков С. **Покинутая Царская Семья.** Вена, 1928.

Мейер И. **Как погибла Царская Семья.** "Согласие", год и место издания не указаны – сс. 288, 365-367; прим. 480.

Мельгунов С. **В Мартовские дни 1917-го года.** Ч. I, Париж, 1954 – сс. 312, 347.

Мельгунов С. **Как большевики захватили власть** – с. 288.

Мельгунов С. **Легенда о сепаратном мире.** Париж, 1957 – сс. 102, 175, 196, 197, 235, 348; прим. 146, 174, 238, 262, 263, 317, 455.

Мельгунов С. **На путях к дворцовому перевороту.** Париж, 1931 – сс. 168, 177, 180, 218; прим. 225, 245, 292-300.

Мельгунов С. **Судьба Императора Николая II после отречения.** Париж, 1957 – сс. 244, 288, 334; прим. 325, 437, 446.

Мельгунов С.П. **Царь и революция, трилогия** – с. 9.

Мельник-Боткина Т. **Воспоминания о Царской Семье.** Белград, 1921.

Мержеевский В. **Причины и последствия.** "Владимирский Вестник" № 88.

Милюков П. **Воспоминания.** Нью-Йорк, 1955.

Милюков П. **История второй русской революции.**

Милюков П. **Письмо князю П. Долгорукову.** "Русское Воскресение", 1955.

Милюков П. **Россия на переломе.** Т I, Париж, 1927.

Мордвинов А. **Отрывки из воспоминаний.** "Русская Летопись", т. V, 1923 – сс. 252, 266, 290, 316, 317, 332, 333, 346; прим. 333, 342, 362, 408, 410, 435, 451.

"Московские Ведомости" – сс. 19, 71; прим. 20.

"Московские Новости" – с. 382.

Мосолов А. **При Дворе Императора.** Рига.

Мстиславский С. **Пять дней.** Берлин, 1922.

Мэсси Роберт. **Николай и Александра.** М., 1990 – с. 66; прим. 92.

Massie Robert K. **Nicholas and Alexandra.** New York, 1969 – с.66.

Навроцкий Александр. **Перед портретом Царя-Мученика** (стихотворение) – с. 108; прим. 154.

Назанский. **Крушение Великой России и Дома Романовых.** Париж, 1930.

Наумов А. **Из уцелевших воспоминаний.** Т.II, Нью-Йорк, 1955 – сс. 128, 153, 157, 161, 189; прим. 171, 205, 210, 214, 215, 255.

"Наша Страна" – с. 185.

Никитин Б. **Роковые Годы.** Париж, 1937 – с. 326; прим. 423.

еп. Никодим. **Православное Церковное Право.** СПб, 1897 – с. 393.

Николаев К. **Голгофа Императора Николая II, Его Семьи и России.** "За Право и Правду" № 5.

Николаев К. **Послесловие к "Голгофе".** "За Право и Правду" № 5.

Николаевский Б.И. **Русские масоны и революция.** М., 1990 – прим. 246.

"Новая Жизнь" – с. 349.

"Новое Время" – сс. 53, 71, 172, 277; прим. 73, 74, 83, 353.

"Новое Русское Слово" – сс. 231, 372, 377; прим. 312.

Новоселов М.А. **Григорий Распутин и мистическое распутство.** 1912 – прим. 100.

"Neue Freie Presse" – сс. 59-60, 196; прим. 84.

Оболенский А. **Мои воспоминания.** "Возрождение" № 48, 1955 – с. 173; прим. 233.

Обращение к войскам Императора Николая II 8 марта 1917 г. – сс. 334-335.
Ольденбург С.С. **Царствование Императора Николая II.** Т. I, Белград, 1939: т. I и II, т. III. Мюнхен. 1949 – прим. 102, 200, 285, 346, 347.
Ольденбург С.С. **Царствование Императора Николая II.** Вашингтон, 1981.
Ольденбург С.С. **Царствование Императора Николая II.** СПб, 1991 – сс. 28, 29, 32, 29, 40-50, 52-60, 73, 74, 77-81, 85, 89, 142, 213, 270; прим. 31, 32, 34, 42, 43, 45, 49-56, 59-68, 70-85, 99, 101, 109, 110, 113, 116-120, 122, 129.
Орлов Я. **Основатель Добровольческой Армии.** "Часовой" №№ 325, 326, 327, 328 и 330, 1952-1953.
Ортега-и-Гасет Х. **Воспоминание масс.** Нью-Йорк, 1954.
Отречение Николая Второго. Воспоминания очевидцев, документы. Л., 1927 – сс. 284, 295, 300, 302, 305, 312, 319; прим. 360, 390, 400, 413.

Павел Александрович, Великий Князь, **интервью** для газеты "Новое Время" 21 марта 1917 г. – с. 277.
Павлов Н.А. **Его Величество Государь Николай II.** Париж, 1927 – сс. 78, 80, 85, 156, 191, 311; прим. 111, 112, 115, 209, 257, 397.
Пагануцци П.Н. **Правда об убийстве Царской Семьи.** 1981 – с. 382.
Падение Царского Режима. Стенографические отчеты Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. I- III, Берлин.
Палеолог М. **Царская Россия во время мировой войны.** Париж, 1922 – с. 108; прим. 152.
Paleologue M. **La Russie des Tzars.** Paris.
Палицын Ф. **В штабе Северо-Западного фронта.** "Военный вестник", книги 3-5 – с. 118, прим. 164.
Панкратов В. **С Царем в Тобольске.** Л., 1925.
Певницкий В. **Об отношении к Церкви нашего образованного общества.**
"Перекличка" – сс. 135-136; прим. 184.
Платонов О.А. **Терновый венец России. Заговор цареубийц.** М., 1996 – прим. 100, 282.
Платонов О.А. **Терновый венец России. История масонства 1731-1995.** М., 1996 –прим. 246.
Платонов О.А. **Терновый венец России. Николай II в секретной переписке.** М.,1996 – сс. 143, 158, 173, 174, 177, 179, 180, 194, 212; прим. 202, 234-237, 242, 243, 260, 261.
Победоносцев Константин. **Московский Сборник 1896 г.** (статья переиздана в сборнике "Церковь и политика", М., "Отчий дом", 1996 г.) – с. 28; прим. 29-30.
Позднышев С. **Во имя Правды.** Париж, 1954.
Позднышев С. **Распни Его** – с.231.
Поливанов А.А. **Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника 1907-1916.** М., 1924, т. I – прим. 161.
Полнер Т. **Жизненный путь князя Г. Львова.** Париж, 1922.
Половцев П.А. **Дни Затмения.** Париж, 1927.

Попов Г. **Григорий Распутин в свете исторической правды.** Сан-Пауло, 1960.
"Последние Новости" – с. 461; прим. 149.
"Православная Русь" – с. 238, 480; прим. 319.
Приказ Армии и Флоту 23 августа 1915 г. – с. 129.
Приказ Российского Общевоинского Союза № 7 – с. 10.
Приказ № 1 Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов – с. 274.
Присяга Воинская Государю Императору и Государю Наследнику – с. 263.
Пронин В.М. **Последние дни Царской Ставки.** Белград, 1930 – с. 323; прим. 417, 418.
Пронин Д. **Фантазии и историческая правда.** "Новое Русское Слово" 23 августа 1953 – с. 231.
Протопопов А. **Предсмертная записка.** "Голос минувшего на чужбине" № 2, 1926 – с. 186; прим. 252.
Пуришкевич В. **Убийство Распутина.** Париж, 1923
Пуришкевич В. **Дневник В.М. Пуришкевича.** Рига, 1924 – сс. 198-201; прим. 265-269.
Пушкин А.С. **Бесы** (стихотворение) – с. 258.

"Речь" – с. 71.
Родзянко М. **Государственная Дума и февральская революция.** "Архив русской революции" т. VI – сс. 193, 197, 215, 230, 233; прим. 258, 264, 288, 289, 311.
Родионов В. **Легенда о Царской голове.** 1991 – с. 384.
Розен Р. **Мемуары** – с. 41.
Романов А.Ф. **Император Николай II и Его Правительство** – сс. 156, 354, 355; прим. 208, 461-463.
Романович-Славатинский А.В. **Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права.** СПб, 1870 – с. 20; прим. 22.
"Россия" – с. 279; прим. 356.
Росс Н. **Гибель Царской Семьи.** 1987 – с. 382.
Руднев В. **Правда о Царской Семье.** "Русская Летопись" т. II, 1922.
"Русская Жизнь" – с. 231; прим. 313.
"Русская Летопись" – сс. 68, 70-71, 156, 225, 252, 296-298, 337, 342, 346; прим. 93, 94, 98, 127, 168, 208, 222, 241, 259, 286, 304, 306, 331, 333, 342, 343, 351, 362, 368, 369, 381, 384, 386. 387, 401, 406, 408, 410, 415, 416, 420, 426, 428-431, 434, 435, 439-442, 444, 445, 447, 451, 461, 463, 467, 469, 470, 471, 476.
"Русская Мысль" – сс. 78.
"Русские Записки" – с. 41; прим. 45.
"Русский Инвалид" – с. 83.
"Русское Воскресение".
"Русское Слово" – с. 90; прим. 131.

Савич С.С. **Воспоминания.**

Сазонов С. **Воспоминания.** Париж, 1927.
"Санкт-Петербургский Курьер" – с. 89; прим. 130.
Свитков Н. **Масонство в русской эмиграции.** Париж, 1932.
Свитков Н. **Военная Ложа.** "Владимирский Вестник" № 85 – сс. 75, 76; прим. 104, 106, 107.
Серафим (Кузнецов), игумен. **Православный Царь-Мученик.** М., 1997 – прим. 100, 150, 161, 391.
Сергеевский Б. **Отречение 1917 года.** Нью-Йорк, 1969 – сс. 231, 235-237, 275-276, 350-354, 375; прим. 352.
"Согласие" – сс. 365-367.
Соколов Н.А. **Убийство Царской Семьи.** Берлин, 1925 – сс. 332, 334, 340, 345, 346, 357, 362, 363-365; прим. 436, 438, 443, 448, 449, 465, 466, 474, 475, 477-479.
Соловьев С.М. **История России.** Т. V – с. 13.
Соловьев В. **История и будущность теократии** – сс. 16-17; прим. 15.
Солоневич И. **Народная Монархия.** т. I-V, Буэнос-Айрес, 1952-1954.
Солоневич И. **Великая фальшивка февраля.** Буэнос-Айрес, 1954 – сс. 31, 128, 183, 292, 299; прим. 33, 173, 367, 378.
Солоневич И. **Миф о Николае II.** Буэнос-Айрес, 1954 – с. 241; прим. 322.
Солоневич И. **Трагедия Царской Семьи.** Буэнос-Айрес, 1954.
Солоухин В. **Черные доски** – с. 373.
Спиридович А. **Великая Война и Февральская Революция.** Т. I-III, Нью-Йорк, 1960-1961 – сс. 77, 105, 117, 122, 129, 130, 135, 155, 167, 209, 210, 213, 225, 229, 230, 236, 283, 284, 307; прим. 149, 163, 167, 183, 207, 221, 279, 280, 283, 305, 308-310, 318, 357, 359, 391.
Сталин (Джугашвили) И.В. **Вопросы Ленинизма** – с. 33.
Станкевич В. **Воспоминания.** Берлин, 1922.
Степанов Н.А. **Работа военной ложи.**
Суворин А. **Дневник.** М.-Пг., 1923 –с. 42; прим. 47.
Суханов Н. **Записки о революции.** Т. I, Берлин, 1922 – сс. 245, 249, 250, 262, 269, 270, 302; прим. 326-329, 338, 344, 345, 383.
Сухомлинов В. **Великий Князь Николай Николаевич.** Берлин, 1925 – сс. 100, 101, 109; прим. 142, 143, 155.
Saint Rierre de M. **Le drame des Romanov.** Vol. II, Paris, 1969.
Stegemann Hermann. **История войны** – с. 116.

Тальберг Н.Д. Статья о **Гучкове** во "Владимирском Вестнике" № 21 – с. 75; прим. 105.
Тальберг Н.Д. **Неизвестная Россия.** Сост. С.В. Фомин. М., 1995 – прим. 414.
Танеева (Вырубова) А.А. **Страницы моей жизни.** "Русская Летопись", т. IV, 1922 – сс. 71, 88, 125, 167, 177, 194, 214, 267, 331, 340, 342, 361; прим. 98, 127, 168, 222, 241, 259, 286, 343, 441, 442, 445, 471.
Тарсаидзе А. **На Петроград!** "Россия" 2, 5, 6 и 7 апреля 1955 г., Нью-Йорк – сс. 279, 286; прим. 356, 361.

Телеграммы и разговоры по телефону между Псковом, Ставкой и Петроградом, относящиеся к обстоятельствам отречения Государя Императора. "Русская Летопись" т. III, 1922 – сс. 279-286.

Тихменев Н.М. **Из воспоминаний о последних днях пребывания Императора Николая II в Ставке.** Ницца, 1925 – сс. 275, 331; прим. 432.

Тихомиров Л. **Монархическая Государственность.** Буэнос-Айрес, 1968 – сс. 13-22; прим. 3, 4, 6-14, 16, 18-22, 24.

Тойнби А. Исторические труды.

Трубецкой А. **История одной попытки.** "Часовой" № 118-120, 1934.

Трубецкой Е. **Новая земская Россия** – сс. 80-81.

Тьер А. Исторические труды.

Тэри Эдмонд. **La Transformation economique de la Russie** (январь 1914 г.) – с. 80; прим. 117.

Указ 9 ноября 1906 года о раскрепощении общины – с. 54.

Фай Б. (Fay B.) **Louis XVI.** Paris, 1955 – сс. 110, 111; прим. 156, 157, 159.

Филарет (Дроздов), Митрополит Московский. **Государственное учение Филарета, Митрополита Московского.** Изд. М. Каткова – с. 19, прим. 17.

Хольмстон-Смысловский. **Легенда и Клевета.** "Суворовец" 3 июля 1954.

"Часовой" – с. 87; прим. 126.

Churchill W. **The unknown war.** 1932 – с. 164; прим. 218.

Шавельский о. Георгий. **Воспоминания.** Т. I, II, Нью-Йорк, 1954 – сс. 87, 97, 98, 103, 111, 112, 131, 137, 171, 216, 217, 241, 242, 253, 361; прим. 125, 137-139, 148, 158, 160. 178, 187, 188, 232, 290, 291, 323, 324, 334, 473.

Шаховской В. **Sic transit gloria mundi.** Париж, 1951 – сс. 108, 128, 151, 154, 157, 160, 161, 163, 170, 309; прим. 153, 172, 204, 206, 211, 213, 216, 217, 229, 230, 396.

Шереметьев Д. **Из воспоминаний о Государе Императоре Николае II.** Брюссель, 1936.

Шульгин В.В. **Дни.** Белград, 1925 – сс. 141-142, 283, 315, 317, 318, 326, 327; прим. 190-198, 358, 404, 405, 409, 411,412, 422, 424.

Юсупов Ф. **Конец Распутина.** Париж, 1927 – сс. 203, 205-209; прим. 270-278.

Якобий И. **Император Николай II и революция.** 1938 – сс. 9, 10, 203, 309; прим. 395.

Якобий И. **Письмо в редакцию.** "Возрождение" июль 1939.

Яковлев Н.Н. **1 августа 1914 г.** М., 1993 – прим. 149.

СОДЕРЖАНИЕ

Желающих приобрести
ЕДИНИЧНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ
книг издательства «Царское Дело»
просим направлять заказы по адресу:
191024, Санкт-Петербург, а/я 6,
ООО РЭА «Союзпечать» (книга–почтой)
или по электронной почте: newbooks@mail.ru
телефон для справок (812) 956-07-23.
Книги высылаются наложенным платежом
с оплатой после получения заказа.

По вопросам ОПТОВОГО приобретения книг
просим обращаться по адресу:
191144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10,
Издательство «Царское Дело».
E-mail: cd@tsardelo.ru;
http://tsardelo.ru
(подробная информация о книгах)
Тел. (812) 271-76-86
Ждем ваших заказов!

В оформлении обложки использован
портрет Государя Императора Николая II
из издания «Летопись войны. 1914 год»

В.С. Кобылин

АНАТОМИЯ ИЗМЕНЫ
Император Николай II и Генерал-адъютант М.В. Алексеев

Редактор Л.Е. Болотин

Ответственный за выпуск С.И. Астахов
Корректор Е.В. Суворова
Оформление обложки Е.С. Широкова

Подписано в печать 26.10.2011. Формат 60×88 1/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 28. Тираж 1 000 экз. Зак. 4013
АНО «Издательство "Царское Дело"»
193144, Санкт-Петербург, ул. Моисеенко, 10. Тел. (812) 271-76-86

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография "НАУКА"».
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Кругомъ измѣна и трусость и обманъ!

запись в дневнике
Государя Императора Николая II
от 2 / 15 марта 1917 года

Царское дело